

Благословенная Империя

Суета вокруг свадьбы сына Наместника Благословенных Земель послужила неплохим подспорьем в карьерном росте простого слуги с не самым сильным Даром. Только вот не слишком ли высоко он забрался благодаря случайности? И не слишком ли опрометчиво было привлекать внимание известного своими проделками младшего принца? И не слишком ли много усердия он проявил в своей службе, засветив некоторые особенности своего Дара перед важными и прискорбно внимательными людьми?

В конце концов, одно дело — спокойно мести дворы богатого особняка да таскать воду, и совсем другое — ходить в учениках у одного из самых опасных людей Империи...

Часть I Зимний Гром

Спустившись с горы Аятии, благословенный сын великого громовержца узрел долины и реки, купающиеся в тумане, открытые ветрам равнины, и озёра, покрытые прекрасными цветами. Он исследовал земли, слушал песни птиц и шелест листвы, он наблюдал, как наливается тьмою небо, и на землю опускается ночь.

Он испугался, и воздел руки к небу. "О добрая мать! — вскричал он. — Отчего покидаешь ты земли эти, отдавая их на откуп холоду и тёмному ужасу?"

И Лучезарная госпожа, опуская свои золотые локоны за белые вершины хребтов, ответила возлюбленному сыну:

"Как узнают живущие здесь, что есть свет, коли не отведают тьмы? Как познают тепло, не вкусив холода? Как судить будут о великом, не зная малого?"

И укрыла ночь землю. И Первый Сын ходил по тёмным долинам, и считал звёзды, и слушал шёпоты проклятых...

"Легенды о Богах и Предках"

Глава 1

Распорядитель Высокого Двора медленно прикрыл глаза и досчитал до трёх. Спокойствие. Только спокойствие. Нет никакого шанса, что пришедший с донесением слуга испарится с глаз долой, будто его и не было. И даже перед ним терять лицо и срываться на крики, отправляя чернильницу в непродолжительный полёт к стене — не достойно собственного высокого положения и Предков, верой и правдой служивших клану.

— Повтори, — попросил он только, откладывая книгу прихода-расхода и давая знак помощнику подать свитки, совсем недавно отставленные в сторону, как, казалось бы, законченные и утверждённые.

— Младший карит Шешу сломал ногу. Неудачно, кость раздроблена во многих местах. Господин Амри уверяет что не сможет привести её в порядок менее чем за месяц.

— Шешу, Шешу... — чиновник пробежал глазами список, и его опасения подтвердились. Хоть и крестьянский сын, но сильный молодой воин с хорошим потенциалом. Найти ему замену и — срочно, будет совсем не легко. Совсем-совсем нелегко. Не может быть и речи о том чтобы снова созывать вассальные семьи и выбивать из них одарённых отпрысков — и слишком много времени займёт собрать всех, и второго такого боя ни он, ни Господин Оро не выдержат. Слишком много ресурсов и людей уже выжато из вассальных семей из-за неё.

Слишком много возни с этой свадьбой, слишком много того, за чем надо следить глаз да глаз чтобы не ударить в грязь лицом и не посрамить Предков. Слишком многое зависит от этой свадьбы.

Слишком, слишком, слишком! Он устал запираť мысли от этого слова, всё чаще и чаще путающего стройные размышления, к слову и не к слову лезущему на язык.

Он слыш...

Он так устал.

— Найди Распорядителя Малого Двора, пусть придёт сюда как только у него появится время.

Слуга поклонился глубоко и торопливо вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Помощник чуть поёрзал на своём месте. Волнуется. Понимает всю глубину проблемы. Достойный растёт сменщик. Ему бы скорее научиться не выдавать своего волнения и с достоинством принимать подобные удары... Но всё придёт со временем — он ещё слишком...

Опять это проклятое слово!

— Найди списки слуг, наёмных и клятвенных, табулы испытаний за последние пять лет, — велел хозяин небольшого кабинета, неспешно доставая лист гербовой бумаги и начиная копировать безупречным почерком список имён и пояснения к ним. Предусмотрительно оставил пустое место в разделе с одарёнными второй ступени. Эту строчку ещё предстоит заполнить.

И выяснить, каким образом Шешу получил столь тяжёлую травму. Всем хорош был молодой карит, кроме неуёмной страсти к дочери кузнеца. Настолько неуёмной, что та вполне могла затмить столь почётное назначение и привнести в дурную голову коварные мысли. И если именно так всё и случилось, меры необходимо будет принять. К чему Высокому Двору слуги, способные променять верность и долг на смазливую девку?

Чтобы черпать воду с его малым весом приходилось налегать на жердь со всей силы, опасно придвигаясь к стёртому участку плоского камня на краю колодезной ямы. Мощный противовес помогал поднимать огромное ведро из глубины, да, но лето было засушливым, и вода ушла глубоко, вынуждая опускать “голову” перекладины-цапли едва не до самой земли. Даже цепь, которым она была соединена с отполированной руками жердью надставлять пришлось...

Зато поднимать ведро вверх совсем не сложно — чуть потянешь, вырвав его из объятий подземных вод, и противовес плавно потянет шест вверх, всё набирая и набирая ход. Аж придерживать приходится, иначе колодезная цапля выпрямится так резво, что чиркнет каменным хвостом по земле и от удара расплескает из закреплённого в клюве ведра воду на половину двора.

Толкнуть к краю стока, потянуть за приделанную мокрую и холодную ручку переворачивая, и можно снова едва не повисать на жерди, собственным весом толкая пустое ведро вниз и заставляя цаплю вновь задирает хвост. Не сказать чтобы работа тяжела. Другим достаётся и поболее, и уж точно возня у колодца лучше, чем работа на полях — тут хоть напиться в любой момент можно — чистейшей, до ломоты в зубах свежей воды из глубокого источника.

Шоуки вздохнул тихонько. Руки да плечи ныли от такой работы. Меньше конечно, чем от трости господина Тарена, а потому воду надо черпать усердно, не отлынивая от монотонной работы.

Ухватился за голову колодезной цапли обеими руками, толкая её вниз, чтобы клюв-жердь быстрее притопил ведро, да едва успел утереть со лба проступивший пот, как поймал взглядом пересекающую двор фигуру.

Вот уж не к месту вспомни, нарисуете жирный боров немедленно! И... Не иначе как к колодцу вышагивает, да так торопится, что прихрамывает аж.

Вот и что ему опять надо?! Парень с трудом сдержал стон, и потянув жердь вверх, торопливо перебрал по ней руками, вытягивая ведро.

— Шо! — резкий окрик. Вздогнул аж весь, хорошо ведро поднять успел, можно спокойно оставить его качаться в клюве, соскочить с плоского высокого камня на землю и поклониться глубоко.

— Господин Распорядитель... — пробормотал, не спеша выпрямляться. И стараясь взять в руки тело так и норовящее сжаться в предвкушении удара тростью. Мало ему на тренировках по утрам достаётся — нет, по-прежнему дурной спине удары трости кажутся страшнее чем те затрещины, что будущие кариты норовят в сшибке отвесить.

— В порядок себя приведи, — велел боров недовольно. Он всегда недоволен. Работа у него такая. — И следуй за мной.

— Да, господин Распорядитель, — Шоуки удивился, но не растерялся. Выпрямился, да сполоснув лицо прямо из впадины в стыке широкого глиняного желоба, по которому вода из колодца подавалась в первый из каскада резервуаров да отстойников, накинул на плечи рубаху поспешил за господином Распорядителем. Тот, само собой, и не подумал его ждать. Или привести кого на замену. Если надолго задержит, мастеровые так без воды останутся, ругаться будут. И кому за эту их ругань потом поперёк спины тростью прилетит? Правильно, Шоуки.

Разгладил как мог сырыми ладонями полы простой рабочей рубахи, да пристроился

позади борова, торопливо прихрамывающего прочь с колодёзного двора. Кстати, а куда — прочь? Ну то что сперва в сердце малого двора то понятно, а дальше куда? И чего он лично пришёл, а не послал кого из слуг?

Парень следовал за Распорядителем, и это нравилось ему всё меньше. Точно наказать за что-то решил. За что? А не важно! Все на нервах под гнётом приближающейся свадьбы, и чем она ближе, тем больше суета, и тем строже распорядители. Рвут и мечут, от их приказов мастеровые с ног сбились, создавая достойное приданое в довесок к тому добру, что до того господин Оро собирал целое десятилетие. В такой ситуации неважно кого и за что наказывают, главное, чтобы в Высоком Дворе знали что всё под контролем, а за проступки ждёт строгое и справедливое наказание.

Миновали малый экран — старинный, из блоков розового ракушечника, порядком обточенного дождями да ветрами. Кто-то из слуг упоминал, что когда поместье только строилось, оно было совсем небольшим и этот двор был главным, а значит и экран — главным. То-то на нём столь изящно выполнена сцена охоты на барса, как бы не измывалось над ним время, рука мастера всё равно хорошо видна.

А там — снова к воротам. На этот раз — красным, мимо охраняющих их каритов в парадных одеяниях. На территорию Высокого двора.

Шоуки почувствовал, как по спине проходит холодок. Это с чего бы его — и туда?! С какой стати младшего слугу — да на господский двор? Да так срочно, к тому же, даже приличного платья не выдали, как был в рабочем — потащили.

А господин Распорядитель не останавливался. Шоуки — за ним, опустив голову и со смесью паники и любопытства зыряка по сторонам — на господской половине он ещё не был, а тут посмотреть было на что! Богатство баснословное вокруг, каждый камешек вдоль дорожек, каждая клумбочка и деревце, каждая колонна поддерживающая своды изящных крыш... Такой роскоши он даже в храме Предков в родной деревне не видел.

А ведь, тут, в Высоком Дворе, есть собственный храм Предков клана Оро. А Предкам как водится, положено всё самое лучшее. Это же как всё богато там должно быть?

Мимо семенили слуги Высокого Двора, бегали с поручениями. Даже не бегали — величественно, но в то же время довольно шустро вышагивали с невероятным достоинством и важностью. Одеты так, как слуг малого двора разве что по праздникам наряжают, и у многих, очень многих поверх широкого тканевого пояса тонкие вышитые ленты. Прямо невольно поклониться хотелось как высоким господам, но да по статусу не положено. Пусть и старшие, но они такие же слуги, как и он сам. Тут достаточно вежливого приветствия и наклона головы. Но да привычка своё берёт, одёргивать себя приходится.

Наконец свернули в какой-то из двориков, затенённый старой-старой смоковницей с бугристым раздвоенным стволом, а там — на галерею и со стуком — в богатое помещение с... кем-то. Шоуки начал кланяться даже раньше чем Распорядитель склонил собственную голову, да так и замер, разглядывая удивительного узора ковёр, и лакированные ножки стола, выполненные в виде тигров, спускающихся по древесным стволам.

— Господин Аори, я привёл мальчика, как и было приказано, — почтительно произнёс боров. Шоуки же и вовсе поплохело. Это его к Распорядителю Высокого Двора привели? К главному над всеми слугами и стражами поместья! Второй после клановых в цепочке подчинения! Он его лишь однажды видел, да надолго запомнил тот день...

— Благодарю. — голос спокойный, глубокий, вселяющий благоговение. — Выйди пока я переговорю с мальчиком. Обожди в беседке, отведай чаю из свежего урожая. Мне

интересно твоё мнение о нём.

— Как прикажете, господин. — важно и самодовольно хрюкнул боров, да вышел. С тихим шорохом затворилась дверь, пустив по полу тени от украшающей её резьбы. Аж дышать легче стало.

— Подойди сюда, — а это уже ему. Юноша выпрямился и сделал пару шагов к восседающему за рабочим столом мужчине. Немолодой уже, но крепкий и всё так же хорошо сложенный. Высокая шапка выдаёт его статус, а стойка с клинками за спиной — то, что когда-то господин Распорядитель Высокого Двора являлся каритом. Вернее, и сейчас является, это и по фигуре его видно, и по движениям. Достойный воин и отпустив седую бороду до середины груди остаётся в первую очередь — воином. — Шо из Тростниковой Долины. Храмовый сирота. Презренный. Так?

— Н... Не совсем, г-господин, — Шоуки было не по себе, всё ещё, но спокойный голос и до оторопи прямой и бесстрастный взгляд старого чиновника производил неожиданно успокаивающее воздействие. В нём не было ни презрения ни высокомерия. Только достоинство и спокойствие. Господин Аори кивнул едва заметно, и юноша продолжил. — Моя мать умерла лишь четыре года назад, от пятнистой лихорадки, и её прах покоится под стелой позади храма, там, где почитают всех тех, кого в ту зиму забрала проклятая болезнь. Хоть я и не знаю других своих Предков и места их упокоения, но моя мать взирает на меня из Нефритовых Чертогов, как и подобает хранителю рода.

— Хорошо, — чиновник сделал какую-то пометку в бумагах, да отложил кисть на маленькую костяную подставочку. — И как твои успехи в постижении Дара?

Шоуки несколько скис, но попытался не выдать себя и удержать выражение лица.

— Всёидёт своим чередом, господин. Ежедневные тренировки наравне со всеми, утром и вечером отдаю положенное у Сторожевого Камня. Гирьку научился поднимать да удерживать легко... Уже полгода как...

Взгляд опустил не выдержал. Больным местом это для него было.

— Из небесного железа гирьку, тренировочную? — уточнил господин распорядитель. Шоуки пристыженно кивнул. Но да давно смирился со своими скромными успехами. Среди бедняков редко рождаются сильные одаренные. Аристократия давно впитала в себя все линии крови, способные дать богатые всходы, и продолжает перетягивать к себе все те редкие таланты, что расцветают иногда на бедных крестьянских полях. И говорят, что таких с каждым поколением становилось бы всё меньше и меньше, если бы блудливые кариты эти самые поля то и дело, тайком, не окучивали бы.

А потом господин Аори поднял с края стола небольшие совсем песочные часы в железной узорчатой оправе, да велел:

— Удерживай перед собою да не забывай переворачивать.

И вперёд подбросил. Шоуки перехватил часы в верхней точке взглядом, да заставил замереть в воздухе. Чуть губу куснул — хоть и намного легче они были проклятой тренировочной гирьки, но и небесного металла в них было куда меньше — вместо них стекло и песок, а за них хвататься было едва ли не труднее, чем за дерево. Но удержал. Хватило умения. Перевернул, заполненной частью вверх. Господин Аори как раз новый вопрос задал.

— Как у тебя дело с письмом обстоит?

— Малый круг освоил, средний... немного. По верхам из большого знаки понимаю. Вязью северян писать могу.

— Вязью? — немного даже, кажется, удивился чиновник. — Значит и разговаривать можешь. Объяснись, откуда. На северном наречии.

Шоуки сглотнул, неловко, сильно коверкая грубые звуки чужой речи, перешел на язык северян.

— Настоятель Храма предков в деревне считал что всякому ребёнку надлежит понимать язык королевств хотя бы в той мере, чтобы направить дальних гостей к тому кто знает, ежели сами вопроса не поймут. Через Тростниковую Долину и прежде часто чужаки ходили, а как переправу на Игровой возвели, торговых обозов прибавилось. Много чужаков стало. Кто торгует, кто о направлениях спрашивает. И не только о направлениях. О всяком.

— Что ж, практики тебе явно не хватает, однако же говоришь достойно, грубых ошибок не делаешь. — чиновник снова кисть подхватил, делая записи в своём свитке. — Легко обучение давалось?

— Не сказать чтобы... — с трудом развязав язык после этой тирады, пробормотал Шоуки. И песочные часы перевернул, едва мазнув по ним взглядом. Беспокойства они пока не доставляли. — Настоятель — учитель усердный и требовательный.

Не научит, так вобьёт знание. Тут хоть на северном, хоть на собачьем заговоришь — лишь бы отстал.

Господин Аори, кажется, ответом остался доволен. И продолжил расспрашивать. Всё так же спокойно, почти благожелательно. О жизни в деревне, о работе в Малом Дворе. К чему все эти вопросы Шоуки не понимал, но отвечал покладисто. И чем дальше, тем больше раздражали проклятые часики. Концентрацию сложно удерживать стало, в груди заныло, сперва слабо, затем всё отчётливее. А ещё переворачивать их... Дыхание уже спирать начало и в висках заломило когда господин Распорядитель Высокого Двора смилостивился и ладонь подставил. Шоуки опустил на неё песочные часы и не удержался от того, чтобы выдохнуть с облегчением. Устал. Да вышел, поклонившись, когда велели к беседке ступать да борова позвать. Там и остался ждать его возвращения, опустившись прямо на землю и пытаюсь хоть немного собраться с силами.

А ведь ему ещё вечером Сторожевому Камню долю отдавать. Тяжело сегодня будет.

— Придётся брать слабосилка, — констатировал старейшина Оминар, изучив предоставленные записи.

— Чем так позорится... — глава выглядел плохо, замотанно. Только в узком кругу доверенных лиц позволял себе хоть немного расслабиться. Он явно был недоволен сложившейся ситуацией.

— Господин Оро, куда большим позором будет передать одарённого скорбного разумом, — возразил Распорядитель Высокого Двора. — Хоть карит Шити силён, но понимает верно лишь самые простые приказы, поведение его часто непредсказуемо, а в незнакомом доме он станет просто опасен для окружающих. Наши стражи давно уяснили что подливать ему спиртное — к безобразной драке, а насмехаться над ним чревато выбитыми зубами, и лишь потому он не только не доставляет проблем, но и приносит пользу. Если мы передадим его со свадебным обозом, то неминуемо он нанесёт ущерб людям или имуществу, вопрос только — как скоро.

— Да, ты прав, Аори, — глава опустил голову, начав массировать виски. — Но — слабосилка!..

— Большой ли позор, или малый — он всё так же остаётся позором! — прокричал

глухо старик Итари, скорбно покачивая головой.

— Тогда вносим в списки карита-перестарка, — развёл руками Аори. — Этого добра у нас половина гарнизона, можно прямо с женой и детьми отдать.

Старейшины помрачнели так, что в помещении, и без того маленьком и тёмном, будто последняя свеча погасла. А глава и вовсе издал горестный стон. Отдать в приданое остановившегося в развитии одарённого — всё равно что расписаться в слабости клана крупными знаками на меловой скале в устье Великой реки.

— Я испытал мальчика, — продолжил Аори. — У него медный сосуд души с хорошим потенциалом. Он дойдёт до золотого без сомнения, дайте время, а может, продвинется и дальше. И это компенсирует частично столь скромные его размеры. Конечно, карит из него выйдет слабый, но эта слабость ни в коем разе не помешает ему выполнять повседневные обязанности. Его контроль куда выше чем у сверстников, занимается он усердно и ответственно. Воспитан достойно, обучен северному наречию, честен и предан клану. Таких, как он принято вводить во внутренний круг. Если бы не эта злая шутка богов, если бы не сосуд размером с напёрсток, его бы несомненно ждало великое будущее. Передав его мы подарим дому Наместника хорошего слугу, а не безумного карита. Либо так, либо со скандалом отнимать детей у вассальных домов.

— Да, похоже, это будет меньшей из зол... — скривившись как от глотка прокисшего вина произнёс глава. — Слабосилок так слабосилок.

Всё было не так. Едва слёзы на глаза не наворачивались от ощущения неправильности и поспешности происходящего. Хотя по-хорошему — радоваться надо! Радоваться и бежать в храм, возносить молитвы Предкам с великой благодарностью за предоставленный шанс так подняться по службе. Да не просто подняться — вслед за принцессой перейти под крыло Наместника, в самый что ни есть настоящий дворец! Выше — только слуги Истинного Императора будут... когда, тот, конечно, явится, чтобы занять трон предков.

Но — не так...

В Высокий Двор его перевели даже до принесения клятвы, выделив тюфяк в углу зала, где располагались личные слуги принцессы. Да не те личные, что охраняли её покои да окружали её днём дабы прислуживать невесте будущего Наместника, а те “личные”, что с приданным перейдут в услужение великому клану Сиасай.

И ритуал был проведён поспешно, и совсем не подобающе традициям и моменту. Замыленная принцесса, одетая в безусловно прекрасное и дорогое, но — домашнее платье, с отсутствующим лицом выслушала его клятву, сбивчивую и торопливую под гнётом обстоятельств, приняла у господина Аори конец схватывающего руки шнурка, и даже не потрудившись развязать его просто набросила поверх вышитую золотыми нитями узкую ленту. Так всё и завершилось. И сейчас эта вызолоченная вышивкой лента, повязанная поверх пояса нарядной одежды только давит да тянет к земле тяжким грузом.

То ли дело было, когда собранных со всей провинции сирот да крестьянских детей с пробудившимся Даром передавали на ступенях храма в руки Распорядителя Высокого Двора... Вот тогда это был праздник. Тогда каждое слово имело смысл и ложилось весомо на алтари Предков, в сердце отпечатывалось, наполняя гордостью и желанием служить...

Она даже имени его не спросила.

Не спросила, и не дала нового, достойного личного слуги принцессы!

Так Шоуки и остался просто Шо. Хуже того — тут Шо оказалось целых трое...

— Эй, Шо! Тот, который Слабак! Айда сюда! Что в углу засел, будто не родной?

Кариты рассмеялись. Шестеро парней, года на два-три старше его самого так и гоняли кости на выдраенном полу бывшего... Должно быть тут прежде учебная комната была. Уж слишком запах туши въелся, да и доски, как ни выскребай, темнеют редкими пятнами. А сейчас тут временное пристанище тех, кто почти через неделю покинет навсегда эти стены.

Вздохнув, Шоуки поднялся, да всё же пошёл туда, к старшим, ожидая новой порции тычков и насмешек. Формально он был с ними, в семёрке одарённых второй ступени, хотя с куда большим удовольствием остался бы у стены, где спала, или пыталась спать дюжина одарённых первой. По хорошему, там ему было самое место, по силе и по происхождению. Но он — здесь. Среди каких-никаких, но — аристократов.

И это тоже неправильно. Совсем-совсем неправильно.

— И в этот раз не сыграешь с нами? — спросит Лимар Эри. Самый знатный тут. К роду принадлежит. Принадлежал, вернее. Сейчас то всё одно каритом Наместника станет. Но не может ещё забыть своего превосходства над прочими. Это тоже немного сбивало Шоуки с толку. Как быть? Формально — они все равны. Но Лимар из не последнего рода в этой провинции. Обедневшего должно быть, раз вынужден был отдать ребёнка в услужение.

В Тростниковой Долине таким полагалось кланяться лишь чуть выше, чем членам клана

Оро, властвующими над этими землями. Шоуки совсем запутался в мыслях, опускаясь на пол в кругу парней. Потому промедлил с ответом, вызвав у них насмешки, где снисходительные, где презрительные.

— Нет. Мне не на что играть. — ответит коротко, глядя на пару костей в кругу скудных ставок.

— И верно, откуда у подпaska голоногого деньги? — усмехнётся зло Сасай. Полноватый, в сравнении с другими парнями, но да впечатление обманчивое. Не рыхлый он. Борьбой занимался, по стопам отца шёл, покуда Дар не проснулся. И тогда опасен был будто горный волк, а сейчас, получив правильное обучение, опаснее стал стократ. Как вцепится, так клыков не разожмёт, пока не удавит. И Шоуки не понимал совершенно, с чего он такую злобу затаил. Не пересекались особо, ни на улицах, ни в храме. Ни тут, в клановой резиденции. Сасая же сразу, с порога в Высокий Двор забрали, готовить на карита. А ему Шоуки, только общая подготовка и светила. Первое время, во всяком случае. А когда всех вместе сводить начали, Сасай на него внимания обращал не более, чем на прочих слуг. А сейчас взъелся весь с чего-то.

— Ну мало ли, — лениво повёл плечом Кено. Интересный он, волосы чуть рыжеватые, скулы высокие. Не мамка, какая-то из бабок с северянином попуталась. И имя такое — вроде и крестьянское, по правилам, и звучит как-то не по-здешнему, интересно. — Другой раз в грязи и на клад наткнуться можно.

— Да не в том дело, — Лимар чуть пальцами поведёт, заставив кубики подпрыгнуть, да по доскам покатится. — Костей он с места не сдвинет. Слабак. Нечет! Что ж не везёт то так сегодня, а?

— Да тебе всегда не везет, — фыркнул Сасай, подвигая к себе квадратики сплава с казначейским оттиском. — Сам то хорош, без жестов не справляешься.

— Язык придержи! — тон Лимар выдал такой, что по спине холодок пополз. — За силу твою тебя принять ещё можно, но по сути ты из той же грязи, что и этот ушлёпок слеплен!

— А тебя будто из риса да сливового вина лепили, — фыркнул здоровяк, ставку делая. Да кубики сдвинул не напрягшись ни единым мускулом. Силён, и правда — кости из рога выточены, а это почти что живая плоть. — Жаль, что Шешу ногу покалечил, а не ты.

— Так! — устало вздохнул тихий и мрачный Шики. — Заткнулись. Оба. Пока я вас по углам не раскидал. Как договаривались — если уж припёрло кого-то ненавидеть, ненавидьте то пустое место, которым нам некомплект заткнули.

Шоуки глаза опустил. Глаза сквозь пол смотрят, сил сфокусировать взгляд нету, сам собой вовнутрь ныряет. Он и не подозревал что Шики так силён. Силу свою вовне направил — он точно ещё на второй ступени? Вон, всех проняло, все притихли.

Казалось, что про них просто забыли. Утреннюю разминку проводили здесь же, во дворе, своими силами. К Сторожевому Камню идти было не обязательно, да и ели здесь же — просто надлежало отправлять кого-то на кухню за едой трижды в день, и трижды же — возвращать котлы и посуду. И само собой этим занималась молодежь той дюжины. Дважды приходил старый слуга, да с важным видом по несколько часов к ряду повторял основные положения о поведении и обязанностях. К чему — не вполне ясно. Все давным-давно усвоили, кому и как надлежит кланяться, когда молчать, и когда говорить. Все, самое малое, год как прислуживают в поместье, давно выучили как надлежит вести себя слуге в знатном доме. Потом старик снова и снова прогонял порядок следования каравана, кому где

держаться и что делать — тоже ведь с первого раза запомнили, к чему повторять?

Но всё равно, эта бессмысленная возня занимала лишь малую толику дня, а после они были предоставлены самим себе. Ну как предоставлены — учитывая что покидать помещение без надобности было нежелательно...

Парням, вон, даже кости уже наскучили. Сасай и Лимар подрались таки на третий день появления здесь Шоуки. И Шики разнял их жёстко, но аккуратно, чтобы не оставить синяков да надолго отбить желание лезть в драку. Сильный. Опасный. Сильнее Сасая, как бы невероятно это не звучало.

Кено казался более спокойным и благожелательно настроенным. Остальные его терпели, но тоже относились с холодком, видимо, из-за происхождения. Вот к нему Шоуки старался поближе держаться, как и ещё два парня — Киши и Шусай. Впрочем, они всё равно бросали иногда такие взгляды, что Шоуки тосковал по колодёзной цапле. Вот уж где всё было просто и понятно. И среди слуг малого двора он не выделялся ничем — почти все там были с однозначным именем, да где-то половина — одарёнными только первой ступени.

Его круг. А здесь — определённо не его. Целый благородный, остальные из богатых крестьянских семей, да ещё и сильные...

— Но мы же... Мы же служим одной госпоже. Почему они — так... — пробормотал Шоуки, глядя как помятые парни расползаются по своим углам, а Шики устраивается у дверей с видом просветлённого, постигшего все тайны вселенной.

— Всё ещё не понял? — Кено усмехнулся, да да как-то совсем невесело. — Мне нужны ей. Мы — всего лишь приданое, навроде тех сундуков с шёлком, керамикой, украшениями... Мы — часть взятки, за которую клан Оро приобретёт большое влияние, породнившись с Наместником. И вскоре после свадьбы нас передадут распорядителю одного из дворов Наместника. И, я тебе скажу, вряд ли это будет Высокий Двор. Пробиваться туда нам придётся уже своими силами, соревнуясь с каритам Наместника. А к нему в услужение так и так стекаются сильнейшие со всех земель.

Шоуки сморгнул. Видно, по лицу было видно, что начал осознавать.

— Вот-вот, — кивнул Кено. — Оттого Лимар так бесится. Честолюбив сверх всякой меры, уже представлял, как будет приглядывать за тем, как принцесса нянчит будущего Наместника. Суровым опытным каритом себя представлял, которого принцесса несомненно передаст в телохранители своему венценосному сыну, и за плечом которого он будет ходить до глубокой старости в качестве самого верного слуги.

Сидящие рядом парни перефыркнулись. Впрочем, тоскливо как-то. Небось, сами о подобном подумывали.

— А в итоге — что? Да, в доме Наместника служить будем. Но даже не факт — что в Высокий Двор отдадут. Впрочем, тебе то как раз терять нечего. Только дом на более знатный сменишь. И дальше будешь полы мести, или чем ты там занимался.

Кивнёт немного рассеянно. Да, если подумать, в клане Наместника такого слабосилка как он и за карита то считать не станут.

Значит, ничего не изменится.

Стоит ли из-за этого переживать?

Только вышитый золотом поясок всё равно жжёт будто. Неправильно это как-то.

Стоило выступить в путь как напряжение немного ушло. Парни не бесились больше, не цеплялись, вели себя ответственно и почти что дружно. В первую очередь, конечно, чтобы

не получить по ушам от старших — караван с приданным сопровождало порядком старших каритов, да ещё сам господин Распорядитель Высокого Двора. Со свитой, само собой. И выступили за три дня до свадьбы. Да ещё — и не в сторону столицы. Как оказалось, свадьбу будут играть в храме Предков Арата-ма, древнейшем на территории Благословенных Земель, а потом ещё неделю гулять в резиденции Наместника в столице, что стоит совсем недалеко от древнего храма. И уже потом молодожёны отправятся в то поместье, куда направляется приданое. В клане Наместника привыкли разделять жизнь клана и обязанности управляющего. Послы, налоги, реформы и прочая возня с министрами и советниками — в столице. Обучение подрастающего поколения, жизнь да отдых — в древнем клановом поместье. Так-то оно, наверное и правильно. Ведь когда Истинный Император вернётся и оценит работу клана, поставленного надзирать за землями, он вполне может решить что с работой тот справился плохо, изгнать из столицы и назначит на это место кого-то ещё.

Его возвращения, конечно, уже почти три сотни лет ждут, но да линия крови жива всё ещё, так что надежда есть. И не складывать все яйца в одну корзину весьма и весьма дальновидно.

Потому что, вряд ли Император обрадуется тому, что происходит на Благословенных Землях. Мятеж в Ланадатари, поход Алинара, падение Жемчужной Пристани от рук каких-то там несчастных пиратов...

Вот, даже разбойники обнаглели настолько, что посмели напасть на караван с приданным.

Напали, как водится, ночью, на привале, и с чего началось, Шоуки честно не понял. Проснулся от гомона и криков, и лишь потом, пытаясь вскочить на ноги, услышал сигнал тревоги. Его дважды уронили на землю, один раз пробежались сверху, он и сам в суматохе наступил кому-то на руку. Ему, как и другим слугам госпожи в подобной ситуации предписывалось схватить копьё и занять позиции в узких проходах между телегами, но переполох “слуги госпожи” подняли такой, что обвалили сложенные шалашиком копьё, едва не затоптали друг друга, и когда наконец смогли занять позиции, драка переместилась в темноту ночного леса, оставив в свете костров лишь несколько трупов мятых и потрёпанных разбойников, вооружённых кто чем.

Впрочем, вряд ли Шоуки с компанией сейчас выглядели лучше. Прислушивались к звону клинков и крикам в темноте... И стонам раненых. Одно из тел зашевелилось, потянулось к клинку, и было пришпилено к земле сразу тремя копьёми перепуганных парней.

На этом их участие в битве и закончилось. Да и та, судя по всему скорее потревожила честный сон каравана, чем нанесла какой-то ущерб. Да, было несколько раненых, двое довольно тяжёлых, но со стороны клана обошлось без жертв — сказывалась выучка, и количество воинов в отряде. А слугам госпожи только и оставалось что чистить одежду и стоически делать вид, что не они развели безобразную панику, растерявшись как цыплята, оставшиеся без квохчущей мамки.

И всю оставшуюся дорогу до поместья чувствовать себя грузом, наподобие тех сундуков с шелком.

На границе провинции их встретил отряд Наместника. Проводить, так сказать. Их территория, их ответственность, в конце концов. Чтобы всякие лихие люди не попытались разграбить караван полный добра. Вроде как те типы, что болтались теперь на деревьях в придорожной роще. Повесили всех — и трупы, и раненых, и схваченных живьём. Чтобы

неповадно было. До сих пор у многих парней лица чутка землистые были с такого зрелища. Но да подобрались и дальше ехали в гнетущей тишине и важности. Нельзя же перед чужими слугами в грязь лицом ударить?

И так — до весьма красивой долины, где в низине переплетались реками несколько вытянутых озёр, а на южном склоне среди террас раскинулись фруктовые сады. А уж ближе к устью горного ущелья раскинулось и древнее поместье. Или даже целый замок — с перевала виднелись стены между крышами дворцов и храмов, квадраты дворов и садов, и самая внешняя стена была высока и монументальна, прорезанная лишь воротами, впечатляющими даже с такого расстояния. Жаль, что стоило ступить в долину как столь великолепный вид скрылся среди деревьев и зарослей бамбука.

И добирались долго, даром, что по великолепной ухоженной дороге. А там... Там началось светопреставление.

Миновали ворота, огромные створки которых были расписаны сценами райского сада, кажется, прошли малый двор с экраном, ещё двор, снова поворот, опять через ворота в двор, судя по постройкам, хозяйственный, затем снова в ворота. Шоуки старался головой по сторонам не вертеть, ибо несолидно, но всё равно быстро запутался в направлениях и предназначениях построек. Тут всё так солидно было. Богато...

Наконец, вроде как складские помещения, хранилища. И тут уже встретились с делегацией — здешний Распорядитель раскланялся с господином Аори. И завели долгое уважительное расшаркивание, принижая собственную важность друг перед другом и восхваляя коллегу. Столь степенно и взвешенно, что казалось, будто это старинные приятели творящие какой-то свой, особый ритуал приветствия. А потом в руках обоих появились списки. И пришлось таскать сундуки и предъявлять их содержимое, покуда эти двое, не меня выражения лиц и общего тона... торговались за приданное. Аж в глазах рябило. С одной стороны сцена аки на базарном торжище, с другой так всё благообразно и солидно...

Осмотренные сундуки заносили в большое пустое помещение, на террасе которого в какой-то момент нарисовался низкий столик, пара подушек, и чайный набор с изящными закусками. За этим столиком оба распорядителя и устроились — рядом помощники с писчими принадлежностями, а Шоуки со компания и дальше пришлось таскать сундуки и перебирать их содержимое, демонстрируя чиновникам. И это на голодный желудок, с утра не жрамши, а эти двое тут чаёвничают...

И времени это заняло порядком, но наконец, все двадцать сундуков (которые, между прочим, сами были изысканной работы и богатой отделки, а ещё немалого веса) нашли своё место на складе, и местные слуги шустро убрали столик. Будто и не было его — когда успели?

И началась, пожалуй, самая неприятная часть — осмотр другого приданого. Для этого ответственного дела их в один из здешних храмов отвели. Старинный, сложенный из каменных блоков, покрытых грубоватой резьбой. Небольшой, так-то, всего одна церемониальная зала со статуей Атасахики, как водится, нанизывающим на копьё какую-то невнятную массу с отростками, которая должна была символизировать десяток его противников. Мастерства у древнего скульптора недостаточно было, похоже. Но да сюжет узнаваемый, ни с кем бога-воителя не спутаешь. Вот там то, перед статуей на каменном постаменте и располагался определитель — тоже древний, массивный, в виде узкогорлой вазы, что сложена была сплошь из плоских кусочков металлов, камней да стёклышек. Словно витраж в виде вёдерной груши, покрытый чёрной паутиной... чем бы кусочки разных

материалов не закреплялись. Работа грубоватая, но похоже, универсальный артефакт, а не так как в поместье Оро.

А и верно. Парни по одному подходили, прикладывали ладони. И в сосуде медленно разгорался свет, яркостью показывая размер сосуда, а тем, какой материал реагировал особенно бодро — и уровень. Сперва к нему подвели тех что послабее. Видимо, чтобы оставить дары посерьёзнее напоследок. И никаких нареканий тут у здешнего распорядителя не было. Да какие нарекания могут быть к одарённым первой ступени? Все молоды, есть куда расти. В хозяйстве, как говорится, пригодятся.

Но Шоуки всё равно занервничал. Особенно когда прошедших проверку куда-то увели. Остались они семеро, оба распорядителя, да пяток помощников и слуг. И в храме как будто зябко стало...

А у Шики, оказывается, бронзовый сосуд. Почти третья ступень. И наполнен хорошо — свет яркий вышел, тёплый. А потому самому пришлось к постаменту подходить. Ладонь на холодный неровный бок, закусить губу... Раскрыть духовный сосуд, медленно изливая его силу вовне.

Ну да, медь. Но до чего тусклый, холодный свет вышел...

— Глубокоуважаемый Аори, этому недостойному мужу на миг показалось что этот карит необычайно слаб для своей ступени.

— Достойнейший Маомин, ваша наблюдательность достойна всяческих похвал, однако же суждение ошибочно — мальчику лишь предстоит стать каритом, он ещё слишком молод для того.

— Однако же сей скромный чиновник не может не настоять на том удивительном факте, что сила обсуждаемого смехотворна.

— Вслушайтесь в слова недостойного, о многомудрый коллега! Два года назад у этого отрока был каменный сосуд души, ещё через два будет — золотой! Он подобен дивному всходу среди рисового поля, в каждом его колоске вместо зёрен — жемчужины! Добрую кровь привели под своды вашего благословенного дома, и она приумножит его богатство, дайте только время!

— Переигрываешь, — качнул головой Распорядитель Маомин.

— Есть немного, — спокойно кивнул Распорядитель Аори. — Однако это не отменяет факта, что приданое богато и щедро даже сверх оговоренного.

— Ненамного! — мужчина с некоторым сомнением наклонил голову на бок.

— Вот изтот юноша ненамного слабее остальных будет, когда достигнет их возраста, — уверенно постановил его старший коллега. — Уж найдёшь куда пристроить.

— Уж постараюсь, — согласился чиновник, скатывая список и передавая его помощнику, тенью следовавшему за ним. Знак какой-то слугам дал. — Кстати, возвращаясь к тому нашему разговору, эта новая технология окраски зарекомендовала себя весьма неплохо, осталось только решить проблему...

Мужчины развернулись и невозмутимо удалились, обсуждая какие-то одним им ведомые дела, следом засеменяли слуги. Кроме одного парня с тонким вышитым пояском поверх обычного, широкого.

— Следуйте за мной, — распорядился он, направляясь к другому выходу из-под сумрачных сводов храма.

И то хорошо. А то, кажется, в темноте уши Шоуки пылали похлеще чем артефакт-определитель.

Временное обиталище им предоставили хорошее. Аж с целыми кроватями и сундуками для личных вещей, и во вполне себе жилом помещении, а не абы где. Клан Сиасай был богат, и мог себе такое позволить. А ещё — их не оставили болтаться в неизвестности последующую неделю, пока не отгремят торжества. Представили местному наставнику молодых каритов, в распоряжении которого был целый огромный двор с постройками, плацем, да полосой препятствий, устроенной в нижнем конце двора, покрытом жирной рыжей глиной. Угонял их суровый воин знатно, но вроде как остался доволен полученным у Оро обучением. А ещё их привлекали к делам хозяйственным (тем, конечно, которые формально можно было подвести под “служение своей госпоже”) и между делом выделяли кого-то из слуг-погодок, чтобы те водили по поместью, показывали что где находится, и рассказывали о тутошних порядках. Так что неделя пронеслась почти что незаметно, переполненная впечатлениями.

А потом они таки свиделись с госпожой. Ненадолго. Достаточно для того, чтобы она освободила их от клятвы и передала Старшему Распорядителю Маомину. Всё организовали в богатом и древнем храме Предков позади основного дворцового здания, однако же торжества не получилось снова — госпожа очень торопилась и вообще ни капли не заинтересованна была в происходящем. Захлестнула возвращённый ей расшитый поясок вокруг запястий Шики, и в таком виде, не завязав даже, сунула концы в руки Старшему распорядителю. И к следующему повернулась, пока парень сбивчиво бормотал клятву. Да ушла, едва закончив с отведённой ей ролью, оставив парней в замешательстве, а Старшего Распорядителя почти что разозлённым. По крайней мере, Шоуки так показалось. Так что он торопливо, как и прочие, оттараторил слова древней клятвы да притих, в подавленном весьма расположении духа дожидаясь дальнейших указаний.

Даже то, что он теперь слуга сильнейшего клана благословенных земель — как то не радовало.

Впрочем, печали быстро были задвинуты в дальний угол заботами, жизнь почти что вернулась в привычное русло, разве только... Ну в самом деле, лучше здесь было. Богаче. Солиднее. Разнообразнее пища, мягче кровать в домике на шестерых, даже с собственным крошечным садиком, наряднее одежда. Спрашивали тоже больше, но Шоуки всегда старательно выполнял доверенное ему дело. Разве что его раз за разом переставляли с одной работы на другую, почти полгода не могли подыскать такую работу, на которой духовное и материальное достигнут гармонии ко всеобщему удовольствию. Это ему один из старших слуг объяснил. Неудобен Шоуки оказался — вроде духовный сосуд предполагает, что быть ему каритом, но с такой силой этого самого сосуда, равнять его с прочими каритами — только головную боль зарабатывать. Вот и получалось — вроде должно привлекать его к гвардейской работе, а вроде и давать что полегче, чтобы не покалечился и работал с пользой. И чтобы прочие кариты не думали что с мальчишкой нянчатся и послабления дают. Но потом вроде придумали — отдали наставнику, для работ в Копейном дворе, как называли здесь тот двор с плацем и тренировочными залами. Тот обрадовался вроде как даже — мужик суровый был, да порядок любил на рабочем месте. Даже велел Шоуки перебираться жить в пристройку к одному из залов, чтобы всегда здесь, всегда под рукой.

Парень обрадовался даже сперва — ну а как же, у него теперь был собственный дом!

Небольшой совсем, вроде того, где они с матерью прежде жили, не хибара крестьянская, а крепкое здание с изогнутой черепичной крышей и даже резьбой на поддерживающих её столбах.

А чуть погода...

Работы было много. Встать нужно было рано-рано и прибрать территорию, натаскать свежей воды в бадьи из которых кариты ополаскивались после изматывающих занятий. Потом, собственно, заниматься на тех самых занятиях, развивая тело и осваивая приёмы обращения с различным оружием. Потом, когда все приводили себя в порядок и отправлялись завтракать, нужно было прибраться, снова натаскать воды взамен использованной, вернуть на место тренировочные клинки да копья, перебрать и отложив в сторону повреждённые, и готовить залу к занятиям со следующей группой каритов. То натаскать циновок, если наставник собирался заняться рукопашным боем, то деревянных и соломенных болванчиков, то разобрать часть пола в большом зале и вставив в пазы толстые шесты нанизать на них крутящиеся барабаны с выступающими палками и грузами, то расставить мишени для лучников у дальней стены... И всё это надо было осматривать, да в случае поломки тащить к мастерским, чтобы починили, а оттуда тащить назад починенное. И снова натаскать воду и снова прибраться, проследить чтобы на складе и в арсенале всё лежало аккуратно и ровно на своих местах, а ещё нужно где-то урвать момент сбежать позавтракать и пообедать, потом успеть на занятия в здешней библиотеке (ибо молодёжь обязательно надо учить грамоте, да непременно на примере зубодробительных трудов древних философов и полководцев), примчатся назад непременно до ужина, чтобы прибраться за старшими воинами, которые подтягивались на Копейный двор вечером и непременно разносили что-нибудь в щепки, и эти щепки и ошмётки нужно было убрать и оттащить в мастерские...

И ведь, ни один день не был похож на другой, разве что, работы всегда было много, а помощники приходили редко. Да-да, всю глубину своих проблем Шоуки осознал, когда узнал что прислуживать на Копейном дворе направляют в качестве наказания за всякие мелкие проступки. Вот как раз из-за постоянной выматывающей беготни, таскания тяжестей, и пристального контроля со стороны наставника Имари. Он, кстати, приходился двоюродным племянником самому Наместнику!

И постоянно делал замечания, как правильно тяжёлое поднимать, как носить, как двигаться, как дышать когда тяжёлое тащишь... Так-то наука полезная, но когда замылен весь и тебе всё время под руку замечания эти делают...

А чуть погода наставник взялся привлекать Шоуки к занятиям старших каритов. В качестве ассистента, ага. Первый раз парню запомнился надолго — наставник велел застелить половину малого зала циновками поплотнее, внахлёст, и не менее часа учил Шоуки падать. С места, с возвышения, спиной вперёд, носом вперёд, с перекатом через плечо, с упором на руки... А главное — в каких ситуациях как лучше шлёпнуться, чтобы ничего себе не повредить.

А потом ещё минут пятнадцать удар ставил. По плотно набитому соломой болванчику — да в ухо. Как объяснил — весомая и очень обидная оплеуха, которая особого вреда не наносит. Даже продемонстрировал её напоследок, да так, что Шоуки минуты две промаргивался и пытался с пола встать. А потом началась веселуха — на занятия пришла группа каритов — уже почти взрослые мужики, парни сильно старше самого Шоуки, и Имари с явным предвкушением объяснил им суть сегодняшнего занятия. И никто не был в

восторге от этого.

То что одарённые кроме всего прочего способны передвигать Даром предметы известно всем. Особенно легко поддаётся воздействию небесный металл, чуть хуже — хорошая сталь. И совсем уж плохо — то что состоит из плоти и крови. Особенно живое. А если с собственным духовным сосудом — вообще пиши пропало. Вот воздействовать на одарённых Имари и собирался их учить. С помощью очень простого упражнения. Шоуки должен был отвечать парням оплеухи, а они должны были попытаться его остановить своей силой. Защищаться другими методами было нельзя. Пару парней, которые по инерции попытались заблокировать удар, отправили отжиматься на кулаках в наказание. И им давалось немного времени на подготовку, потому что Шоуки велено было начинать с расстояния в три шага. Вот пока он их делал, парни и пытались воздействовать. Сперва — так себе. А Имари их ещё и подзуживал, мол, что, так и позволите малявке-слабосилку себя лупить в хвост и в гриву?

И ведь работало — в какой-то момент Шоуки, одуревший от необходимости лупить столь сильных воинов, начал ощущать сперва смутное, а затем и довольно яркое сопротивление, будто воздух мёдом оборачивался, липким и плотным. А в какой-то момент его снесло с ног невидимой силой и просто покатило по полу кубарем — психанул парень, которого до того аж три раза отжиматься посылали.

Имари остался доволен. Очень. И всего-то через два месяца еженедельных занятий Шоуки отправлялся в полёт хотя бы по разу с каждого из парней.

Хорошо хоть синяками ограничивалось — спасибо науке “как падать правильно”.

Младших, совсем малявок, на нём учили приёмам рукопашного боя. Роняли они его через бедро, да. Таскал щиты с мягкой обивкой, помогая отрабатывать удары ногами. В какой-то момент ему выдали стопку деревянных круглых мишеней с тарелку размером, да велели развлекать лучников. Сперва Шоуки едва не поседел от испуга, но потом ему со смехом пояснили, что в каждом щитке есть сердечник из небесного железа, и организовывая подвижные мишени самому подставляться совсем не надо.

Но это не сильно радовало. Теперь по вечерам к физическому изнеможению добавлялось болезненное истощение духовного сосуда.

Хорошо не каждый день так крутиться приходилось...

Сперва.

Потом старшие прознали что прислуживающий на Копейном дворе мальчишка умеет жонглировать мишенями... И суровые мужики начали присылать слуг, сообщая о том что наведаются вечером поработать с луком, летящим клинком или метательными ножами. И тут уж хоть расшибись — в назначенное время будь на месте с нужным инвентарём и развлекай суровых дядек. Даже возможность посмотреть на работу опытных мастеров в такие моменты совершенно не радовала.

Особенно когда приходил старший карит Тамай Айри. Хороший знакомый Имари, ему выдавали Шоуки и всех временных помощников по первому требованию, и кидать ножи в просто летящие щитки-мишени ему было неинтересно. Требовал, чтобы те меняли направление и высоту полёта в движении, зависали на месте и выделяли всяческие кульбиты. А творить такое было чертовски сложно — это не просто ухватить щиток за сердцевину из небесного железа и подправить его положение в воздухе и направление движения — это надо дёргать тяжёлую мишень надрывая духовный сосуд и покрываясь липким холодным потом за несчастную минуту такой работы.

Другой раз хлопался в койку и засыпал даже не уделяя час на обязательную медитацию.

Какое, к демонам, саморазвитие с такими нагрузками?

Да и в целом, зачем оно слабаку вроде него?

— Но в самом деле... Я ни о чём не жалею! — заявил Кено с таким видом, будто сейчас выронит связку бамбуковых столбиков, и рухнет прямо посреди двора.

— По тебе и видно, — с сомнением заметил Шоуки, перехватывая поудобнее тяжёлую корзину с крепёжом. — Нет, я конечно рад, что мне аж целую неделю кто-то помогать будет... Но по виду, тебе самое время всходить на погребальный костёр.

— Эх, ничего ты в жизни не понимаешь, малявка! — горестно вздохнул молодой карит, и как-то подозрительно шумно сглотнул. Помедлил, убедившись что внутренний мир больше не рвётся наружу, и шатнувшись напоследок, продолжил: — Вотты наливу сливовую пробовал?

— Нет. Откуда? Вина рисового как-то хлебнул. Жрец в подсобке сбраживал...

— И как, гадость? — уточнит с кривоватой усмешкой.

— Гадость, — согласился Шоуки.

— А сливовая наливка подобна росе, собранной с цветочных лепестков руками богини плодородия на склоне божественной горы Аят! Тем более — такая, как нам перепала... Кувшин сжиженного счастья, от каждой капли которого разгорается ярче огонь духовного сосуда...

— Судя по твоему виду, кувшин там был размером с бочку, — с сомнением заметил Шоуки.

— Не, это мы потом бормотухой догонялись, когда наливка кончилась...

Шоуки фыркнул только. Нет, в это можно было уже поверить — дешёвое пойло молодёжь тут доставала регулярно, и регулярно же за это отхватывала. Просто уж как-то повелось, что Кено в основном попадал на отработку не по совести — потому что был рядом, потому что рыжий и на него свалили, или потому что брал на себя чужие грешки по каким-то непонятным договорённостям. Но этот раз Кено отличился, ибо вчера на разминке гордо возвестил о том, что повысил свой сосуд души до бронзового уровня. После небольшой проверки это подтвердилось, и наставник Имари похвалил его за успехи и быстрый рост. А вечером Кено добыл где-то тот самый кувшин и проставился. И так хорошо отметили всей казармой, что пошли за добавкой.

Итог — страшно похмельного виновника учинённых ночью безобразий наказали. Шоуки не мог никак взять в голову — почему только его? Или, остальным перепадёт как-то иначе?

— А для чего вообще эти... пыа... палки? — мучительную боль и дурноту рыжеватый переносил стоически. И продолжал утверждать что ни о чём не жалеет. По мнению Шоуки, звучало так, будто он сам себя пытался в этом убедить.

— Ну, там вроде праздник какой-то должен быть... И к нему соревнования будут. С препятствиями, — прозвучало не очень уверенно. Шоуки показали только схему, вкратце рассказали, где найти части сооружения, и велели выполнять в свободное время, но чтобы через неделю всё было готово.

— Какой-то? Середина зимы же.

— Что, уже?! — даже корзину едва не выронил. Как время то пролетело. Так замотался, что совсем счёт времени потерял. — Это же скоро год будет как мы тут...

— Угу... — подозрительно рыгнув, согласился Кено. — Скоро свой клинок получишь.

Каритом наконец станешь. Рад?

— Да не особо как-то, — помедлив качнул головой Шоуки.

— Зря... — потянул, споткнулся, да едва не полетел на землю. — Деревенские девки падки на каритов прям все как одна!

— Прям все? — усомнился, останавливаясь у пометки на земле и опуская корзину. Его спутник шатнулся, и тоже замер,

— Ну, в дальних деревнях — точно все. Близь больших поместий и верно что не все... Дальше то что?

— Ну вот пометку видишь? Копать надо. Там должен быть камень вроде жернова. В нём жердь надо закрепить распорками. И таких... — он тоскливо оглядел исчёрканную глинистую землю. — Шестьдесят две штуки.

— Сколько?! — переспросил Кено потрясённо.

— Шестьдесят. Две... — медленно и весомо повторил Шоуки. Тишина была ему ответом.

— Ну что скажешь? — Имари неторопливо разлил по пиалам чуть мутноватую жидкость из высокого глиняного кувшина. Заметил, что его гость мучительно заломил бровь, бросив взгляд в распахнутое высокое окно. Ну да, вид отсюда открывался чудесный — на старый вишнёвый сад, Вдовый дом с пристройками-ушами, да Копейный двор, расположенный сразу за старинной постройкой. Отчётливо было видно, как ковыряются в красноватой глине двое подростков.

— Мне нужно больше времени, чтобы присмотреться. Так с ходу и не скажешь, будет ли от него хоть какой-то толк.

— Ну так присматривайся! Ни я ни Маомин слова тебе не скажем! Да хоть выверни его на изнанку — твоё право!

— Которым я непременно воспользуюсь, если сочту нужным, — Тамай поднял пиалу, рассеянно потянул носом хмельной аромат напитка.

— Как и прошлые три раза? — поджал губы Имари. — Наместник уже высказывал тебе своё нетерпение?

— Не забывает об этом упоминать каждую нашу встречу.

— Ты не собираешься брать ученика, — констатировал наставник каритов глухо.

— И никогда не собирался, — кивок, прежде чем запрокинуть голову и насладится напитком.

— Твоя методика не работает. Мы много с кем её перепробовали, — признался наконец Имари с неохотой. — Какой-то прогресс есть, но столь незначительный...

— Прогресса и не будет, пока вы будете пытаться учить этому стилю обычных каритов. Найдите такого же как я, следуйте инструкциям, ради которых я убил прорву времени и чернил, и получите наконец второго жнеца.

— Мы пробовали учить и слабых, и сильных, находящихся на разных уровнях. Но учить тому, чего не понимаешь, и чего не чувствуешь, это, знаешь ли... — чуть качнёт раскрытой ладонью Имари. Его гость только вздохнёт, подставляя пиалу с намёком на новую порцию.

— Вам нужно найти такого же увечного, как и я. И всё получится, готов отдать под заклад обе свои ноги и правую руку в придачу.

— Ну трудно тебе хотя бы попытаться?

— Да, трудно. Имари, ну пойми ты наконец... Я большую часть года мотаюсь с

поручениями едва ли не по всему континенту, выполняю не самую безопасную работу, бываю дома набегам по неделе раз в несколько месяцев, и то если повезёт, а ты предлагаешь мне вместо долгожданного отдыха возиться с деревенским слабачком в надежде что может быть из него выйдет хоть что-то дельное. Таких — в каждой захудалой деревеньке за кривую жемчужину десяток купить можно. Это не тот материал, ради которого я готов тратить своё время.

— Если возьмёшь ученика, можешь попробовать выбить из Наместника побольше времени на работу с ним, — предложил наставник.

— Мухлёрж это будет. Найдите мне достойный вариант, и я подумаю. И не деревенских слабаков — это должен быть карит в далеко не первом поколении. Благородный с увечным сосудом души. Боюсь, только из-за этого увечья моя сила работает так, как она работает. Дело совсем не в слабости.

— Это... Тема для обсуждений. Твой случай уникален, и нет гарантий, что именно это причина твоего мастерства. — покачал головой Имари.

— Ты уверен? Много ли благородных родов признается, что у них родился негодящий ребёнок? Проще запечатать сосуд и сказать что пустышка. Пустышки — случаются, да. Никого ими не удивишь. Посочувствуют и забудут.

Помолчали. Оба — переваривая болезненные воспоминания.

— А ведь я жениться хочу, — уговорив новую порцию спиртного, сознается Тамай. — Не важно на ком, лишь бы характер сносный. И чтобы дом свой. Хоть здесь, хоть где подальше. Чтобы дети и маленькая кузня. И возится весь день с ними. Понимаешь? Мне уже далеко не двадцать, работа опасная. Устал я. И искренне готов подставить какого-нибудь несчастного парнишку, обучив всему что знаю и бросив в бой. Лишь бы покою дали. Беда, что кто попало тут не подойдёт.

— И на кого глаз положил? — уточнит Имари, подливая.

— Я жгворю...

— Тамай, за нос то меня не води. Я тебя как облупленного знаю, не такой ты ещё старик чтобы о женитьбе на ровном месте задумываться. — на губах наставника расползлась хитрая улыбка. Его собеседник горестно застонал и лицо руками закрыл. Похоже, уже испорченные разговорами об ученичестве посиделки теперь будут безжалостно добиты настырными расспросами о возлюбленной.

Но дело теперь не ограничится одним лишь кувшином.

Хоть какое-то утешение...

— Серьёзно?

Малышня закивала. Кто с вызовом, кто как-то виновато и неловко. На Кено в этот момент смотреть смешно было — таким потерянным выглядел, осознав всю глубину тлетворного влияния, что он оказал на неокрепшие умы будущих каритов.

— Только не говори мне, что это здесь в первый раз такое! — потребовал Шоуки, оборачиваясь к Шимари, старательно закрепляющему перекладыны на последней паре столбов. Тот был самым старшим из здесь присутствующих — заслужил наказание, заснув на посту. Нет, ничего особо дурного в этом не было, пожурили бы и, может, поставили в караул во время праздничного пира, но рабочих рук в Копейном дворе категорически не хватало. Нет, двое парней за неделю справились бы с возведением полосы препятствий для традиционного соревнования, но тут поместье нагнала весть о разыгравшейся в столице трагедии. Шоуки не очень понял, чем так знаменит был попорченный пожаром храм и почему все так убивались по погибшему в огне монаху, но градус столичных торжеств решено было сильно снизить в знак уважения и скорби. А у наместника во дворце как раз была куча гостей, и часть из них — молодёжь в основном, от греха подальше решено было сплавить с наследником в старое поместье, дабы там они могли всласть гульнуть и попраздновать, не поднимая на уши скорбящую столицу.

А это значило — что?

Что резко понадобились трибуны, площадка для показательных поединков, украшения и ещё больше еды и столов и всего на свете. Всё поместье на ухах стояло, спешно готовясь к празднику.

— Конечно не в первый, — чуть дёрнул уголком губ Шимари. — Пьянки тут не новость. Но вот дебош такого масштаба среди одарённых учеников случается раз в десятилетие.

Шоуки с проснувшейся досадой уставился на Кено — тот стоически молчал о том, что он с компанией творил той ночью. Нет, говорили всякое, но Шоуки сидел в Копейном дворе как в бочке, и отлично понимал, что пьяные выходки компании успели десять раз приукрасить и перевернуть. Вот послушать бы из первых рук... А Кено молчал. А ведь его безобразия кучку совсем уж детей вдохновили на то, чтобы распробовать рисовую бражку! И где только достали?

Чуть встряхнул головой. Ладно, не время предаваться размышлениям на тему чужих походов.

— Идите на дальний склад, там с левой стороны загородка со стопками циновок. Берите те, что квадратные со стороной в рост, и несите сюда. И несите, по двое на штуку, чтобы по земле не волочь, — распорядился он, быстро прикинув, где толпа малышни не только не навредит делу, но и принесёт пользу.

Малышня уставилась на него со странным выражением мордашек, и один из них, нахмурившись, выпалил:

— Будет нами тут ещё слабак и бездарь распоряжаться!

Шоуки замер, с оторопью глядя на кучку малышни, гордо повздёргивавшей носы.

— Нам велели отрабатывать наказание, так отработаем, — вякнул другой. — Пусть тот кто за главного тут скажет, что делать. А не этот недотёпа, которого даже Шиши за пояс заткнёт!

Да уж. Отвык. Старшие как-то быстро уяснили что Шоуки тут второй после Имари по бытовой части. И если не хочешь разозлить наставника — слушай, что говорит его почти что заместитель и хвост не распускай. Однако ж эта детвора занималась в основном в саду при школе, появляясь в Копейном дворе раза два в неделю, и потому не была в курсе сложившихся порядков. И что с этим делать Шоуки совершенно не представлял! Наставника рядом не было, а среди мелкоты, судя по вышивке на поясах, было несколько детей благородного происхождения, ссорится с которыми не хотелось совершенно — не хватало, чтобы пожаловались ещё родителям на то, что их жалкий Шо Слабак посмел ругать и к грязной работе силком приставил. Или по ушам надавал. Но это тема для отдельного ночного кошмара.

— Арими. Честно сказать, я ожидал от тебя большего, — подкрался один из парней, что до того возились с разгрузкой телег — подвезли доски для будущих трибун. Имари обещал что собирать их помогут рабочие что подтянутся завтра после обеда. И то хорошо — Шоуки и так уже голову сломал как всё это успеет, когда по стенам ещё надо развешивать выданный ворох праздничных флажков и украшений.

Выступивший первым мальчишка как-то раздражённо дернулся, выверившись на подошедшего.

— Что-то не так?!

А вышивка то у них на поясах очень похожая. Родственники наверно. Эх, выделить бы время и выучить вышивки младших благородных родов и вассальных семей...

— Не так, — согласился карит. — Шо поставили здесь заниматься двором, чтобы не отвлекать господина Имари и учеников всякими мелочами. Он заботится о том чтобы всегда была свежая вода, чтобы не было пыли и грязи, чтобы когда надо под рукой были циновки, тренажёры и оружие. Заботится о том чтобы мы становились сильнее, раз уж для самого это под вопросом. Чтобы клан становился сильнее. И ты изволишь проявлять пренебрежение к такому человеку? И даже не принимаешь в счёт тот факт, что Шо сейчас вроде как Распорядитель Копейного Двора и тебя направили к нему отбывать наказание?

Мальчишки сбледили. Как-то разом. Шоуки растерянно сморгнул. Нет, ну технически функции он выполняет схожие, но статус вот совершенно не тот, да и должности такой нет и не предвидится ввиду малого охвата зоны ответственности... Никогда прежде даже не задумывался что его работу можно воспринимать в таком ключе. Не дайте Предки, старшие услышат, но для детишек это прозвучало весомым аргументом.

— Так чтопринесли извинения и за работу! — отрезал парень, да вернулся к доскам.

— Просим прощения... — нестройно пробормотала малышня, дружно поклонившись.

— Да-да, работайте... — слабо пробормотал Шоуки, окончательно потерявшись в происходящем. Кено фыркнул, и перехватив поудобнее связку бамбуковых жердей, потащил их дальше. Малышня разбежалась, шустро двинувшись к дальнему складу.

По плечу шлёпнула ладонь да так, что задумчиво замерший Шоуки вздрогнул крупно. Повернулся к усмехнувшемуся Шимари.

— Уж запомни, подтрунивать над тобой за то что ты слабак — святое дело, — сказал он. — Но принижать работу, которую ты делаешь — и делаешь хорошо — недостойно всякого уважающего себя карита. Так что выдохни наконец, и скажи что дальше делать — перекладины я закрепил.

— Ах, д-да, конечно, — Шоуки завертелся, оглядываясь. — Здесь, здесь, и здесь надо поверху жерди настелить, чтобы вес спокойно держали, сейчас верёвок принесу, жерди Кено

таскает, нужно будет по концам немного обтесать...

Кое-как отошёл от потрясения, в работу вернулся. Только голова всё равно была лёгкая и пьяная какая-то.

— И это ты назвал каким-то там поместьем? Это натурально — город! — Алан привстал в стременах, и драматично обвёл ладонью открывающийся с перевала вид.

— Старым фамильным поместьем, — согласился спокойно Амарими, уже свыкшейся с мыслью о том, что неточности в переводе некоторых терминов, несовпадения традиций и прочие недопонимания неизбежны, и вызывают в оставленном на его попечение госте столь бурные эмоции. Каждый проклятый раз. — А как по вашему должно выглядеть старинное поместье?

Спросил вежливо и учтиво — в конце концов дорогой гость был старше его. Немного. Хотя это не главное — собственное положение позволяло ему свысока взирать на целую кучу благородных стариков (чего делать всё равно не следует — невежливо), не говоря уже о чуть более старшем госте. Но с кровью, что течёт в его жилах — не поспоришь. В их жилах.

Амарими обернулся, глянув на оставшуюся немного позади группу всадников. Брат развлекает разговорами северянку весьма необычного для этих земель (женщина — в штанах!!!) вида, и пяток её спутников. Девушка была красива, хотя, как и все северяне была бледна как труп и обладала лицом чересчур узким, и глазами водянисто-светлыми. Но разрез глаз и очаровательный аккуратный носик явно указывали, что она состоит в родстве с кланами Благословенных земель, и они придавали её облику изящную завораживающую притягательность.

Взгляд скользнул дальше, к веренице паланкинов и повозок. Снова кольнула неприятная мысль о том, что следовало брату посватать вот эту вот северянку, а не девицу из Оро. Невестка совершенно не пришлась по душе принцу — кроме красивой внешности и хорошей родословной, у неё, похоже, за душой ничего не было. По статусу — именно ей следовало развлекать гостью, и незнание ею имперского тут проблемой не было — Аманда отлично, почти без акцента говорила на благородном наречии Аятти.

Но уж как вышло — так вышло. Не ему лезть в дела старших.

— Ну, оно представляется чем-то небольшим, старинным а, потому старым, даже, скорее, устаревшим, не отвечающим по размеру современным нормам. Часто старые поместья больше похожи на крепости, с узкими высокими окнами и толстыми стенами, — пустился в объяснения Алан. Его собеседник задумчиво кивнул.

— У нас так же. Просто... Что мешает поместью разрастаться вширь? Если хотите, я покажу вам самые первые постройки на его территории. Не сомневаюсь, что они весьма точно подойдут под ваше описание.

— А и покажи, — согласился гость. — Честно сказать, меня весьма впечатляет ваш традиционный стиль. Жаль, что в наших землях нельзя устроить что-то подобное — со множеством садов и галерей.

— Это почему же? — удивился его молодой собеседник.

— Холодные зимы выморозят подобные строения в момент. Чтобы сохранить тепло комнаты должны жаться друг к другу, и устраиваться под одной крышей. И переходы между ними можно устраивать только внутри.

— У настоже бывают холодные зимы. В этих краях, бывает, даже снег идёт! — возразил Амарими. Его собеседник только расхохотался беззлобно.

— Наши зимы куда холоднее здешних. И холода держаться куда дольше. Если выдастся возможность — приезжай посмотреть на настоящую северную зиму. Готов поспорить, тебя впечатлит её смертоносная красота.

— Это официальное приглашение? — заинтересовался младший принц.

— Настолько официальное, насколько это возможно в моём положении. — подтвердил Алан, бросив быстрый взгляд в сторону старшей сестры и сопровождающих её вельмож.

— Благодарю вас искренне!

И верно с таким приглашением можно будет поехать по ушам отцу и старейшинам, и выбить таки прогулку в империю. А то сидеть ровно, то в неприступном столичном дворце, то в плотно охраняемой долине молодому одарённому за его неполных шеснацать лет жизни совершенно, категорически — надоело!

Шоуки замотался настолько, что едва не пропустил в приготовлениях к предстоящему торжеству само торжество. Едва ни до поздней ночи он носился по двору, подбирая последние обрезки да обрывки, стебельки и листья. Последняя высокая корзина для мусора стремительно наполнялась. Нет, последствия стройки убрали ещё утром, потом таскали воду, сметали растащенную по двору глину, а где не получалось — буквально смывали её тряпками. Носились со скоростью невероятной — время выходило. После полудня в Копейный двор ворвалась стайка служанок с корзинами цветов и рулонами тканей, с ножницами и нитками они, щебеча как весенние птахи принялись доводить двор до ума. В конце концов, самый большой в поместье, он должен был принять в себе большую часть торжественных событий предстоящего праздника. Скамьи укрывали плотной тканью, где попроще, где понаряднее — всё в строгом соответствии с тем куда будут рассаживать зрителей. Со вкусом расположились тут и там украшения из цветов — скромных зимних, ярких сухоцветов и искусно выполненных бумажных и тканевых. Девушки возились долго, придавая двору неповторимый лоск и чувство законченности. Чувство степенной торжественности, чувство праздника. Шоуки его совершенно не замечал больше сосредоточенный проверкой прочности сооружений и избавлением от остатков мусора. Разволновался, боясь что что-то упустил, или какое-то из распоряжений забыл, или где-то что-то не так понял. Даже то, что в несколько своих визитов за последние дни господин Распорядитель Высокого Двора Маомин остался доволен ходом подготовки и не высказал никаких нареканий, его не успокаивало. Вдруг они оба что-то незаметили и это, незамеченное, вылезет в самый неподходящий момент во время празднования?!

Кончилось тем, что Имари уже поздним вечером поймал его за шиворот, отволоч в сторону и окунул в высокий резервуар, размером с небольшой декоративный прудик, из которого обычно ополаскивались кариты после занятий.

Шоуки с растерянностью понял, что туда уже успели запустить разноцветных карпов, и воткнули пару плетёных корзинок, в которых угнездились какие-то пышные водяные растения. И правда на прудик похоже стало. Маленький.

— Успокоился? — уточнил Имари.

— А... Мне кажется корзинки было бы неплохо замаскировать крупными камнями, и на дно посыпать мелкой гальки, — обтекая мокрой холодной водой залепетал Шоуки. — Так будет больше похоже на полноценный пруд.

Имари скривился, и окунул его ещё раз, немного придержав для профилактики.

— Успокоился! — пискнул парень, когда его снова допустили до воздуха.

— Вот и замечательно, — наставник отпустил его, и хлопнул по плечам, приглаживая мокрый, сбившийся воротник. — Приведи себя в порядок, навести купальни, а потом выпись. Праздничные одежды тебе должны были выдать ещё на той неделе — успел примерить?

— А... Ну, кажется...

— Значит, если где ошиблись с размером, будешь терпеть и не вякать. — покачал головой мужчина. — Ступай. Об оставшемся я позабочусь.

Шоуки поклонился, и удрал мыться — очень бодро! Насквозь пропитанный холодной водой. Впрочем, купание пошло впрок, так бы он сам не вспомнил что в празднестве ему ещё и участвовать, вообще-то.

Имари только головой покачал, глядя вслед удаляющемуся мальчишке.

— Ты посмотри только насколько он старательный и подвижный.

— Нервный и суетливый. Увлекающийся до полной потери понятия о происходящем вокруг. Забывчивый, — хмыкнул Тамай, выступая из сгущающейся темноты под забором.

— Всё тебе не так, — вздохнул наставник каритов. — Ладно, пойдём. Покажу кое-что.

— О, а я уже решил было, что ты меня позвал сюда только ради того, чтобы полюбоваться на твоего замотанного служку, — в голосе Айри скользнуло ворчливое ехидство.

— Нет — нет, тут кое-что поинтереснее, — Имари направился к одному из небольших помещений, лепившихся к стене двора. Отпер хитро растопыренным ключом замок, распахнул двустворчатую дверь, являя свету первых звёзд широкий стол, единолично занимающий почти всё нутро сарайчика. Он был покрыт плотной красной тканью, и уже на нём выложены рядом почти две дюжины клинков. Все они немного отличались друг от друга — длиной, некоторыми формой, пара — богатством отделки. Но большинство, похоже, вышли из-под руки одного и того же мастера. Лаконичные лакированные ножны, символ клана на пластине у устья ножен. Кисти на рукоятях.

Тут было на что посмотреть... Однако-же Тамай уставился на один из клинков, тот, что почти в конце ряда. Один из тех, что попроще. Ему не нужно было вынимать клинок из ножен и осматривать, чтобы понять, чем он отличается от прочих.

— Имари! Я же сказал что не возьму парня в ученики!

— Зато если вдруг — перековывать для него клинок не придётся, — заметит его собеседник ровно. — Икузнецу следовало набить руку в изготовлении подобного оружия. Распоряжение Наместника.

— Тс! — цыкнул зубом Тамай, разворачиваясь. — Немог в лицо сказать! От этих ваших постоянных намёков уже злость берёт.

— Что, даже не посмотришь? — несколько удивился Имари. Его друг обожал возиться с оружием. Обычно. Но от чего-то не сегодня.

— Времени у меня нет, — отмахнулся тот.

— Торопишься? Куда?

Но Жнец не ответил — ровным шагом направился к выходу со двора. Имари бы половину собственного арсенала отдал, чтобы узнать, куда Тамай произвольно бросил взгляд на последнем вопросе, но увы — пришлось задержаться, закрывая двери склада.

Утро началось с паники. Шоуки точно помнил, что молодёжь инструктировали о порядке проведения предстоящей церемонии, но он не помнил деталей. Совершенно. Потому — едва приведя себя в порядок помчался в сторону кухни в поиске тех парней которым — он точно помнил — сегодня будут вручать клинки. Нашёл! Там его успокоили, что до церемонии ещё есть время. Посмеялись конечно над всполошённым парнем, но велели держаться рядом. Шоуки и держался. Солнце забралось чуть повыше, даже потеплело чутка — народ начал стягиваться в Копейный двор. Все в праздничных одеждах, к тому же было много незнакомых благородных семейств — Шоуки нечасто выбирался из Копейного двора, чтобы знать всех, кто проживает в огромном поместье... Но народу было действительно очень уж много. Надо полагать, гости. Откуда бы тут столько разных родов? Большую часть узоров и личных знаков он видел впервые.

Так дошли и до... Копейного двора? Шоуки едва не споткнулся на входе — впервые за неделю взглянул на это место свежим, незамысленным взглядом. Так торжественно тут было. Празднично. Двор преобразился совершенно, ему даже музыка почудилась... а нет, не почудилось — в том уголке и правда музицировали девушки в нарядных платьях, создавая приятный фон.

Потихоньку занимали положенные места. Кто на трибунах, кто на свободном пространстве... вот как молодёжь. К группе с которой стоял Шоуки прибилась дюжина напыщенных парней в таких же праздничных одеждах, но незнакомые, почти все с родовыми вышитыми поясами.

— А это ещё кто? — спросил он шёпотом у спутников.

— Да тоже что и мы, только родовые и учились у себя дома. От того все лица незнакомые, — так же тихо пояснит ближайший. — Но присягать им всё равно клану, так что сюда приехали. С роднёй. Ну и на праздник заодно.

Заодно приехавшие бросили на шепчущих уничижительные взгляды, но промолчали. Не время и не место собачится. Тем более что стягиваться начали важные представители клана и их гости, а потому следовало стоять ровненько и торжественно, держать марку. Получалось, впрочем, само собой — атмосфера располагала. Шоуки даже с десятков северян заметил среди гостей — разряжены были во что-то весьма странное. Наверное тоже как бы торжественные одежды. Рассмотреть бы поближе, но они неудобно, сбоку стояли — не будешь же головой вертеть?

Наконец гомон начал стихать, началась официальная часть. В целом, ничего особенного, разве что храмов тут было целых три — Предков, бога-воителя, и Лучезарной Госпожи, потому церемония была длиннее чем обычно проводилась в храме Тростниковой долины. И торжественнее! В конце концов, это праздник обновления, когда Великая Мать стягивает сонное оцепенение и теперь с каждым днём всё жарче будет ласкать Благословенные Земли в своих объятьях. Всё дольше задерживаться на небосводе, даруя свои свет и тепло, пока не убедится что поля дадут достойный урожай, и уставшая, не станет сонной и холодной до следующего праздника.

Шоуки сегодня впервые увидел танец жриц Лучезарной Госпожи, старинный, выверенный, повествующий как добрая богиня сжалилась над оголодавшими холодными землями. Он и вправду был так хорош, как о нём говорили. Красив, невероятен! А потом

были ещё выступления, те же танцы с клинками, разве что их проводили старшие кариты и делали это ну очень красиво. Особенно учитывая что так-то это искусство не только не поможет в реальном бою, но и сведёт тебя в могилу за считанные минуты — слишком всё зрелищно, слишком много неуместной акробатики, зато выглядящей красиво и вызывающей восторженные ахи в толпе. Шоуки близко не представлял как они умудряются переключаться между двумя стилями ведения боя — нормальным, и настолько зрелищным и бесполезным. Хотя может, со временем и сам так научится.

И всё это под чудесно подходящую к случаю музыку, мелодии смутно знакомые, но он ещё не слышал их в таком исполнении и на стольких разных инструментах.

Он был так захвачен происходящим всё это время, что дальнейшее несколько застало его врасплох. Ибо туда, где до этого воскуряли благовония и произносили торжественные речи жрецы, вышел сам наследник, в сопровождении самых умелых и важных каритов поместья (да-да, Имари там тоже был, как же без него), и объявил, что в этот праздничный день достойнейших молодых одарённых назовут каритами. Ибо, заслужили. Величие клана и военные подвиги, всё такое. Конец его речи в восприятии Шоуки смазлся — тот вспомнил, что это, собственно, и про него тоже. А он напрочь забыл слова полагающейся клятвы — до последнего не верил что его, такого слабака когда-нибудь назовут каритом по-настоящему.

И потому запаниковал тихо, до дрожи в ногах и стука крови в ушах, но к счастью сумел заставить себя немного успокоиться — вряд ли его вызовут первым, так что правильные слова можно будет банально подслушать. Да и не зря же их поставили совсем рядом с местом действия то?

Ну да, зря так волновался — первыми произносить клятвы и получать клинки отправились, конечно же, ребяташки богатеньких, знатных родителей. И проговаривали они нужные слова так пафосно и важно, что от зависти удавиться хотелось. Понимал — сам так не сможет. Как бы от волнения заикаться не начать?

И ведь, если так подумать, всё это было так торжественно, так...

Правильно.

Не заикался — когда очередь до него дошла наконец. Произнёс клятву ровно, на одном дыхании, но состояние такое было, что перед глазами пятна плавали, а в ушах кровь стучала. И вот слуга подаёт господину Аминари очередной клинок. Простенький, аккуратный.

Свой.

Наследник принял клятву, конечно же, важно, с достоинством, назвал молодого Шоу каритом, сказал пару напутственных ласковых слов. Опустил клинок в протянутые руки.

Он был похож на молодого игривого зверька — куницу или даже соболя. Вёрткого и шустрого, не желающего оставаться на месте. Впечатление было сильным невероятно — и совсем не обманчивым! Клинок так и не коснулся ладоней, завис над ними, чуть подрагивая, лишь на какую-то пядь держась над кожей. Шоуки пришлось торопливо сжать пальцы — испугался что меч сорвётся с места и сбежит.

Поклонится. Немного торопливо, но искренне. И вернуться в строй на едва гнущихся ногах, прижимая к груди клинок.

Его клинок.

Остаток вечера прошел смазано. Они вроде как веселились, улюлюкали и болели за команды, бравшие приступом полосу препятствий. Слуги, кариты, да вообще все желающие могли попробовать себя на этом поприще, объединившись в пятёрки, если не боялись извозиться в жирной рыжей глине или навернутся с высоты двух ростов. Ну так, а как же!

Команды, набравшие больше всего разноцветных шёлковых платочков от прекрасных дев, ожидавших в конце полосы, могли получить ценные призы. Шоуки не особенно понимал систему сложных цветовых обозначений успешности каждого прохода, но вроде бы прекрасные девушки-судьи в струящихся платьях выдавали награды честно и мудро.

Зрителям определённо нравилось.

В какой-то момент поучаствовать ввязались даже северяне. Пришлось вежливо сдерживать смешки, хотя энтузиазм мальчика-заводилы из этой компании вдохновлял и вызывал уважение. И северяне даже заработали какие-то награды, хотя и изгваздались в глине с ног до головы, наверняка испортив свои странные праздничные наряды.

Потом были гулянки там и сям, в разных уголках и дворах поместья были разбиты столы с яствами, проводились представления, так что вся толпа оперативно рассредоточилась по территории и нигде не было слишком уж шумно и тесно. Шоуки так и болтался за стайкой молодых, свежепровозглашённых каритов, только теперь решившись пристроить свой клинок за пояс, как полагается. До того всё к груди прижимал. Впрочем, не он один такой.

Им даже позволили несколько чашек фруктового вина — праздник же! Оно определённо помогло немного расслабиться и перестать бояться, что клинок куда-нибудь сбежит, если его отпустить.

В какой-то момент они наткнулись на молодого северянина, приняв его за болезненно-бледного местного. Видимо, гости вымылись после недавних развлечений и облачились в нормальную одежду. Да и черты лица намекали что парень вполне себе смесок, вроде Кено, только наоборот, с малой толикой кровей южных. Правда, на аятти он изъяснялся плохо, а среди всего десятка молодых каритов только Шоуки знал имперский на нормальном для разговора уровне. Так и выяснили что парень нечаянно отбилсЯ от своих, и теперь их разыскивал. Кариты вызвались помочь гостю, но процесс затянулся, ибо любознательный северянин цеплялся вопросами за всё на свете и переходя из одного дворика в другой приходилось задерживаться рассказывать, показывать... Впрочем, они хорошо провели время всей компанией... Пока не выяснилось, что компания северных гостей всё это время в лёгкой панике искала потеряшку, и каким-то невероятным образом они всё это время разминались, переходя из двора во двор...

Когда все рассыпались в извинениях, раскланялись и разбежались, Шоуки начал подозревать, что парень просто воспользовался стайкой одногодок, чтобы скрыться от родни по какой-то одному ему ведомой причине. И ловко уводил всю их компанию в сторону, едва замечая приближение своих.

Смутное подозрение. Но да кто их знает, северяне они вообще странные какие-то.

Как стемнело, над поместьем расцвели в небе огненные астры. С грохотом и свистом взмывали вверх откуда-то из-за стен и разбрасывали искры на потеху толпе.

Потом, когда огненные хвосты угасли и горько-пряный дым унесло ветром, началось страшное.

Шоуки запоздало понял, почему новоявленные кариты из благородных так шустро свинтили к своим семьям.

Ибо пришли старшие, теперь уже коллеги, устраивать новоявленным каритам “ритуал инициации”. И отвертеться не получилось бы — тех банально было больше.

Шоуки познал, что такое похмелье. Тело ныло и болело после дурацких “состязаний” устроенных старшими, одежда была изгваздана в грязи, щёку оцарапало веткой до крови, за

шиворот набилась какая-то труха, вмявшаяся в тело, ибо заснул он так, как рухнул на пол даже не добравшись до постели.

Подташнивало, голова болела, от любого неосторожного движения начиная громко выражать своё возмущение. А ещё дико хотелось пить.

Он кое-как поднялся на ноги, выверяя каждое движение, чтобы не потревожить примостившийся на плечах бестолковый комок боли.

Вчерашнее вспоминалось с трудом. Во всяком случае то, что было после фейерверков. Вроде бы их убедили что надо непременно покинуть поместье не потревожив часовых. Вроде они даже добрались до ближайшей деревеньки по ночному лесу. Там было много кувшинов с рисовым вином. И какие-то задания, меряние силами, и проигравшие должны были пить... А они проигрывали ибо были молоды и неопытны...

Потом как-то добирались назад. Тоже прокрадываясь мимо часовых. Что-то такое...

Шоуки выполз во двор, щурясь от болезненно резавшего глаза солнечного света. Доковылял до “пруда” с карпами и опомнился, высосав едва не половину воды. Ему так казалось. Стошнило. Пришлось пить ещё и идти назад в укрытие тёмной комнаты. Только на входе обнаружил по углам ещё два тела. Сжалился, страдая принёс ведро воды, чтобы коллегам не пришлось так мучиться как ему. Сел у стены, прислонившись затылком к доскам и пережидая дурноту.

Честно сказать, взрослая жизнь ему не то чтобы нравилась. Начало, во всяком случае, было так себе.

Спустя почти вечность, одно из туловищ со стоном зашевелилось. Вроде как туловище звалось Шимай, и отличалось тем, что ему вручили длинный клинок — нуори, “Один-и-половина”. Не самое распространённое оружие. Грозное и тяжёлое, требующее особого мастерства в обращении. Смертоносное на поле боя и подходящее для охоты на крупных, легендарных чудовищ. Клинок Героев, как его иногда называли. В сказках едва ли не все принцы такими владели...

Шоуки вздрогнул, чуть повернулся, переложил на колени свой клинок. Классический Имперский. Так-то с такой формой и длиной клинка ему было удобнее всего работать на тренировках. Надо же, заметили. Осторожно, едва прилагая усилия потянул лезвие из ножен. Впервые со вручения, выходит. Прикрыл глаз, в который блеснувшее лезвие бросило солнечный отсвет. Норовистый. По лезвию струился травяной узор, доходя едва не до половины. Здешние кузнецы и правда были мастерами своего дела. А ещё — такой лёгкий. В нём был сердечник из небесного железа — это чувствовалось. Почти все боевые клинки такие. Разве что... Шоуки всегда казалось, что из этого благородного металла делают либо сердечник, либо пускают полоску вдоль лезвия, поверху. Вроде как иногда заключают в украшения рукояти — кому как больше нравится, и на что способны оказываются кузнецы. Вроде как оно было более хрупким чем обычная сталь... Да и изделия целиком из него имеют совершенно особенный рисунок.

Его же клинок... Впечатление было такое, что невидимая вставка небесного железа блуждала по всему лезвию от основания до кончика, и потому меч казался таким подвижным, живым и непоседливым. Шоуки позволил ему воспарить над ладонью. Это далось легко, и клинок почти сразу начал проворачиваться вокруг своей оси и пытаться встать вертикально с упором на остриё. Спустя минуту у него даже это получилось, но на этом медленное движение и не думало останавливаться. Более того, поддерживать его было очень легко, а зрелище даже успокаивало гудящую голову. В целом, всё это было немного

странно, но кто Шоуки такой, чтобы жаловаться на поведение своего клинка?

В углу снова застонали, и поползли к ведру. Шоуки осторожно поймал клинок, и вернул в ножны, благо, уже прешёл к выводу, что рад тому что клинок такой странный и непохожий на остальные мечи. Это казалось правильным.

Всё казалось правильным теперь. Даже проклятое похмелье, как бы ни хотелось о нём забыть как о дурном сне.

— В следующий раз надо будет сразу драпать... — простонали в чуть в стороне.

— Следующего раза не будет, — возразил Шимай, отрываясь от воды. — Разве что ты стукнешься головой и забудешь что ты карит. И тебя снова заставят клятву приносить и... и всё это.

— А так разве бывает? — усомнился Шоуки.

— Наверно нет, — подумав, качнул головой Шимай. Поморщился. Видать в голову ударило.

— За что они так с нами, а?! — спросили тоскливо с пола. Как парня звали, Шоуки забыл совершенно. Если тот вообще вчера вечером представлялся. Хотя, для произнесения клятвы по имени же вызывали...

— Наверно, мстят за то, что когда-то с ними так же обошлись, — предположил Шоуки рассеянно.

— Нам?! — выкнет неизвестный.

— Именно. И наша священная обязанность — пронести огонь мести дальше и в будущем году так же страшно отомстить новичкам!

— Глупость какая... — фыркнул тихонько Шоуки.

— Не глупость — традиция, — возразил Шимай. — Вроде тех же флажков с изображением небесного компаса на праздник.

— Флажки... — слово неприятно царапнуло Шоуки. Он задумался, а потом вскочил на ноги да так резко, что едва не рухнул на пол от общего возмущения организма столь резким рывком. — Флажки! Всё это снять надо к демонам, завтра уже занятия начнутся!

И быстро, насколько это вообще было возможно в его состоянии, ломанул наружу.

Оставшиеся в комнате кариты посидели немного на полу. Передали друг другу ведро с водой — напиться. Помолчали.

— Кажется я начинаю понимать, чего его сюда поставили. — Заметил Шимай задумчиво.

— Угу. — ответил ему коллега по несчастью, — Поможем, что ли? Он же там убьётся один. Ты видел, как его шатает?

— Попробуй встать, тебя зашатает так же.

— Мы теперь воины, кариты. Нам положено терпеть лишения и преодолевать трудности ради клана — покачал головой парень, начиная тяжело подниматься на ноги.

Долго преодолевать не получилось. Прешёл Имари, посмотрел на это безобразие и пинками погнал всех отлёживаться.

А украшения, трибуны, и полосу препятствий три десятка слуг с одного из малых дворов разобрали за пару часов.

Казалось, Шоуки уже начал приспосабливаться к такому ритму жизни. Казалось. Но раньше он был никем — слугой, совсем ребёнком, потенциальным каритом, но — не каритом полноценным. А теперь... Утренние обязательные занятия. Вроде как лёгкая разминка перед тяжёлым днём. Во всяком случае — теперь это казалось лёгкой разминкой. Потом фехтование, борьба, снова — чтение, письмо и литература, потом занятия на конюшне — да, Шоуки совершенно не умел ездить верхом и обращаться с этими страшными зубастыми животными! И вечером занятия по управлению силой духовного сосуда и её применению в бою.

А ещё два раза в неделю были пространные разговоры на кучу, казалось бы, совершенно бессмысленных тем — про одежду и стили её кроя, про съедобные растения, что можно найти в диком лесу, по способам распознать яды и искусству расставления часовых... Голова пухла и кругом шла, одним словом. А надо было ещё успевать свою работу делать и старших каритов обслуживать...

Хоть помощников выдавали регулярно, и на том спасибо. И ребята иногда плечо подставляли Кено, Шимай, Шусай, Таики Ло... С последним вообще странно вышло — он был из одного из знатнейших родов благословенных земель, но после событий в Ландатарии остался единственным прямым представителем рода и теперь предпочитал благородному обществу общение с простыми каритами и изгоями вроде Шоуки. О причинах можно было только догадываться — всех тонкостей тогдашних событий Шоуки не знал, но точно помнил что Наместник не объявил род Ло предателями и преступниками, несмотря на то что именно из их семьи вышел один из зачинщиков мятежа.

Как бы там ни было, если бы не парни, Шоуки бы просто сдох тут. Особенно после того, как Имари узнал что тот часто пренебрегает медитациями, чтобы урвать чуть больше сна. Начал контролировать. Благодаря этому Шоуки быстро освоил семь направлений медитации и сорок девять её основных приёмов, но совершенно перестал чувствовать себя хоть сколько-нибудь выспавшимся. Оставалось разве что постигнуть просветление и освоить пятьдесят четвёртую, пятьдесят пятую и пятьдесят шестую технику медитации, что вкуче могли заменить сон. Очищение мыслей, очищение тела и очищение духовного сосуда — сложные, но полезные приёмы.

Потом начались практические занятия по ориентировке на местности, конным построениям и плаванию. Занимало это полдня, хорошо хоть учебный лагерь располагался всего-то в каком-то часе пути от поместья.

Когда это всё завертелось, Шоуки даже позорнейшим образом пропустил расширение своего духовного сосуда. Заметил только, что стало немного легче управляться с оружием и тренажёрами. Немного. Запас сил хоть и подрос, но всё ещё был на таком ничтожном уровне, что хоть плачь. Конечно, он уже куда бережнее расходовал силы, куда более ловко их применял, но...

Даже сознаваться не стал, чтобы не позорится лишний раз. К кариту с медным сосудом претензий о слабости быть не должно — какая сила у медяшки? А скажешься бронзой уже будут вопросы...

Особенно если ты и среди медных был слабейшим.

Но хуже всего было с лошадьми — тяжёлые здоровенные звери косили своими

выпученными глазами, ловя каждое движение всадника, и показывали характер при малейшей слабине с его стороны. И Шоуки их банально побаивался за эту вредность и за их силу и мощный удар копытом.

Хорошо хоть искусство падать, ничего себе не ломая освоил в совершенстве — из седла вылетал часто.

Нет, чтобы учить новичков на смиренных деревенских лошадках, зачем сразу породистых боевых коней подкидывать?! Он сам видел как такая скотина по весне накинута на неосторожного волка, втоптала в грязь, и потом ухватила этот окровавленный мешок с ломаными костями своими жёлтыми зубищами и начала мотать из стороны в сторону, норовя шлёпнуть о землю пожёще... Стоит ли удивляться, что Шоуки попросту боялся этих тварей?! Если бы это не было прямым приказом он бы плюнул на вечную нехватку времени и добирался бы до учебного лагеря своим ходом, а не верхом на этом кошмаре!

Кошмар звали Маленьким Пятнышком, и он был закреплён за Шоуки. Может, когда-то он и был очаровательным жеребёнком с белой звёздочкой во лбу, но сейчас этот конь явно пытался подстроить смерть своего наездника при любом удобном случае! Он даже пару раз пытался подкрасться к Шоуки, карит чётко различал движение металлических частей сбруи и подков у себя за спиной!!!

И выклянчить другого коня не получалось, махнуть с коллегами — тоже. Приписали, так работай с этой... тварью.

Как будто и так проблем мало.

Спасали парни — Кено каким то непонятным образом понимал, что Шоуки на грани срыва, брал его в охапку и несмотря на возражения тащил напиваться. Кончалось похмельем, но кто тебя за это накажет, когда ты и так работаешь там, куда присылают отбывать наказания?

И очищающие медитации всё равно пришлось осваивать — они здорово помогали снимать похмелье.

Это определённо дало шанс протянуть до начала лета и хоть немного привыкнуть к бешеному ритму жизни. А там стало легче — человек ко всему привыкает.

Тем тяжелее было оказаться выбитым из ставшего привычным ритма.

Шоуки сидел у костра, скрестив ноги, выпрямив спину и расслабив плечи. Взгляд был прикован к некоей точке над языками пляшущего пламени, а в мыслях вертелись десятки дел, что останутся не переделанными в Копейном дворе сегодня из-за его отсутствия. Его уже преследовали видения сваленных как придёт в кучу циновок, может даже переломленных пополам из-за того никто не обратил внимание на загиб и набросал сверху ещё. Видения об остатках воды в “прудики”, которые естественно останутся стоять ночью, а к утру их просто разбавят свежей. О разбросанных в сарае-складе деревянных клинках и копьях, в которых потом не разберёшься, не споткнувшись обо что-то раза три или четыре. О не проветренном на ночь малом зале, который начнёт ненавязчиво пахнуть потом. Не завтра, так послезавтра — как он понял, они тут надолго.

Вот знал бы — лажал бы на занятиях! Хотя нет, не вышло бы, наставник Имари нутром чувствует, когда кто-то вполсилы работает.

Да, Шоуки слабак! Но его больше полугода использовали как куклу-болванчика в натаскивании и младших и старших во время занятий по рукопашному бою. Так что погодок, без использования духовного сосуда он раскладывал всех, ровными рядами, технично и аккуратно. А лучших, как водится, награждают всякими послаблениями и привилегиями.

Вроде вот этого вот участия в одной из первых весенних охот в Заречной чаще.

Только толку с этого? Едва перебрались через реку и обустроились лагерем, как старшие заявили, что наткнулись на след какой-то сильной твари, велели никому слабее третьего уровня посвящения нос из лагеря не высовывать и уехали гонять опасное чудовище.

Вот и сиди сейчас, отдыхай.

Амарими огляделся с досадой, и заложив руки за спину прошёлся вокруг расставленного для него шатра. Поглядел на небо. Нашел взглядом приставленных к нему каритов. Посмотрел на небо ещё немного, прикидывая, сколько времени уже пошло. По всему выходило — недостаточно.

Какое разочарование. Он то надеялся как следует порезвится, гоня зверьё и чудовищ по лесам. Вспоминая его не сильно давнего гостя...

На севере охота была популярна, весьма. Светские выезды на охоту считались событием, наравне с большими приёмами, но — где можно повеселится всласть, не сильно придерживаясь светских приличий. И заодно похвастаться своими скакунами, или гончими, или соколами... Амарими идея сочетания столь рутинного действия как охота и светского приёма захватывала. Да, здесь охота тоже считалась чем-то вроде занятия для души, чтобы развеяться и расслабиться... Но не было у этого процесса налёта торжественности и вседозволенности, лоска, которые чувствовались в рассказах Алана. Разные культуры, да. Но сейчас, после того как разведчики наткнулись на следы м'кари, охота обещала быть совсем унылой. Для него, во всяком случае. Два-три дня старшие будут гонять по лесу опасную тварь, пока он будет отсиживаться в безопасном лагере, потом принцу и прочей молодёжи дадут погонять стаю-другую волков, может, какое слабое чудовище, и на этом долгожданная вылазка на волю закончится, толком не начавшись.

Какое разочарование.

И похоже, молодёжь чувствовала что-то похожее. Вон, слоняются, сидят у костров, лица скучные и рассеянные. Где-то сплетничают без особого азарта, пара человек тренируется или медитируют — чего зря время терять?

Пошатавшись по лагерю ещё немного, Амарими заметил несколько знакомых лиц, и одно из них напомнило ему как раз таки об Алане. А вернее, об одной из его выходок тогда, на празднике середины зимы. Когда он под благовидным предлогом “потерялся” и вдосталь пошатался по территории поместья без сопровождения. Жаль, что его с собой не взял, но да в той ситуации Амарими и сам не посмел бы покинуть родню. Не в такой момент.

Хм... А это мысль.

Парень обдумал её и так, и эдак. Прошелся среди группок молодёжи, уточнил ещё раз у старших, оставшихся охранять лагерь, в какую сторону ушли основные силы и как вообще проходит охота на м'кари. Тварь была высокого ранга, пока вся информация о ней, что предоставлялась молодым каритам, состояла в том, что завидев признаки её присутствия на местности надо брать ноги в руки и быстро как только можно нестись сообщать старшим.

Ещё раз прошёлся по молодёжи, вынашивая План. Некоторые что-то заподозрили и вежливо отказались от участия. Но массовка была нужна! Иначе ничего не выйдет.

— Привет! — он присел к костерку, заставив вздрогнуть то ли медитирующего, то ли дремлющего карита. — Я тебя помню, ты Шо, да?

— 3-здравствуйте. Да, вы правы, господин, — чуть замаявшись проговорил парень осторожно.

— Да расслабься. Ты здорово помог моему другу тогда, на празднике середины зимы. Ты вроде из какого-то маленького городка?

Парень аккуратно так кивнул. Ну, тут ошибиться было сложно — с таким коротким, крестьянским именем, да куцым хвостом волос, не вобравших ещё в себя часть отросшей чёлки... Крестьянам не положены длинные волосы. Для благородных и каритов — едва ли не обязательны. А рас отращивать начал только теперь — значит раньше не имел права на такую роскошь.

— И так хорошо знаешь язык северян! Удивительно!

— Нет, на самом деле... — осторожно произнёс парень. — Видите ли, через наш городок изредка проходили торговцы с севера... А после строительства переправы ниже по реке начали захаживать намного чаще. И так получалось, что в поиске указаний на правильную дорогу, или где можно остановится на ночь они часто заходили в храм Предков — он стоит на самом въезде в город, так уж вышло. И настоятель быстро выучил северное наречие, чтобы оказывать помощь путникам и торговцам, и нас за... И нам язык преподавал заодно. Я из храмовых сирот.

Ну да. От того у парня до сих пор настолько короткое имя. С самого дна поднялся, молодец!

— Твои Предки должно быть, довольны тобой сейчас! Каритом стал! Слушай, как на счёт раздобыть чего свежего на ужин?

— Ну... нам велели сидеть в лагере и...

— Да не будем мы никуда уходить! К реке пойдём порыбачим. Ты умеешь рыбачить?

— Нет, река дальше была, воду всю из колодцев черпали, даже для стада... — молодой карит всё ещё имел вид растерянный и озадаченный.

— Вот и научишься заодно! Идём! — бодро потребовал Амарими, и направился к отдельно болтающейся группе молодых каритов.

— Всем привет! — довольно панибратски обратился к ним принц. Имел право — пара парней была из вассальных родов, для них такое — даже некая привилегия. — Скучаем? Такай, твой род вроде на Разбитом озере владения имеет?

— Это так, господин, — согласился парень.

— У вас там рыбалка хорошая, наверно, — предположит задумчиво.

— Отличная рыбалка, господин, — подтвердит сдержано, не понимая, к чему затеяна эта беседа.

— А пойдём сравним, как рыба на реке да на озёрах ловится! За одно Шо поучим — он рыбачить не умеет, представляешь?

Такай Маари кивнул — он отлично представлял, как можно не уметь рыбачить — сам был тому ярким примером. Даром, что вырос практически на воде. Ну не его это было. Только — не сознаешься же теперь! Да и друзья следом увязались — вот они знают, что к чему, выручат.

Заимев, таким образом шестерых “единомышленников”, Амарими, окрылённый успехом вербовки, направился к господину Итаки, которого тут оставили за главного. Карит был силен, но происхождение его было низким — бастард от случайной связи неназванного родовитого мужчины с низкородной актрисой и певичкой. Он весьма приподнялся, благодаря своему мастерству, но до сих пор немного робел перед представителями главной семьи. Мало кто об этом знал, но Амарими слышал пару раз как отец сокрушался на эту тему. Мол, какой замечательный воин, сильный, подающий надежды полководец, а как

пытаешься испросить у него мнения по тому или иному поводу, так сразу теряется.

— Господин Итаки! Господин Итаки! — подскочил к нему бодро и воодушевленно. — В снаряжении же снасти рыболовные были?

— Да, лагерь почти всегда у реки устраивается, — подтвердил тот покладисто. — Потому снасти велено всегда с собой брать.

— Ну так мы с парнями возьмём, спустимся немного вниз по течению, там, я видел, что-то вроде заводи! Рыбы заодно на ужин натаскаем!

Главное — фонтанировать наивно-радостным воодушевлением, чтобы карит ничего не заподозрил и сделал правильные выводы. Что он подумает? Молодёжь решила порыбачить, раз. До берега реки рукой подать (лагерь у самой воды устраивать не стали, чтобы избежать сырости и насекомых, любящих сырость), отсюда, с высокого места воду просто видно в просветах между ветвями, да и многие караульные посты у самого берега расположены. Упомянутый затон совсем рядом, да и расположен восточнее лагеря, а охотники ушли на запад. Опять же, молодой принц идёт не один, а с друзьями, да и телохранители следом увяжутся — что может пойти не так?

— Да, конечно, — после недолгого размышления пришёл к нужному выводу мужчина. — Свежая рыба будет очень кстати. Снасти должны быть в одной из корзин под тем навесом, сети, морды, крючки да леска. Удилища вырезать себе сможете?

— Да, конечно! — закивает. — Тут бамбук часто по берегу попадается! Да и кусты какие-то с гибкими ветвями были.

— Вот и славно, — кивнёт мужчина, немного наивно порадовавшись тому, что принц нашёл себе спокойное и безопасное занятие, да ещё и к всеобщей пользе. А то начнёт ещё со скуки маяться, молодых каритов на каверзы какие-нибудь подбивать... Не хотелось ему оказаться в ситуации, когда пришлось бы утихомиривать возглавляемую принцем молодёжь...

Если бы он осознавал такой абстрактный концепт как философия, то непременно бы размышлял сейчас о странной настойчивости, с которой провидение раз за разом доказывает, что исполнение желаний процесс весьма рискованный и циничный. Он желал найти наконец эту замечательную добычу? Он нашёл её. Он желал найти её в больших количествах? О да, её было весьма много. Он желал, чтобы добыча эта была высочайшего качества — сочная, яркая, до краёв наполненная тем чудесным светом от одной мысли о котором пасть наполняется слюной? О да, эта добыча была невероятно аппетитна, ярче и заманчивее чем что-либо попадавшееся ему прежде.

И настолько же невероятно, невозможно вёрткая и кусачая.

Он осознавал концепт опасности, и вынужден был признать, что в таком количестве и качестве долгожданная добыча опасна. Даже чересчур, о чём свидетельствовали глубокие раны в боках. Кровь уже остановилась, но нутро болело неприятно и недобро, намекая, что его неплохо бы подлатать чем-нибудь существенным, иначе оно и дальше будет оттягивать и проедать силы, да и саму жизнь.

Охота не удалась.

О как он радовался тогда, три года назад, когда почуял на этом берегу следы лакомой добычи, которая проходила здесь не так давно. Излазил весь лес, исследуя следы, и с горечью вынужден был признать, что добыча покрутилась тут, и ушла за реку.

Но он подумал, что стоит выбираться в эти края почаще, надеясь на встречу с лакомой

мечтой. Раз в несколько лун приходил, иногда находил свежие и не очень следы, на второй год понял, что добыча может появиться здесь только когда сойдут снега, да на третий год перебрался поближе к этим лесам, чтобы проверять их два-три раза в луну, а не раз в две-три луны, как прежде. И эта стратегия (если бы он понимал, что такое стратегия) оправдалась! Он встретил долгожданную добычу! Оказавшуюся неприятно кусачей и настырной.

Он был старым, хитрым охотником, и в конце концов оторвался от преступно опасной еды, запутал следы, сбил запах крови со своих боков, по широкой дуге обошёл едва не половину чащи, направляясь в те места, где, как он знал, добыча оставляла на время приведённых с собой животных. Они напоминали крупных безрогих оленей, очень тяжёлых и полных сочного мяса. Конечно, оно ни в какое сравнение не шло с лакомым светом, теплившимся в этих странных колючих существах, но сейчас, чтобы успокоить нутро, сойдут и они. А нутро следовало успокоить как можно скорее — чтобы быстрее пришло в норму, и можно было снова вернуться в эти края, поджидать опасную добычу.

В этот раз — более вдумчиво. Он был стар и опытен, и умел учиться на своих ошибках. В следующий раз он непременно добудет себе этого сладкого манящего света.

Очередной раз вспомнив о нём он остановился, облизал в предвкушении зубы, и открыв третий глаз окинул окрестности пристальным взглядом — убедится, что преследователи до сих пор идут по ложному следу, а не маячат за спиной. И — к собственному удивлению, увидел ещё две стайки добычи впереди. Одна, поближе, была больше, и хоть в целом, не столь лакома, присутствовали в ней и яркие сильные источники света. Опасно яркие, как он уже успел убедиться. Вторая стайка была мала, бледновата, и находилась несколько дальше. Всего две действительно сильных искры, пара средней паршивости, остальные слабенькие...

Но если так подумать, подмять их удастся без особого труда, а с таким лакомством нутро заживёт и успокоится быстро. Очень-очень быстро.

И тогда можно будет подумать об охоте на куда более сильную, опасную, и заманчивую дичь...

— Но мы же рыбачить... — вкнул было один из каритов, но его шустро тюкнули в бока с одной стороны Такай, с другой — Шоуки. Даже до него дошло, что принц не просто так ломился в гущу прибрежного леса, якобы ища “самый лучший бамбук для удилица”. И при этом внимательно присматривается к земле, в поисках следов на звериных тропах. Младшему Сиасаю хотелось поохотиться, и кто они такие, чтобы мешать ему теперь, когда пошли на поводу.

Да и всё-таки, лагерь близко... Разве что беспокоило отсутствие охранников. Шоуки казалось, что опытные кариты сообразят что подопечный слинял и догонят их быстрее. Обоих отправили на конец песчаной косы, выдававшейся в реку с края заливики ставить плетёную морду в удобном месте. Обоим пришлось разуться и закатать штанины, а так же подобрать полы одежд, чтобы не замочить их в воде. Шоуки казалось, что они как были босиком, так и бросятся вдогонку. Но ни слышно ни видно их до сих пор не было. Это и тревожило, и заставляло задумчиво поглядывать на младшего принца. Неужели он успел что-то подстроить?

— Да и какая рыба, когда тут олень недавно пробежал! Следы совсем свежие, идёмте! — бодро вещал принц. Парни угрюмо закивали, не отставая. Шоуки не разбирался ни в следах, ни в звериных тропах, но крепко подозревал, что это не звериная тропа, и никакими оленями тут не пахнет. Больше походило на давно заросшую дорогу, с достаточно прочным покрытием, чтобы кусты и деревья до сих пор не начали взрывать своими корнями самую её середину. Мощёная камнем, наверно была когда-то. Радовало, что хоть дорога эта не уходила далеко от берега, и шла не в ту сторону, где старшие гоняли какое-то чудище.

Говорили, когда-то этот берег реки был густо населён, здесь стояли и города, и храмы, но после того как в горных долинах расползлись проклятые земли, оттуда начало приходить всё больше чудовищ, и люди ушли с этого берега реки. Императоры, конечно, серьёзно проредили напоздшую дичь, и традиция охот продолжала поддерживать количество тварей на безопасном уровне, но обживать эти земли заново так никто и не решился...

Вокруг как-то стало подозрительно тихо, кусты плотно сжали древнюю дорогу. Такаю происходящее определённо не нравилось — он часто оглядывался назад, и явно собирался с силами, чтобы посметь возразить младшему принцу, но едва не споткнулся о, собственно, резко остановившегося Амарими. А в него уже впилились все остальные, группа молодых каритов растянулась в цепочку, проходя в узком месте между низко склонёнными ветвями кустов. Как раз на просвет вышли. И один за другим начали отклоняться вбок, чтобы разглядеть, что там такое впереди.

Впереди лежала туша. Честно сказать, было не особо понятно с этого ракурса, какому существу она принадлежит, но было ясно видно, что она, во-первых, — очень крупная, крупнее самого здорового вола, что когда-либо видел Шоуки, и во вторых — совершенно дохлая. На боку явно виднелась длинная рана, шерсть тёмная от спёкшейся крови, голова завёрнута на бок, язык вывален из узкой, усеянной острыми зубами пасти, а глаза полуоткрыты и закачены до самых белков. Кроме третьего — воткнутого на лбу среди морщинистых кожных складок. Тот был распахнут, и просто был белёсым и слепым, похоже.

Молодёж настороженно молчала. Туша лежала себе, прижав неловко подломившиеся при падении лапы — целых шесть, с длинными когтистыми пальцами.

— Это м'кари! — тихо выдохнул поражённый принц. Все невольно попятнулись на пару шагов... но ничего не изменилось, и нахлынувший было страх притих.

— Точно? — тихо спросил Кими.

— Ну... шесть лап. Грива из игл вдоль позвоночника. Хвост ящерицы, три глаза. По описанию — он самый, — так же тихо отозвался Такай.

— Дохлый?!

— Да, похоже, — Амарими немного расслабился, но ладонь с рукояти клинка не убрал. И голоса не повысил. — Они славятся тем что обожают жрать одарённых. А мы тут уже с минуту стоим. Никакой хищник бы столько не утерпел, когда у него перед носом вкусным куском машут. Да и поза не похожа на удобную для сна. Да вы просто на морду его гляньте.

Посмотрели. Подумали. Расслабились ещё немного.

— И правда. Дохлый. Как думаете, это тот, за которым пошли старшие? — поинтересуется Шоуки.

— Наверно. Они почти с самого утра на запад направились, по следу, а сейчас далеко за полдень. Успели бы и сшибку устроить, и побегать за подранком, и упустить его. Рана вон какая длинная. — принц сделал пару шагов к туше, разглядывая получше. — Наверняка резаная. И наверно, не единственная. Брюха отсюда не видно, но оно у них вроде самое уязвимое место.

— Но что эта тварь забыла — здесь? — нахмурится Такай.

— Они умные. Очень! — заявил принц. — И уйдя от погони направится в сторону лагеря охотника, обогнуть его, и почесать в противоположную сторону от той, где тебя ищут — по моему довольно неплохой ход. Если бы тварь не издохла от ран, ушла бы.

Покивали задумчиво. Да, ход умный, даже досадно немного, что манёвр не выгорел. Раны взяли своё...

— Это что получается... Это теперь как бы... наша добыча? — снова Кими влез.

Амарими хмыкнул. Подумал.

— А и верно — получается что наша. Главное — не наврать, что сами завалили подранка — не поверят.

— А если в башку клинком потыкать?

— Тогда точно не поверят — туша уже околела, похоже, кровь идти не будет, — покачал головой Такай.

— Проверим?

Принц снова начал лучится воодушевлением. Робко и аккуратно, но всё равно это чувствовалось. Шоуки идея подходить к туше была не по душе. Да, рассмотреть её хотелось, и из чистого любопытства, и — необходимости. В будущем ему на таких охотиться предстоит! Но с другой стороны, его нервировал до дрожи этот третий глаз твари. Всё казалось, что монстр на него смотрит. Пристально так. Наверное, дело было в том что он вообще в первый раз видел настоящего монстра. Ну почему нельзя позвать старших, и только потом радостно дёргать м'кари за иглы?! А именно этим кариты заняться и собирались. Конечно, парни ещё были настороже... Ну, может кроме Кими. Шоуки поглядывал и на них, и по сторонам, и на тварь — видел.

И чем ближе они подходили к туше, тем сильнее шалили нервишки. В десятке шагов Шоуки уже готов был поклясться, что оно на него смотрит. В упор, здоровенным как хорошее яблоко, белёсым буркалом. Невольно отставать начал, не сводя с морды монстра взгляда. И потому, наверно, успел среагировать, когда туша выпрямилась как пружина,

выбрасывая вперёд длинную, покрытую толстыми кожистыми пластинами лапу. Чёрные острые когти едва не мазнули по его одежде на груди, прежде чем завершить хватательное движение.

Принца просто оттолкнуло, задев плечом рванувшей вперёд туши, кто-то из парней с запозданием шарахнулись прочь. Такай, отшатнувшись от пронёсшейся мимо него лапы успел выхватить клинок и тут же, снизу вверх рубануть по сгибу локтя, удачно попав лезвием между толстых кожистых пластин. Тварь взревела, и не смогла сделать новый рывок вперёд, опершись на выброшенную вперёд раненую лапу. От её рёва Шоуки едва не оглох, выхватил собственный клинок, продолжая торопливо отступать назад. Не поворачиваться спиной к опасности, не поворачиваться... Вон, лёгкий взмах хвоста, и двое парней с воплями катятся в кусты. Видели бы, успели бы перепрыгнуть эту дубину. Такай тоже пятится, но — забирая влево, клинок обнажён, лезвие чуть алое по кромке. А тварь, сверля парней взглядом всех трёх глаз выпрямилась, стоя на четырех задних лапах, и совсем по-человечески придержав раненую переднюю правую передней левой. Выглядело чудовище очень раздражённым. И сильно раненным — кожистые пластины покрывавшие грудь и часть живота твари были местами взрезаны, один бок располосован, из-под гривы костяных игл на спине поблёскивал меч, то ли воткнутый в шкуру, то ли застрявший в жёстких иглах и густой шерсти, покрывающей бока. Мгновение все сверлили друг друга взглядами, (ну из тех кто не валялся на земле оглушённым, и не орал в кустах), а потом тварь снова рванула вперёд, прямо на Шоуки, широким взмахом когтистой лапы отбив в сторону клинок Такай.

— Шо!!! — рявкнул он, и не успевающий увернуться от рывка твари Шоуки вскрикнул, взмывая в воздух. Тварь попыталась затормозить, задрав морду. Шоуки опешил сперва, но потом привычно извернулся в воздухе и перепугу метнув клинок в морду почти проскочившей под ним зверюги. Довернул, заставив лезвие изменить направление и почти горизонтально полоснуть тварь по глазам. Взревевшая туша пронеслась дальше, Шоуки больно ударился пятками о землю и тут же ушёл в перекат, гася инерцию, но практически сразу Такай снова толкнул его своей духовной силой, но на этот раз не подбрасывая вверх, а отшвыривая в сторону. И хорошо — только бок обожгло хлёстким ударом кончика хвоста, а не приложило серединой этого бревна со всей дури. Но вот приземлится удачно не получилось, несмотря на всю практику. Покатился кубарем, проламывая кусты и отбивая всё что можно о выступающие из земли корневища деревьев.

Со стоном перекатился на бок, — в ушах гудело от рёва твари и каких-то глухих ударов. Кажется, или он отрубился на какое-то мгновение? Спихватился, схватился за пустые ножны. А, нет, клинок лежал всё там же, на тропе через лес. Он его чувствовал. Приподнялся, заметив, как принц торопливо тащит на себе бессознательное тело одного из парней, а за ним хромают, цепляясь друг за друга Кими и Акари. Оба бледные от боли и страха.

— Очнулся?! — Амарими глянул на него какими-то бешеными глазами. — Быстро, за деревья, туда где гуще! Пока Такай его на себя отвлёт!

Шоуки приподнялся, придерживаясь за ствол дерева, о который его и приложило похоже, и увидел, как невдалеке между деревьями мечется самый старший из их компании, Такай, а за ним, периодически врезаясь в деревья, мечется тварь. Да так глупо врезаясь...

— Что это он... — пробормотал Шоуки растерянно.

— Ты нормальные глаза ему выбил, — пояснил принц, аккуратно опуская ношу за большим деревом на землю. — А третьим он только сосуды и видит.

Голос его был напряжён. Губу закусил, глядя, внимательно за метаниями Такая, потом, похоже, что-то решил, и почесал обратно, к тропе.

— Сидите тут! — Велел, на ходу обернувшись. Шоуки ругнулся — ну куда он попёр?! Хотя наверно — за клинком. Тоже ножны пустые.

Такай, пытаясь оторваться от твари, невольно вывернул на тропу, чтобы обогнуть кусты в которых бы завяз на радость твари, тяжело дышащей, взрыкивающей от ярости и боли. Она сейчас чесала на всех шести лапах, припадая сильно на переднюю, поводила головой из стороны в сторону. Монстра шатало, но он всё ещё был быстр, хотя спотыкался и врезался в деревья то и дело.

— Пойдите! — Шоуки побежал за принцем, собираясь ухватить его за воротник и оттащить назад, за деревья, но тут Амарими замер, будто чего-то выжидая, а потом резко дёрнул рукой вверх.

М'кари едва не подпрыгнул, будто какой-то гигант с размаху пнул его в самое брюхо между второй и третьей парой ног. Споткнулся, проехавшись по земле и заревел с такой яростью, что у Шоуки чуть ноги не подогнулись. Зато он сообразил — клинок принца валялся там, на тропе. И он сумел подхватить его на таком расстоянии и направить вверх — невероятно!

Такай успел отбежать за ближайшее толстое дерево, развернулся. Шоуки тоже замер подле принца, во все глаза глядя на раненую тварь. Та попыталась подняться, глухо кашлянула, из пасти засочилась кровь и какая-то желтоватая дрянь, да и на траву закапало обильно из-под брюха. Сделала несколько шагов на подгибающихся лапах, и рухнула, начав бестолково дёргаться и хрипеть булькающе.

Парни наблюдали за конвульсиями несколько минут не шевелясь. Потом подошёл тяжело дышащий, растрёпанный Такай, обойдя тушу по широкому кругу. Ещё помолчали.

— Нам не поверят. — глухо констатировал принц.

Дерево пропитывалось долго, тряпку то и дело приходилось смачивать в дурно пахнущей смеси и снова расстилать на размачиваемом участке. Не вымочишь как следует — замучаешься работать скребком. Если дерево впитает слишком много влаги — начнут отходить волокна, что тоже нехорошо.

Так и приходилось всё время проверять, насколько хорошо пропитались доски, и скрести, скрести липкие смолистые выделения, успевшие нацепить на себя огромное количество пыли и грязи. С древесиной красной горной лиственницы всегда так — вроде и просушишь, вроде и обрабатываешь пропиткой, потом настелишь, а она возьми, впечатлится перепадом температур, или тёплым весенним солнышком — и давай истекать вязкой коричневато-бурой смолой, мелкими липкими каплями.

По крайней мере, так слуга сетовал, что показывал, как правильно доски обрабатывать. Амарими не знал, верить ему или нет — подозревал, что дорогое дерево, привезенное издалека, быстро попилили, быстро застелили им террасу между двумя зданиями, да сделали вид, что оно уже просушено и проблем не будет. Так быстрее же! А если вдруг что — всегда можно сослаться на непредсказуемое поведение именно этой породы.

А может его специально сырым застелили — на случай провинившихся слуг или каритов? Со старших станется.

Принц вздохнул, подцепил краем скребка липкую грязную кашицу и сбросил в отдельное ведро, стукнув скребком по краю. С другой стороны по тому же краю стукнул

второй скребок. Чем дальше шло, тем работали они всё более синхронно...

По полу зашлёпали босые ноги, принц отвлёкся, поднял взгляд, чуть склонил голову набок. Обозрел знакомую фигуру, отметил ведро в одной руке, кучу тряпок и скребок в другой, старую потрёпанную одежду — всё равно ведь измажется в процессе, и смолу не отстираешь.

Нахмурился.

— А тебя то за что?

Парень закусил губу. Вздохнул. Потом тоскливо сознался:

— Утаил от наставника, что достиг серебряного сосуда...

— Серебряного?! — Такай вскинулся, недоверчиво глядя на молодого карита. — Ты?!
Когда?

— Я сам не заметил... — начал оправдываться тот. — Замотался. Заработался. В какой-то момент понял, что запас духовной силы стал чутка больше... Но подумал, какая разница — медь, бронза... А оказалось, я на серебре уже. Доктор, когда рёбра сращивал, подметил. Сказал, что если бы не это, трещинами от такого удара я бы не отделался. Спасибо, кстати. Если бы не ты, меня бы как Кими приложило. Или вовсе бы. Надвое.

Помолчали. Принц вздохнул. Кими перебило позвоночник. Жив остался, и лекари обещали вытащить, поставить на ноги, но времени на это уйдёт никак не меньше полугода. Слишком сложная травма.

— Да ладно, — отмахнулся Такай. — Жаль, что парней не догадался оттолкнуть. Только когда он на тебя попёр, о тренировках вспомнил. Зато, понятно теперь, от чего м'кари так активно именно тебя выцеливал. Самый лакомый кусочек! Я и то ещё на бронзе.

Принц, всё ещё топчущийся на меди, хмыкнул. Но да он моложе, ему можно.

— Ладно, присоединяйся, раз прислали! Сейчас покажу что нужно делать!

Заявил он это бодро и воодушевленно. Будто не о грязной, тяжёлой, и монотонной работе рассказывать собирался, а о новом модном развлечении. Просто не мог себе позволить сейчас бурчать и ныть — не тогда когда парни такие смурные и унылые. Из-за него. Такая на его взгляд вообще несправедливо наказали. Ну и что, что он самый старший в их шайке был? Что он мог сделать? Возразить? Отговорить? Схватить в охапку и назад тащить, к охране? Вот кому за дело по загровку прилетело, да...

Но они сами виноваты.

Хорошо ещё, что раненых парней в покое оставили и не стали ни нудными нравоучениями морить, ни к работе приставлять.

Но всё равно странная у них логика. Принц прекрасно понимал за что наказали его (и от того так стоически переносил мерзкую со всех сторон работу), за что наказали охрану, с натяжкой и допущениями мог понять, за что прилетело Такаю. Но Шо?

Под монотонный шелест скребков он долго об этом думал.

— А знаете, за что нас наказали на самом деле? — произнёс он наконец, с озорной улыбкой. Поймал взгляды товарищей по несчастью. — За подвиг. Мы же м'кари убили! Вот чтобы не полезли второго добывать, нас и посадили полы скрести. Чтобы не возгордились!

Сочащиеся скептицизмом взгляды и молчание были ему ответом...

Глава 8

Камни засыпавшие неухоженную дорогу то и дело подворачивались под ноги, заставляли недовольно фырчать лошадь, влекомую в поводу. Умное животное совершенно не желало уподобляться горному козлу и лезть в гору по этой жалкой, извилистой и заваленной камнями тропе.

Но другого выбора не было — нормальная дорога, которая когда-то вела в богатую на серебро горную долину, уже полтора десятка лет как была сметена в нескольких местах масштабными обвалами. Под горами перемолотого под собственным весом камня наверно, до сих пор покоились кости. Как достать их, как устроит достойное погребение?

Никак. Проще объявить место нехорошим, и обходить стороной. Да и не нужна уже широкая дорога в долину. Рудники тоже сгнули тогда, бойкая горная речка изменила русло, и в долине больше нет достаточного количества воды, чтобы даже промывать песок и мелкий щебень на дне пересохшего русла в поисках самородков.

Вот и приходится подниматься обходной дорогой, узкой звериной тропой, спотыкаясь и рискуя сорваться вниз.

Колено, и место под ним начало ныть от тяжёлого подъёма, очередной раз напоминая о той глупой выходке. О том, почему он здесь.

Шешу вздохнул. Честно сказать, он думал что его изгонят с позором. Или отнимут каритский пояс, клинок, и отправят воду черпать вместо того парня. Но — обошлось. Почти. После долгого, мучительно долгого раздумья господин Аори решил, что провинившегося карита всё же следует оставить при дворе, дав, своего рода, испытательный срок. А некоторое время назад призвал к себе и поручил важное дело. Трудное дело. Проследить путь никчёмного человека в мире — всё равно, что идти по следу рыбы в воде, но — Шешу старался. От его усердия зависело — простят ли его за ту глупую, бесчестную выходку, или нет. Господин Распорядитель Высокого Двора даже намекнул, что если Шешу будет сопутствовать успех, то он может поспособствовать сватовству к известной кариту особе.

И потому карит искал. Упорно и тщательно, уже не раз заходя в тупик и возвращаясь по собственным следам из одного поселения в другое. Что у него было? Женщина с ребёнком. Имена. Родинка на щеке в уголке губ, слева. Год.

Всё.

Мало, чертовски мало сведений. Приметы? Прошло много времени. Кто запомнит простую крестьянку? Так что приходилось спрашивать, спрашивать, спрашивать, пытаться цепляться за малейшие намёки, за то, что и не назвать сведениями. Женщина сказала соседке, когда обустроивалась в бедной халупе на краю посёлка, что пришла из деревни в излучине реки. В указанном месте было три поселения, маленьких, и никто не знал и не мог вспомнить, что здесь когда-то жила такая женщина, чей муж-рыбак утонул, а родственников забрала болезнь.

Пришлось возвращаться и спрашивать.

Старый торговец, продающий самые простые и дешёвые овощи на местном крохотном рынке вспомнил, что говор то у неё иногда южный проскальзывал, и богиню Ишат она поминала, которой в этих краях редко кто поклоняется.

Пришлось частым гребнем прочёсывать южное направление, раз за разом задавая одни и те же вопросы в каждой жалкой кочке из трёх домов, что изволила вспухнуть между рекой

и горами. В каждом посёлке, на каждом базарище.

Удача улыбнулась на третью неделю расспросов.

Да, Женщина. Ребёнок трёх лет на закорках. Родинка. Молодая, красивая, но запуганная какая-то. Шла от предгорий. При деньгах, каких-никаких, для бедной крестьянки то. Опасались, что не уйдёт далеко от бедного поселения. Что замученные нищетой мужики пойдут следом да отберут деньги, не знамо как оказавшиеся у бродяжки. Женщины тогда переговарили, да скрепя сердце выставили из тайников рисовую бормотуху. Напоили мужей и соседей до поросячьего визга. Пусть лучше пьяные лежат, чем о дурном деле задумываются.

Конечно, такое событие запомнили! А откуда та женщина пришла?

Ну... со стороны болота... наверное...

Через болото шла одна наезженная дорога. Следующая деревенька. Какая-то глуховатая бабка вроде видела её.

Следующая...

И ещё одна. И ещё.

Раздражённая женщина в большом посёлке у обширных рисовых полей. Да, конечно, помнит, прогнали девку с её отродьем. Два года терпели, но когда эта шалава мужиков клеить начала... А ещё она с ведьмой зналась! Вот и собрались бабы, да погнали вертихвостку!

Откуда пришла? А вот со стороны ведьмовской горы и пришла!

Озадаченного Шешу уже далеко за околицей нагнал мужик деревенский, слышавший те разговоры, но не посмевший встрять посреди бабского базара. Чтобы кости потом не перемывали и жена не шипела.

Нормальная девка была, сказал он. Скромная, работающая. Красивая. Этим молодых парней и цепляла, даром, что при ребёнке. Да, травы знала, знала, чем волосы мыть, чтобы как шёлк были, знала чем болячки снимать да руки смазывать, чтобы кожа не огрубела. Только побаивалась она парней. Вообще боялась мужчин, будто что дурное ей сделали. От того тоже выделялась среди других. А жабы деревенские приревновали, напридумывали себе чего-то.

Правда ли, что при деньгах была?

Тут деревенский задумался. Головой покачал. Потом вспомнил, что как будто бусину она продала землевладельцу. Нефритовую. С узором.

Через полчаса Шешу был у ворот крохотного бедного поместья. Местная знать. Хотя какая знать — чих собачий, два двора, три дома и сарай. Но да в этом диковатом краю это были единственные люди, что могли дать деньги за украшение.

Как же повезло, что эти нищие аристократы были вассалами Оро. Ибо на следующий день Шешу направился в путь с пополненными припасами, с ценными указаниями касательно дальнейшей дороги, и с нитью нефритовых бус, оканчивающейся красной кистью. Такими одно время принято было пояса украшать. Шешу плохо разбирался в клановых узорах, но некоторые определённо были не простыми цветочными мотивами.

Ещё три дня плутал в тропах, разыскивая ведьму, живущую в уединении на горе. Ну как ведьму. Травницу старую, слабую-слабую одарённую, вкладывающую в свои зелья толику духовной силы. Она долго с сомнением разглядывала молодого карита, потом просто спросила — что там, за горой?

Шешу сперва растерялся, потом сообразил. Грозовая долина. Известное место,

известное тем, что полтора десятка лет назад там окопались остатки армии мятежников, да приняли последний бой.

Услышав ответ старая женщина кивнула. Сказала, что в тот год много девиц и женщин спускались с гор, приходили звериными и охотничьими тропами, чтобы вытравить постылый плод. Что не для всех это оказалось выходом. Случается, что ребёнок цепко и упрямо хватается за жизнь, выкорчёвывать такой сорняк — наверняка убить и мать тоже. Что такие дети вырастают одарёнными. Сказала, что две девушки в тот год остались у неё. Им некуда было идти. Помогали по хозяйству, пока могли, и разродившись, ушли искать себе место в мире. У одной родилась дочь, у другой — сын.

И теперь Шешу карабкался в гору, чтобы пройтись по разорённой долине. Он узнал, что там почти не осталось местных жителей после той резни. Есть пара деревень, но всё больше с пришлыми. Узнал, что там возвели небольшой храм, у братской могилы. Узнал, что уцелевшие не особо любят говорить о событиях прошлого. И знаки клана Оро тут не помогут — горы находились уже на территории другого клана. Это были чужие вассалы.

Но парень всё равно упрямо карабкался в гору, не обращая внимания на капризы когда-то сломанной ноги, и на недовольные всхрапывания коня. Он обещал господину Аори узнать о той женщине так много, как только возможно.

И он узнает. Загладит тяготящую его вину.

Что-то определённо затевалось, и Шоуки это совершенно не нравилось. Неужели, господин Имари так обиделся из-за этого несчастного серебряного сосуда, провалился он пропадом в самую преисподнюю? Или, старшие до сих пор на нервах из-за этого м'кари? Нет, ну а что им оставалось, дать себя сожрать?

С каждым днём тягостные предчувствия доставали всё сильнее, Шоуки стал нервным, и подозревал своего помощника во всех смертных грехах.

Своего нового, постоянного помощника.

Не то чтобы Шоуки так уж дорожил той работой, что выполнял... Он больше дорожил тем фактом, что на этом месте может принести наибольшую пользу клану и от него имеется вполне осязаемый толк! Особенно теперь! Ставить одарённого с серебряным сосудом в караул, это конечно хорошо, и лучше всякого золота и шелков представляет богатство рода... Но толку то с него, разве чуть больше, чем с медяшки! Это не серебро, это какая-то фикция! Он даже человека оттолкнуть толком не может, не говоря о том, чтобы подбросить его в воздух на хоть какое-нибудь достойное расстояние! Да, он научился воздействовать на кость, и даже как-то воспрепятствовал попыткам утащить со своей тарелки особо лакомый кусок мяса, но...

Погодки были куда сильнее него.

Некоторые даже уже удерживали свой вес стоя на клинке! Недолго... Но удерживали же!

Так что присматривать за Копейным двором — это было разумно, логично, приятно из-за определённой толики власти и уважения. И при мысли что его хотят снять с этого места становилось тоскливо и больно. А ведь хотят — зачем иначе назначать ему помощника?

А может это никак не связано ни с м'кари, ни с его серебряным уровнем, ибо помощника к нему приставили месяца через полтора после тех незабвенных событий. Ещё и наставник брал в оборот всё серьёзнее, показывая всё новые упражнения, и требуя выполнять какие-то совсем уж заковыристые приёмы, работая с клинком на дистанции.

Нагружал поболее других.

А может... А может не всё так страшно, и Имари пытается допинать его до пресловутого серебряного уровня?

Демоны его знают.

Или он слишком много времени тратит на своих “друзей”? Принц во всяком случае, прицепился к нему и явно считает своим другом. Это, конечно, очень почётно, но... Где Амарими, а где он, Шо?

Хорошо хоть Кено и Таики сошлись с Такаем и ещё несколькими близкими друзьями Амарими без особых проблем.

Нет, не так.

Амарими, пожалуй, легко сойдётся со всяким, кто вольно или невольно сможет развеять его скуку. Троица каких-никаких, но изгоев под это определение вполне попадает. И развеивать его скуку несомненно очень почётно и невероятно полезно, если так подумать, но отнимает столько времени...

Вот когда всё успеть?

— А эти куда? На ту полку? — уточнить помощничек, глядя на забитую щитками-мишенями стойку. У самого в руках ещё пяток — и все вперемешку.

Шоуки аж в висок кольнуло болезненно. Вот задумался на минуту, а тут этот... подозрительный... Вот ни капли не помогает! Ни капельки! Переделывай за ним теперь!

— Ты рассортировал бы их сначала, — предложил парень, старательно сдерживая поднимающееся подобно волне раздражение. — Простые идут на полку, с сердечником на стойку, места тогда хватит.

— А как?... — будущий, вероятно, преемник закрутил в руках деревяшки, выискивая полустёртые отметины на тыльной стороне.

Шоуки захотелось выдохнуть болезненный стон. Этот парень настолько ленив, или настолько глуп?

— Это же чувствуется. Где есть небесный металл, где только дерево, — терпеливо произнёс Шо, оттаскивая ко входу в сторону очередной требующий ремонта болванчик. Спокойно, спокойно...

— Что, каждый по очереди поднять пытаться? Это никаких сил не напасёшься... — проворчал помощник, откладывая мешающие в руках щитки кроме двух с самыми нечитаемыми знаками на тыльной стороне. — Пометки стёрлись совсем...

И главное — с укоризной как звучит... Ленивый кусок!...

Спо-окойно...

— Зачем поднимать если это и так чувствуется? — Шоуки выдохнул, подхватил связку потрёпанных тренировочных клинков.

— А! По весу! — с обрадованным донельзя видом произнёс парень, сравнивая два щитка, покачивая их в руках. — Какая бы невеликая пластина сердечника не была, но она ж железная!

Шоуки остановился, уставившись на преемника с чувством очень ярким, но определённо не хорошим. Тот, наверно, почувствовал что-то такое. Отступил на шаг, но серебряный карит взял уже себя в руки и вышел прочь — сгружать ношу в приготовленную тачку. Когда он вернулся за прочим ломанным инвентарём, парень уже споро переставлял щитки, отделяя обычные.

Определённо, как ни прикипел он к этой работе, как ни важна она для будущего клана,

для силы его каритов, но ставят на неё только ущербных. Не по силе, так на голову.

От мрачных мыслей его отвлекло зрелище рванувшего куда-то через весь двор наставника. Слуга, совсем мальчишка, из тех, что обычно тут сообщения передают, едва поспевал за ним.

— И куда это господина Имари так понесло? — проклянулся над ухом злополучный помощничек.

Шоуки бросил на него недобрый взгляд.

— Это дело господина наставника, а не наше, — отрезал он с необычной для себя резкостью в голосе.

Тамай заподозрил неладное, когда до ворот оставался какой-то полёт стрелы. На них, на стрелы, сперва и подумал по привычке, сдавив коленями бока коня, но... Какие к демонам стрелы? В поместье более чем где-либо ещё знают, что его этим не остановить, а предположить, что стены захвачены неприятелем это глупость несусветная. Вот и ворота распахнуты привычно, караул на месте, сонный вечер обычен настолько, насколько это вообще возможно.

Конь фыркнул глухо, приплясывая на месте, покосился большим глазом, возмущённый внезапной задержкой. Он предвкушал добрую порцию овса, воды, да долгожданный отдых. Тамай вздохнул, да чуть тронул коня пятками, велел двигаться дальше. Сам же размышлял о причинах странного предчувствия. Ведь не померещилось же ему? Впрочем, когда до ворот оставалось всего ничего и он собирался уже приветствовать стражей, причина странных предчувствий сама вскочила ему на встречу с улыбкой столь же искренне-дружелюбной, сколь и зловещей.

Тамай застонал, бросив взгляд в сторону одной из крыш, уже виднеющейся за стенами, но обречённо позволил старому другу ухватить возмущённо фыркнувшего коня за поводья, втащить в ворота, пропустил мимо ушей приветственный монолог, и спрыгнул на землю. Отстранённо наблюдая как его скакуна уже передают мальчишке-слуге. С некоторой апатией позволил ухватить себя за рукав и потащить вглубь территории, к жилищу всеми уважаемого наставника.

Так теперь и сидел, пыльный с дороги, усталый и рассеянный, за столом на любимой веранде друга, утешаясь только тем, что ему сейчас нальют. Да гадал, от чего старый друг скачет аки пятнадцатилетний парень и лучится таким злорадным торжеством, что от взгляда на него аж скулы сводит. Впрочем, к чему гадать, если можно спросить?

— Зачем?

— Что? — Имари чуть сбился, едва не пролил креплёное вино мимо пиалы.

— Зачем ты притащил меня сюда не дав даже умыть лицо с дороги? Глядя на тебя, я сомневаюсь, что случилось что-то ужасное вроде напавшего на поместье мора, или войны, или очередного покушения на Наместника...

— Неужели нет другого повода пригласить доброго друга испить вина? — усмехнулся Имари.

— Ладно, не тяни тигра за хвост, говори, в чём ты был прав и в какую ошибку собираешься ткнуть меня носом, — проворчал, подбирая чашу, и делая обречённый глоток.

Ну хоть вино ароматное. И крепкое.

— И охота тебе портить момент моего торжества? — вздохнул Имари. — Ладно. Сделаем вид, что твоего демарша не было и продолжим как ни в чём ни бывало. Итак, я же

говорил! Тот мальчишка, Шо, достиг серебряного уровня!

— И? — со скепсисом донеслось в ответ.

— Он был одним из тех молодых каритов, что добились м'кари, — Имари долил вина в опустевшую пиалу.

— Слышал об этом случае, и? — Тамай снова пригубил вина, жмурясь от удовольствия.

— Он сын Наири Ло.

Тамай поперхнулся чудесным крепким вином, обжигающим горло, лёгкие, и невыносимо заципавшим носовые пазухи

— Ну, или Камая Ано. Или его младшего брата, — с глубоким удовлетворением наблюдая за перекошенным лицом друга поправился Имари. — Никто свечку не держал, так что сказать сложно. Но вероятнее всего — именно Наири. Он на него даже похож немного становится, когда злится.

— Ты шутишь?! — прохрипел Тамай, прокашлявшись наконец.

— Да нет. Решил, вот, копнуть, после того как узнал что этот... паршивый мальчишка достиг такого прогресса... И промолчал, мнда. Поднапряг Маомина, тот постучался к своему коллеге из Оро, с земель которого мальчишка родом, тот послал толкового парня, который походил, спрашивал, составил подробный доклад. Мать мальчишки из долины, где случилась та самая битва, и есть свидетельства и некоторые косвенные доказательства того, что... Не очень они церемонились с теми местными, что не успели попрятаться. Когда перевал-то перекрыли. И слухи о той попойке, что закатило командование мятежников от безнадёги — вовсе не слухи. А набравшись как следует им захотелось веселья, и солдаты хватили и тащили в шатёр командования всех девиц посимпатичнее, что могли найти.

— Всё равно, ты сам говоришь, что железных свидетельств нет... — слабо возразил Тамай после минуты, потраченной на осмысление услышанного.

— Они и не нужны. — отмахнётся Имари самодовольно. — Стоило серьёзно заняться его тренировками, как он вышел на серебряный уровень. В нём чувствуется сильная кровь потомственных одарённых. Кроме того, я проверил его. Погонял по той самой методике, которую ты так расписывал. Помучил кое-какими упражнениями, предоставив ему выбирать наиболее удобный для него способ их выполнения, оценил результаты. Он такой же, как ты. Небесное железо крутит как жонглёр вееры. А уж свой клинок, а ты помнишь, какой у него клинок, может ухватить за любую точку на поверхности и повернуть в любую сторону из любого положения. Да, впрочем, кому я рассказываю?!

Тамай глухо кашлянул, подпер голову ладонью и ссутулился под гнѐтом поражения.

— Теперь не отвертеться, да? — уточнил он, а потом встрепнулся, спросил с некоторой тревогой. — А как же указ о выкорчёвывании дурного корня? Если он — Ло...

— Совсем малых детей тогда помиловали, — отмахнётся. — Да и доказательств всё же нет крепких. И — да. Теперь не отвертишься. Наместника я решил пока не тревожить этим делом, Маомин так же обещал не докладывать некоторое время о таком пустяке. Но если ты снова упрешься рогом...

Скривившись, Тамай кивнул коротко. Мучительно прикинул варианты, как избежать тягостной участи. Увы, идеи в голову лезли одна другой дурнее и фантастичнее.

— Но вот так сразу — в ученики... Мне бы присмотреться...

— Тамай! — грозно нахмурился наставник каритов.

— В слуги его возьму, в слуги! — поморщился тот. — И если годен будет, сменой статуса уже никого не удивишь.

— Да куда ж он денется...

Он не ошибся в своих предположениях — катастрофа свершилась. Отныне посещать Копейный двор он будет только ради тренировок. Ну или по праздникам, когда там снова будут устраивать какие-нибудь соревнования.

От осознания этого так мерзко на душе становилось. Привык он уже к этой работе. Тяжёлой, не сказать, чтобы приятной... Но его за неё ведь сколько-то уважали! Во дворе был порядок ко всеобщему удовлетворению!

Что ж там будет теперь?

Тревожимый этими тоскливыми мыслями он снова упустил полагающуюся моменту торжественность. Да и прошлый опыт совершенно не способствовал делу. Господин Распорядитель Высокого Двора произнёс важно положенное, снимая с Шоуки часть клятв, юноша подавленно произнёс новые клятвы, принял из рук мужчины свой новый пояс, богато расшитый родовыми узорами.

И ко всем несчастьям сверху — своим слугой его желал видеть этот дотошный старший карит, с которым всегда так тяжело было работать по вечерам. Хорошо хоть появлялся редко. А теперь, вот...

— Как твоё имя? — спросит мужчина задумчиво, сбив парня с мысли.

— А? — невнятно выдохнул Шоуки, поднимая взгляд.

— Твоё домашнее имя. Не Шо же тебя называли в семье? В деревнях половина малышни — не Шо, так Ши, — фыркнул новый Господин, глядя как-то... Немного грустно, но и с долей насмешки в чуть прищуренных глазах.

— Шоуки. Меня так называли. Дома, — сообразил наконец, что от него хотят, ответил неловко.

— А написание? — уточнит мужчина задумчиво. Господин распорядитель замер у алтаря, делает вид, что воздаёт молитвы. Не особо старательно делает вид, прислушиваясь.

— Должно быть, ше-оу-ки, господин, — произнесёт, чуть замаявшись. И сам не знал, как бы мать написала такое имя. Но был почти уверен, что вкладывала она в него именно этот смысл.

— "Упрямый росток сорной травы"? — Тамай Айри чуть вскинул бровь, склоняя голову на бок. — Ну да, в чём то оно тебе идёт. Но не слишком-то подходит личному слуге благородного карита.

— Совершенно не подходит! — поправил мужчину Маомин, повернувшись. — Но есть несколько созвучных вариантов. Если, скажем, заглянуть в большой круг...

— Не больно то жирно будет слуге давать имя из знаков старшего круга? — Тамай лукаво усмехнулся, глядя на то как опешил молодой карит, на то, как затем просветлело его лицо и заблестели глаза. Ну да, давненько кому-то полагалось нормальное имя вместо крестьянского обрубка. — Но да почему бы и нет? Если ты сможешь ему соответствовать...

— Я сделаю всё возможное, господин, — быстро и горячо пробормотал подросток.

— Вот и хорошо. Тогда... Шае-ки-этэ?

— Нет-нет, грубовато, тогда уж шое-киэ или шоа-киэ, — покачал головой Маомин.

— Чересчур напыщенно. Движения не будет в таком имени, — задумчиво произнёс Тамай. — Тогда уж шое-ки'тэ... О! Знаю. Шое-оу-кие-тэ.

— Да, — кивнул задумчиво господин Распорядитель. — Произносится почти так же. И

читается вполне достойно.

— Лучшего и не придумать. Что ж, отныне имя твоё Шоуки, — и снова эта немного лукавая усмешка.

— "Древо белоцветной камелии, покоряющее обрывистый горный склон", — удовлетворённо кивнул Маомин. — Так и запишем.

Молодой карит покатал на языке новое имя. Шо-оуки. Шóуки, а не так как прежде, Шоу-ки. Звучало немного необычно, и, он даже близко не представлял, как записывать теперь своё имя. Но выходило, что четырьмя знаками. Четырьмя! Один, конечно, "пустой", но всё равно — четыре знака. Да два, как минимум из старшего круга. Имя долгое, как у благородного. И в то же время привычное.

Новый господин оказался очень добр, подобрав такое имя.

Может, даже чересчур добр, но подозрение не смогло пробиться через охватившую юношу радость.

Слоняющийся без дела Амарими аж споткнулся, когда сообразил, от чего взгляд цепляется непроизвольно за спешащего по своим делам слугу. Слуга как слуга. Одежда опрятна, вышитый поясок личного слуги, уверенная и целеустремлённая походка...

А вот волосы коротковаты. И лицо знакомое.

Замер на мгновение, глядя во все глаза на это чудо, и перемахнув через перила террасы, рванул к противоположной стороне двора.

— Шо-о-о!

От радостного вопля принца молодой карит вздрогнул и обернулся, едва не уронив свёрток, который нёс в руках. Даже поклонится приветственно не успел, когда его засыпали вопросами.

— Так тебя взяли в личные слуги! Кто? Ах да, узор... Ооо! Чем ты его соблазнил, а? Он тебя учит? Учит же?! Отец будет просто счастлив если так! И когда ты принёс клятву?! Почему мне никто не сказал...

Пока младший принц выдавал эту тираду, слуга успел взять себя в руки, и всё же поклониться глубоко, в пояс, сбив Амарими с настроя. Тот удивлённо хлопнул глазами. Вроде бы уже перешли на менее официальный стиль общения...

— Многоуважаемый господин, принц клана Сиасай, позвольте ли вы недостойному слуге назвать его имя? — не разгибаясь выдал карит ровным тоном.

Амарими невольно улыбнулся, сообразив в чём дело, но тут же выровнял выражение лица и надлежащим, спокойным и серьёзным тоном произнёс:

— Перед лицом Предков да прозвучит имя достойного. Выпрямись. Назовись.

— Моё имя Шоуки. Шое-оу-кие-тэ. — Парень разогнулся, с трудом сдерживая гордое довольство. Не подходило оно к торжественности момента.

— Рад знакомству, Шоуки, — кивнул принц, и всё-таки не удержался от широкой улыбки. — Давно пора было... И всё же! Как ты оказался в услужении у Айри? Он тебя учит?!

— Нет, я просто слуга, — качнул головой Шоуки, несколько встревоженный всеми этими странными вопросами. — И не вполне понимаю к чему эти вопросы. Господин Айри сам выбрал меня среди прочих в личное услужение.

“Наверное, потому что его попросил об этом господин Имари. Ибо не порядок, когда серебряный карит прозябает на такой должности.” — подумал Шоуки, чувствуя, что тоска и

тревога за оставленный на идиота Копейный двор его всё ещё не отпускает.

— И как давно?

— Третий день.

— И он тебя учит?!

— Да не же!

Шоуки чуть нахмурил брови, с досадой уставившись на принца. Тот глядел на него с лицом хитрым и воодушевлённым одновременно.

— С чего вы вообще заладили про обучение? Я выполняю ту же роль, что и прочие личные слуги при Высоком Дворе! Принеси там, подай... Вот, из кузницы заказ забрал... — перехватил поудобнее не такой уж и лёгкий свёрток. Даром, что небольшой совсем.

— Ой ли... — непонятно засомневался принц. — В любом случае отрадно знать что Жнец взял себе слугу.

— Кто? — переспросил Шоуки осторожно.

— А... Ты что, не знаешь, какие титулы носит твой господин? — изумился принц.

— И какие же?! — напрягся молодой карит, чувствуя, что запахло жареным. Ну что снова за подстава, он только начал обживаться в новой роли и осознавать как высоко поднялся по карьерной лестнице!

— Кхм!

Оба обернулись, глядя на стоящего в проходе и сложившего руки на груди Тамая Айри. Мужчина выглядел... недовольным.

— Здравствуйте, господин Айри. — вежливо поклонился принц, да смотрел прямо и спокойно, как ни в чём ни бывало.

— Прошу прощения, что задержал вашего слугу.

Шоуки же опустил взгляд — неловко получилось. Его посылали справиться насчёт заказа, а он стоит тут, лясы точит. Хуже того — о господине, коему клялся в верности, сплетничает. Не с кем попало, конечно, но всё же...

— И верно, я слышал что вы знакомы, — заметит Тамай. — С той самой охоты, так?

— Ваша правда, многоуважаемый! — важно кивнул Амарими. — Ваш нынешний слуга весьма помог нам тогда, внося существенный вклад в победу над чудовищем. С вашей стороны было большой удачей взять в ученики столь талантливую карита!

Тамай бросил на принца раздражённый взгляд, увидел расплывающуюся на лице охальника улыбку и сдерживая раздражение, процедил:

— Я взял на службу слугу. Об обучении не может быть и речи пока не прояснится, способен ли он выполнять известные вам приёмы. Так отцу и передайте.

— Да... — горько вздохнул Амарими. — Как же жаль что у меня нет талантов необходимых для постижения вашей школы боевых искусств.

— Школы?! — опешил Тамай.

— Но учебник то вы написали!

Шоуки смотрел то на одного, то на другого, окончательно перестав понимать что происходит. Господин Айри не нашёлся что ответить, и сверлил теперь принца взглядом, а тот невозмутимо и вежливо улыбался в ответ.

— И вообще, разве так сложно проверить человека на необходимые навыки? Со мной вы управились меньше чем за час, — напомнил принц.

— Ну допустим, — вздохнул Тамай, потом постучал пальцем по свёртку в руках Шоуки. Завёрнутая в ткань шкатулка отозвалась деревом. — Ладно, самое простое — вот что внутри,

ответь.

Шоуки собрался уже было сказать, но Амарими вылез вперёд.

— Пфф! Это заказ от кузнеца, что ещё там может быть кроме как новые лепестки для Хризантемы.

— Я не говорил ему о Хризантеме! — вздохнул Тамай, мучительно закатив глаза.

— Но там же ножи... — не понял Шоуки. Оба уставились на него. Парню стало совсем не по себе и он добавил. — Странные. Без рукоятей...

— Кузнец что, показывал тебе содержимое шкатулки? — удивился Тамай.

— Нет... — покачал головой Шоуки.

— Ты сам туда полез?!

— Нет! Клянусь! — ужаснулся самой мысли слуга.

— О! — задумчиво произнёс принц.

— Откуда тогда знаешь, что там ножи? — требовательно спросил Тамай.

— Так это же и так понятно, — Шоуки почувствовал себя страшно неудобно. — Такие же, как в том странном коробе у вашей постели. Трудно перепутать с чем-то другим.

— Ты и «короб» открывал? — вскинул бровь мужчина.

— Нет, как можно! Просто внимание обратил, когда пыль протирал, — Шоуки мучительно пытался сообразить что не так он сделал, но не преуспел совершенно.

— И верно, как бы ты замок открыл... — Тамай теперь смотрел так... задумчиво. Ещё и принц от чего-то... Подобрался весь, глаза горят.

— Так... — Тамай отстранился задумчиво. — Сколько у меня таких ножей при себе?

— Таких — ни одного. — Шоуки губу куснул. — Поменьше и без шипа острого три штуки. И ещё пять обычных, метательных.

— Дааа!!! — Амарими едва не подпрыгнул, видя, как вытянулось лицо у Тамая.

— П-простите... — пробормотал слуга, сообразив что сказал что-то *не то*. Сообразить бы, что именно...

— И давно ты металл... чувствуешь? — уточнил Тамай, беря себя в руки и бросая грозный взгляд на принца, чтобы присмирел.

— С тех пор как начал упражняться с духовной силой, — недоброе предчувствие только усилилось, заставив парня нервничать.

— А почему никому не сказал?

— А разве в этом есть что-то... особенное? Разве не все так... могут? — осторожно уточнил Шоуки, чувствуя, что находится на границе осознания чего-то... большого и немного страшного.

Тамай медленно выдохнул и закрыл лицо ладонью.

Принц хрюкнул, пытаясь сдержать совершенно недостойный приступ истерического хохота

Короб, выкрашенный в чёрное и красное, как обычно выкрашивают свои короба бродячие аптекари, пощёлкал и раскрылся, подобно... Нет, на цветок он походил мало, скорее на плод дикого огурца, раскрывшийся по швам и выставивший ряды плотно усаженных в ячейки семян. Разве что семена были стальные и ячейки из ткани, кожи, и тоненьких дощечек. И каждое лезвие не имело рукояти, вместо него торчал удлинённый шип, плавно переходящий в обоюдоострое лезвие. Если так посмотреть, они и правда походили на лепестки. И было их... много. Очень много.

Лепестки Чёрной Хризантемы. Лепестки оружия, уничтожавшего целые отряды мятежников, пиратов, топившее набеги восточников в крови, повинное, как говорят, в гибели многих аристократов, что шли против воли наместника.

В краях, откуда он был родом, этот... набор ножей называли Соцветием Тысячи Клинков, потому Шоуки и не понял сперва, услышав название этого... оружия.

Не менее страшен был и человек, владевший этим оружием. Жнец, Тень за спиной Наместника. Его... господин. Не верилось, глядя на этого человека, что он и есть тот самый... из страшных рассказов.

— Слабое наполнение сосуда это вовсе не то, что отличает тебя от прочих каритов. Да, они способны выбрасывать большое количество духовной энергии, благодаря чему могут поднимать и сдвигать невероятные тяжести, придавать ударам клинков неимоверную разрушительную мощь. В их руках духовная сила — всё равно что тяжёлая дубина, её достаточно сжать покрепче в руках. Но твой духовный сосуд производит то, что подобно швейной игле. Её надлежит держать ловкими чуткими пальцами, направлять точно и всегда знать, где она находится под слоями ткани чтобы не наколоть собственные пальцы. Отсюда и разница в оружии. Посмотри на эти два клинка. В чём их разница? — Тамай выдернул из короба два лепестка, и те повисли в воздухе перед взволнованным Шоуки.

Тот бросил на оба клинка короткий взгляд, присмотрелся к тому что выглядел более... использованным. Царапины и сколы, следы многократной заточки и попыток заполировать недостатки, второй выглядел совсем новым. Впрочем, основные их различия были совсем не в этом.

— Тот, что старше — сталь с сердечником из небесного железа. Второй... Второй странный. Такой же, как мой клинок. И ваш.

— Верно. Первый сделан по классической технологии. Под руку любого карита. Его просто взять за средоточие баланса, куда и заключён кусочек благословенного металла, сжать, будто палку в пятерне и направлять. Конечно, ты можешь уцепить его за любую другую точку при желании, но это не так удобно ввиду твоих невеликих сил. А второй... Что скажешь о втором?

— Он подвижный... будто живой. Его можно... Можно держать как угодно. Его можно подхватить и за середину края, и за оба острия, и за середину, и ближе к оконечью...

— Ты это чувствуешь. Они — нет. Они будут брать такое лезвие за середину, и удивляться, от чего им тяжелее управлять и почему оно норовит выскочить из хватки. Это — игла, выкованная по особой технологии, известной издревле, но... не используемой от того что каритам неудобно работать с таким оружием. Оно лишает их преимущества крепкой хватки. Знаешь, что такое “крепкая хватка”?

— Нет, — Шоуки качнул головой.

— И не удивительно. Методики обучения в провинции сильно сдали за последние столетия. В кланах не считают важным и нужным давать набранным по деревням ученикам теорию, загружая их практическими упражнениями. Да и зачем объяснять, что подброшенное вверх упадёт, или что столб отбросит тень, когда взойдёт солнце? Это ведь очевидно. Однако-ж тут в дело вступают частности. Древние одарённые сравнивали процесс приложения духовной силы к предмету с броском одноглазой цапли. Той, что имеет лишь один глаз, смотрящий точно вперёд, на кончик клюва. Изображения таких ещё можно встретить на стенах храмов.

— Да, — оживился Шоуки. — В храме Предков в Тростниковой долине была фреска с

трёхголовой цаплей, и у каждой головы был только один глаз.

— Эта была аллегория на одарённых, — кивнёт Тамай. — Цапля видит лягушку в воде, хватает её, и ничто не вырвет добычу из её клюва. Как только одарённый увидел и “взял” клинок силой своего духовного сосуда, он знает где и в каком положении находится его “добыча”. Именно это называют крепкой хваткой. О ней не рассказывают, поскольку считают что все так и так владеют ею. Но изредка... Так редко, что о таком даже в легендах упоминают вскользь, рождаются такие, как ты. Тебе не нужна крепкая хватка. У тебя есть то, что называют “пронзающим взором”. Стоит тебе сосредоточиться и ты знаешь расположение любых металлических предметов вокруг себя, верно?

Шоуки кивнул осторожно. Потом уточнил, всё ещё не в силах принять этот неожиданно вскрывшийся факт:

— Другие одарённые и вправду так не могут?

— Не могут, — кивнул Тамай, — А те кто могут часто просто не знают что так можно и не пытаются развивать такую способность. Тебе повезло освоить её самостоятельно, даже не подозревая о её существовании. Осталось только определить как далеко и хорошо ты “видишь”.

С этими словами Тамай начал выдёргивать из короба одно лезвие за другим, те поднимались и зависали, медленно вращаясь в воздухе. Десяток, второй третий. Они вскоре начали походить на стайку рыбёшек с поблёскивающей на боках чешуёй, а потом колыхнулись в едином порыве и прыснули во все стороны. Шоуки слышал их глухие удары о землю, шорох ветвей и травы, звяканье о камни. Клинки разлетелись по всему двору, и пара, кажется, даже клюнула в деревянные конструкции господского дома и его пристроек.

— Не вертись. Закрой глаза. И по одному возвращай их на место.

Шоуки закусил губу и легко подхватил ближайший лепесток... Разве что с закрытыми глазами растерялся, не зная как воткнуть его обратно в короб. В кармашках-ножках были какие-то метки вроде как проволочные, но он не рискнул опустить клинок туда ориентируясь только по ним. К счастью, Тамай ловко забрал у него клинок, протёр тряпицей и убрал на место. Так что можно было потянуть на себя второй. И третий, и четвёртый...

На втором десятке шоуки сдался — не чувствовал больше лепестков вокруг, сколько ни пытался сосредоточиться и “заглянуть” подальше. О чём и сообщил своему господину.

— Неплохо. Есть куда расти, есть с чем работать сейчас. А сколько из них ты сможешь удержать в воздухе одновременно? Поднимай по одному...

Шоуки вздохнул, уже ощущая фантомные боли в груди. Удерживать груду железа — последнее, чем бы он хотел заняться. Его слабый духовный сосуд плохо переносил такие нагрузки. Даже не верилось что его господин, похоже, обладающий такими же особенностями дара, смог легко управлять таким количеством клинков одновременно. Это и восхищало и пугало, особенно с учётом того, что его теперь будут учить делать так же.

— Так... ещё один сможешь? — задумчиво спросил господин, окинув взглядом куцую стайку из шести лепестков, вяло балакающуюся в воздухе над головой несколько побледневшего Шоуки.

Тот коротко мотнул головой. Нет чтобы гирьки тренировочные притащить? Чистое небесное железо держать куда легче...

— Могло быть и лучше, — чуть качнул головой Тамай, хлопнув себя по коленям и поднимаясь на ноги. — Ладно, держи так. Через пару часов вернусь, проверю.

— Ась?!

Глава 10

Так и повелось... Когда господин пребывал дома, он давал своему не-ученику какое-нибудь изнуряющее задание и исчезал до вечера, а иногда и до поздней ночи. И Шоуки приходилось сидеть в маленьком уютном дворике, да планомерно работать над своим духовным сосудом. Или отработкой какой-нибудь связки ударов. Или заниматься странными упражнениями, цель которых была не вполне ясна. Как убедился молодой карит, Тамай Айри не любил долгие, пространные объяснения, предпочитал давать некую основу, и позволять ученику самому делать выводы. Иногда эта методика работала, иногда только сбивала с толку, заводила по ложному следу в дебри какой-то откровенной дичи и заставляла Шоуки чувствовать себя страшно виноватым, глупым лоботрясом. По первому времени он даже думал что эти его ошибки и являются причиной того, что его не называют учеником официально. Потом сообразил, конечно, что причина, или даже скорее, причины были в чём-то ином, возможно в опасности самого статуса “ученика и преемника” могущественного мастера. Возможно в том странном, немного щепетильном отношении Тамае к самому слову “учитель”...

Были, наверное и другие причины, но Шоуки решил не загружать себя покуда размышлениями на эту тему. Забот и так хватало, да и время проведённое в услужении у этого человека давало надежду, что тот, по своему обыкновению, в конце концов прояснит эту тему, и даст честное и предельно точное обоснование своим действиям.

Временами казалось, что Тамай просто угадывает вопросы, возникающие у Шоуки во время занятий, ловит тот момент, когда не-ученик обмозговав их так и этак приходит к некому выводу, и озвучивает своё истинное намерение, чтобы кое-кто мог утвердиться в своей правоте, либо напротив, ужаснуться своей глупости.

В остальном... его распорядок дня не слишком уж изменился, разве что приходилось двигаться бодрее, добираясь едва ли не на другой конец поместья, в Копейный двор рано с утра. Впрочем, он быстро освоил науку двигаться быстро, и не выглядеть спешащим. У него были хорошие учителя — младшему принцу, и ещё нескольким благородным молодым каритам было с ним по пути.

И приводить в порядок не большой двор с его залами и складами, а маленький дворик старинного господского домика с двумя пристройками, в одной из которых жил теперь он сам. Это занимало куда меньше времени, само собой, но отсутствие рабочей нагрузки вполне восполняли упражнения с сосудом. Одних их хватало, чтобы чувствовать себя выжатым как тряпка уже через час практики. Одно хорошо — они были весьма действенными. Он немного привык к сосущей боли в груди, научился работать с ней и — через неё, постепенно расширяя границы своих возможностей. И к счастью, его прогресс был весьма заметен, что вдохновляло на старательное продолжение тренировок. На одну тренировочную гирьку больше, на две, на три... Неделя за неделей он двигался вперёд крошечными шажками, неотвратимо развивая собственное мастерство... и всё сильнее отставая от погодок. Кариты... обычные кариты, обыкновенные войны с духовными сосудами, превосходство над которыми так явно выказывал зловец Тамай Айри, гоняли Шоуки в хвост и в гриву, и реализовать некоторое своё превосходство в рукопашном бою становилось всё труднее — его кидали. Буквально. И всё дальше и сильнее с каждым разом. И как победить противника, когда ты не можешь до него банально дотянуться?! А

блокировать чужие удары становилось невыносимо тяжело. До онемения в руках.

А его господин, как назло, снова пропадавал на ответственных заданиях самого Наместника, и кроме нудных упражнения не оставлял ему никакого совета как справляться с матерюющими погодками.

Хуже того господин Имари злился на его попытки драться... как все и требовал больше полагаться его о-со-бен-ность-и. Тихим злым шёпотом требовал, отведя в сторонку, и ещё раз намекая на некоторый уровень... секретности, что ли?

Но злился, кажется, больше всё же на Айри, который, вроде как считался хорошим другом хозяина Копейного двора.

Но Жнец много пребывал в разъездах, оставляя Шоуки инструкции по каким дням какие упражнения выполнять... и в остальном — полную свободу действий. В свободное от занятий и работы время, конечно.

И одна скучающая высокородная ро... лицо, этим активно пользовалось.

— Всё занимаешься? — Амарими совершенно неподобающе статусу взгромоздился на черепицу поверх стены, и теперь заглядывал во двор. — Мнеказалось, к этому времени ты обычно заканчиваешь...

Шоуки, слишком увлёткийся напряжённым занятием, вздрогнул и не успел поймать деревянную булаву, метнулся взглядом за ней, вспомнил, что в воздухе вращается ещё одна, попытался перехватить её, но получил ярко раскрашенной деревяшкой по пальцам, и поймал только третью, досадно цыкнув зубом. Краска с орудий жонглёрского труда уже несколько пооблупилась от постоянных падений на каменные плитки двора.

— Не с этим... упражнением, — вздохнул Шоуки, подбирая орудия. — Господин велел отрабатывать его в два раза дольше.

Потому что в прошлый раз был совершенно неудовлетворён прогрессом Шоуки, но объяснять, с какого перепугу ему надо научиться жонглировать предметами без использования духовного сосуда, по своему обыкновению, не спешил.

— Ну да. Получается у тебя паршиво, — констатировал Амарими безжалостно, да спрыгнул во двор. — Всё пытаешься их духовной силой подхватить?

— Вроде уже нет, — вздохнул Шоуки. — Иногда бывает ещё, но мне начинает казаться, что дело совсем не в этом.

— Не в этом, — согласился принц, носком сапога подцепляя упавшую булаву, подбрасывая её вверх да перехватывая пальцами. В глазах его блеснула озорная искра, он подкинул булаву вверх, подцепил вторую, и спустя мгновение ловко подбрасывал обе то правой, то левой, заставляя деревяшки выплывать в воздухе кренделя. И улыбался, с превосходством глядя на ошалевшего Шоуки.

— Что? Я же говорил, что господин Айри учил меня... Ну как, учил... Посоветовал пару упражнений, которые по его мнению должны помочь развивать духовный сосуд и умение работы с летящим клинком.

Младший принц поймал обе булавы, да сунул в руки немного опомнившегося Шоуки.

— И это одно из них? — уточнил тот недоверчиво, склонив голову на бок.

— Ага. Достаточно однажды научиться более-менее простым трюкам с булавами... никто не требует, чтобы ты крутил их так же ловко и хитро как бродячие циркачи. Надо всего лишь добиться понимания, — принц изобразил важное лицо, подражая своему сиятельному батюшке, должно быть. — Мне это наука, как ни странно, помогла, даже с учётом того, что у меня нет такой особенности духовного сосуда, как у тебя.

Шоуки чуть нахмурился, задумавшись. Амарими с улыбкой наблюдал, не мешая. Руки за спину заложил, качнулся с носка на пятку, лучась энтузиазмом и дожидаясь когда на его собеседника снизойдёт просветление. Или не снизойдёт, и тогда можно будет важно поведать ему истину самостоятельно.

Шоуки же думал. Он видел Амарими в поединках с погодками в Копейном дворе, и не раз и не два. Видел как он работает клинком в том пугающем столкновении с м'кари. Принц, несомненно, был талантлив. Не сказать чтобы сильнее других учеников из его группы, но... Его удары всегда были весьма точны и эффективны, и движение его клинка, отпускаемого в свободный полёт казалось очень уверенным. Обычно в этом возрасте у будущих каритов всё было не так... гладко.

— Кажется я понял, — кивнул Шоуки медленно. — Можно уронить клинок вниз, можно опустить его духовной силой. Можно... позволить ему падать под собственным весом, направляя его лишь малой долей своего внимания.

— Так, — кивнул Амарими, улыбнувшись. — Как вещи ведут себя в воздухе, как направлять их малейшим движением пальцев, как точно рассчитывать прилагаемое усилие — всё это помогает меньше напрягать духовный сосуд при работе с летящим клинком, и лучше контролировать его движение. И для тебя это невероятно важно!

Шоуки кивнул. С его скромным духовным сосудом каждая толика энергии была на счету.

— Вот! А теперь бросай эти несчастные палки, и идём! Там вроде как на конюшне кобыла двойней разродилась! Надо проверить, врут, или нет.

— Но я ещё не...

— Ой, да успокойся. Твоего господина ещё недели две точно не будет! Успеешь упражнение разучить! А если что — так я помогу! Мне не жалко!

— Шоуки! — Кено вцепился в его плечо, да ненавязчиво потянул назад.

— Успокойся, — Такай и вовсе поймал его за пояс сзади, держа крепко. И в отличие от взволнованного Кено сохранял полнейшее холоднокровие и невозмутимость.

— Вы только посмотрите на этот бардак! — Шоуки обернулся на парней, обведя Копейный двор широким жестом. — То, что работы прибавилось не значит, что можно забрасывать свои повседневные обязанности!

— И? — огрызнулся нынешний “распорядитель” Копейного двора, глядя на взбешённого карита. — Послепраздника всё приберу, тебе то какое дело?

— Какое дело?! — вспыхнувшего Шоуки снова ненавязчиво, но твёрдо потянули назад. — Инвентарь приходит в негодность от такого наплевательского отношения! Имущество клана портится, падает качество тренировок! И не говори мне, о празднике, ленивая ты задница, думаешь, подготовка к нему мешала нам держать кладовую в чистоте и порядке и каждый день выставлять в залах крепкие болванчики для тренировок?!

— Ты не распоряжаешься здесь уже, Шо! — парень начинал закипать ничуть не меньше самого Шоуки. — Коли тебе, деревне, так охота корячиться и ломать спину иди и займись сам! Ни на что кроме чёрной работы ты не годен всё равно!

— Егоимя Шоуки, — холодно и резко заметил уже Такай. — И коли ты взялся оскорблять слугу высокородного, будь готов ответить за свои слова.

К месту перебранки всё больше сползались молодые кариты, то один, то другой начинали подзуживать парней к драке. Те, что отбывали здесь наказания явно встали на

сторону нынешнего “распорядителя”, позволяющего им работать спустя рукава. Остальные... мнения разделились, далеко не все благоволили “слабаку Шо”. Однако же, на удивление, юноши благородного происхождения и личные слуги единогласно приняли его сторону. В конце концов, несмотря на неодобрение старших, противостояние Высокий Двор — Низкий Двор существовало среди молодёжи.

— Ты не собираешься вмешиваться? — спросил Тамай тихо устроившись подле Имари в тени стены, да чуть пригнувшись, чтобы воспользоваться прикрытием телеги с грудой бамбуковых шестов, оставленной у ворот на въезде во двор.

— Пускай подерутся, пар выпустят... — отмахнулся наставник каритов. — Да и интересно посмотреть, как будет твой ученик держать себя в реальном бою, а не на тренировке. А то успехи, так себе, если быть честным.

И глянул с укором на мигом поморщившегося приятеля.

— Да знаю я что должен уделять ему больше времени... Это... Это мой подход к обучению — пусть сперва осознает насколько не подходит ему традиционный стиль к ведению поединка. И потом, в нужный момент, я ему расскажу... Всё что надо расскажу, в общем.

— Это твои заигрывания с очаровательной дочкой не скажу кого, а не подход! — фыркнул досадливо Имари. — На твоём месте я бы давно ему показал, насколько далеко он может продвинуться, насколько сильным стать. То что ты так долго топтался, нащупывая верный путь не значит, что он тоже должен терять время прежде чем заняться делом, а не пытаться гнаться за погодками!

Жнец страдальчески цыкнул зубом, исподлобья глянув на Имари. Подумал.

— Как считаешь... У меня есть шанс? — спросил он наконец.

— На что? — Имарисбился с мысли, и повернулся к приятелю, отвлѣкшись от накаляющейся в его вотчине обстановки.

— На её руку...

—..! — коротко ругнулся Имари. — Давай всё же о твоём наставничестве.

— Давай... — тоскливо согласился Тамай. Его отношения с пассией медленно заходили в тупик. Отчаянно хотелось... двигаться дальше, перейти к более тесному общению, мысли о котором делали жизнь совершенно невыносимой, но срывать это нежное соцветие до хотя бы помолвки казалось настолько неправильным... А сосватать девушку было не так просто, как хотелось бы. И соображения безопасности возлюбленной, и не очень хорошие отношения с её отцом, и постоянные разъезды, спасибо Наместнику, а ещё возня с учеником...

Хотя, кого он пытается обмануть? В её отце была проблема.

— Тамай!

— Да? — мужчина встрепенулся. Уловил какой-то шум, да выглянул из-за телеги, обозрев кучу-малу в дальнем конце двора. Удивлѣнно хлопнул глазами. И когда они успели сцепиться?

— Ты должен показать ему, на что способен! Чтобы у него было к чему стремиться и понимание выбранного пути.

— И как? — вздохнѣт. — Нужно устраивать полноценный поединок, выкладываться на полную, а для этого нужен сильный противник. Ты, Имари, уж извини, меня надолго не займешь.

— Это да... — мужчина немного грустно усмехнулся, тоже выглянув из своего укрытия,

и раздумывая — а не пора ли вмешаться? Драка набирала обороты. Из кучи малы то и дело вылетали тела, хлопались на землю, поднимались, и кидались обратно. — Как всё обернулось, да? Иногда жалею что ушли те времена, когда я мог надрать твой зад одной левой. Но в целом, найти тебе сильного противника можно. В конце концов, против тебя необязательно выставлять именно одного поединщика.

— Тогда мне будет слишком сложно уследить за всеми и никого случайно не убить. — возразил Тамай.

— Так не используй Хризантему.

— А как я покажу полную свою силу без Хризантемы? — резонно поинтересовался Тамай. — И вообще. Их и вправду пора уже разнимать. Выпустить пар это, конечно, одно, но мне кажется у того парня рука сломана...

— Не, симулирует, — наметанным глазом определил Имари. — Главное, что за оружие хвататься не стали. Молодцы! Дисциплинированные!

Последнее он произнёс с гордостью, вызвав скептический взгляд друга.

— Да и вообще, — Имари усмехнулся иронично. — Подготовка к празднику середины зимы в этом году как-то вяло идёт. Так что такое количество “штрафников” будет мне только на руку.

Тамай взглянул на друга с восхищением и некоторой долей опаски.

— Ну и жук же ты.

— От жука слышу. Идём разнимать!

Со свистом и шипением взлетели вверх и расцвели в тёмном тебе огненные астры. Одна, другая, целая пригоршня серебристых шипящих искр. Красиво, хотя и не так ярко и много как в прошлом году. Впрочем, в этот раз тут не было столичных гостей, а уж тем более северян, так что праздник получился куда скромнее. Но да именно поэтому Шоуки он понравился даже больше. Возможно из-за этой спокойной, почти домашней атмосферы, может быть из-за приподнятого настроения после соревнований, в которых их команда заработала больше всего очков. Из-за гордости, в конце концов, за то что не малый вклад в победу внесли они с Такаем, используя отработанный и на тренировках и на злополучном м'кари трюк. Старший товарищ легко перебрасывал легковесного Шоуки через препятствия, либо вовсе зашвыривал далеко вперёд, а тот бодро перекатывался, а то и вовсе ловко приземлялся на ноги, раз за разом опережая конкурентов. Одна милостивая судья в конце и вовсе в добавок к прочим призам выпутала из косы вышитую серебром тёмно-синюю ленту, и поймав молодого карита за пояс со звонким смешком перехватила ею его до сих пор куцый хвостик. Вон, тяжёлый от вышивки конец ленты лежит на плече — ночные цветы и блестящие над ними бисеринки звёзд. Шоуки правда, уже не пытался отыскать взглядом хозяйку ленты в толпе — большинство девушек успели удалиться во внутренние помещения, чтобы отмечать празднество как-то по своему, по девичьи.

Или просто потому что слишком прохладно стало по темноте для летящих платьев из дорогого шёлка да невесомых роскошных накидок?

Надо будет спрашивать завтра аккуратно. Негоже смущать девушку столь явным проявлением ответного интереса, но как то неправильно будет если он даже не поинтересуется именем красавицы, что выделила его среди прочих.

Было бы за что выделять, так-то, но принц не уставал повторять что кое-кому нужно бороться с приступами излишней скромности. Жаль что его тут нет. Странная мысль

немного, но сколько бы неприятностей на него ни свалилось из-за шептунского младшего принца, с ним всегда было как-то... живее? Он с семьёй в этот раз отбыл в столицу, праздновать уже там. А здесь...

Отгремели последние взрывы, едкий дым уносило ветром и Шоуки уловил начавшееся во дворах шевеление — кариты сползались, норовя взять в кольцо стайку новоиспечённых коллег. Сразу вспомнился прошлогодний “ритуал инициации” и молодой слуга, подумав, отступил в тень, за густо раскинувшуюся на изящных подпорках глицинию. Принимать участие в этом безобразии не хотелось совершенно, да и если так присмотреться среди старших было не так уж и много тех, кто давал клятву в прошлом году.

Разбежались, определённо — слишком свежа ещё та травма.

Конечно, нет никаких признаков того, что его, состоявшегося карита могут потянуть за компанию издеваться над новичками, но рисковать всё равно не хотелось. Отойти к стене дворика, совсем в зады, обождать...

Заметит краем глаза движение, признает Клинок Сасая, и обернувшись заметит только тень, прошедшую в одни из ворот, что ведут со двора. Тоже решил свалить подальше в преддверии исполнения сей сомнительной традиции?

Хм, а ведь и верно, через те ворота можно пройти в малый храмовый двор, там сейчас никого особо быть не должно — негоже нарушать покой Предков гулянками. Почести им сегодня уже воздали — пускай отдыхают спокойно. А из этого самого храмового двора можно, воспользовавшись неприметным проходом меж двух высоких стен, выйти к самому центру дворца, а оттуда уже и до покоев его господина недалеко...

Воровато оглядевшись, Шоуки скользнул туда же, однако старался держаться поодаль, чтобы не привлекать внимания коллеги, за которым последовал. Отношения с бывшим каритом клана Оро, а до того с соседом по кварталу так и не сложились, и Шоуки предпочитал не пересекаться с сильным и весьма раздражительным коллегой лишней раз. Тем более, что за этот год он так вымахал и раздался в плечах... Потому и отслеживал теперь движение его клинка в темноте, чтобы не подойти слишком близко. Вон, он сворачивает к задней стене старого храма, миновал нужный Шоуки проход и завернул за угол.

Отлично. Можно прибавить шагу и...

Шоуки замер. Его чутьё подсказало, что Сасай замер, да не просто, а перед кем то, увешанным украшениями из драгоценных металлов.

Помедлил. Аккуратно сместился к углу по усыпанной гравием дорожке пытаюсь не произвести ни звука. Не хорошо, конечно, лезть в чужие сердечные дела, но количество женских украшений немного смуцало. Он сам не слишком понимал почему, не разобрался во всех этих дорогих красивостях, но какая-то мысль просто подталкивала в спину, требуя разрешить загадку.

Что-то тут было неправильно.

Совершенно неправильно.

Слуха коснулись неразборчивые шепотки на два голоса. Шуршание ткани. Странные тихие звуки, как будто кого-то жрут с причмокиванием. А нет, всего-то целуются, задыхаясь и суматошно шаря друг по другу ладонями.

Шоуки медленно отступил назад, холодея и забыв как дышать.

Шаг, другой, пока возня в закутке за углом не стихла. Зашёл в проход, в который собирался свернуть с самого начала. Привалился к стене, медленно восстанавливая дыхание

и пытаюсь привести в порядок мысли.

Вот что было неправильно.

Такое количество украшений подобает только замужней женщине. Незамужние обычно куда скромнее, чтобы не отпугнуть потенциальных женихов отсутствием скромности и чувства меры. И ладно бы, всякой замужней женщине... длинная двузубая шпилька в причёске драгоценным ободком охватывает плоский диск с гербом, выдавая супругу из благородного семейства, несколько других, как и серебряный гребень венчаются искусно сделанными цветами, которые предпочитают носить в таком количестве только в соседней провинции, на поясе подвеска-оберег характерной формы, что должна защитить вынашиваемого ребёнка, да и едва начавшая округляться фигура женщины замотана под одеждой полосой ткани с вышитыми драгоценной нитью молитвами.

Ему необязательно было заглядывать за угол, чтобы опознать избранницу коллеги. Достаточно было хотя бы попытаться использовать то, что находится между ушами!

И пусть его дар не видел некоторые детали украшений, выполненные из камней ли, ткани или ещё чего... Впрочем, это мелочи.

Что теперь, спрашивается, делать с информацией, что жена наследника изменяет супругу с каритом?!

Разминался он сегодня чересчур сосредоточенно и деловито, поймав несколько подозрительных взглядов со стороны господина Имари. Не задумываясь развалил надвое тренировочный манекен, в спарринге поставил незримую подножку партнёру, заставив того покатиться кубарем и даже не порадовался такому прорыву в самосовершенствовании, оставшись таким же спокойным и немного отстранённым, как и до столь внушительного подвига для слабосилка вроде него.

Медитация определённо творила чудеса, а весь прошлый день, пока остальные боролись с похмельем, Шоуки посвятил именно ей.

Но неожиданные успехи его не волновали, медитация помогла привести в порядок мысли, проанализировать ситуацию и установить пару моментов требующих уточнения прежде чем приступить к активному... молчанию.

Всё равно у него нет никаких доказательств, а разбрасываться пустыми обвинениями относительно таких людей опасно, да и просто не вежливо.

В конце концов, он был её личным слугой.

Хоть и чисто формально.

Пару недель.

В конце концов он мог ошибиться, спутав украшения, да и ещё один момент резко противоречил первоначально сложившемуся впечатлению. Вот его и следовало уточнить.

— Неважно выглядишь, — заметил он, подходя к Таики Ло, после того как всех отпустили приводить себя в порядок. Тот как раз плеснул в лицо водой да замер, опираясь о край глиняной пародии на прудик. С сомнением заглянул в ёмкость, но вроде как все украшения и рыбу оттуда убрали (хотя в том, что воду полностью сменили он сомневался), и смочив в воде тряпицу утёр от пыли и пота лицо.

— А ты напротив сегодня свеж как цветок лотоса — аж смотреть противно, — беззлобно отзовется карит.

— Прошлогодний праздник раскрыл мне глаза на все “прелести” похмелья, а вы с Кено помогли мне развить чувство меры своими постоянными попытками влить в меня бочонок

рисового вина.

— Вот видишь, какую неоценимую услугу мы тебе оказали. — фыркнул Таики, присматриваясь к другу. Тот и правда выглядел сегодня немного странно. Слишком спокойный и уверенный в себе. Слишком взрослый и соответствующий вышитому поясу личного кланового слуги.

— Но вообще я удивлён, — заметит Шоуки, перебрасывая полотенце через плечё, и окидывая рассеянным взглядом двор. — Мне казалось, ты отправишься в столицу на праздники. Из клановых тут остались только семьи Сай и Тооки. Ну и несколько стариков из других семей, и конечно господин Распорядитель.

— Госпожа Наири осталась, — буркнул Таики. — И часть её свиты включая мою приёмную мать. Так что у меня был вполне приличный повод не соваться в это...

Он отмахнулся, рассерженный самой возможностью намёка на то что кое-кто систематически предпочитает общество слуг и каритов обыденному для благородных кругу общения. Шоуки же едва не сдержался чтобы досадливо цыкнуть зубом.

— Но я не видел их на празднестве, — заметит он, изобразив некоторую растерянность. Может даже натурально изобразив.

Ну да, ни на воздаянии богам, ни во время церемоний их и правда во дворах не было.

— Госпожа испытывает недомогания вот уже несколько дней, достаточно серьёзное, чтобы отказаться и от поездки и от шумных празднеств. В её положении лучше поберечься.

— Да, лучше побережься... — согласился Шоуки немного рассеянно.

И вправду, стоит побережься и держать язык за зубами.

Вдох-выдох. Медленнее.

Сердце бьётся размеренно, напряжение в плечах уходит, спину приятно тянет и духовный сосуд медленно разогревается, почти ощущаясь физически.

Вдох-выдох.

Мир вокруг становится болезненно хрупким, чётким до излома, скользнёшь взглядом в сторону — порежешься о сколотый край.

Ещё немного медленнее, чтобы грудь едва вздымалась, а в звенящей тишине не было слышно ни малейшего намёка на...

Сосредоточенный, он пропустил приближение знакомой стали, и когда створки дверей отъехали в сторону, свет болезненно ударил по глазам, расстроил нащупанный было ритм и заставил вдохнуть невпопад, что обернулось сдавленным, сиплым кашлем.

Встрёпанный и пыльный Тамай нахмурился, замерев на пороге и глядя на оглушённого, хватающего воздух ученика. С сомнением оглянулся, глянув на небо, но время ещё даже к обеду не приближалось. Зашёл, уделив внимание расстеленным на полу перед Шоуки свиткам, и задумчиво хмыкнул.

— Не рановато тебе заниматься семьдесят первой формой? — уточнил он, склоняя голову на бок.

Шоуки хотел ответить, но посчитал, что сперва нужно хоть немного выровнять дыхание. А вот подняться на ноги и хотя бы поклониться господину требовал этикет, хотя организм посчитал иначе и парня повело в сторону, стоило попытаться это сделать. Тамай подшагнул, придержал ученика за плечо, костяшкой согнутого пальца ткнул куда-то под ребро сбоку, заставляя резко выдохнуть. Это помогло, дальше дышалось уже нормально.

— Техники такой сложности рекомендуется осваивать только в присутствии учителя, — наставительно заметит Тамай. — Погружение слишком глубокое, и может привести к не самым приятным последствиям при таком вот срыве.

— Этот недостойный слуга воспользовался бы вашим советом с удовольствием, господин, — ровно заметил Шоуки, выпрямившись и таки поклонившись. — Если бы у этого недостойного был учитель.

Тамай дёрнул щекой, но в целом стоически перенёс этот удар пониже пояса. Набрал было воздуха в грудь, но мальчишка снова поклонился — выверено и чётко:

— Вы утомились с дороги. Вода для омовения будет готова сию минуту. Оставьте ваши вещи здесь, я о них позабочусь.

И шустро, уже почти не шатаясь, занялся полагающейся по случаю возвращения господина вознёй. Тамай посмотрел на это, свалил с плеча потёртую сумку и короб Хризантемы, после чего развернулся, и направился искать Имары.

Вот стоило пробираться сюда тайком, минуя подговоренных наставником караульных, чтобы теперь разыскивать его по половине дворов и построек?! Тот даже сам опешил, увидев целеустремлённо топающего к нему Тамая, пыльного, заросшего, да разряженного под бродячего торговца.

— Хм? — выдал наставник каритов вместо приветствия осторожно.

— Ты мне зачем мальчишку сломал?!

— Я сломал?!

— А кто ещё прогнал его через все семьдесят медитативных форм и настропалил язвить?

— Постой, постой, что?! — Имари мучительно заломил бровь.

— Что? Что слышал! Он среди бела дня сидит там и осваивает семьдесят первую форму! Один!

— Хм... ну да, Шоуки последнее время увлёкся медитативными техниками. Делает благодаря им существенные успехи между прочим. Хотя мне казалось что он должен быть где-то на шестьдесят седьмой... — задумчиво прикинул Имари, между делом глянув по сторонам. Но вроде как никого постороннего близко не было и вести разговор можно было спокойно. Если не на повышенных тонах конечно. А Тамай, казалось, скоро к этому подойдёт.

— То есть, ты не в курсе?!

— Я не могу быть в курсе всего, он же не мой ученик.

— И ты туда же! — Айри сделал резкий жест руками, казалось, вот-вот за голову схватится.

— А... — понятливо кивнул наставник каритов. — Он наконец созрел поднять эту тему. Похвально, что решился таки.

Тамай сузил глаза, сверля друга взглядом.

— Нет, ну а чего ты хотел? Я говорю — мальчишка делает успехи, он почувствовал вкус крови, понял, что способен на большее и отчаянно мыкается по болоту в поисках опоры под ногами. Да ты сам себя вспомни лет пятнадцать назад!

— Да, но...

— Только тогда у тебя не было учителя, который всё знает, всё может объяснить и показать, но сам при этом пропадает по полгода неизвестно где! — голос поднял всё же сам Имари, заставив друга дёрнуться как от удара.

— Ну допустим, не пол года, а всего четыре... — произнёс Тамай тихо и как то растерянно, прикидывая как сам бы поступил тогда в подобной ситуации, но Имари его перебил:

— А в добавок ты сейчас приведешь себя в порядок, переоденешься в подобающее, подхватишь притащенные на закорках гостинцы и убежишь ворковать под окна своей драгоценной голубки до глубокой ночи! И вот не надо мне доказывать, что выполнял задание наместника, что не видел её четыре с лишним месяца и что у тебя и так нет времени на отдых. Тамай...

Имари медленно выдохнул, затем положил руку на плечо друга и потянул его с прохода, к стене, где склонил голову, заглядывая в глаза с каким-то даже болезненным сочувствием:

— То, что учителя всегда относились к тебе спустя рукава не значит что это нормально. Попробуй стать хорошим учителем. Хотя бы на зло им. Не знаешь, как? Спрашивай. Я подскажу, посоветую... ну?

Тамай отвёл взгляд и устало вздохнул.

— Я попробую. Попробую...

Шоуки успел тем временем приготовить воду и чистую одежду — возился теперь с Хризантемой — короб нужно было почистить, потом осмотреть ножи, тоже почистить буде найдутся пятна засохшей крови, заточить, отложить в сторону совсем выщербленные и позже отнести кузнецу...

Надо сказать, его немного мучила совесть. Кто он такой, в конце концов, чтобы

огрызаться на человека, которому служит? Официально он слуга, и то что его учат хоть чему то ещё не значит, что...

Учат, ага. Подсказывают упражнения то и дело, а потом укоряют за то, что пытается сам развиваться и идти дальше.

Вздыхнул.

Знать бы ещё, куда идти-то. Пару трюков, помогающих справляться с погодками он освоил, но... Они тоже учатся же! И вырвавшись вперёд однажды Шоуки неминуемо начал отставать. Да, он по прежнему один из лучших в фехтовании и борьбе, но стоит наставнику разрешить применение духовной силы и крутится приходится как проклятому.

И летать.

Как, оказывается, важна для него наука падать правильно. Нет, блокировать воздействие он умеет, но у него банально не хватает сил, чтобы перебить воздействия подавляющего большинства молодых каритов. А сам... Удачно толкнуть разве, да и то опираясь на эффект неожиданности.

Однако он обнаружил, что другие кариты хорошо и прицельно могут “толкать” перед собой. И снова “одноглазая цапля” — им нужно видеть, что они делают. Потоки духовной силы, что они направляют назад и по бокам от себя часто рассеянны и их куда проще преодолеть. Это знание помогало слабо, но иногда этим удавалось воспользоваться, и тогда результат был невероятно приятен. Ну как же, слабак Шоуки пустил кубарем настоящего карита в полноценном поединке.

Эх, если бы ещё почаще выходило...

Юноша отвлёкся от тоскливых мыслей и невольно перевёл взгляд в угол. Там за стеной почудился знакомый клинок. Ага, точно. Вот прошёл к дверям и раздвинул их его господин. Остановился. Взгляд странный.

— Вода готова, господин, — произнёс Шоуки ровно и спокойно.

Тот кивнул. Помедлил.

— После ужина ходим в копейный двор. Покажешь, чему научился за это время.

Шоуки осторожно кивнул. Проводил Тамая немного настороженным взглядом. Вернулся к разбору Хризантемы в некоторой задумчивости.

Этим вечером до самой темноты Имари сидел на веранде своего дома и пил чай. С этого места неплохо был виден копейный двор и то, что там происходит.

А когда сгустилась тьма и разглядеть что-то стало сложно, оттуда всё равно продолжал доноситься звон стали.

Конь нетерпеливо захрапел и навалился на воротца, распахивая их своей широкой грудью. Шоуки привычно отступил в сторону, и чуть сдвинул ногу, когда тяжёлое копыто едва не опустилось на неё. Копыта были подкованы. У косящей глазом твари не было шансов — Шоуки был начеку. Подхватил за узду, потянул здоровенное животное по проходу, напряжённо ловя каждое его движение всеми доступными чувствами.

За этот год он окончательно уверился, что Пятнышко тайно желает его убить. Демоническая тварь в облике лошади, не иначе. Нельзя было показывать ей, что он знает об этих зловредных намерениях. Нельзя было показывать слабость. Особенно, когда он на земле, и рядом с чудовищем. В седле, на удивление, оказалось несколько безопаснее — Шоуки научился вцепляться в него клещом, так что “нечаянно” скинуть его у монстра больше не получалось.

Так что на спину чудовища он запрыгнул едва покинув конюшни, и быстро присоединился к основным каритам, собирающимся уже выезжать. Шоуки с удивлением увидел своего господина. Тамай тоже направляется в тренировочный лагерь? Интересно, зачем?

И как быть ему, Шоуки?

Вроде как, сейчас он направляется на обязательную тренировку и должен держаться с остальными каритами. Но он же и слуга своего господина и должен сопровождать его... так?!

Осторожно тронул коня пятками. Потом пнул упрямую скотину посильнее, наконец сдвинув коварное существо с места. Проехал к основной группе, заметил кивок Тамая. Ну ладно...

Пока ехали, всё было спокойно. Кариты, смущённые присутствием лишнего старшего вели себя потише, и даже не пытались обгонять друг друга и пакостничать по мелочи — чужого коня там, за кольцо в узде дёрнуть...

Да и после прибытия, как отвели лошадей в загон, Тамай и Имари держались вместе. Продолжали что-то такое неторопливо обсуждать. Потом со склада принесли несколько ящиков да луки. Шоуки направился было взять себе один, да Имари окликнул его, остановил, да велел рядом держаться.

Странно.

А потом и ящики открыли. Те круглые штуки внутри оказались нелепыми наконечниками стрел.

Тамай подхватил одну, покрутил в пальцах, да рассказывать начал, проходясь перед строем переминающихся парней.

— Стрелы с подобными наконечниками изредка используют для захвата живых целей. Как видите, они довольно тяжелы и с таким наконечником не способны нанести серьёзного вреда. Конечно, если попасть такой в определённые места черепа можно его проломить... Или глаз выбить... Но в целом, подобная стрела может разве что синяк поставить да на землю уронить. Применять вам такие придётся редко, если вообще придётся, но здесь мы используем их для имитации стрел зажигательных. Те тоже порядком утяжелены, неважно, паклей ли, пропитанными маслом мотками верёвки, а то и вовсе глиняным кувшинчиком с алхимической смесью. И те и эти можно запустить на расстояние в полтора-два раза меньшее, чем с обычным наконечником. Сегодня будете работать ими. Цель — наставить синяков Шоуки.

Кариты вытаращили глаза, да загомонили.

— Э?! — выдохнул Шоуки, подрастеряв уже ставшие привычными спокойствие да уверенность.

— За каждое попадание выделю по серебру! — подлил масла в огонь Имари.

— Так что, беги до тех деревьев и не заставляй уважаемого наставника растерять всё его состояние, — хлопнул парня по плечу Тамай. — И меч оставь.

— Но...

— У тебя есть Дар, вот им и пользуйся. Так, все стрелы разобрали? Тогда — пошёл! Как поравняется с той бочкой — можете начинать стрелять!

Шоуки сполоснул лицо водой, да там же, у бочки, сел в траву, тяжело дыша и чуть морщась. Синяков он заработал всего пару, да и те были скорее обидными, чем

болезненными, но всё же. Куда паршивее было наблюдать за тем как азартно отстреливается весь строй по Тамаю. Обещанного золота не заработал ещё никто, хотя мужчина просто стоял на открытом месте, сложив руки на груди — тяжёлые стрелы как заговоренные огибали его фигуру, едва заметно меняя направление, чтобы пройти мимо.

А он там бегал, метался, паниковал... В груди вон, жжёт как из-за перерасхода духовной силы. А гляди ж ты, надо было просто головой подумать.

Шоуки вообще начинал подозревать, что основной боевой навык для таких, как он — думать демонами проклятой головой!

Ну вот зачем пытаться остановить тяжёлую стрелу, если можно едва коснуться её, изменив траекторию?!

Золото так никто и не заработал. Озадаченные кариты пошли собирать стрелы, а Тамай прошествовал к бочонку и с лукавыми искорками в глазах глянул сверху вниз на замотавшегося слугу.

— Сделал выводы?

— Да, — глухо буркнул Шоуки. — Осознал. Исправлюсь.

— Стрелы — наименьшая из наших с тобой проблем, — кивнул Тамай удовлетворённо. — Слишком мало сил требуется, чтобы отклонить их в сторону. А вот обычным каритам отряд лучников может доставить немало головной боли.

— "Одноглазая цапля", — кивнул Шоуки. — Если они её не увидят, то не смогут отбить.

— В пылу большого сражения некогда глазеть по сторонам, выискивая падающие с неба стрелы, — кивнул Тамай, повернувшись, чтобы обозреть собирающих стрелы молодых каритов. — Им не составит труда отбить стрелу, остановить её, пустить круговую волну духовной силы, сбивая одновременно десяток. Многие научатся распознавать свист рассекаемого стрелой воздуха чтобы немедленно отпускать "волну" в нужную сторону. Однако же, не всем и не всегда помогает такое умение.

Шоуки кивнул медленно. Согласно легендам, посланные в спину отравленные стрелы были одной из основных причин гибели великих мастеров прошлого.

— Попробуешь ещё раз? — предложил Тамай хитро.

Шоуки на мгновение задумался, и медленно кивнул.

— Твой "пронзающий взор" распространяется уже достаточно далеко, — заметил Тамай, когда его ученик — не ученик поднялся на ноги. — Можешь закрыть глаза. Так будет легче сосредоточиться.

Так действительно оказалось легче. Перед его внутренним взором стрелы походили на серебристые искры, вспыхивающие в темноте. Коснуться одной, другой, чуть сдвинуть третью. Четвёртая сама пройдёт мимо. Главное — не испугаться огладившего щёку ветерка от слишком близко прошедшего снаряда, не сбиться, не потерять сосредоточенности.

А потом с неожиданным удовлетворением и толикой мстительности обозреть вытянутые лица каритов. Только Амарими среди них выглядел довольным, старающимся задавить озорную улыбку.

Это послужило поводом придать своему лицу спокойное, невозмутимое выражение и проследовать обратно, к строю.

— Ну подыграть не мог, ну за серебро то! Мы бы поделились! — проворчал Шимай.

— А по шее? — громко уточнил бдительный Имари. — Так, собрали стрелы и выставите мишени к той отметке! Продолжаем занятие!

Вставать пришлось даже раньше обычного. Перепроверить собранные вещи, сходить на кухню за припасами в дорогу, заглянуть на конюшню, чтобы оседлать проклятого демона и спокойного жеребца господина...

Ещё завтрак принести как раз к тому моменту, когда его господин продерёт глаза.

Опять полночи где-то шлялся. Шоуки даже предполагал где. Вообще, стоило задуматься над вопросом, и как-то раз по темноте пройтись по поместью и послушать Даром, как оказалось, сочетание “меч, а рядом шпильки да бусы” в укромном месте не такое уж редкое, как он думал. Нет, конечно, в высоком дворе порядком народу, но наткнуться на три парочки в одну ночь?!

Своё видение картины мира нужно было немного переосмыслить. И выяснить наконец, имя хозяйки той ленты, которой он теперь регулярно повязывал волосы.

— Всё приготовлено в дорогу, господин, — невозмутимо сообщил Шоуки, глядя как заспанный Тамай с удивлением рассматривает выставленный на столе завтрак.

— А разве уже...

— Да, вот-вот будет общая побудка, — подтвердил Шоуки.

— Тебя так порадовало что я беру тебя с собой? — подозрительно уточнил Тамай.

— Вы сказали что в этой поездке я должен изображать простого слугу, — напомнил Шоуки.

Старший карит вздохнул, и сел завтракать. Потом уже привёл себя в порядок, оделся в дорожное. Велел старательно играющему роль слуги слуге брат Хризантему, сумки подхватил сам. Да и нести то их — до лошадей, а там уж зацепить за седло, и можно выдвигаться в путь.

В путь... Шоуки это и вправду порадовало, и он был бы просто счастлив, если бы не Маленькое Пятнышко. Увы, теперь с тварью придётся возиться не каких-то пару часов в день. Хорошо хоть жеребец Тамая Айри выглядел спокойным и в меру дружелюбным, хотя был той же крупной, боевой породы.

Сперва ехали молча, лишь когда поместье окончательно скрылось за деревьями Тамай, всё ещё сонный и потому квелый, заметил:

— Вот тебе, кстати, ещё одно упражнение. Следи за подковами. Используй свой “пристальный взгляд” так долго, как можешь.

Шоуки кивнул. Занялся этим, раздумывая над тем, что не пробовал удерживать его дольше нескольких десятков минут подряд. Потом спросил:

— Вы держите его постоянно?

— Почти, — согласился Тамай. — На территории клана можно и расслабиться немного, а в пути очень помогает от, например, стрелы в спину. Или в больших городах — от воров. Их искусство зачастую не знает себе равных! Только постоянный контроль за местоположением своих монет и спасает.

“А ещё, наверно, засады...” — подумал Шоуки. И верно — полезно. А главное — остальные так не умеют!

И сосредоточенно следил за подковами, сбруей и прочим железом вокруг. Всё время, а не как обычно — отрывистыми всплесками внимания. В какой-то момент это начало доставлять неудобства — духовный сосуд отзывался смутным нытьём, потом начал неторопливо страдать, как и при манипуляциях тяжестями, но Шоуки был упрям и целеустремлён, а Тамай, привыкший путешествовать в одиночестве наслаждался тишиной, подрёмывая в седле.

Дорога шла на запад, в одну из дальних провинций. Тамай объяснил только, что отправлен в качестве представителя Наместника на мирные переговоры двух давно и прочно враждующих друг с другом кланов. Шоуки припомнил что даже в Тростниковой долине то и дело судачили о клановых тёрках на побережье, но ни имён ни названий вспомнить не смог. Впрочем, сам скоро на всё посмотрит.

В дороге он сосредоточенно занимался, Тамай то и дело подкидывал какие-то новые упражнения и задания, проконтролировал освоение медитативных техник, а если останавливались на ночь на природе, устраивал практику с клинком.

В остальное время, правда, приходилось изображать слугу... Вернее, не изображать, а просто прислуживать, потому что официально он слугой и являлся. Это не то чтобы раздражало, но наводило на мысли что он мог бы больше времени потратить с пользой, вместо того чтобы следовать за господином молчаливой тенью. Вот хотя бы поспрашивать, в том числе и о тех городах, через которые они проезжали. Шоуки за свою жизнь успел увидеть лишь Тростниковую долину, да поместья кланов Оро и Сиасай! А тут целые крупные города...

Кстати, интересно. Они проезжали через города и общинные деревни, старательно избегая клановых поселений и поместий. Клановых городов, вроде, не так много было на Благословенных Землях. И уж точно не в этом направлении.

Не задерживались. Но и не сказать чтобы прямо торопились.

Иногда Тамай выделял время, чтобы посетить какого-нибудь торговца, или старосту деревни, или на весь вечер пропадал в каких-то богатых домах, оставляя Шоуки куковать среди слуг. И не торопился объяснять эти задержки. А Шоуки не спрашивал, впечатлительный тем, как расспрашивали уже его чужие слуги и подозрительные личности. Шоуки вежливо кланялся, улыбался, и как заведённый твердил что простому слуге не пристало совать нос в дела своего господина. Сперва долго и иносказательно, потом всё проще и прямее — если вопросы не прекращались. И кланялся, и кланялся...

К чести вопрошающих следует отметить, что они начинали очень издалека и действовали, в большинстве своём, в рамках приличий. Господин Айри определённо был важным человеком на службе у наместника и без учёта его боевых навыков. И о его делах желали знать многие. Особенно те, кого он осчастливил своим незапланированным визитом.

Вот это кстати, тоже чувствовалось — как начинали бегать слуги и охрана, стоило Тамаю прийти, назваться, и запросить встречи с хозяевами дома. Гостем он приходил незванным. Шоуки мучался вопросами, а Тамай молчал.

Только один раз, покидая город, обратил внимание на то, что их провожают держащиеся на некотором отдалении люди. Шоуки “присмотрелся” и заметил четыре идентичных клинка недалеко позади.

— Желают убедиться, что я убрался из города, — усмехнулся Тамай тогда. Шоуки очень подмывало задать пару вопросов, но они всё ещё были в черте города, а значит всё ещё следовало изображать покладистого слугу, а покладистые слуги праздных вопросов господам не задают!

Шоуки полуприкрыл глаза, обратившись к внутренней гармонии и спокойствию.

А потом, уже по выезду из города Тамай подкинул ему какое-то очередное любопытное упражнение, сбивая с мысли.

Уже вечером, чистя лошадей, Шоуки вспомнил о своих таки не заданных вопросах, и подумал, что как то всё это похоже на то, что его хитро кидают раз за разом.

Впрочем, ладно. Господину... или же учителю (определиться бы уже наконец со статусом!) — виднее.

Искусно вырезанные в диком камне врата однозначно свидетельствовали о том, что путники вступают на родовые земли древнего клана. Арка вырезанная в самой скале, под рисунком ворот была неровной, местами даже корявой, с выступающими сверху наростами из светлого камня. Неужели это всамделишная пещера? Природная? Но да до света на той стороне совсем близко — скала не так широка как казалось. Насквозь проехали её буквально за минуту. Шоуки старался не вертеть головой по сторонам, хотя право слово, очень хотелось. Очень уж скалы тут были... необычные. Светлые, высокие и узкие, будто клыки, сбрызнутые местами редкой зеленью. И вроде как они должны были постепенно сходить на нет, исчезая в море.

Красиво. А ещё совершенно непонятно куда бежать в случае чего — тут их целый лабиринт. А “в случае чего” зрело уже часа с два. Вот прямо за спиной, аж неуютно так между лопатками. Вчера вечером они с почётом были приняты... ладно, Тамай с почётом был принят в городской резиденции клана Иши. На удивление, слуги, к которым Шоуки определили, вопросов не задавали. Наверное, потому что здесь, в отличие от прошлых места, Тамая ждали и очень рассчитывали на его приезд. Вернее, не столько на него, сколько на незримое присутствие Наместника, которое он обеспечивал. Это Шоуки узнал, начав исподволь задавать вопросы.

Иши и Такери враждовали давно, едва ли не со времён клановластия и диких законов кровной мести. По легенде, первое убийство, запустившее тёмную волну кровавой вражды началось с того, что два парня не поделили девушку. Типично. И естественно во всём виноват был Такери. Ну и дальше одно за другим, пятое за десятым...

Впрочем, в последнее десятилетие вражда поутихла, и дело сдвинулось к хотя бы перемирию. И теперь глава клана намеревался встретиться с главой Такери на нейтральной территории. Вернее, перед нейтральной территорией — на развилке, часа два назад. И с тех пор на эту нейтральную территорию следовали. И от чего-то Шоуки казалось, что обе группы, равные в численности, но подозрительно увешенные оружием только и ждали повода друг на друга кинуться. Временами казалось, только присутствие Тамая их от этого удерживает. Он ехал впереди, главы враждующих кланов по бокам от него, а Шоуки держался позади своего господина, с коробом Чёрной Хризантемы за спиной, демонстрируя её всем прочим сопровождающим. Вероятно это тоже играло определённую роль в том, что пока даже гнетущее молчание не было нарушено.

Дорога вывела наконец за очередную скалу, открывая вид на поместье. Ворота, лестницы и здания, взбегающие на особенно мощную скалистую гряду. Красиво. И наверное, удобно отбиваться от противников, поливая их сверху стрелами. Но остальное...

Наверно, слуги замучились таскать воду, туда, на верх. Или, может, где-нибудь там, наверху есть источник? Да нет, вряд ли. Скала конечно велика, но на полноценную гору не тянет. Хотя, есть сложные печати способные подтягивать подземные источники повыше. Сработают ли такие на подобной скале?

В воротах их ждали представители этого клана — в светло-серых, с зелёным, одеждах. Кейко — клан меловой скалы, вроде как считался здесь, на побережье, нейтральным, и уже столетие улаживал всяческие разногласия, споры, и не ввязывался в периодическое противостояние вольнолюбивых кланов с властью Наместника.

У них всё было подготовлено — лошадей быстро отвели в конюшню (естественно они располагались тут, в самом низу), а за воротами очередного двора уже были расставлены в два ряда укрытые тканью столы, на которые предлагалось сложить оружие. Это предложение, высказанное представителем Кейко не понравилось обеим сторонам, но до скандала не дошло. Тамай первым показал пример, положив на стол свой клинок, и дав знак Шоуки, чтобы он передал ему ящик Хризантемы. Уложил и его, и клинок, кстати, на тот стол, что предназначен был для Иши, наверное, демонстрируя очередной раз что именно этот клан пользуется поддержкой Наместника. Шоуки стараясь действовать не слишком торопливо, положил свой клинок рядом, однако страхи его не оправдались — сопровождающие лидеров кариты поворчали, но сложили оружие. Много оружия.

И верно, какие, к демонам, мирные переговоры, когда обе стороны будто на войну собрались?! Вот зачем надо было тащить с собой боевой цеп? Кто вообще ими пользуется в этом веке?!

Главам кланов, впрочем, клинки оставить разрешили. А то неловко бы получилось.

Поднялись высоко, по крутым лестницам, в основное здание этого... поместья? Даже не знаешь, как это назвать. Здесь было мало дворов (понятно почему) но множество крытых переходов, и помещений, многие из которых перетекали одно в другое. И всё — из старого, благородного дерева наверняка привезённого издалека. По крайней мере, он не видел, чтобы в этих краях росли достаточно высокие деревья, чтобы из них можно было вырубить такие длинные балки.

Случилась ещё одна заминка. Главам кланов предлагалось провести первый этап наедине, ну, не считая Тамая и Кейко, и сопровождающих теперь намеревались развести по разным помещениям. Те несколько... негодовали. Но проникшиеся важностью момента главы кланов их успокоили, и ушли в сопровождении Тамая и нескольких представителей Кейко. Шоуки немного растерялся сперва, но потом сообразил, что ему следует оставаться с людьми Иши.

Их отвели в просторное помещение неподалёку от кухни и... наверное местной казармы? Шоуки чувствовал сквозь стены вооружённых людей неподалёку, и его это вдруг обеспокоило.

Что-то было неправильно... Кажется?

Или просто переволновался, ожидая что клановые вот-вот бросятся друг на друга?

Глянул по сторонам. Кариты Иши немного расслабились и расселись по циновкам просторного помещения, у низких столов. Солидные войны все как один, кроме парня не сильно старше самого Шоуки. Насколько тот понял, это какой-то родственник главы, не сын, племянник, вроде? Сидит, нервничает.

В помещение зашёл один из серо-зелёных, с поклоном и предложением отведать чаю с закусками. Кариты не успели и шевельнуться, как этот самый парень резко отказался. Остальные промолчали и раздосадованный слуга удалился.

Шоуки тихонько хмыкнул про себя. Странно это. А может, всё же сын? Остальные вон, сразу пошли на поводу...

Но спрашивать было неловко. Да и он поймал себя на том, что внимательно следит за перемещениями людей за стенами. В конце концов, у каждого найдётся если не клинок, то оберег с небесным железом или нефритом в оплётке из серебра или меди, а то и золота. Вот слуга закрыл двери и пошёл... в казарму? Постоял там, и удалился куда-то в центральную часть этой странной постройки, быстро исчез из "поля зрения".

Чуть погода подошло ещё пятеро вооружённых... Каритов, должно быть. Остановились с остальными, стоят.

Шоуки оглянулся на нервничающего Иши. Не в его положении сейчас задавать вопросы, но...

— Скажите, вы... не доверяете Кейко?

Парень вздрогнул, взглянул на Шоуки странно.

— Как можно не доверять Кейко? Их репутация безупречна, — произнёс молодой Иши ровно. — Все, кто мог хоть как то запятнать их репутацию в последние годы... просто исчезли.

— Молодой господин, не возводите напраслины, — недовольно проворчал один из каритов постарше. — Глупо прислушиваться к пустым слухам.

— Пустым ли?

Молодой Иши сказал это таким тоном, едва ли не огрызнулся. Молодой господин, да? И чем Шоуки слушал, когда расспрашивал слуг в доме Иши?

В “поле зрения” появился ещё один человек. Оберёг на поясе и набойки на каблуках. Проществовал в предполагаемую казарму, что-то сказал, и кариты зашевелились.

По спине скользнул холодок.

Да нет, быть не может...

Семеро к одним дверям, семеро к другим. Сердце пропустило удар, верить в худшее отчаянно не хотелось, но осознанно не придавать значения происходящему становилось просто невозможно. Шоуки запаниковал. Что делать?!

Что кричать? “Засада”? Ситуация вроде не та совсем...

Да время ли сейчас раздумывать над нюансами?!

А ему вообще поверят?

Шоуки беспомощно, встревоженно глянул на молодого Иши, и тот поймал его взгляд, сузив недобро глаза. Его плечи напряглись в ожидании, а рука невольно легла на пояс туда, где прежде висел клинок.

И Шоуки вдруг понял, что этот — поверит. Во всё самое худшее и сразу.

От этого стало сразу легко, нет, страх никуда не ушёл, но он перестал наваливаться на плечи и сковывать руки.

Шоуки вскочил, цепляя железо подкрадывающихся к дверям людей — все они успели обнажить оружие, но не все — напитать его духовной силой. Так что, шесть клинков он сумел перехватить, выбить из пальцев, и крутануть, прежде чем “крепкая хватка” каритов отобрала у него оружие. Короткий лязг донёсся из-за правой двери, вскрик и досадное ругательство из-за левой.

— В защиту! — молодой Иши почти зарычал вскакивая на ноги, и соклановцы потянулись за ним без лишних слов. Хрустнуло дерево — тот карит, постарше, в одно движение переломил низкий столик вдоль, и перехватив половинку как дубину метнулся к дверям.

В следующее мгновение в помещение начали таки ломиться серо-зелёные, и стало жарко.

Первый схлопотал в лоб деревяшкой и рухнул, не успев сообразить, что случилось, Шоуки попытался вцепиться в выроненный им клинок, но чья то более хваткая духовная сила уже рванула его на себя, протянув по полу. Кариты Иши открыли свои сосуды, давя голой силой. Те, что не отмахивались деревяшками и добытым клинком. У них то и выбора

другого не было — всё что они могли сейчас — это не позволять противникам применять техники летящего клинка. Выпусти клинок из рук — его немедленно перехватят, передавят чистой силой.

Проблема в том, что даже у нормальных каритов такое приводило к очень быстрому опустошению духовного сосуда.

А у таких, как ...

А господин Айри сейчас где-то там без Хризантемы, и даже без обычного клинка! Осознание будто бы вонзилось в спину раскалённой иглой, Шоуки метнулся вдоль стены, и воспользовавшись сумятицей среди сражающихся, едва не выкатился за двери и припустившись по коридору. Позади крикнули, следом увязался тяжёлый топот. Несколько бешеных ударов сердца, и преследователь запустил вдогонку клинок, целя аккуратно между лопаток. Шоуки это совершенно не встревожило — он отлично чувял клинок, и потому бодро метнулся в сторону, выбивая плечом полуоткрытую дверь. Клинок с хрустом засел в косяке, мужчина выругался, там в коридоре, на ходу пытаясь вывернуть оружие из крепкой древесины, и ему это даже удалось к тому моменту как он добежал до двери.

И едва не получил в лоб тяжёлым казаном, вовремя отбив его волной духовной энергии, но сразу же взвыл, ошпаренный горячей похлёбкой.

Ошибиться дверью и побежать в сторону кухни это было... удачно.

Котелок, сковорода, два судка, противень... А вон и ножи аккуратноным рядком лежат. Впрочем, Шоуки с перепугу перестарался — из-за горячей похлёбки карит совершенно потерял концентрацию и его вырубил первой же парой тяжёлых металлических предметов. Тяжеловатых так-то, но на безрыбье...

Шоуки выдохнул. Сосредоточился. Шагнул вперёд, потащив за собой всё железо, до которого сумел дотянуться. Меч, причем, переступая тело, просто поднял, ибо на плечи уже навалилась тяжесть невероятная, а в груди заныло. Но трудными были лишь несколько первых шагов, стоило набрать скорость... стоило отругать себя за идиотизм и перестать держать самое тяжёлое в воздухе, как стало легче.

Шоуки нёсся по коридору, подняв клинок для удара, а за ним с грохотом и звоном катилась по полу и отскакивала от стен кухонная утварь. Достаточно ведь пнуть тяжёлый котёл в нужном направлении и позволить ему катиться самостоятельно... до следующего пинка.

Не удивительно, что нападающие отвлеклись на поднятый грохот от загнанных в угол Иши.

Не все конечно, но лица у тех, что обернулись были странные, когда вихрь кухонной утвари ворвался в залитое кровью помещение. Шоуки едва не поскользнулся на крови, натёкшей с распластавшегося серо-зелёного, отпрянул в сторону, пропуская мимо клинок, метнул в противников все подобранные ножи, особо метя в тех, что были связаны боем. Даже с каким-то облегчением понял, что тяжёлый казан у него отобрали и снесли им сразу двоих серо-зелёных.

Собственно, благодаря этому он смог беспрепятственно выскользнуть во вторые двери и побежать туда, где они расстались с Тамаем и главами кланов. Хоть его грохочущая свита теперь серьёзно поредела, зато в комнате теперь осталось достаточно железа. Иши, причем, и без него неплохо справлялись — когда Шоуки ворвался в комнату на полу валялось три новых тела Кейко, и всего одно в светлых одеждах Иши.

Это он отметил походя. Сосредоточился, вписать утварь в дверной проём, и понёсся

дальше.

Вот из-за поворота собираются выскочить трое. Шоуки зарычал, в груди заныло, но он всё же смог выбросить все эти сковородки да котелки вперёд с немалым ускорением. Вряд ли кариты ожидали подобного, когда забежали за угол — лишь один устоял на ногах, успев среагировать и прикрыться голой духовной силой. В него Шоуки и влетел, чувствуя как клинок прорывает сопротивление ткани и плоти. Кубарем покатился вместе с вскрикнувшим мужчиной, остановился, припав на колени и закашлялся, не забыв приласкать угловатыми сотейниками лежащих.

Пока они не перестали шевелиться.

Так, встать.

Сердце колотится как ненормальное, перед глазами плыло, а дыхание всё не удавалось выровнять. До чего же тяжело тащить столько железа... То ли дело клинки с сердечником из метеоритного... Три трофейных он подхватил в первую очередь и подвесил за плечами. Их было нести значительно легче и привычнее. Теперь схватить остальное, шаг, второй, дальше будет проще, ну же!

Он едва миновал развилку и коридор, которым ушли главы кланов со Жнецом, вывел в довольно-таки просторный зал перед большими двустворчатыми дверьми, заложеными деревянным брусом. Тут тоже было трое — двое стояли у самых дверей, третий чуть впереди. С клинками наголо, готовые к нападению. Шоуки запустил в ближнего один за другим все три клинка, подобно копьям, а затем бросил, не глядя и всё остальное. Да только вот вышло не очень — широкой волной духовной силы утварь разбросало по всему помещению, противень, гулко звеня отлетел под высокий потолок. Карит бросился вперёд, замахиваясь, Шоуки с трудом увернулся от одного удара, попытался подхватить сковороду и приласкать противника под колени, но кто-то из тех двоих быстро вырвал из его хватки подозрительно зашевелившийся на полу предмет.

Вторую атаку пришлось блокировать, но удар карита оказался настолько невероятно тяжёлым, что онемели руки. А следом Шоуки банально пнули, отшвыривая ко входу. Клинок он упустил, дыхание сбилось... Подняться он не успевал, перекатился поздноватом — по спине и плечу чиркнуло неприятно. А клинок снова заносят.

А это казан.

Казан влетел в залу и заставил противника отскочить в сторону, а следом за ним вбегали потрёпанные и чертовски злые Иши с трофейными клинками, ножами и сковородками.

Шоуки подумал, что вставать ему как-то не хочется. Духовный сосуд почти пуст, в ушах звенит, по спине течёт, пропитывая ткань. Но надо было — где-то там был его господин, и...

Иши навалились на эту тройку, давя числом и дурной злобой, а Шоуки замер, глядя, как бодро кухонная утварь сползается к дверям. Вот самый крупный сотейник взмыл вверх, выбивая брус из креплений, вот какая-то поварёшка подцепляет створку распахивая её, и волна утвари вкатывается внутрь...

От чего-то Шоуки подумалось, что насчёт Тамая можно уже не переживать...

Здесь, наверху было ветрено, так что Шоуки попробовал аккуратно сунуть руку в задубевший от крови рукав, и плечо со спиной немедленно отозвались недовольной болью. Но пришлось игнорировать её. Бинты перетянувшие его торс и руку были сомнительной защитой от холодного ветра, а парню и без него было довольно зябко. Спустился на несколько ступеней, к площадке, перила которой сплошь были усажены похожими на узкие лепестки ножами.

Вид отсюда открывался великолепный — и на лабиринт светлых скал в море зелени, и на сползающие вниз по склону постройки, а если посмотреть на запад, то начинало казаться, что где-то там между скал, в лёгкой дымке заметна полоска Закатного моря.

— Тебе следовало бы отдохнуть, — заметил Тамай, чуть повернув голову. В голосе нотка укоризны.

— Как и вам, — Шоуки старается не выказывать тех же чувств, но... Взгляд невольно ложится на теряющуюся в бинтах кисть мужчины. Снова проступили алые пятна. Остальное скрыто верхней накидкой, найденной в одном из помещений этой части поместья. Старая пришла в полную негодность из-за многочисленных разрезов и пятен крови — своей и чужой.

— И кто же тогда будет гонять Кейко, вздумай они снова полезть сюда, наверх? — Хмыкнет. Потом хлопает по ступени подле себя здоровой ладонью. — Садись, тебя ветром шатает.

И надо признать, опустившись на ступеньку Шоуки выдохнул с большим облегчением. Ему и правда было немного... Нехорошо.

— Как там? — Тамай сделает короткий жест на строение позади и выше.

— Чай заварили, — сообщил Шоуки и почти сразу же начал подниматься на ноги. — Вам принести?

— Сиди! — надавил на его колено, удержав на месте. — Раз уж пришёл. Да и теперь никто не поверит в то, что ты мой слуга.

— Это плохо? Мне не стоило...

— Не говори ерунды, — Тамай отмахнулся пострадавшей рукой и поморщился. — Рано или поздно все бы и так всё поняли. Если уже не сообразили после наших с тобой тренировок. Да и не сделай ты ничего, то не выжил бы. И лучшие кариты клана Иши, скорее всего, тоже. Разве что у тебя получилось довольно... громко заявить о себе.

Тамай ухмыльнулся. Его всё-таки, похоже, ученик, смущённо куснул губу. Ну да, грохот стоял... знатный.

— Теперь молись Предкам и всем богам, чтобы тебя не назвали Повелителем Котелков. Прозвища, знаешь ли, тем сильнее прилипают, чем они более... дурацкие.

— Вроде вашего Жнеца? — спросил осторожно, чуть поёжившись. Да уж не хотелось бы такое себе заработать. А ведь шанс был! И немаленький...

— Не совсем, — качнул головой Тамай. — На севере смерть часто представляют в виде скелета в жёлтом балахоне, что золотым серпом срезает спелые колосья. И заработал я его во время жатвы, в сражении посреди ржаного поля, так что многим оно тогда показалось более чем уместным.

Шоуки кивнул медленно. Что-то такое он слышал, когда жрец языку их учил. Кажется,

это уже было так давно...

— Но вообще, ты молодец. Не растерялся в опасной ситуации. Знал бы, что ты такой хваткий, начал бы брать тебя с собой раньше...

Тамай смотрел сейчас куда-то вниз, с прищуром, и ножи его подрагивали, будто пытаюсь вырваться из деревянного плена. И не заметил как сглотнул медленно Шоуки и забегал глазами, вспоминая свою панику и растерянность.

— А нет, смотри ка. В этот раз на рожон лезть не стали... — произнёс старший карит спустя минуту другую, расслабляясь.

— И долго они так будут? — рядом с... пожалуй, всё же, наставником Шоуки чувствовал себя в безопасности. Если сам стрелу вдруг прозевает, то уж его господин — точно нет.

— Не думаю. У них ещё есть шанс отыграть всё назад. Правда, так себе шанс. Взять нахрапом вершину горы, быстро перетащить трупы в нужное место, и как проклятым всю ночь устранять следы сражения в своей вотчине.

В голосе карита звучала то ли ирония, то ли намёк на тонкую издевку. И Шоуки не сомневался в том, что у этих... нехороших и не очень умных людей ничего не получится. Видел, насколько Тамай был зол и как врубился в ряды серо-зелёных. И что устроил, когда спустился ниже, за Хризантемой, и какими-то свёртками. Раненый, взбешённый и целеустремлённый как тысяча демонов.

Правда, прорываться с территории вероломного противника они не стали. Многие были ранены, а Такери и вовсе опоены сонным зельем до такой степени, что добудиться удалось только троих. И куда тут прорвёшься?

Так что они отступили. Пока Тамай наводил шорох внизу, Иши быстренько перевязали тяжелораненых и перетаскали отравленных выше, на самый пик горы, где обороняться было определённо удобнее. С трёх сторон отвесная стена, вскарабкаться по которой, конечно, можно, но большим числом и незаметно — определённо нет. С третьей — изящное крыльцо и каскадами спускающаяся лестница с маленькими террасами карликовых деревьев и прочих удивительных горных трав и цветов. Когда они поднимались сюда второпях, Шоуки подумал, что увидит наверху храм Предков — место казалось логичным, приближённым к богам и однозначно, прекрасным, но наверху оказалось что-то вроде чайного домика необычно крупного размера.

Странные эти Кейко. Даже если это не основная их резиденция, не отдать самое лучшее место на горе Предкам...

— А почему... — Шоуки собрался было задать один из волновавших его всё это время вопросов, но его неожиданно прервали более прямой и резкой его версией.

— Зачем они напали?

Итари стоял на пролёт выше. Всклоченный, бледный, полы одежды и рукава заляпаны кровью. Молодой наследник не пострадал, войны защищали его в первую очередь, просто немного разбирался во врачевании ран и активно занимался перевязкой пострадавших.

— Как ваш отец, господин? — Тамай повернулся, сделал приглашающий жест. Наследник чуть помедлил, и начал спускаться. Потом сел рядом, но не на ступень, прямо на площадку, скрестив ноги и сцепив пальцы, чтобы скрыть их мелкую дрожь.

— Очнулся, — порадовал юноша. — Его состояние вызывает опасения... Но во всяком случае он находится в здравом уме. Он сказал, что Такери защищал его, это так?

— Они бились спина к спине, — кивнул Тамай с усталой усмешкой. — Похоже, Кейко

всё же добились примирения между вашими кланами.

— Зачем это им? — немного нетерпеливо сверкнул глазами молодой Иши.

— Примирение? — зачем-то изобразил непонимание Тамай.

— Нападение! — произнёс юноша глухо и немного резковато.

Тамай изобразил задумчивость. Шоуки старался не проявлять охвативших его чувств. Этот вопрос волновал его не меньше, чем молодого господина клана Иши. А может, и больше. Ладно, м'кари — тот одарёнными питается, мотивы его просты и понятны.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал плечами Тамай, заставив дёрнуться и уставиться на него обоих слушателей. — Есть определённые предположения и общие мотивы, не более. Возможно, о реальных мотивах их действий ведомо вам?

Молодой Иши закусил губу и покачал головой. Раздражение и нервозность на его лице сменились растерянностью.

— Я не так хорошо разбираюсь в местных реалиях, — пояснил Тамай. — Но могу с уверенностью сказать что даже одуревшие от жажды власти ублюдки не строят коварных замыслов на ровном месте. Да, очевидно, подлив масла в огонь вашей вражды они бы устранили с доски сразу два могущественных клана. Так-то план был хорош — обставить всё так, будто ваши отряды сцепились на полпути к месту переговоров и поубивали друг друга. Ещё столетие нескончаемой кровной мести вам было бы обеспечено, не говоря уж о немедленном ослаблении от потери глав и лучших воинов. Они пошли на такое даже зная о человеке наместника, что выступит одной из сторон заверяющих мирный договор. Их даже не испугала моя репутация — они неплохо подготовились именно к противостоянию со мной. Но всё же такая решительность и подготовка не могли быть следствием банального желания ослабить набравших силы соседей. Слишком мелкая причина. Должно быть что-то ещё.

Иши медленно кивнул, принимая доводы старшего карита. Впал в задумчивость.

— Их статус не сильно поменяется от ослабления наших кланов. Они держат нейтралитет, и это скорее, играет им на руку в местных... политических дрязгах. Конечно, они поднимутся на пару строчек в списке сильнейших кланов побережья, но по-прежнему не попадут в пятёрку.

— Какие дела могут связывать вас, Такери и Кейко? — подсказал Тамай. — Земли, доходы, контракты?

Юноша встрепенулся, лицо его прояснилось, а после на него снова набежала тень. Шоуки даже чуть подался вперёд от любопытства... и поморщился, когда бок стрельнул болью.

— Наш клан ведёт добычу жемчуга и коралла на рифах Утонувшего Острова. Прежде мы владели небольшой верфью, что изготавливала маневренные суда именно для ведения добычи в столь опасных водах, но со временем она разрослась, и мы получаем всё больше дохода от постройки судов. Наши юркие корабли полюбились купцам, что поднимаются по рекам или ведут торговлю на южном побережье. На верфях Кейко же строятся крупные корабли для пересечения открытого моря, или же тяжёлые баржи. И дерево, и смолы они закупают у Такери, и насколько я слышал, некоторое время назад у них были какие-то разногласия касательно цен... Думаете, дело в этом?

— Возможно, — кивнул Тамай. — Попытка подмять под себя корабельное дело, ослабить конкурентов, надавить на поставщиков — это уже похоже на весомую причину для такого заговора. Возможно, дело не только в этом. Но определённо, они заигрались,

уверовав в заработанную Предками репутацию и набранное влияние. Решили, что их слова и грубой инсценировки будет достаточно чтобы всё приняли за чистую монету.

— Этого было бы достаточно, — ещё больше помрачнел Итари. — Доверие, что испытывают к ним старшие безгранично. Было...

— Вы плохо знаете Наместника, молодой господин, — покачал головой Тамай. — И они знали его слишком плохо, раз решились убрать его людей.

— Наместник далеко, — вздохнул молодой Иши. — И власть его слаба на побережье.

— Власть Истинного Императора, — возразил Тамай тихо, но весомо. — Наместник лишь присматривает за Благословенными Землями в ожидании его возвращения.

— А он вернётся? — произнёс Иши с вызовом в голосе. — Столько лет прошло, а среди них до сих пор не родилось одарённого.

— Они соблюдают договорённость, — качнул головой Тамай. — По-прежнему через два поколения рождаются с кланами. К тому же, в семье их правителя сейчас трое детей, у его брата — двое, и ещё трое от их тётки подходят под условия. Если боги будут благосклонны, в следующем поколении может быть не менее дюжины потомков, что могут унаследовать Дар. Наместник не теряет надежду, и мы не должны.

Шоуки немного удивлённо сморгнул. Он и не думал что его гос... учитель так верит в возвращение Истинного Императора. И по его словам Наместник тоже верит. Иши тоже выглядел немного... взволнованным. Склонил голову, принимая слова карита, а потом неожиданно повернулся к его ученику.

— Я хотел поблагодарить вас за оказанную помощь, — произнёс Иши ровно. — Без неё погибших... было бы больше.

На последних словах он всё же запнулся. Было видно как тяжело наследник переживает смерти своих людей, хотя бы по тому, как низок был его поклон. А вот Шоуки смутился и растерялся, но получив тычок в бок от учителя поспешил поклониться в ответ и изгнать из голоса неуверенность.

— Я делал то, что должно.

Возможно, несколько позже чем следовало, но от чего-то казалось, что этот момент лучше не поднимать. Негоже ученику пятнать честь учителя признаниями в своей несостоятельности.

Подкрепление к Кейко подошло ещё засветло. Они почти сразу попытались взять вершину горы шгурмом, но отпор проспавшихся Такери был страшен. Кариты были злы, посрамлены, и выглядели так, будто страдают похмельем. Рубились они как демоны, сдерживая противника на относительно узкой лестнице, в то время как Иши спокойненько сидели рядком на площадке выше, да караулили смельчаков, что решат перемахнуть через линию “фронта” верхом на мече. Попробуй тут, полетай, когда ежесекундно его пытаются выдернуть из-под твоих ног. Тамай прикрывал от стрел.

Шоуки и Итари в сим слаженном и эффективном противостоянии участия не принимали. На них возложили миссию — проверить, не пытается ли кто-то взобраться по скале и напасть с тыла.

Попытались позже, уже после неудачной атаки. Тут их встретили выставленные караульные, да подняли тревогу. И хотя кариты распределили время на отдых, не спал никто, кроме троих тяжелораненых. Шоуки по настоянию учителя практиковал ускоряющую заживление ран медитацию. Сам тем же занимался — кисть его пострадала очень серьёзно.

Молодой Иши сидел в обнимку с зарядами сигнальных огней. Так-то планировали, по традиции расцветить небо огнями когда договор будет наконец подписан, но теперь трубки с хитрым пороховым зарядом решили придержать на крайний случай. Это конечно, не были боевые заряды, но подать сигнал, внести сумятицу в ряды противника или поджечь здания ниже по склону с их помощью можно было попробовать.

Как понял Шоуки, тревожило старших в основном то, как отреагируют соклановцы Иши и Такери когда главы с отрядами не вернутся к положенному сроку. Не, утром, так затемно, основные силы их должны были примчаться сюда.

Кто появится первым? Не столкнуться ли по дороге? Не сцепятся между собой, встретившись в пути?

Опять же, неизвестно что выкинут Кейко в такой ситуации. Само существование их клана теперь поставлено на карту. Попытаются ли устроить засаду? Вышлют ли кого-то вперёд, пытаясь оболгать один из кланов и сравить подкрепления друг с другом?

Старшие не знали, и чувствовалось, что их это тревожило. Но лучшим решением по-прежнему оставалось ждать.

И пить чай. Ну а почему нет, если запасов его здесь хватает, и свежей воды можно набрать из крохотного источника?

Непоколебимая преданность своему господину всегда была тем, что вселяло в сердце Нары Шито уверенность в том, что Предки благоволят ему и защитят в случае чего. Поколение за поколением мужчины его рода были среди сподвижников, слуг, телохранителей великого клана, вместе с ним взлетали на недостижимые вершины власти и прозябали в нищете. Такери вели свою историю с тех овечьих легендами времён, когда Благословенные Земли были впервые объединены прадедом великого императора Шетти, что простёр свою власть на весь континент, прижав к ногтю непокорный и дикий север.

С Нефритовых Чертогов Предки наблюдали за Нарой, одаривая тяжёлыми взглядами буквально сверлившими спину сейчас.

О, как много бы он отдал за то, чтобы на время оставить свои клятвы и приказать атаковать этих ублюдков Иши, искупать клинок в их крови и втоптать трупы в грязь.

Сколько крови они испортили древнему клану, с трудом восстанавливавшему былое могущество, сколько жизней погубили...

И сейчас, когда от Главы не было вестей, он был связан по рукам и ногам незнанием — в мире они уже, или напротив, погрузились в пучину новой войны?

Краем глаза он заметил движение и рявкнул, да так, что конь под ним присел и возмущённо всхрапнул, перетаптываясь:

— Стоять!

Поймал злой взгляд карита, но тот, не посмев послушаться командира, натянул поводья, заставив коня сперва попятиться, затем развернуться боком. Ну да, у этого малого личные счёты к кому-то из Иши, однако ж обуздал свой гнев, взял себя в руки, услышав окрик.

Вот и ему надо взять себя в руки.

Нары медленно проговорил про себя медитативную мантру, переводя взгляд на коллегу. Тот смотрел так же напряжённо, и немного устало. По крайней мере, это старина Кено — сволочь редкая, но его преданность своему господину даже последний дикарь с островов не поставит под сомнение.

— Вы так же не получали вестей от главы? — спросил тот, не снимая ладони с рукояти

клинка.

Хотелось ответить резко, хотелось обвинить противника в вероломстве, но незнание ситуации удерживало его от подобного поступка. С трудом удерживало...

— Это так. Если он не пал жертвой устроенной вами ловушки...

— Я бы попробовал предположить то же самое, но коллега, давайте взглянем правде в глаза — с ними уехал Жнец, — произнёс Кено с недоброй усмешкой. — И кто бы не начал драку, и как бы не обернулось дело, не оставить следов они не могли. Но до сих пор мы не нашли ни капли крови, ни срезанной ветви.

Нари кивнул, признавая правоту старого пня. Если и имели место предательство и засада, то явно не на пройденном ими отрезке пути. А Жнец...

Нет. Этот человек — глаза и уши Наместника, его карающая длань. А уж кто, а Наместник не мог спровоцировать новый виток клановой войны столь грубым и примитивным образом.

Как бы ни хотелось скоординировать атаку...

Пришлось внять зову долга, и заключить перемирие. До прояснения произошедшего. В конце концов, вдруг и правда не случилось ничего страшного, просто заключив мир стороны так напились, что даже забыли отправить посыльных с доброй вестью. Если так и случилось, а он тут развяжет бойню, Предки его не простят.

— Предлагаю двигаться вперёд... — Кено чуть замялся, но всё же продолжил. — Вместе. До выяснения всех... обстоятельств.

— Это будет разумно, — с неохотой признал Нары. — Смею ли я надеяться, что ты сумеешь удержать своих людей от того, что они ударят моему отряду в спину?

— В спину? Что за самонадеянность предполагать, что мы позволим вам ехать впереди?!

Где-то позади тихо зашуршала сталь. Главы отрядов обернулись резко, взглядами осаживая чересчур ретивых подчинённых.

И оба поняли, что так дело не пойдёт... Чтобы действовать хоть сколько-нибудь эффективно, придётся презреть клановую вражду, и действовать сообща.

И на то, чтобы решить, как добиться последнего, ушло прискорбно много времени.

Так и двинулись по дороге к резиденции Кейко — оба предводителя бок обок, следом смешанный отряд, взвинченный необходимостью ехать рядом с врагом.

Но по сторонам широкой дороги, петляющей между скалами до сих пор не было ни следа хоть чего-то подозрительного, что всё натягивало и натягивало струну всеобщего напряжения. Казалось, вот-вот откроется за поворот усталый телами участок дороги, и нужно будет быстро-быстро хвататься за меч, чтобы вспороть горло едущему рядом, прежде чем он сделает то же самое с тобой.

Ну или бить кого-то третьего, если тела будут в одеждах более чем двух кланов. Последнее казалось маловероятным.

Но вот уже показалась ввиду привратная скала, и ни следа побоища никто не углядел. Однако же Нары, а за ним и его коллега придержали коней с недовольством глядя на болтающихся у входа в проход-пещеру Кейко. Старшие кариты, десяток, при лошадях, занимались непонятно чем, и их главный, завидев процессию, немедленно вспрыгнул в седло и устремился к ним. Верному слуге Такери этот представитель клана был незнаком, однако же Кено окликнул чужака первым, оскалившись в пугающей улыбке.

— Шики! Какими судьбами в этих краях? Неужели тебя сняли с охраны нового

поместья? Что ты натворил, раз тебя отправили к Меловой Скале? И почему вы здесь... топчитесь? Не прояснишь ли ты нам, как прошли переговоры наших глав?

Помянутый Шики осадил коня, улыбнулся немного криво, да склонил голову в приветствии.

— Мы в полнейшем смятении! — Выпрямившись, мужчина одарил обоих растерянной и немного нервной улыбкой. — Мы ожидали представителей ваших кланов ещё вчера, но до сих пор не получили даже вести...

— Уважаемый господин Шики, — невольно поджал губы Нары Шито. — Это невозможно, наши люди проводили главу до перекрёстка, и видели, как его отряд встретился с отрядом Иши и направился в вашу сторону.

— И тем более мы не заметили следов, того, что кто-то уводил лошадей с дороги в заросли, — Кено чуть тронул коня пятками, заставив его податься вперёд, невежливо заставляя собеседника вместе с его скакуном попятится. — Они столь густы, что провести такой табун и не потревожить их невозможно.

— Смею заверить...

— Репутация вашего клана не даёт усомниться в ваших словах, — хмыкнул Нары. — Однако же в данной ситуации нам бы хотелось переговорить с кем-нибудь... более сведущим.

— Глава наделил меня своим доверием в полной мере! Я говорю от его имени! — оскорбился Кейко.

Стражник поместья, да? Нары почувствовал, будто у него сжалась печень, и душа опустилась к стопам. Особенно, после того как он поймал быстрый взгляд Кено.

— И всё же мы бы хотели увидеть его лично, — Нары тронул коня, мимо возмущённого Кейко направляясь к проходу. Его коллеги засуетились, но не посмели заступить дорогу большому отряду, только Шики возмущённо кудахтал что-то о чести и неуважении, врываясь на несколько истеричные нотки. Увязался следом, порываясь втиснуть коня меж предводителями отрядов и продолжая толковать о каком-то недоразумении. Громко. Но Нары всё равно уловил впереди, по ту сторону прохода, удаляющийся звук копыт. Он совершенно не знал что и думать обо всей этой ситуации, но подобное заставило бывалого воина действовать. Он свистнул громко, подавая знак своим, и пришпорил коня. Полуобернувшись, махнул рукой коллеге, и тот последовал за ним, оставив заголосившего Кейко позади. А следом потянулись и остальные.

Вот поворот, старое поместье на Меловой Скале, взбирающееся вверх, суесящиеся у ворот люди, спешащий к ним всадник. Засуетились то как, забегали, увидев несущийся к ним сборный отряд, преградили путь.

Взгляд Нары выхватил несколько алых пятен да потёков на серо-зелёных одеждах, он осадил коня не доезжая до строя, и вышедшего вперёд главы клана Кейко. Тот явно был зол и выглядел так, будто всю ночь был на ногах. Карит несколько растерялся. Как доверенный слуга он занимал положение высокое, но не настолько, чтобы запросто вести беседы с людьми такой величины.

— Уважаемый господин... — нарушил неловкую, затянувшуюся тишину Кено, но осёкся.

С лязгом и брызгами осколков камня в дорогу между двумя отрядами вонзился упавший откуда-то сверху клинок. На рукоять были повязаны две ленты-пояса с клановыми гербами и узорами. Пояс своего господина он не мог не узнать, пояс Иши тоже легко опознавался.

Он уже выхватывал клинок, отбросив сомнения, когда среди взбирающихся на скалу строений расцвели с шумным треском цветы праздничных огней, осыпая крыши и дворы дымными искрами.

Шоуки проснулся и резко сел, не в силах обуздать охватившее его чувство тревоги и смятения. Однако тут же скривился и зашипел, когда спина прострелила болью, и плечо заныло. И это помогло куда быстрее отогнать остатки неприятного сна. Вздохнул, огляделся, и лёг обратно на койку, глядя в потолок и дожидаясь, когда потревоженные раны немного успокоятся.

Выспавшимся он себя не чувствовал, но хоть ушла нервная трясучка и дурные мысли, охватившие его, когда напряжение наконец схлынуло, и стало понятно что битва выиграна и им больше ничего не угрожает. Что-то похожее с ним было после встречи с м'кари, лекарь тогда дал ему выпить какую-то горькую микстуру и отправил в палатку, спать. В этот раз микстур не было, Шоуки сам отрубился, едва вытянувшись на ровном — сутки без сна внесли своё веское слово.

Чуть погодя, приведя себя в порядок, он вышел в небольшой двор, где их разместили, и нашёл своего учителя беседующим с человеком из незнакомого клана, а потому вернулся в выделенную ему комнату и занялся медитацией.

Господину сейчас предстояло вести много серьёзных разговоров...

До самого вечера. Вести о случившемся прокатились по побережью как ураган. Представители всевозможных кланов, влиятельных и не очень стремились переговорить с человеком наместника, то ли, чтобы понять, куда ветер дует, то ли чтобы очередной раз убедиться в чудовищной для этих краёв правде.

Шоуки подозревал, что были тут и другие причины, но вдаваться в мысли о местных политических распрях ему не хотелось. Только к ужину Тамай перестал изображать тяжело раненного героя, из последних сил общающегося с посетителями, и уселся на крыльце, жестом позвав маячащего неподалёку ученика.

Впрочем, что тут изображать, выглядел Тамай действительно плохо. Бледный нездорово с запавшими глазами, весь в бинтах и этот сложный лубок, в который упаковали его руку лекари...

— Присядь. У нас не было времени поговорить, как подобает поговорить учителю и ученику после подобных событий.

Говорил он спокойно, но всё равно поймал несколько подозрительный взгляд Шоуки. Чувствовалось в голосе что-то такое... вина? Парень сел рядом с ним, на деревянный настил, скрестив ноги. Так было удобнее держать спину прямой, убедился уже.

— Ты хорошо сработал, — произнёс Тамай. — Всё произошедшее было неожиданностью для всех, и чрезвычайно серьёзно. Но ты не растерялся, и...

— Я растерялся, — буркнул Шоуки, возможно немного грубо перебив Жнеца. — Мог оповестить Иши о нападении раньше, но всё... пытался убедить себя, что этого не может быть и мне мерещится. Хотя отлично “видел” как они готовятся к нападению. Просто... Не мог решиться поднять тревогу.

Тамай хмыкнул, попытался вернуть себе тот спокойный, наставительный тон, которым начал эту беседу.

— Не удивительно. Но всё равно — сработал как должно в итоге. И верно решил первым делом раздобыть хоть что-то железное...

— Это получилось случайно, я перепутал двери и оказался около кухни... —

пробормотал Шоуки, чуть опустив нос. Тамай нахмурился. Но продолжил.

— Не важно. Главное, что вышло это весьма удачно, и ты даже одолел нескольких врагов! Понимаю, убить человека в первый раз всегда нелегко, и...

— Это не был мой первый раз, — ровно заметил Шоуки. Тамай с трудом сдержал раздражённое ругательство, и вернулся к своему обычному тону.

— Правда? Это когда?

— На караван с приданным напали разбойники. Пришлось добивать раненых, пока старшие кариты гнали основные силы нападающих от лагеря.

Мужчина кивнул задумчиво, и легонько хлопнул ученика по плечу.

— В общем, ты молодец, и очень помог всем нам. Но тебе всё ещё нужно больше тренировать выносливость своего духовного сосуда. С контролем, я бы сказал, всё достойно, поэтому сейчас покажу пару упражнений, займёшься ими в ближайшие дни. Всё равно мы тут застряли на... До тех пор, пока не разберусь хоть немного со всем этим.

Тамай вздохнул. Копаться в хитросплетениях местных интриг ему категорически не хотелось, как и застревать здесь на долгие недели, разбираясь в произошедшем. Но кому как не ему потом держать ответ перед Наместником?

Ну хоть будет время заказать золотошвеям новый пояс для парня...

Императорский дворец впечатлял.

Шоуки успел извертеться весь и замозолить глаза ещё по пути к нему, рассматривая яркие и широкие столичные улицы, старинные храмы и богатые здания с яркой черепицей и хитрыми вывесками, бумажные фонари с благословениями, и флаги, и ленты на шестах вьющиеся на ветру. И парки с каменными львами, и высокие башни с балконами и шумные базары и старинные поместья над стенами которых возвышались диковинно цветущие деревья. И людей! Людей с всех краёв и из всех кланов, в одеждах любых цветов, которые можно только вообразить!

У него голова шла кругом уже, когда они въехали на территорию дворца, а тут диковинного и невероятного было ещё больше! Только и оставалось что глазеть по сторонам, следуя за клинком господина, как за путеводной нитью. Хорошо хоть пришлось обождать в одном из залов, и Шоуки хватило времени немного собраться с мыслями и вспомнить, как приличному кариту следует себя вести в подобных ситуациях. Оглядел одежду, убедился что всё аккуратно и ровно, поясок ученика не завернулся.

Выдохнул. Покосился на учителя, но тот откровенно скучал, баюкая на перевязи раненую руку. От других ран он оправился быстро, но кисть и предплечье пострадали серьёзно, всё никак не заживая несмотря на всех тех врачей, что смотрели его руку и помогали с восстановлением. Шоуки было немного тревожно на этот счёт — всё же кисть, пальцы, множество мелких костей, сухожилия...

Такое тяжело восстановить, а так, чтобы без последствий — ещё тяжелее.

— Расслабься, — вздохнул Тамай. — Я просто представлю тебя господину, ну может он задаст пару вопросов, после чего мы с ним будем обсуждать всякие важные дела, а ты пойдёшь отдыхать с дороги.

— Как скажете, господин, — сухо и напряжённо кивнул Шоуки, заставив старшего карита поморщиться. Кое-кто определённо был слишком впечатлительным с непривычки...

Хорошо хоть слугу за ними прислали довольно быстро. Тот поклонился, и повёл посетителей глубже во внутреннюю часть дворца. Древнего, так и дышащего стариной и

богатством. Ну и историей, конечно, Шоуки все глаза сломал, пытаясь незаметно коситься на фрески и барельефы, вырезанные в камне, в дереве, а то и написанные на шёлке сцены из легенд и мифов. Эх, пройтись бы тут и рассмотреть всё... Да кто же даст?

Тем более, они пришли уже, вон двери, старые, резное дерево, за ними не очень уж и крупное помещение с большими окнами в сад, на небольшом возвышении за низким столиком с резными ножками восседал Наместник. На самом деле, вид его несколько удивил Шоуки. Просто карит клана, средних лет, в почти такой же, как у них с Тамаем, одеже, ну может оба пояса вышиты немного богаче чем обычно. Вот на шее висит медальон — тот самый, овеянный легендами! Выглядит простовато — медный диск с чеканкой, мелкий речной жемчуг по краю. Но всё же, он олицетворяет право этого человека говорить от лица Императора. Когда-то предок Наместника получил его из рук правителя как знак высочайшего доверия. Говорят, у этого медальона есть собственный духовный сосуд и он просто не позволит, чтобы его надел недостойный.

Прошли, поклонились. Шоуки было нервно, ибо казалось, что его рассматривают как то ну очень пристально и хищно. Тем более, когда его учителя пригласили присаживаться к столу, и лично налили чаю, а его оставили стоять у самого возвышения, на котором всё и происходило.

— Вести о произошедшем на побережье добрались до сюда быстро, — произнёс наконец Наместник. — И о громе, что настиг негодяев в их собственных владениях. Молва донесла до столицы, будто это чудовищное вероломство привело в ярость самого Атасахики, и великий бог взял своё боевое копьё и ударил им по щиту, да так, что Нефритовые Чертоги затряслись и едва не рухнули на землю. А всего-то и было что молодой талантливый карит погромел сковородками...

Наместник усмехнулся, заставив Шоуки ощутимо смутиться и немного озадачиться. Неужели молва и вправду всё так... раздула?!

— Замечу, что грохот и вправду стоял редкостный, — с усмешкой заметит Тамай. — На приближающуюся грозу подумал бы, если бы не зимнее время.

— В любом случае, всегда интересно наблюдать, как рождаются легенды, — Наместник пригубил чай, затем глянул на Шоуки, да спросил:

— Скажи, юноша, кто твой господин?

— В... — Шоуки вздрогнул, вякнул было нелепое, но тут же заткнулся. Выругал себя за несобранность и поклонился. — Мой господин — Истинный Император. После него вы — как Наместник Истинного Императора, и вы же, как глава моего клана. После вас же я склоню голову перед моим учителем.

— Приятно слышать, что молодёжь в наши дни способна давать достойные ответы, — кивнул Наместник. — Ступай. Отдохни с дороги. Сдаётся мне, другой возможности передохнуть у тебя сегодня не будет.

Шоуки поклонился, засунув куда подальше своё недоумение, и удалился, перехваченный слугой в дверях.

Наместник снова пригубил чая, и заметил со странным выражением в голосе:

— И вправду напоминает Наири в молодости. Как бы сходство с годами не стало ещё сильнее.

— В поместье уже ходит присказка, что Шоуки и Таики Ло похожи будто братья, — проворчал Тамай. — Надеюсь, это не принесёт проблем в будущем.

— Не должно, — качнул головой Наместник. — Доказательств нет и не всплывёт, а

лёгкий флёр тайны и интриги, таким как ты, играет на руку. И не кривись, сам тому хороший пример.

Перевёл взгляд на забинтованную руку своего человека и уточнил:

— Вот кстати, всё действительно плохо или снова играешь на публику?

— Господин... — Жнец вздохнул, рассеянно покачивая в пальцах полупустую чайную чашку. — Сухожилия перерублены, кости едва собрали во что-то удобоваримое, целителям работы хватит надолго. Меня особенно просили воздержаться от исцеляющих медитативных практик — шанс, что что-то срастётся не так слишком высок.

— Печально слышать, — покачал головой Наместник. — Что ж, тогда будет только разумно предоставить тебе время на отдых и лечение. У меня как раз младшенький всё на север рвётся, так я решил включить его в состав посольства. Вот съездишь с ним, развеешься...

— Господин! — Айри едва чашку не выронил, воззрился со смесью обиды и возмущения. — Путешествие в проклятый край это последнее, что мне нужно для восстановления!

— С посольством отправляется солидная охрана, да и за мальчиком будет кому присмотреть... Тебе останется только в потолок плевать. Опять же, тамошние целители тоже весьма прославлены, может, даже быстрее справятся с твоей рукой, — чуть прищурился Наместник.

— Не в этот раз! — Тамай с резким стуком поставил чашку на столешницу. — Господин! Я рискую остаться калекой, если что-то пойдёт не так! Да, левая рука, это не так критично, но даже такая мелочь может выйти боком, случись что серьёзное снова! Проявите снисхождение и позвольте мне привести себя в порядок в мире и спокойствии вашего поместья, в конце концов, вы и так обещали мне отдых если я возьму ученика.

— Да, было дело, — согласился со вздохом глава клана, и всех Благословенных земель заодно. — Но кого мне тогда отправить с сыном? Я обещал ему эту поездку, будет нечестно отменять всё в последний момент.

— Вот Шоуки и отправьте! — осенило Тамая. Он сразу взбодрился, растеряв всё смирение, с которым выпрашивал у своего господина пощады. — У них сложились дружеские отношения, что позволит парню беспрепятственно оставаться подле принца, он достаточно смышлён и ответственен, чтобы выполнять такое поручение... И пусть ему ещё далеко до того, чтобы заменить собою хороший отряд, но чутьё парня не уступает моему. Да что там, он уже может пересчитать монеты в кошеле спрятанном под половицей! Разве что, не на таком большом расстоянии как я, но со временем... И как уже пришлось убедиться на побережье, засады и подозрительные шевеления он раскусывает на раз. А при такой охране, что непременно отправится с посольством и вашим младшим, своевременного предупреждения в случае чего будет более чем достаточно.

Наместник чуть качнул головой, да тронул небольшой колокольчик у двери своим Даром. Сделал знак заглянувшему в комнату слуге унести опустевший чайник, да заменить его чем-нибудь покрепче. Когда слуга удалился, и маленькие чаши были наполнены крепким напитком, разговор продолжили.

— Вернёмся к этому предложению позже. Обсудим наперво произошедшее в Меловой Скале, заодно и расскажешь подробнее, как твой ученик себя проявил.

— Непременно! — пообещал Тамай, блеснув глазами.

Двери распахнулись едва ли не с грохотом, и на пороге небольшой, но вполне себе уютной комнатки возник сияющий младший принц. Шоуки немного удивлённо сморгнул, и поднявшись на ноги, вежливо склонил голову.

— Привет! — Амарими просто лучился довольством. Вошёл в помещение и тоже склонил голову. Хотя и видно было — младшего принца просто распирает желанием что-то такое рассказать. — Я услышал что господин Айри приехал, и подумал, что ты тоже должен быть с ним! Он сейчас с отцом что-то обсуждает, да?

— Так и есть. — согласился Шоуки. — Думаю, они будут заняты ещё долго. Дело касается, в конце концов, событий на побережье...

— Да, мы здесь уже наслышаны! — молодой принц ухмыльнулся. — И про гром среди зимы тоже! Там такое рассказывают, такое!

Шоуки немного смутился, и постарался перевести тему разговора.

— Но вы обычно проводите время в поместье, а не здесь. Что-то случилось?

— Да! — глаза Амарими засияли. — Я еду на север!

— На север? — удивился Шоуки.

— Угу. В гости к Алану. Ну ты его помнишь, год назад на праздники приезжал. Сын короля северян. Вот сюда и перебрался, подготовится, то да сё. Туда, вообще-то нового посла направляют, прежний ссылаясь на возраст испросил дозволения вернуться на родину. Вот с новым послом туда съезжу, да со старым вернусь. Пока они там друг другу дела передадут, пока кому надо представятся — у меня будет уйма времени посмотреть... Всякое. Они там совсем по другому живут, много на что посмотреть можно.

Шоуки медленно кивнул. Нет, понятно почему Амарими так рад, он всегда был любознателен, но на взгляд парня эта авантюра была несколько... сомнительной.

Там же север, холод, люди дикие, еда пресная, звери всякие бегают, проклятая земля, болезни и маги...

Впрочем, когда опасности удерживали Амарими от чего-то? Шоуки невольно вспомнил встречу с м'кари, и его передёрнуло.

— Я рад за вас. — произнёс Шоуки, не желая обидеть принца своими возражениями. — Хотя это и будет опасно...

— Ай, не смейся. Со мной будет куча народа, и охрана посла, и моя охрана, и слуги. Опять же, нас встретят люди короля, и тоже будут охранять. И вообще... Ты первый раз во дворце? От того "выкаешь" как не свой? Впечатлился? — сощурился хитро.

Похоже, тут уже принц решил соскочить с неприятной ему темы. Так что Шоуки пошёл на попятную, и кивнул.

— Да и в столице в общем то, я тоже в первый раз. Город впечатляет. А уж Дворец... Никогда прежде не видел ничего подобного.

— Именно! Во всей Империи нет ничего подобного! Идём, покажу, тут столько всего... Сторожевой Камень один чего стоит! Ты видел тот, что у нас в поместье? Здешний раз в пять больше! Здоровенный! В пещере, под храмом предков! Идём! Может, встретим ещё кого по пути...

— Но мне велели дожидаться здесь и...

— Да не переживай. Как понадобисься, тебя найдут.

И Шоуки пошёл... Когда кому-то из молодых каритов удавалось отговорить младшего принца хоть от чего-то?

На исходе третьего дня Шоуки возвращался в выделенный ему угол с откровенно гудящей головой. Слишком много новых впечатлений, людей, мест, а на драгоценные вазы, статуи и росписи уже и смотреть не хочется. Да и прочие... моменты смущали и раздражали одновременно.

Тамай обнаружился сидящим на высоком крыльце выделенного им домика с пристройками-ушами, в компании чайника и пары свёртков.

— Наконец то похищенный нашёлся? — усмехнулся мужчина. — Амарими питает к тебе сильное доверие, я посмотрю...

— Ему здесь скучно, господин? — заступился за друга Шоуки, по знаку садясь рядом. — Вся клановая молодёжь — в поместье, а в город его не выпускают.

— Этого попробуй, выпусти, проблем не оберёшься... — хмыкнет Тамай. — Весь в отца.

Шоуки сморгнул, бросив на учителя удивлённый взгляд. Тот тему развивать не стал, подвинул ему чашку со свеженалитым чаем.

— И как тебе дворец? — спросит учитель, глядя как-то... хитро. Это было подозрительно. Шоуки на мгновение замер, тщательно фильтруя свои ощущения, и придя к выводу, что описывать их будет долго и чересчур многословно. А посему следует уложиться в пару обобщающих слов.

Вместе с этим, пытаясь вывести эти самые “пару слов” он наткнулся на череду несколько странных впечатлений и ощущений, описать которые было особенно тяжело.

Пауза затягивалась. Это было неудобно, и парень немного запаниковав, взял себя в руки и ощутил снизошедшее на него озарение.

— Он великолепен. И... В нём душно.

— О... — потянул Тамай, сузив глаза и усмехнувшись. — Заметил. Похвально. Теперь вопрос — насколько хорошо ты знаком с охранными периметрами?

— Только в общих чертах, — немного удивился Шоуки. — Малый походные периметр, постройка печатей, поиск места под малый Сторожевой камень...

— И чего нужно избегать в первую очередь при установке Сторожевого камня?

— Проклятой земли? — произнёс молодой карит вопросительно, несмотря на то что хорошо знал ответ. Это были самые основы, в конце концов. Разве что, раннее его обучение оставляло желать лучшего, и некоторые моменты он осознавал... не вполне полно.

— Именно. Потому что иначе мы получим то, что имеем здесь, во дворце. Но, древние мастера смогли обратить этот эффект на пользу империи... Секрет, естественно утерян, и повторить подобный охранный периметр, само собой, невозможно. Всё, как всегда, когда дело касается древних, могущественных артефактов, а весь дворец, и часть города вокруг него представляет собой один большой артефакт.

Шоуки глянул на учителя недоверчиво. Подобное в голове не укладывалось, если честно.

— Проклятые земли часто представляют собой источники природной рассеянной духовной силы, — продолжил Тамай тем временем. — По крайней мере — на севере. У них этой дрянью заполонена едва ли не половина территории, под землёй там текут целые реки дикой силы, и в местах их слияния она рассеивается и просачивается на поверхность. Здесь

таких мест, к счастью, всего ничего. И одно из них здесь, под дворцом. Охранный периметр особым образом ограничивает и упорядочивает её распространение, направляя потоки к сторожевому камню. Его здесь не наполняют обычным образом.

Шоуки медленно кивнул. Поистине огромный артефакт был запрятан так глубоко, и за таким количеством дверей, что сложно было представить что туда ежедневно спускаются сотни каритов, чтобы отдать ему свою долю духовной силы.

— Как это работает... Вот смотри, проклятая земля опасна тем, что представляет собой как бы полупустой духовный сосуд. И этот духовный сосуд столь эфемерен, что сливается с сосудами всех, кто ступает на неё. И если сосуд карита силён, проклятая земля высасывает из него до тех пор, пока уровень наполненности не станет одинаковым. Если же человек имеет слабый духовный сосуд, то его переполняет силой проклятого места, до тех пор пока тот не треснет.

Ну да. Страшных легенд про проклятые места хватало. Особенно про те, в которых кариты сходили с ума от ощущения всеисилия, а простые крестьяне падали замертво, едва пройдя несколько шагов...

— Так вот, древние мастера как то заставили блудную силу этого места стекать в Сторожевой камень, наполняя его. И этот поток вымывает определённое количество духовной силы из каждого духовного сосуда в пределах периметра. Количество небольшое, только простые люди замечают это. Быстро устают в этих стенах. У многих начинает болеть голова, следует провести здесь больше нескольких суток безвылазно. Болеют... Для тех, что развил свой духовный сосуд хотя бы до каменного уровня это совсем незаметно.

— Но... Зачем? — сморгнул Шоуки. — Раз это так опасно...

Не по себе ему было от подобных откровений — дворец стоит на проклятом месте!

— Ни капли. Предки позаботились об этом — раз. Сторожевой камень подпитывается духовной силой каждого обитателя дворца — два, и в конце концов, Истинный Император могущественнее в присутствии дикой духовной силы. Так когда-то пал север. Так что, то, что ты ощущаешь как “душно” — это природная духовная сила, смешанная с тем что украдено у каждого из находящихся здесь. Если посвятишь этому пару медитаций — сумеешь уловить направление потоков. Но главное — совместив третью и сороковую форму медитаций ты можешь оградить свой духовный сосуд от влияния проклятой земли. И я настаиваю, чтобы ты усвоил этот навык.

Ученик кивнул, сам заинтересованный в возможности защититься. Впитанные с детства страшные сказки и легенды всё не желали покидать его мысли, так что раз от проклятия можно укрыться, нужно научиться этому как можно скорее.

Даром, что оно, в этом месте, почти безобидно...

— Мы с тобой куда тоньше можем контролировать духовную энергию, и защитить свой сосуд, таким образом, надёжнее, — заметил Тамай. — Обычным каритам защита даётся тяжелее. Потому послов там, на севере, периодически меняют. Даже защищаясь по всем правилам они медленно поддаются влиянию проклятия.

— Но... — Шоуки удивился. — Что послы делают на проклятой земле?

— Что-что? — хмыкнул Тамай. — Исполняют свои обязанности. Северянам не приходится выбирать, где жить. Среди болот и гор плодородной и ровной земли не так чтобы много, и проклята она или нет — становится вторично.

— Но... как? — опешил молодой карит.

— Сильных проклятий там мало. А к слабым люди приспособились, — пожал плечами

Тамай. — Потому среди них не рождаются одарённые. Их духовные сосуды настолько огрубели, чтобы не поддаваться дикой духовной силе, что они и вовсе не могут работать с ними. А некоторые даже приспособились управлять разлитым вокруг проклятием, и использовать его подобно печатям.

— Маги? — уточнил Шоуки нахмурившись.

— Маги, — согласился Тамай.

Кивнул задумчиво. Про них всякое говорили, но после объяснений Тамае их странные способности стали более-менее понятны. Вроде как одарённые, но без развитого духовного сосуда, вынужденные брать духовную силу извне. Звучит даже почти логично.

— А вы видели этих... магов? — спросит Шоуки любопытно.

— Да, мне доводилось бывать на севере.

— И как они... Насколько это похоже на наш дар? Они вправду не могут управляться с металлом?

— Вот сам посмотришь. Мне не до того в тот раз было.

— Что? — Шоуки встрепенулся растерянно.

— Ты едешь на север, с принцем. Так что своими глазами посмотришь на все тамошние диковинки. Что, разве ты не рад? Вот я тебе даже пару обновочек в дорогу припас...

Молодой карит не проявлял радости. Просто пытался осмыслить услышанное и удержать подобающее выражение лица...

Напряжённо вслушивающийся в окружающее пространство Шоуки опознал потенциального противника через стену, быстро огляделся, и приложив палец к губам утащил Амарими за куст. Тот покладисто заткнулся и присел, скрываясь среди листвы. Только шею вытянул любопытно. Его спутник замер рядом, даже не глядя на двери террасы. Ему не нужно было. И так чувствовал как давешний молодой аристократ приближается в сопровождении ещё четверых человек. Незнакомых, но при клинках и украшениях, из чего можно было сделать вывод, что это такие же аристократы как и... Как же его звали?

Уже из головы вылетело, стыд то какой. Впрочем, со всем этим обрушившимся на голову — и не удивительно. Амарими по прежнему жаждал общения, учитель торопливо показывал упражнения и приёмы, которые следовало отрабатывать самостоятельно во время поездки, господин Токи торопился преподать ему нравы и обычаи дикарей, чтобы не попадать в неудобные ситуации во время пути...

А наводнявшие дворец аристократы, из тех, что помоложе, продолжали искать встречи и задираться. И ведь — половина женаты уже наверняка! И надо им к ученику цепляться?!

Тамай говорил, что это нормально, что к нему раньше тоже цеплялись все кому не лень, что ученика такого человека как он рано или поздно начали бы пробовать на зуб, но...

Поединки, да не важно с какими правилами — это последнее во что Шоуки сейчас хотел ввязываться. Одного хватило, спасибо Амарими, возжелавшему зрелищ. Хорошо хоть теперь уважает нежелание спутника ввязываться в благородное меренее силами и сидит тихо под кустом.

Вышли. Ну да, знакомые все лица. Кариты, старшие, в том числе, ни одного погодка, самые младшие на два-три года старше Шоуки. Хорошо, не заметили, прошли через двор якобы прогуливаясь в своё удовольствие.

— Хм... Ты пользуешься популярностью, — заметил Амарими. — И старший Маари к ним присоединился.

— Таковую популярность, да в самом глубоком колодце утопить бы... — Шоуки вышел обратно на тропинку, и прикрыл глаза на мгновение, прислушиваясь к окружению. Так было удобнее.

— Ну почему же? С Датаки Ичи ты справился одной левой! — фыркнул принц. — Неужто не нравится побеждать взрослых сильных каритов?

— Просто он не знал чего от меня ожидать и попался на уловку. А знаешь, какая проблема есть у уловок? Дважды на них попадают только полные идиоты. А уважаемый Ичи, и все кто присутствовал при поединке, на идиотов не похожи.

— Хм... Не хочешь проиграть? — сощурился Амарими.

— Не хочу драться! Особенно сейчас! Мы же опоздаем! — возразил Шоуки, и ворчливо добавил: — К тому же, проигрыш ученика — пятно на репутации учителя.

С такой точки зрения, конечно, проигрыш казался даже немного соблазнительным, но время, время!

— Но не потребуют же они поединка прямо сейчас!

— Вот тебе надо, ты с ними и сражайся! — не сдержавшись, огрызнулся Шоуки, оборачиваясь к принцу. Увидел, как тот удивлённо смаргивает, понял, на кого повысил голос, и поклонился глухо пробормотав: — Простите мою не сдержанность.

— Да ладно, — фыркнул Амарими. — Эх, понял, драться ты не хочешь. А жаль. Я бы посмотрел на твои новые клинки в деле.

Шоуки невольно коснулся предплечья, и вздохнул.

Скрытые клинки это в целом... не очень вежливо. Но телохранителям, даже, таким как он, без году неделя, такое позволено.

Поклонились. Принц поприветствовал наставника, и уселся к столу, где уже были разложены учебные материалы. Шоуки устроился на циновке чуть позади подопечного, замерев в подобающей позе. Не то чтобы Амарими вот прямо здесь и сейчас нужна была охрана, но ему было велено привыкать к своей новой роли, так что он бдел. Даже перемещения окружающих старался контролировать всё время и за служебной надобностью, и ради выработки соответствующей привычки. Ну и тренировки немного, ибо вслушиваться в окружающее так пристально становилось немного тяжело к вечеру.

И в пол уха прислушивался к тому что рассказывал уважаемый седобородый карит, попыхивая маленькой трубкой на длинном-длинном мундштуке. Про нравы и традиции северян. Быт разных слоёв общества, приличия и условности при общении с разными людьми, поведение за столом, про праздники, балы, разные события при дворе и как вести себя на них. Коснулся такой запутанной темы как столовые приборы, и пообещал устроить наглядную демонстрацию завтра — в более подобающем для принятия пищи месте. И снова вернулся к традициям и условностям через рассказ, почему у вилки для рыбы именно три зуба. После предоставил принцу книгу на языке северян, велел изучить означенные страницы, и сделать выводы.

— Я предоставлю вам достаточно времени на прочтение и обдумывания этой главы, — сообщил он, поднимаясь. — И пока вы работаете, хотел бы забрать на пару слов вашего... телохранителя.

— Да, конечно, — кивнул Амарими, и повернулся к Шоуки. — Иди.

Шоуки поднялся, поклонился принцу, и несколько теряясь в предположениях, направился за мужчиной на террасу павильона. Хорошо тот выбрал место так, чтобы в

распахнутые створки было видно рабочее место принца. Устроились на низких топчанах у самых перил — вид отсюда открывался завораживающий, и их было понаставлено по всему периметру террасы.

Да и дышалось тут посвободнее — тонкий синеватый дымок с трубки мужчины уносило ветром.

— Мне сказали, что ты владеешь языком северян, — произнес тот. — Насколько хорошо?

— Достаточно, чтобы понимать носителя языка и давать ответы, — уклончиво ответил Шоуки. Не из скромности, а скорее из неспособности точно определить уровень своего навыка. Нет, раньше он думал, что владеет языком неплохо, но после того случая на празднике год назад начал немного сомневаться.

— Хорошо, тогда продолжим разговор на их языке, — мужчина заговорил так чисто и ровно, что у Шоуки едва не отвисла челюсть. С трудом сдержался.

— Да, г-господин, — произнёс он, немного запнувшись. — Как скажете...

— Я понимаю, что ты не получил обучения надлежащего телохранителю, и за оставшиеся дни преподавать эту науку просто невозможно, но может оно и к лучшему! — он пыхнул трубкой куда активнее.

— Но... почему? — несколько удивился Шоуки.

— Позже. Для начала... А ну-ка опиши ка мне что видишь вокруг себя. Со всеми подробностями. Проверим твой словарный запас...

Наставник оказался дотошным необыкновенно. Шоуки начал потеть уже на попытках описать форму листьев и строение кроны деревьев, которым не знал названия, а этот... изверг продолжил забрасывать его вопросами про текстуру коры и гибкость ветвей. Ещё хуже стало, когда перешли к архитектурным формам — Шоуки слов таких не знал на родном языке, не говоря уже о наречии северных варваров!

И вздрогнул крупно, когда рядом оказался откуда-то Амарими. Хотя почему откуда-то? Спокойно подошёл с выданной книжкой в руках. Просто кое-то его совсем прохлопал мучаясь с подбором слов. Уточнил какой-то непонятный ему момент про права титулованных в королевстве северян, и вернулся в павильон, работать дальше. Шоуки проводил его взглядом всё ещё в некоторой растерянности.

— Видишь? — мужчина пыхнул трубкой, и усмехнулся. — Тебя слишком легко отвлечь. Работай над способностью рассредотачивать внимание. Двадцатая форма медитации вполне может с этим помочь.

Молодой карит пристыжённо кивнул.

— И это — во-первых. Во вторых... Телохранители там будут. Не сомневайся, и с их, и с нашей стороны. За вами присмотрят, но именно ты будешь находиться рядом с принцем. А значит и рядом с аристократией северян. А это уже куда более интересная работа. По возможности не показывай, что знаешь их язык. Смотри и слушай. Запоминай. Реальные проблемы могут прийти от аристократии, что желает разрыва старых договоров, а то и войны. А смерть сына Наместника отношения между половинками империи осложнит... неимоверно.

— Это глупость... — нахмурился Шоуки.

— Это политика, — возразил мужчина, подняв указательный палец. — Или скажешь, в Благословенных Землях кланы не затевают мятежей против наместника? Или не пытаются проверить какие-то свои дела за счёт его людей?

И посмотрел так... хитро. Знающе.

— Вы правы, господин, простите этого недостойного карита за его скудоумие, — поклонился, пытаясь за церемониальной фразой скрыть охвативший его стыд. И верно ведь, только недавно из как раз вот такой... ситуации. Правда, манёвр не помог. На языке северян фраза звучала как-то угловато и даже немного нелепо.

— То-то же. Слушай старшего коллегу пока он добрый и готов поделиться опытом, — кивнул мужчина серьёзно.

— Вы были... телохранителем? — не удержался от вопроса Шоуки.

— Был? В какой-то мере являюсь им и по сей день, — важно кивнул наставник принца. — Сопровождал посольства и Наместника, прошлого и нынешнего в поездках на север не раз. Но основной моей работой был сбор информации и прогнозирование рисков. Для подопечных — и для Империи в целом. Если силы тайно желающие проблем их правителю захотят совершить что-то недоброе, одно из первых что они сделают — так это попытаются внедрить в окружение нашего дорогого принца своего человека. Но вот тут то и начинается самое интересное!

Он снова пыхнул трубкой, и хищно сощурил глаза.

— Оба принца молоды, и “агентом” всяко будет молодой отпрыск какого-то из благородных семейств. С малой вероятностью — девушка, но такую возможность нельзя списывать со счетов. А что можно сказать об отпрысках благородных семейств в проклятом королевстве... Уму-разуму их начинают учить прискорбно поздно. За редкими исключениями. Так что слушай. Слушай что они говорят, и в каких выражениях упоминают Империю, Наместника, собственного правителя, нашего принца. Старайся подмечать как меняется их тон когда они говорят о ком то “в лицо”, и как — если “за спиной”. Запоминай их имена и с кем они предпочитают держаться рядом. После — докладывай телохранителю посла. Во время пути у вас с ним будет достаточно времени обсудить все нюансы твоей предстоящей работы.

Наставник бросил взгляд на вновь поднявшегося со своего места Амарими. Шоуки тоже заметил, и торопливо пообещал:

— Я буду стараться, господин.

Тамай явно находился в приподнятом настроении — насвистывал, неторопливо, одной рукой заворачивая в отрез ткани красивые, оклеенные ярким шёлком коробочки. Внутри были — шпилька для волос, богато украшенная, похоже, камнями, подвеска, и, наверно, судя по форме чеканной детали — зеркальце на ручке. Шоуки на мгновение замер в дверях, наблюдая эту картину со смешанными чувствами, затем закрыл за собой дверь, и уточнил:

— Вам помочь?

— Нет, спасибо. Я справлюсь, — качнул головой мужчина, и жестом подозвал ученика. — У меня для тебя тоже кое-что есть. Чудом раздобыл, можно сказать. Не сезон сейчас для одного из основных ингредиентов.

С этими словами он указал на один из свёртков рядом. Шоуки помедлил, а потом подошёл да сел на пол рядом с учителем. Тот подвинул ему сёрток, да продолжил собирать свои вещи и подарки в дорогу. Пояснил в процессе:

— Помнишь, я велел придержать тот жемчуг, что ты получил от Иши?

Шоуки кивнул, осторожно развернув грубую бумагу. Внутри оказалось шесть крошечных глиняных кувшинчиков в оплётке из травяных стеблей. Плотно закупоренные и залитые воском, каждый — на глоток, не больше.

— Это — растворитель. Очень... Агрессивная смесь, будь осторожен. Как только откупорил, немедленно кидай внутрь жемчужину. И как перестанет шипеть — можно спокойно пить. Это занимает минут десять, в среднем, но всё равно поднеси к уху прежде чем пить. По одной в день. И желательно — когда уже будете на корабле. Несколько часов после приёма раствора показана медитация любой формы направленной на расширение духовного сосуда. Ну и да, будет шатать и подташнивать, так что тем более — сидеть и медитировать.

— Так будет эффективнее? — уточнит Шоуки, немного подобрев. Этот подарок был получше и ножей, и тёплой, вышитой шерстяной накидки. В конце концов, чёрным благословенным жемчугом можно было неплохо поднять объём своего духовного сосуда. Ну, пока он слабый, на меди или бронзе, во всяком случае. И методы были всякие. Глотали, толкли в порошок, растворяли вот...

— Для нас — да. Во всяком случае, для меня этот способ был куда эффективнее прочих, — кивнул Тамай, убирая упакованные коробочки в свой мешок. — Ты должен хорошо подняться на этом, первые две жемчужины я в своё время принял толчёными, третью — рассасывал. Но растворённая таким способом дала больше, чем первые две вместе взятые. А ты сразу начнёшь с лучшего для нас способа. Так что, может даже на уровень бронзового сосуда по силе выйдешь со своих шести жемчужин. А потом... Обычно, их эффект сходит на нет после дюжины, для меня уже десятая не принесла улучшений, но вполне возможно, что это от того что я принимал их в разном виде в начале. Будем надеяться, что свою дюжину ты получишь.

— Когда добуду достаточно денег на их покупку, — вздохнёт Шоуки. Те шесть жемчужин, что ему подарил младший Иши стоили небольшое такое состояние. Крупные, круглые без изъянов и тяжёлые. Более того, он “видел” их, будто они были отлиты из железа, а не добыты из устриц среди рифов Утонувшего Острова.

— Всё будет! — заверил его учитель. — Не сразу, но... Я попробую добыть пару за

время твоего отъезда.

Шоуки чуть сузил глаза, затем глянул на забинтованную руку мужчины и вздохнул. Не стоило, наверное, на него так злиться за то что вот так отправил на север. Не одного же. Там будут ответственные и умелые кариты и без него.

— Из меня телохранитель как из курёнка ястреб, — проворчал он всё же.

— О... — понятиливо потянул Тамай. — Ты повстречался с Инари Саем.

— Как вы узнали? — чуть удивился. В конце концов, урок закончился всего ничего назад.

— Ну, во-первых, ты рано или поздно должен был с ним встретиться, и тут уж скорее рано, чем поздно. Во вторых — убеждать других что они ничего не смыслят в том, что делают — его любимое занятие! — пояснил Тамай со странной ухмылкой. — Готовься. За оставшиеся до отъезда дни он потыкает тебя острым ножом во все твои больные места. Но — справедливо. Как бы не был старик вреден, в своём деле он чертовски хорош. Прислушайся к его советам.

Шоуки кивнул. Прислушается, никуда не денется, но показалось вдруг, что на него навалилось сразу столько всего... Лучше уж полы в залах копейного двора драить до полуночи.

Там хоть думать не надо.

Как Шоуки и ожидал, Тамай с утра уехал — в поместье, отдыхать и поправлять здоровье. Ну, по крайней мере он так сам об этом говорил, но в притороченных к седлу сумках просматривалось порядочное количество тех милых, но иногда весьма дорогих безделушек, что обычно дарят девушкам. Часть — ещё с Западного побережья там лежала. Тяжело раненный активно бегал по лавкам в свободное от страданий время. Шоуки проводил его до ворот Высокого Двора, выслушал последние наставления касательно самостоятельных тренировок, и отправился к покоям принца, дожидаться, когда тот проснётся. Нет, Амарими вовсе не был засоней, просто кое-кто так торопился лечиться в тишине и спокойствии поместья Сиасай, что сорвался туда едва ли не с первыми лучами солнца.

Сел на приступочку у крытой террасы в небольшом садике. Вздохнул тихо, пытаюсь прогнать мысли о том, что его спровадили куда подальше чтобы под ногами не мешался. Нет, вовсе нет. Это должно быть признаком высокого доверия, что его выбрали охранять принца в далёких проклятых землях, да?

Да ведь?

Нет, ну грешно вот так жаловаться перед Предками то! Матушка в садах Нефритовых Чертогов всяко горда, наблюдая за ним. Кем он был? Сыном бедной молодой вдовы, да никем по меркам Благословенных Земель. А теперь? Карит клана Наместника! Облачённый таким доверием, что ему поручают сопровождать принца ко двору короля северных земель!

И совершенно несоответствующий такому высокому доверию...

Шоуки даже обрадовался, когда принц наконец появился. Можно было хотя бы на него отвлечься. Разминка прямо здесь, во дворе, поддаться уговорам и поиграть немного новыми ножами, выписывая ими хитрые петли в воздухе. Привести себя в порядок, да отравится завтракать.

Правда вот, когда перед ними распахнули двери в обеденную залу, там были неожиданные перестановки. Вместо нормальных столов — один, длинный и высокий с

ослепительно белой скатертью. К нему — высокие стулья с несуразно узкими спинками, да ещё без подлокотников.

И посуда. Круглые белые тарелки с узорчатым ободком, вложенные друг в друга, частокол разномастных вилок-ложек по обеим сторонам от них, дутые стеклянные чашки на ножках и без.

Три набора этой дурацкой посуды. И улыбающийся Инари Сай.

Принц сглотнул. Шоуки подурнело.

— Раз-два-три! Раз-два-три, па-аварот! — в такт словам господин Инари постукивал своей трубкой по столу, облокотившись на который сидел, скептически наблюдая за попытками принца... как это у них называется. А! Вести партию. — Пятки вместе-два-три!

Нет, у Амарими вполне себе получалось держаться важно и двигаться красиво, на неискушённый взгляд Шоуки, во всяком случае. Но правильно ставить ноги после поворота у него всё никак не выходило от чего-то. То ли дело его, гм, партнёрша. Несмотря на несуразную угловатость северного танца, госпожа посол словно плыла, плавно и грациозно повторяя необходимые движения.

Страшная женщина!

Выглядела она молодо и ухоженно, и скудные штрихи всех этих женских притираний и красок только подчёркивали свежесть и здоровый цвет её кожи. Возраст выдавали только маленькие гусиные лапки в уголках глаз да двое взрослых сыновей, мучающихся со служанками в попытках изобразить тот же танец.

Как понял Шоуки, госпожа Осами строила планы заодно подыскать отпрыскам жён из знатных северянок. Оба слушались её как великого Предка, и не смели слова поперёк мыкнуть, когда их приставили разучивать движение этого... как его, вальса. Вела себя госпожа Осами исключительно достойно, подчёркнуто вежливо, но была в каждом её движении такая безупречная властность, что даже Инари не посмел закурить в её присутствии. Так и стучал пустой трубкой.

При взгляде на неё невольно вспоминались истории про легендарных женщин прошлого. Про женщин-глав, возрождавших свои кланы из пепла, про Вдовствующую Императрицу и полководца... полководицу Инь-Инь. Обычно благородные женщины держались подальше от политики и военного дела, предпочитали вести хозяйство, заниматься изящными искусствами и философией...

Но когда решали заняться подобным, о их деяниях обычно слагали легенды. И от чего-то Шоуки думалось, что деятельность госпожи Осами в качестве посла тоже войдёт в историю.

— Ах, так не честно, все танцуют, а мы топчемся в стороне... Шоуки, составишь мне компанию?

— Нам не положено же... — пробормотал молодой карит, скосив глаза.

Голос её сочился мёдом, а глаза были подобны глазам кошки — холодные и цепкие. А ещё она была старше его на пять лет, да и в конце концов — коллегой и обученным телохранителем.

— Ну Шооо... Ты такой скучный, право слово. Что может угрожать нашим подопечным здесь и сейчас, м-м? — Шиинна повернулась к нему, едва не заставив нервно отшатнуться назад на полшага, поймала за руку и потянула в центр зала — Движения такие простые. Неужели ты не справишься?

В голосе девушки скользнуло что-то такое... томное, да настолько, что Шоуки почувствовал, что краснеет. Хотел ещё возразить, но было уже поздно, Шиинна его утащила к кружащимся парочкам, поймала другую его руку и уложила себе на поясницу. Парень почувствовал, как сердце пропустил удар, и ладони начали неудержимо потеть. Вынужден был сделать шаг, когда его почти потащили в сторону, и худо-бедно подстроился к ритму танца.

— Ах, правду сказал господин Инари, ты совсем поплыл, стоило оказаться вплотную к представительнице прекрасного пола, — с милейшей улыбкой произнесла она, неумолимо ведя эту партию. — Расскажи, откуда у тебя эта милая лента в волосах? Это выглядит так очаровательно наивно и сентиментально... Не бегай глазами, выпрями спину. Мы танцуем, не забывай! Ну так что?

— Я... Это подарок... — пробормотал, пытаясь совладать с собой. По телу бегали мурашки от бархатистого звучания её голоса.

— По случаю чего? Вижу, что не от возлюбленной, узоры тогда были бы другими... — она склонилась ближе к его лицу, ловя отчаянно бегающий взгляд.

— Н-на празднике... Соревнования.... — Шоуки начал запинаться — от чего-то такое замечание его задело, окончательно выбив из колеи.

— О, как мило. Первый подарок от девушки, так? Ты хоть имя то её знаешь?

Шоуки закусил губу, и охнул вдруг от пронзившей запястье боли. Вскинулся, едва не сбившись с шага, и поднял взгляд, споткнувшись им о холодные, хитрые глаза девушки.

— Соберись! — произнесла она ровно, перестав терзать своим ногтем болевую точку на запястье. — Ты совсем не приспособлен выдерживать на себе женские чары. Это может стать проблемой там, на севере.

— Но... Я всего лишь телохранитель... — произнёс ошарашенный происходящим молодой карит.

— Думаешь, это помешает интриганкам и просто вертихвосткам с королевского двора попытаться закадрить тебя не из корысти, так просто на спор да в поисках экзотики? — она приподняла тонкую бровь в выражении довлеющего скепсиса. — Ах, Шоуки, Шоуки... ну ничего, у нас будет достаточно времени, чтобы приучить тебя к женскому обаянию... И к слову, ты неплохо танцуешь для новичка.

В её голосе снова послышались воркующие нотки, и Шоуки понял что путешествие будет в разы паршивее и тяжелее, чем он думал.

Отсутствие Айри среди обширной делегации провожающих посольство не стало для него сюрпризом. Такой вариант он просчитывал, хотя и надеялся до последнего, что непутёвый выскочка проявит чуть больше благоразумия. Увы, надежды не оправдались, и Инари Сай сам ненавязчиво покинул площадь, едва обширный караван начал втягиваться в ворота. Подопечного он проводил, вещи обратно в поместье перевезут его слуги завтра, как и предполагалось, так что медлить не имело особого смысла. В конюшне он задержался ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы оседлать коня, и сразу же за воротами пришпорил животное, распугивая шатающихся у стен дворца зевак.

Как в старые добрые времена...

Миновать шумные улицы центральной части города удалось быстро, и в скоре молодой жеребец уже нёсся по дорогам благословенного края, выбивая копытами бодрый ритм.

Под него всегда думалось хорошо, и очередной раз вспомнив прошлое, Инари вынужден

был признать, что в происходящем есть и его вина. Он проявил излишнюю мягкость в своё время. Не нужно было давать одному молодому дарованию время на раздумья, а сразу забрать в ученики, перегнуть через колено и как следует обработать розгами. А потом пройти по двум поколениям клана Айри, и тоже наподдать им по первое число, за то что так испортили материал своими бесконечными нападками и вырастили из мальчишки бунтаря, одержимого жаждой личного могущества и силы.

Ах, какой великолепный шпион получился бы из парня. Он мог бы стать легендарным “человеком без лица”, проходящим чрез любые охранные периметры как вода сквозь песок. С такими талантами... Но нет, кто-то желал боевой славы и выложил все свои козыри в первом же крупном сражении, ославившись на все Благословенные Земли.

И хуже того, успел так же ослабить своего ученика втянув в разборки на западном побережье. Мальчишка ещё походит на слепого щенка, делающего первые попытки ползти к тёплому материнскому брюху, а о том, что он обладает тем же способностями, что и учитель, знает уже каждая плешивая псина в столице.

Зимний Гром, да простят Предки тех, кто придумал эту кличку.

Досада по этому поводу была особенно сильна. Второй раз упустить такой чудесный материал...

Тем более, что этот учиться хотел, и несмотря на все нападки и поддевки проявлял завидное смирение и продолжал внимательно слушать наставления.

Инари притормозил у бамбуковой рощи, и не слезая с седла рубанул клинком по стволу молодого растения. Поймал, обрезал лишнее, взвесил в руке, убеждаясь, что верно угадал с размером и длиной, и заткнул за пояс.

А после — вновь пришпорил коня. Так что, на месте он был уже после полудня. Оставил скакуна конюшим, и не рискнув отходить далеко от ворот, укрылся в одном из помещений надвратной башни с позволения начальника караула.

Накидку и вышитый драгоценными нитями малый пояс пришлось снять, за ними, само собой, последовали клинок, ножи, шпильки для волос и амулеты с парой подвесок. Уже собираясь выходить Инари вздохнул, пожурил себя за несдержанность и нетерпение, и снял сапоги с подбитыми гвоздиками каблуками. Уже после этого отправился обходить заранее примеченные места, стараясь двигаться малолюдными проходами, да перемахивать стены в тихих местах.

Цель оказалась в третьем по счёту укромном уголке — медленно подойдя к крыльцу павильона он услышал тяжёлое дыхание и восторженные шёпоты, перемежающиеся тихими стонами. Сердце заныло, но Инари задавил поднимающуюся в нём холодную ярость и поднявшись на три ступени, отодвинул украшенные затейливой резьбой двери. Спокойно обозрел картину зашедшего так далеко разврата, и как только нетерпеливые любовники “отмерли” и закопошились в панике, шагнул внутрь.

— Ну здравствуй, зятёк... — произнёс он ровно.

И перехватил поудобнее бамбуковую палку.

Омрачало ситуацию ещё и то, что Маленькое Пятнышко выжил. Отделался опалённой гривой да парой подпалин на боках, но кроме этого был, жив, здоров, и злобен как никогда. В столицу-то они добирались в повозке, на правах раненых, а оба уцелевших коня шли вместе с заводными отряда, что отправился их сопровождать. Так что о том, что копытный кошмар жив и здоров Шоуки успел забыть напрочь. И теперь у него просто голова шла

кругом — нужно было контролировать поведение этой мстительной твари, следить за поползновениями “коллеги”, поглядывать по сторонам, смотреть за принцем, и при этом пытаться достойно участвовать в беседе последнего с госпожой послом. Потому что ему тоже время от времени задавали вопросы, и на них нужно было отвечать!

Госпожа Осами Ита, понятное дело, ехала в крытой повозке, но много времени проводила в беседах с Амарими, распахнув узорные ставни и придвинувшись ближе к окну. Насколько успел понять Шоуки, младший принц был с ней хорошо знаком, и вообще питал немалый интерес к дипломатии, международным соглашениям и их истории. Ну, во всяком случае, в свободное от занятий всякой ерундой время.

Хотя если подумать, был тут и другой вариант объяснения — Амарими, в конце концов, был сыном Наместника, и конечно же начал получать образование куда в более раннем возрасте, чем Шоуки, куда более специфическое, чем доставалось простым каритам, и поэтому конечно же знал куда больше, чем Шоуки. И со стороны могло показаться что он обсуждает такие вещи с большим увлечением и глубоким знанием.

А у него может просто настроение хорошее, и говорят они о той ерунде, что в благородных вдалбливают так же, как в крестьян науку о глубине поклонов, а Шоуки тут возомнил что принц прямо просвещён шепчущими на уши Предками.

Пока он обдумывал эту мысль, краем глаза поймал движение слева и сзади, и торопливо направил скакуна вперёд и вбок, пристроившись по правую руку принца, на пол корпуса позади. Нет, спасибо. Не хватало ещё быть зажатым между повозкой и старшей коллегой, подкравшейся сзади. Девушка на правах телохранителя ехала на собственной лошади, а не в возке, да и одета была в более практичную, почти что выглядящую мужской, одежду. Никаких тебе летящих рукавчиков до земли, сложных подолов и бесконечных накидок. И расцветка более спокойная, почти без вышивки. Простая накидка, скромный неширокий пояс с вышитым пояском поверх, эти... ужасающе широкие штаны, что сложно было отличить от юбки, если наряженный в них не находился в движении, или не сидел в седле. Не сидела.

Шиинне такая одежда, впрочем, на удивление шла. И это странным образом заставляло Шоуки ещё активнее шарахаться от неё при любой возможности.

Наверно, это всё началось третьего дня, когда проснувшись, он обнаружил вдруг, что находится в объятиях обнажённой девушки, и под её залиvistый смех стрелой вылетел из палатки в одном исподнем. Если она таким образом пыталась привить молодому кариту равнодушие к женским чарам, то просчиталась — теперь он даже от служанок в тех гостевых домах, где они через раз останавливались, старался держаться подальше и косился с тревогой.

Посольство было весьма большим — кроме госпожи посла и её сыновей, и их телохранителей и слуг, ехало ещё несколько дипломатов, представитель торгового союза, их слуги и телохранители, отряд каритов клана Ита, несколько старших каритов клана Сиасай...

И целый отряд сопровождения, что должен был доставить посольство до порта, и потом вернуться в столицу. На взгляд Шоуки это было уже лишним, тут собралось столько умелых воинов, что посмей несчастные бандиты позарится на содержание во-он того возка с подарками Наместника королю севера, их ждал очень быстрый и неприятный конец. Из-за раздутого состава отряда, должно быть, и останавливались в гостевых домах, а не в городах, мимо которых проезжали. Понятное дело, что знать заселялась со всеми удобствами, тогда

как охрана, по большей части, разбивала лагерь на территории или рядом с оградой.

И благодаря кое-кому Шоуки уже два дня избегал сна, медитируя под дверями принца.

Тот вот, кстати, покосился со смешками в глазах, заметив манёвр друга.

Госпожа посол вежливо улыбнулась, тоже решив не комментировать произошедшее.

Шоуки давно подозревал, что всё это их забавляло, и не знал, обижаться теперь или нет.

Да и в любом случае, не до того было. Нужно было контролировать ситуацию, неугомную телохранительницу, коня, принца, окружающее... Определённые медитации, посоветованные господином Саем помогали, но пока Шоуки не хватало практики.

Потому он не сразу заметил странные изменения в воздухе. Изменился сам его... привкус? Дующие в лицо потоки приносили с собой странный запах, уловить и осмыслить который удавалось не сразу.

Этот странный “привкус”, казалось, менял сам воздух. Даже ветер, не особенно сильный прежде, казался сейчас довлеющей массой, стеной, сквозь которую двигался отряд. Шоуки настороженно прислушивался к окружающему, быстро уловив странный, почти ритмичный шелест, но совершенно не понимал, что происходит, и происходит ли вообще что-то.

Дорога уже какое-то время шла вверх под небольшим уклоном, но тут они наконец достигли гребня, и Шоуки понял.

Ему в лицо дышало море.

На западном побережье он видел его из далека, синеватую полоску в дымке среди скал. Здесь, оно лежало у него под ногами, щекоча песчаный пляж мерными набегам волн. Они шли чуть под углом к берегу, в странном ритме, приподнимаясь из пучины, ускоряя бег, обзаводясь пенным гребнем и расплескавшись по песку уползая назад, на глубину, чтобы уступить место следующей шеренге захватчиков. Некоторые волны казались выше и сильнее, они забирались дальше вглубь песчаного пляжа, лизали сохнувшие на солнце комки водорослей и ещё непонятно какой дряни, вынесенной на берег, должно быть, во время шторма.

Вода накатывалась и отступала с тихим шелестом, ветер дул, море дышало, и его бесконечная спина убегала куда-то к горизонту, сменяя цвет на насыщенно синий с серебрянными блёстками, терялась в дымке, и переходила в почти безоблачное небо.

Открывавшийся простор кружил голову и сбивал с толку, но магию момента нарушило Маленькое Пятнышко, коварно попытавшееся куснуть наездника за ногу под видом попытки лизнуть чешущееся плечо. Шоуки всё же заметил движение сбруи и резко натянул поводья, заставив подлую тварь всхрапнуть и затоптаться на месте. Потом уже заметил что он немного обогнал принца, замершего в плену открывающегося с холма зрелища. Тот, впрочем, опомнился быстро и подстегнув коня пятками догнал немного ушедшую вперёд повозку госпожи. Шоуки последовал за ним, мрачно раздумывая — можно ли нечаянно утопить жеребца в этом самом море?

Часть II Истинный Император

И огонь из жаровен стекал к его ногам подобно огненным змеям, ветер взметал искры и окружившие узурпатора кариты не могли извлечь клинки из ножен, и отступали в страхе от вышедшего из толпы подростка. Ибо только Истинный Император повелевает стихиями так же легко, как и священным металлом.

"Рассуждения о истоках Империи"

Корабль был большой. Не то чтобы Шоуки успел насмотреться на корабли, но этот был самым большим в гавани. Более того, повозка госпожи Осами встала на его верхнюю палубу так, что с обеих сторон оставалось порядком места, чтобы пройти. Возок закрепили крепкими верёвками, да покрыли плотной тканью, чтобы защитить он солёных брызг, наверно.

Борта были высокие, а палуб, так-то, было целых три. Верхняя, открытая, и две расположенных внутри. На нижней, что с потолком повыше, разместили лошадей, в специальных узких загонах, грузы, а та, что пониже досталась для проживания тем, кто недостоин разместится в надстройке. Хотя бы потому что надстройки было мало, и разместить там больше нескольких человек было нереально.

Шоуки это устраивало, принца воодушевило (новое приключение, как же), а сыновья госпожи мужественно сносили соседство с охраной и моряками.

Последние начали шарахаться от Амарими уже через полчаса после окончания погрузки. Шоуки было всё равно, как правильно называются все эти верёвки, узлы, деревянные детали, и даже правый и левый борт, а вот принц жаждал знаний. И отмахнуться от него под предлогом работы не выходило — ждали прилива, чтобы сняться с места, и вся подготовка к плаванию была закончена. Шоуки пока ходил за принцем, контролируя его, чтобы тот не полез куда не надо. На мачту, например. Или за борт.

Над причалами кружили чайки, толи плача то ли смеясь, старались урвать что-то среди грузов, перемещаемых туда-сюда с лодок и кораблей на баржи и телеги. Или наоборот. На душе было странно. Наверное, только теперь, на слегка покачивающейся деревянной палубе он начал осознавать что покидает родину. Пусть он не успел толком попутешествовать по Благословенным Землям, и видел только малую их часть, обычаи этих земель были ему знакомы и понятны. В какую глухомань не заберись, люди будут одеваться так же, говорить на том же языке, да есть ту же пищу. Ну, и то и другое и третье может маленько отличаться, где узором, где выговором, где чаще используемой приправой...

Не суть важно. Это были его земли. А там были болота, горы и города, о которых он не знал почти ничего. И настигшее его во дворце обучение хоть и пролило свет на некоторые традиции севера, но по сути только всё запутало. Дикари? Так о них говорили часто. Но дикари — и с такими сложными традициями, да даже — обеденной утварью! Они живут в бедных землях среди болот и гор? А сложная система займов, торговли, распределения плодородных земель?

Опять же, купцы проезжающие через Тростниковую Долину были... просто купцами, даром что в других одеждах да с немного непривычными чертами лиц.

Задумавшись, Шоуки едва не пропустил момент, когда принц попытался запрыгнуть на лебёдку, которой опускали в нижний трюм грузы и лошадей, загоняя их в специальную клетушку. Поймал за пояс, не давая сорваться с места да посмотрел с неодобрением.

— Да ладно тебе, — Амарими повернулся, глянул на друга через плечо.

— Учитель подробно расписал мне что и в какой последовательности от меня отрежут, если с тобой что-то случится, — Пояснил Шоуки мрачно. — Поэтому если решишь вернуться в незакрытый люк да до самой-самой нижней палубы, то потом, очень прошу, делай вид, что у тебя ничего не сломано.

— Эх... — принц вздохнул. — Да всё я понимаю. Просто, во время плавания уже не до веселья будет.

— Это почему? — удивился Шоуки, отпустив вроде как посерьёзневшего принца.

— Одарённые плохо переносят своё первое плавание через Круглое море. Ты не знал? Я думал, Тамай тебе расскажет. Он же плавал... вроде. На севере точно был, я знаю!

Шоуки, чуть нахмурившись, покачал головой.

— Может, он тогда через перешеек ездил? — предположил Амарими.

Да наверное, просто забыл, занятый другими мыслями. Шоуки невольно сжал кулаки, мечтая о том дне, когда станет сильным настолько, чтобы втоптать кое-кого грязь на тренировочной площадке.

Когда вышли в море, ничего особенного не произошло. Корабль чуть покачивался, поскрипывал, огибая мыс, ветер похлопывал парусом. Даже принцу вскоре надоело наблюдать за удаляющейся землёй, и он соизволил уйти в надстройку на ужин с госпожой послем. Шоуки покараулил до самой темноты, проследил, что принц улёгся и заснул, и только тогда, прислонившись к переборке, начал осторожно перебирать свои вещи. Их было мало, статус телохранителя не предполагала смены нарядов даже на больших торжественных событиях, так что и её было всего несколько смен, да тёплая шерстяная накидка. Но его интересовали сейчас кувшинчики с растворителем, в эту самую накидку завернутые дополнительно.

Он определённо хотел стать сильнее, и особый жемчуг Утонувшего Острова такую возможность предоставлял. Хоть об этом учитель позаботился, да предупредил о неприятных последствиях поглощения растворённых жемчужин. И пока никаких обещанных принцем трудностей не наблюдалось, Шоуки решил начать усиление своего духовного сосуда.

Поблёскивающая жемчужина булькнула в кувшинчик с резко пахнувшей жидкостью и сразу же зашипела, да так бодро, что он прикрыл горлышко пробкой, боясь, что полетят брызги. Поднёс кувшин к уху, слушая злое шипение и побулькивание, и даже наблюдал своим “пронзающим взором” как жемчужина усыхает, передавая свои странные свойства окружающей жидкости.

Но вот вроде растворилась. И шипения не слышно, зато в кувшинчике будто плещется жидкий металл. Шоуки сел поудобнее, вдохнул, выдохнул, и вытащив пробку, в один глоток опустошил кувшинчик, запрокинув голову.

Вязкое и какое-то маслянистое зелье, отдающее чем то гадостным холодным комом рухнуло в желудок, расплескавшись в нём и почти сразу вызвав приступ слабой тошноты. Но Шоуки только выпрямился, отложил пустую тару, да сложив пальцы особым образом, погрузился в медитацию.

Реакция пошла почти сразу — жидкость в желудке нагрелась, приобретая всё больше схожести с металлом, и начала... просачиваться куда-то сквозь материальное тело. Чувство было такое, будто этими каплями начало покрывать духовный сосуд, и их оставалось только впитать, пока они не стекли вниз и не исчезли. Это было не так сложно, на самом то деле. Просто болезненно — начал ныть и духовный сосуд, вбирающий в себя горячие капли. Шоуки не торопился — сперва. Пока не понял, что тошнота нарастает, мешая сосредоточиться. Да ещё и покачивания палубы начали пробиваться через его медитативную отчуждённость, добавляя неприятных ощущений. Суть процесса Шоуки уловил, и теперь

прекрасно понимал, что должен усвоить весь раствор до последней капли, удержать в себе. Он не хотел отказываться от находящейся в руках силы — тем более, из-за того что его стошнило не вовремя.

Духовный сосуд страдал расширяясь. Удерживать нужный ритм дыхания становилось всё тяжелее — несколько раз желудок начинало сжимать спазмами, кислый комок поднимался к горлу, но Шоуки держался. Он слышал как мимо его места, к лестнице наверх то и дело проходили кариты, должно быть, качка тяготила и их желудки.

Когда оставалось поглотить последние капли раствора, Шоуки уже всерьёз подумывал бросить это дело, и скорее бежать наверх. Слишком дурно было, разболелась голова, всё время приходилось судорожно сглатывать слюну, а удержаться в необходимом для медитации состоянии было почти невозможно. Так что он буквально затолкал в свой сосуд последние капли раствора, подорвался на ноги и рванул наверх, буквально повиснув на борту.

Ох, как его полоскало... Немного придя в себя и начав снова воспринимать окружающее, Шоуки обнаружил, что страдает тут не один такой. Рядом висел совсем серый в лунном свете принц, по другую сторону — несколько старших каритов и даже молодой морячок. Другой моряк со скучающим выражением лица зачерпывал из бочёнка какого-то отвара, да подавал страждущим. Удержать в себе отвар удалось со второй попытки, но после него немного полегчало, и Шоуки сел на палубу у колеса укрытой тканью повозки, собирая мысли в кучку. Чуть погодя рядом примостился страдающий принц.

— Видишь? — спросил он. — Половина отряда... И даже пара морячков страдают.

— Почему мы тогда не поехали... по перешейку? — спросил Шоуки тоскливо. Как ему принимать раствор если в этом проклятом море так худо?!

— Долго, — пояснил Амарими. — Перешеек сильно загибается на восток, ты карту видел? Как половина круга... Да и нет там ничего кроме скал, пляжей, да маленьких рыбацких деревень. Тот ещё путь, верхом то. А на корабле можно дойти до реки Бурлящей, по ней подняться к семи водопадам, а оттуда уже и до столицы северных земель какой-то день пути.

— Да, пожалуй, — Шоуки припомнил карту, и вынужден был согласиться. Быстрее пересечь море, круглое как тарелка, поперёк, чем ехать по краешку. — Но от чего так худо-то? Из-за Молота Прародителя?

— Наверно, — кивнул принц задумчиво.

— А вы знаете, мальчики, что на севере это море называют Лунным? — раздалось с боку. Не так томно, как обычно, но Шоуки, к плечу которого прильнули, шархнул, едва не повалившись на принца.

Называется, расслабился, упустил контроль над окружающим. Впрочем, Шиинна тоже выглядела не слишком хорошо. Волосы растрепались, глаза запали.

— Да, наверно так оно и переводится, — Амарими слабо усмехнулся, глядя, как сжался между ними Шоуки, пытаясь и на соседа не навалиться, и от девушки отодвинуться. — А от чего?

— А, у них есть легенда, будто какой-то из их ложных богов взял острый нож, вырезал кусок земли, круглый будто пряник, да водрузил на небо. И это и есть луна.

— Да ну, бред какой, — Фыркнул Амарими. — Достаточно взглянуть на перешеек, да на скалы водораздела. Круглое море — это воронка, заполненная водами, только огромная. И что могло упасть такого, кроме как божественный инструмент, чтобы создать такую яму?

— Именно. Так что, дорогой принц, постарайтесь использовать медитацию, и к концу плавания, вы должны к этому привыкнуть. — Улыбнулась девушка. Уголки её губ чуть подрагивали — ей всё ещё было дурно.

— Которую? — рассеянно уточнил Амарими.

— Третья и сороковая, — ответил Шоуки медленно, и начал подниматься на ноги. — А ещё лучше, попытаться достичь состояния между ними двумя.

— Молодец какой... как догадался? — вскинула бровь девушка, всё же немного отодвинувшись, чтобы дать парню встать.

— Нестабильный фон, духовная... проклятая земля... вода? — пробормотал Шоуки, и поднявшись, поспешил к борту.

Чем ближе к центру моря, тем тяжелее становилось. Другим каритам, было такое чувство, медитация помогала больше, чем Шоуки. Они проводили в ней около трети суток, и в другое время ели, разминались, спали, и почти не бегали к бортам прочистить желудок. Шоуки же напротив, становилось только хуже, и медитация облегчение давало кратковременное. Сперва он думал, что дело в поглощении жемчуга, и решил сделать перерыв в несколько дней, но это не помогло. На пятый день ему стало так дурно, что он сплёвывал за борт кровь с желчью, вцепившись в дерево дрожащими руками. Водная гладь серебрилась в лунном свете, но он её не замечал — под кораблём раскинулась бездна, пульсирующая, гулкая, живая, и медитировать, когда она была так близко, просто не выходило. К счастью, когда корабль пересёк центр Круглого моря с попутными течениями и ветром, парню полегчало. Он смог поесть наконец, руки перестали дрожать, и притихший было принц, подолгу торчащий у его лежанки, повеселел и снова начал шастать по кораблю. К восьмому дню Шоуки почти отпустило, и он решил взяться за третью жемчужину. Прошло на удивление гладко, и он начал замечать изменения в своём духовном сосуде. Силы и вправду стало больше, он казался более... упругим, что ли, и позволял посылать “пронзающий взор” несколько дальше прежнего.

Это воодушевляло. А вот пристальное внимание Шиинны вгоняло в уныние — из-за столь острой реакции на пересечение моря у Шоуки совсем отбило аппетит и без постороннего надзора он ел... недостаточно. И это сказалось на его физическом состоянии, так что тренировки с коллегой и принцем заканчивались не в его пользу. Сперва. К тому времени, как на горизонте показалась земля, он немного восстановил форму.

Ещё несколько дней плыли ввиду берега, то и дело замечая на нём маленькие городки. У побережья сновали мелкие рыбацьи лодки, некрашенные, длинные и узкие, и люди на них подолгу провожали взглядом корабль посольства. Сперва их поведение немного удивляло, но после, у города покрупнее — портового, стало понятным. Местные корабли были низкими, чаще — однопалубными, и очень редко украшены хоть чем то. Двигались они на единственном косом парусе, и вёслах. Почти у каждого крупного судна был хотя бы десяток вёсел. Украшены они были хорошо если резьбой, а вот паруса у каждого второго несли на себе если не большой рисунок, то хотя бы простенький геометрический узор. Судно Благословенных Земель и правда отличалось от местных. И — сильно.

— Одни галеры, — хмыкнул Амарими, топтавшийся у борта и разглядывающий корабли, сновавшие около города-порта. Шоуки поёжился на холодном ветру и кивнул.

— Это речные суда, — госпожа Осами тоже вышла на палубу, развеяться. — В королевстве множество рек, вверх по ним до сих пор ходят на вёслах. — Корабли для

морских путешествий больше похожи на наш. Выше борта, несколько парусов. Эти же не отдаляются от берега.

— И где они? Ну, корабли для морских переходов? — недоумевал Амарими. — Мы мимо стольких городов уже проплыли...

— Вероятно, ближе к перешейку. Там много крупных портов, в этой стороне их меньше. А всё почему?

— Почему? — поддакнул Амарими, любопытно хлопая глазами.

— Вы, молодой мой принц, карты изучали, вам на этот вопрос и отвечать, — улыбнулась госпожа Осами лукаво. Младший принц на это вздохнул, прикрыл глаза на пару мгновений, задумавшись.

— Судоходные реки, ведущие вглубь континента. Те, что впадают в море на этом побережье — всё больше с порогами да водопадами. Местность гористая, — определил принц наконец.

— Вот и стоило спрашивать, если достаточно просто немного подумать? — кивнула госпожа посол удовлетворённо.

— Вы рассказываете всегда так интересно... К чему лишать себя удовольствия послушать ваши объяснения? — Амарими захлопал глазами, изображая детскую невинность и непосредственность. Получалось так себе — парень вытягивался, всё меньше напоминая малого наивного ребёнка. Скорее уж подросток угловатый, вот-вот нарастит мясо на кости, и можно взрослым называть.

— Лъстец! — хмыкнула женщина. — Но в этих краях такое любят. Просто смотри не перебарщивай.

Шоуки отвлёкся от созерцания снующих над волнами чаек, и чуть повернул голову, поймав взгляд телохранительницы посла. Она улыбнулась хищно, и подойдя, встала рядом.

— Ты стал лучше, — произнесла тихо. — Меньше отвлекаешься. Контролируешь окружение.

— Мне остаётся только благодарить вас за это. Без вашей настойчивой помощи этот скромный карит не научился бы каждое мгновение искать в тенях возможную угрозу, — предельно вежливо откликнулся Шоуки.

На девушке не было ни крупицы металла сейчас. Многочисленные шпильки, острые, и наверняка отравленные сменились костяными или деревянными, оружие было оставлено, подвески и обереги сняты, нижнее платье не имело вышивки драгоценными нитями и даже полусапожки были простенькие, с мягкой подошвой и без каблука. Но этой ночью Шоуки проглотил предпоследнюю жемчужину, и мог теперь охватить корабль из конца в конец, ежесекундно зная, где кто находится. И то, что шпильки оставили лежать аккуратным рядочком рядом с клинком оповестило его о наличии “невидимки” на борту. А там уж пришлось смотреть глазами. Уши тут не годились — как он успел не раз убедиться, двигалась Шиинна совершенно бесшумно, когда того хотела. И как тигрица — предпочитала нападать из-за спины, обхватывая руками за шею и прижимаясь... прижимаясь к спине такими большими... Шоуки мужественно отогнал травмирующие воспоминания.

— Неужто столь смелый и отчаянный карит боится слабую женщину? — улыбнулась она.

— Как бы прекрасен ни был клинок, глупо забывать об остроте его лезвия.

— Как жаль что тебе пришлось изрезать пальцы в кровь, чтобы осознать эту истину... — вздохнула Шиинна.

— Мои пальцы не пострадали. Всякий раз как эта дивная сталь обрушивалась на мою спину она оказывалась укутана в прочные ножны. У меня и шанса не было попытаться подержать её в руках, — всё ещё выдерживал спокойный тон Шоуки.

— А хотелось бы? — насмешливый взгляд из-под ресниц.

— Этот скромный карит недостоин владеть таким выдающимся богатством, — заверил её Шоуки, стараясь удержать на губах вежливую улыбку, и не оскалится зло.

— И ни в коем случае не берите с них пример в том, что касается лести, — вздохнула госпожа Осами, поймав взгляд принца.

У устья реки их встречало три корабля. Украшенная флагами и червлёной резьбой ладья с высоко задранном носом-драконом, да два странных маленьких и длинных кораблика. Ну, или просто больших лодки, едва не в два ряда усыпанных вёслами. На ладье находились разодетые в пух и прах северяне. Снова странные их одежды, многоцветный верх, зауженные штаны в высоких сапогах, короткие накидки с непривычными рукавами да эти шляпы с перьями. Ну и кариты... Тесть, гвардия, что их сопровождала, с нарядно блестящими алебардами из дрянного железа. Трое грузно поднялись на борт (их нарядная ладья была сильно ниже корабля и переброшенные сходни были опасно наклонены) и долго раскланивались с госпожой послом прямо на палубе, обмениваясь цветистым пустословием. Хорошо хоть, убрались быстро, и благообразно замерший позади-справа от госпожи посла Амарими бросился к носу судна, наблюдать, как сбрасывают за борт и крепят на этих самых маленьких галерах два толстых каната. Шоуки последовал за ним — ему тоже было любопытно. Гребцы были одеты просто и бледно. Почти как рабочие где-нибудь в Тросниковой Долине, разве что накидки короче да совсем не просторные, с высокими воротниками и узкими рукавами. Цвета невзрачно-тёмные, да ткань, похоже, поплотнее. На удивление, у многих светлые, рыжеватые волосы были заплетены в косы. Ну, может, до середины спины. У половины — лица выбриты, другие с пышной бородой, будто окунули подбородки в крутую рыжую пену из яичных белков. И здоровенные, крепкие мужики, все — как на подбор. Как взялись за вёсла, вода забурилась, и корабль, кажется, даже дёрнуло.

— Хладоморцы! — заметил Амарими довольно. — Лучшие мореплаватели севера, на своих галерах умудрялись грабить побережья всех трёх континентов, когда-то. Держали в страхе всех и вся, ими даже детей пугали.

Шоуки вспомнил глупую детскую считалочку про выходящих из реки огнеголовых, и хмыкнул.

— А что потом?

— Когда потом? — сбился Амарими.

— Ты сказал, раньше они грабили, а сейчас, смотри ка, волокут суда по рекам, да и среди рыбаков было много рыжих голов. Что изменилось?

— Как что? Пришёл Истинный Император и построил всех ровными рядами.

Ну конечно. Шоуки ругнул свою недогадливость. Первый Император и правда перекроил мир, и его потомки продолжали его дело, следуя заветам и целям, поставленным их великим Предком. Скорее всего рыжеголовых “строил” не один Император, может это длилось столетия, но результат был на лицо. Шоуки даже близко не слышал о набегах рыжих северян — они остались на пыльных страницах истории.

Но теперь, всякий раз когда говорили о пиратах, это были либо свои отщепенцы, либо люди с дальних земель, с таинственного закатного континента. Ну, как, таинственного... торговля с ними почти не велась, разве что через посредников с Архипелага, а всё потому что мирный договор или, вообще хоть какое-то перемирие после событий пятисотлетней давности так и не было заключено...

Шоуки пожалел, что так плохо знает историю. У Оро он, кроме письма и счёта, не получал уроков вовсе, а в поместье Сиасай только начал с ней знакомится. Молодых каритов и так загружали сильно, на историю отводилось всего несколько часов в неделю.

А ещё подумалось, что пора бы облачиться в шерстяную накидку. Ветер стал уже на диво холодным, и дул он, похоже, из устья реки, в которое медленно вползал корабль.

Кони ошалели от долгого заточения в трюме, вскидывали головы, ржали и храпели обнажая крупные зубы и топоча по настилу тяжёлыми копытами. Застоявшиеся, глаза на выкате, пар валил из ноздрей, и висеть на узде, пытаясь отвести животное с дороги было особенно страшно. Но Шоуки справлялся. Пятнышко, в конце концов, был таким же одуревшим, как и прочие кони, и не в его состоянии было строить коварные планы!

Да и самому Шоуки суша несколько кружила голову. На ногах стоялось странно, качка никак не желала уходить из тела и мыслей, убедить себя в том, что землю вовсе не шатает было сложно. В глубине души поселилась бурная радость — наконец то можно убраться с корабля! За время плаванья он достал хуже некуда, эти скрипы и запах, запах дерева и соли, и тины и едкой пропитки бортов, и запах конюшни, становившийся всё сильнее с каждым днём несмотря на то, что крохотные стойла каждый день тщательно вычищали. И мыться в крохотной бадейке... Да даже не мыться, а обтираться смоченной в едва тёплой воде тряпкой (иначе не останется воды на приведение волос в порядок) тоже надоело хуже некуда, и солёные брызги на одежде, застывающие белыми пятнышками...

И это им ещё повезло пересечь море по спокойной погоде, с попутным ветром, не угодив ни в шгиль, ни в шторм...

Шоуки подумалось, что он был бы не против возвращаться домой по перешейку. А если вспомнить то, что на дне моря, то даже пеший переход его не испугает.

Нашёл принца взглядом, проверяя, всё ли в порядке, хотя уже наловчился всё время отмечать его местоположение по его клинку и украшениям. Надо было смотреть внимательно, Шоуки нутром чуял, что принца в любой момент может дёрнуть осматривать порт. На взгляд Шоуки — порт как порт. Причалы, склады, груды ящиков, корзин и кувшинов. Снующие рабочие и грузчики. Разница незначительная — форма крыш, расположение тех или иных строений, материалы — тут было больше глиняного кирпича и совсем не было бамбука.

Ну и охраны тут было больше.

Куда больше.

Сразу появлялись мысли о том, что северяне чего-то опасаются, иначе к чему сгонять к месту высадки посольского каравана столько ка...

Хм.

Шоуки споткнулся, и снова окинул порт цепким взглядом. Не задумываясь подвинул левую ногу, чтобы подкованное копыто стукнуло в доски мимо сапога, и потянул напугавшего коня дальше.

Ну да. Это же не кариты, это — простые люди. Конечно их много...

Лошадей сгоняли на огороженное пространство между складскими зданиями. Тым был ворох сена, длинная бадья с водой, прихваченной слюдяной плёнкой льда, и достаточно места, чтобы животные немного размялись и перебесились. Оставив жеребца в загоне под присмотром одного из каритов, Шоуки быстро догнал принца, прохаживающегося по причалу в сторону гудящих скал. Немного позади двигалось двое настоящих телохранителей. Порядок действий в разных ситуациях с ними был давно согласован, и сейчас они держались поодаль не маяча на виду и давая принцу насладиться иллюзией свободы.

Так он меньше чудил.

Конечно же, принца заинтересовал вид на водопады, что окутывали брызгами скалы, и бились о них с ощутимым гулом. От порта до них было всё ещё далеко, его не стали ставить вплотную к этому чуду природы, должно быть, из-за этих брызг, что клубились подобно туману, а сейчас оседали ледяной коркой на камнях и приращивали скалам белые бороды сосуллек...

Шоуки слышал, что это самый большой водопад во всём мире. И в это легко верилось — пороги каскадами тянулись по дальнему берегу озера, едва не охватывая его полукругом. А оно было большущее — озеро, из которого истекала река. На её берегу и стоял порт. Город тянулся от него, к мосту, перекинутому через то место, через которое изливалось в русло вода, и дальше, по берегу уже озера. Там наверно было много поместий с великолепным видом на водопад.

— Жутковато смотрится, правда? — заметил Амарими. — Столько льдаросло на скалы вокруг. А вода всё льётся.

— По мне так — величественно, — не согласился Шоуки. — Даже льды не смогли сковать реки при таких морозах.

— Каких морозах? — принц вздохнул, переведя взгляд на выбеленные горные вершины вдалеке. — Южное побережье здесь считается очень тёплым. Тут снег выпадает регулярно, но быстро тает, редко когда задерживаясь дольше чем на пару дней.

— Хочешь сказать, что вот это сейчас — тепло? — молодой карит невольно поёжился.

— Местные считают, что тепло, — кивнул принц. — Вот когда поднимемся к перевалу, будет хуже.

Шоуки невольно перевёл взгляд на взбегающую по склону дорогу там, вдалеке. Поправил рукава шерстяной накидки. Помнится, она показалась ему чересчур тёплой там, во дворце...

Сейчас такая мысль казалась глупой и недальновидной.

Холоднее, казалось, становилось с каждым пройденным шагом. Когда солнце выглядывало из-за облаков и обласкивало склон, было ещё терпимо, но стоило ему убежать за тучи как открытую кожу начинало щипать холодом, и каждый ленивый порыв ветерка казался ударом ножа, режущего по живому.

Хорошо хоть дорога была великолепной! Широкая, в меру пологая, ухоженная без колдобин и колеи. Местами она была покрыта утрамбованным битым камнем, местами выложена большими каменными плитами. Чем выше, тем тщательнее её укрепляли, вдавливали в скалу, огораживали выложенным из дикого камня бортом. Да и наезженная она была — процессия вместе со всеми сопровождающими легко разъезжалась с многочисленными телегами, то и дело выстраивающимися в целые обозы. Одни тянулись вверх, к перевалу, гружёные под завязку, но коренастые низкие лошадки тянули их без видимого усилия. И ещё бодрее скатывались вниз, к порту — полупустые, готовые принят новый груз.

Много верховых, много пеших. Всех интересовали гости с Благословенных Земель, украшенная повозка госпожи посла, тонконогие высокие кони... Было немного странно быть в центре такого внимания... ну, или, вернее, быть частью этого самого центра. Амарими вон, ничего, выглядел довольным. Идеальная осанка, подобающее выражение лица, гордое пренебрежение несущественными деталями... но глаза то блестят, это видно.

Наконец дорога вывернула в ущелье, и... Горло перехватило от холодного ветра,

бьющего в лицо, не сразу пришло понимание, что к ветру примешивается сырая, “дикая” духовная сила. Проклятое место.

Парень закрутил головой, внимательно оглядывая ущелье. Но вроде всё было спокойно, странно вертикальные стены убежали вперёд, перерастали в... каменные башенки?

Шоуки приподнялся на стременах да увидел далеко впереди перегораживающую ущелье тушу каменного замка. Повозки и путники втягивались в тёмный зев посередине его туши. Втиснут он был плотно, как пробка, начисто перегораживая ущелье, а крайние, округлые башни поднимались вровень с его стенами. Укрепление выглядело монументально и надёжно, и Шоуки, который худо-бедно ориентировался в стратегии и тактике благодаря занятиям в клане, начал чувствовать себя довольно неуютно на этом ровном, лишённом укрытий, и отлично простреливаемом пространстве. И пусть стрелы его не волновали, не стоило забывать и о баллистах с огромными тяжеленными стрелами, а также, наверняка, заряженных каменными шарами размером с кулак пороховых колодах.

Впереди наметилось какое-то шевеление — похоже на стенах разглядели шгандарты, кои везли сопровождающие гостей северяне. Из ворот хлынули люди, обряженные в натёртую до блеска железную броню поверх синих одежд. Они быстро разогнали торговцев да простых путников по сторонам дороги, образовав почётный коридор. Поднятые вверх копья, извивающиеся на их концах красные ленты — издали это было даже красиво.

Шоуки заметил движение сбоку и чуть повернул голову. Шторка одного из окон повозки сдвинулась, и Шиинна показала ему сложенные особым образом пальцы.

Знак означал “занять позиции” и в этой ситуации явно намекал на то, что пора начать работу. Шоуки ответил знаком готовности, и тихонько вздохнул. Он до сих пор был не очень уверен, что хорошо справится с той сложной ролью, которую ему подсунули.

Вдох-выдох... Растянуть внимание, слушать, смотреть, запоминать...

Встречающая делегация отличалась широкими яркими плащами с огромными меховыми воротниками, в которых совершенно терялись шеи встречающих. Выглядело странно... Но наверняка тепло и уютно.

Какой-то высокопоставленный дворянин, глава крепости, долго расшаркивался сперва с сопровождением из местных, затем с госпожой послом, вышедшей из повозки. Принц перемигивался с молодым северянином, с подозрительно знакомым лицом. Не его ли Шоуки видел на позапрошлом празднике Середины Зимы?

Наконец, взаимные славословия прекратилась, и вся группа начала втягиваться в ворота. Тёмный низкий, и на диво длинный проход вывел их в натуральный мешок из каменных стен. Там были ещё одни ворота, и ещё один длинный коридор. С безопасностью в этой крепости определённо, не шутили. Масштабы и серьёзность сооружения поражали тем больше, чем глубже Шоуки погружался в эти проклятые каменные недра.

Вывраться из объятий протокола и нормально пообщаться удалось только после банкета в одном из залов внутреннего замка. Чинно удалившись на прилюдно обещанную экскурсию, они поднялись на вершину главной башни, продуваемой всеми ветрами.

Алан сделал знак телохранителям, оставив их на площадке перед последним подъёмом. Мужчины кивнули, и отработано перегородили путь спутнику гостя.

— Пускай пропустят, — вздёрнул нос гость, и Алан согласно кивнул. Ему и самому было интересно пообщаться со смутно знакомым южанином.

Дилану и Люку это не понравилось, но они молча выполнили приказ, позволив кариту

скользнуть мимо них.

Десяток ступеней, и вот наконец каменная площадка, холодная и ветреная, несмотря на высокий парапет и узкие окна.

С минуту они молчали, разглядывая друг друга и будто заново запоминая. Второй южанин скромно замер в стороне, опустил взгляд.

— А ты вырос! — Алан не смог больше сдерживаться, и расплылся в улыбке, хлопнув всё равно мелкого южанина по плечу. Тот рассмеялся, и отступил на шаг, сложив руки за спиной.

— На себя посмотри! Вон какой дылда вымахал! Совсем взрослый мужик! С целой бородой! — Амарими улыбался, да так насмешливо, что принц невольно фыркнул, да коснулся подбородка, едва тронутого редкими тёмными волосками.

— Скажешь тоже! Вот кто действительно вырос, так это... Шо, я правильно помню?

— Правильно, господин, — поклонился юноша. — Но сейчас моё имя — Шоуки.

Алан припомнил традиции связанные со сменой имени у южан, и поклонился в ответ.

— Раз знакомству, Шоуки Зимний Гром.

Оба южанина вздрогнули, и уставились на Алана с недоверием и растерянностью. Эти взгляды наполнили его душу теплом и чувством невероятного довольства.

— Вести докатились до сюда так быстро? — уточнил Амарими. — И откуда ты узнал?

— О, ты не представляешь, насколько быстро распространяются некоторые новости! — Алан сложил руки на груди и чуть склонил голову, подражая учителю. — Младший принц собственноручно завалил пожирателя! Легендарный Жнец взял ученика! Ставлю три против одного, что ваши безопасники сами способствуют распространению подобных слухов, дабы возвеличить силу и славу клана. Наши так делают во всяком случае, борьба за умы, так сказать. А дальше проще — хоть я и плохо разбираюсь в этих ваших узорах, но рядом с поясом телохранителя — пояс ученика. А кто, как не ученик Жнеца — отличная кандидатура на роль телохранителя? Оставалось только уточнить имя.

— Ладно, ты хорош, признаю, — развёл руками Амарими. — Понравилась новая должность?

— Да как сказать... — Алан не сдержал тяжёлого вздоха. Выговорится на эту тему хотелось давно. И как бы ни сошлись они с молодым Сиасаем во время той поездки, письма приходилось писать друг другу в тоне сухом и подчёркнуто официальном. — Слишком много грязи. Я бы предпочёл так и остаться — надцатым помощником заместителя главы отдела и копаться в архиве, чем лично разбираться со всеми этими доносами, кляузами и отчётами.

— Жалеешь? — Амарими посмотрел с искренним сочувствием, от которого на сердце потеплело. Южане... Несмотря на все свои дурацкие традиции и расплывчатую систему подчинения, они держали себя куда проще в своём “внутреннем круге” не прибегая к маскам и фальшивым улыбкам. С детства окружённого заискивающими слугами, а теперь столкнувшегося с двуличным подхалимажем аристократии Алана отсутствие нормального общения откровенно тяготило. Сестра готовилась к свадьбе, брат погряз в государственных делах наравне с отцом, друзья по зимнему времени выбирались в столицу редко, и просто поговорить было решительно не с кем.

— Нет, — покачал головой. — Пусть лучше я послужу королевству, чем буду бесконечно мотаться по приёмам и балам. Перед глазами слишком много примеров того, как бездарно прожигают жизнь младшие дворянские сыновья.

Улыбка получилась горькой. Расслабился, расчувствовался. Глупо. Амарими коснулся плеча ободряюще.

— У тебя всё получится! — сообщил он твёрдо. — Раз ты не опустил руки, когда мага из тебя не вышло, значит ты справишься!

— Технически, вышло, — покачал головой Алан. — У нас немного другие порядки.

— Ага! — согласился южанин, почему-то покосившись на тихо стоявшего чуть в стороне спутника. — Если ты родился в благородной семье, то либо являешься сильным каритом, либо неодаренным. Слабосилок — позор для семьи... И раз уж зашла речь о магии... Хоть тут ты её можешь, наконец, показать?!

— Да легко! — Алан порадовался перевести разговор в другое русло. — Крепость стоит на довольно сильном источнике, даже с учётом защитных комплексов оставшегося эфира более чем достаточно.

“Даже такому слабаку, как я” — договорил он, но уже про себя, привычным жестом создавая на ладони язычок пламени. Ему давно не требовалось концентрация для этого заклинания. Слишком удобно оно было для зажигания свечей, ламп, костров, уничтожения бумаг, прикуривания папирос дамам и въелось в суть до полного автоматизма. Разве что, в таком насыщенном поле язычок можно было сделать и покрупнее, заставить затрепетать, изогнуться, переливаться всеми оттенками рыжего и жёлтого...

А увидев, какой восторг отразился в глазах Амарими, не удержался, раскалил пламя до слепяще-белого цвета, и эффектно схлопнул, сжав кулак. Аж искры брызнули и кожи на мгновение коснулся раскалённый пламенем воздух.

— Невероятно! — выдохнул южанин, радуясь как ребёнок. Даже у его спутника лицо вытянулось.

— Вы... пережигаете... Проклятье? — спросил он осторожно, даже на шаг ближе придвинулся.

— Вы это называете так, — согласился Алан. — Даже забавно, насколько разный дар у наших народов. Повышенный эфирный фон для вашего брата иногда даже смертельно опасен, а для нас является всего лишь топливом для заклинаний. Кстати... Вы ведь как-то подготовились к поездке сюда? В плане противостояния “проклятию”, как вы его называете.

— Да, — кивнул Амарими. — Особые медитации помогают оградить наши сосуды от тлетворного влияния. Разве что, подолгу в особо... хм... насыщенных местах всё равно лучше не задерживаться. Когда море пересекали было тяжело. Особенно некоторым. Кое-кто вообще чуть не помер.

— Всё было не настолько плохо... — возразил Шоуки, на которого откровенно покосился Амарими при своих словах.

— О, аномалия в Лунном море это вообще отдельный разговор, — качнул головой Алан, пересёкший этот ужас дважды в том году. — Колдовать там сродни самоубийству, как ни старайся, никогда не знаешь, что у тебя выйдет. И магические устройства ломаются только так. Поганое место, в общем.

— Поганое! — согласился Амарими, важно качнув головой, и поёжившись, огляделся. — И вообще, давай уже обещанный рассказ о неприступности этого места и пойдём отсюда, холодно.

Алан рассмеялся, и поманив гостей к окнам, активировал обогревающий помещение контур. Ветер как отсекло, а там и температура поднимется потихоньку. Использовали встроенное в камни заклинание редко, в сильную стужу разве что, но теплолюбивых южан

можно было понять.

— Обязательно! Но сперва расскажи, как ты умудрился завалить пожирателя, и сколько в этом правды...

При свете масляных ламп узкие каменные коридоры казались особенно неудобными. Вообще, уют, и Орлиное Гнездо были плохо совместимы — крепость создавалась в первую очередь как оборонительное сооружение, и многими элементами уюта строители осознанно жертвовали. Магическое освещение? Ха! Масляных ламп с несгораемыми фитилями будет более чем достаточно. К чему тратить ресурсы источника на ерунду вроде освещения, когда она вся, без остатка может идти на оборону в случае осады?

Шоуки и прежде искренне сомневался, что крепость вообще можно взять, а уж после рассказа принца убедился в этом окончательно. И их таких было две! Здесь, на южном перевале, и на западном, и они наглухо закрывали зажатую между двух хребтов огромную долину от любых попыток вторжения ещё с древних времён. Конечно, существовало множество горных троп, но по ним армию в сердце королевства было просто не перекинуть, а с небольшими отрядами да диверсантами справится и отряды самообороны кантонов под предводительством местной аристократии. По крайней мере, так всегда было. Спасовала это система только при завоевании севера Императором. Тогда Орлиное Гнездо не устояло и было сметено с перевала вместе с нештучным куском скалы. И сам Император после повелел её восстановить. Правда, восстанавливать пришлось в немного другом месте, спрямлять сообразно новому плану обороны, ущелье, да и саму крепость сделать раза в два больше. Вот она и стоит до сих пор...

Рассказывал северный принц увлекательно и долго. К счастью, он что-то сделал, от чего в той башне заметно потеплело, иначе бы они окоченели к тому времени как рассказ закончился, а солнце окончательно исчезло за горизонтом. Да и после этого они задержались порядком. Оба принца говорили и всё не могли наговориться, Шоуки и не подозревал что они так подружились в тот раз. Самому ему было неловко присутствовать при таком разговоре, но раз уж Амарими считал его своим другом, то было просто неправильно обманывать такое доверие. Да и некоторые вещи, которые рассказывал северянин показались довольно странными, особенно в купе со взглядами, что тот бросал на него. Как понял Шоуки, младший Коэн готовился к службе в той организации, что занималась безопасностью королевства, шпионажем и дипломатическими контактами. То есть, работал по той линии, по которой же, по факту, работал сейчас и сам Шоуки.

В таком свете сказанное приобретало совершенно новое, немного зловещее значение. И совершенно точно его слова нужно было передать дальше.

А вот и нужные комнаты. У дверей стояла пара каритов из свиты, и Шоуки они пропустили без слов, стоило только молча обменяться поклонами. Дальше — такое же помещение, что выделили принцу с сопровождением — в меру просторная комната с камином и единственным узким высоким окном, две двери в спальные помещения и небольшую уборную странного вида. Вот у камина на шкуре какого-то животного сидела Шиинна. Должно быть, её госпожа уже отошла ко сну, и девушка несла стражу, сидя боком к камину, так, чтобы контролировать и окно, и все наличествующие двери. Шоуки поклонился, мельком сложив пальцами один из тайных знаков. Девушка усмехнулась.

— Не забыл? Молодец. Садись, — указала на шкуру напротив себя. Шоуки сел, но повинаясь её жесту замолчал, едва открыв рот. Шиинна же достала из-за пазухи плоскую бронзовую табличку, изукрашенную знаками, и напивав духовной силой, активировала

печать тишины. Она создавала совсем небольшой контур, и странно потряскивала в этом проклятом месте.

— Говори, — кивнула Шиинна.

— Мне показалось, что господин Коэн, у которого сегодня была беседа с моим подопечным, хотел передать вам некоторые слова.

— Вполне возможно. Насколько я знаю он ныне находится под патронажем человека, с Перекрёстка, что примерно равен по своей значимости и роли моему учителю. И что же он желал передать?

Шоуки вспомнил Инари Сая и невольно поёжился.

— Я не уверен. Поэтому просто расскажу по порядку... господин Коэн упомянул, что несколько молодых аристократов рвались отправиться с ним в эту поездку. Как он сказал, “и пусть в случае да Саммешии на Орса в этом нет ничего странного, Вастарис бы устроил скандал, узнав, насколько скромны условия проживания в крепости”. Он отказал всем им, сославшись на непродолжительность путешествия и сомнительные развлечения в дороге.

— Погоди, Саммешии — весьма известный род, а Вастарис... Может, он сказал вас Тарис?

— Да, возможно, — немного растерялся Шоуки.

— Вас — производное титула третьего порядка “ва”, им обозначают старшего сына, либо наследника, а так же супругу главы благородного семейства.

Шоуки куснул губу и кивнул. Все эти именованья титулов и их вариации с трудом укладывались у него в голове. Да и их звучание немного сбивало с толку. Да, на, ва, ма — кто не знает языка королевства, тому либо слух режет, либо на смех пробивает. А так — искажения с числительных — “первый, второй, третий, четвёртый”.

— Выходит, дас, нас, вас, мас? — Шоуки с трудом удержал серьёзное выражение лица. Звучало очень странно.

— Именно так, — усмехнулась Шиинна. — Что-то ещё?

— Да. Когда рассказывал о своей работе с донесениями и отчётами, он выражал опасения по поводу странных событий происходящих на восточном побережье. Упомянул особо жестокие убийства, двух обезумевших маньяков и массовое злонамеренное отравление в одной из деревень. Он сказал, что между событиями нет никакой очевидной связи, но все они сильно выбиваются из привычной канвы. Сказал что начальство недавно отрядило людей более пристально взглянуть на происходящее там. Спрашивал, не случилось ли у нас ничего... необычного в последние шесть месяцев.

— Ха... — Шиинна чуть склонила голову набок. — Как любопытно.

— Это... важно? — Уточнил Шоуки осторожно.

— Это может быть важно. Если тебе удастся оказаться подле него без посторонних ушей, передай что его слова услышаны. И что тревоги юга касались лишь проклятых мест всё это время, однако, после тщательного ухода, над этими землями более не клубятся тучи.

Шоуки кивнул. Потом чуть помедлил, и осторожно спросил:

— Но почему... Почему информация передаётся таким образом? Не проще ли было их господину, ответственному за такие вещи, самому встретиться с госпожой Ита?

— Потому и передаётся, что — не проще, — качнула головой Шиинна. — Наивный юноша. Иногда сам факт встречи может рассказать слишком много тем, кто имеет глаза и уши. Иногда определённую информацию можно доверить одному человеку, но нельзя — другому. Иногда важен сам способ передачи информации. Причин может быть множество.

Такова уж наша работа.

Шоуки кивнул. Да уж. Ну и работа. Поклонился.

— На этом всё.

— Можешь идти.

По крайней мере, деловое общение с Шиинной было более приятно, чем во время плаванья со всеми этими попытками обучить молодого карита чему-то полезному сомнительными методами...

Утром принц захотел полноценно размяться, и Шоуки его желание разделял полностью. На покачивающейся на волнах палубе было недостаточно места, чтобы разгуляться в полную силу. Да и покачивание земли под ногами всё ещё мерещилось и от этого чувства хотелось избавиться окончательно.

Рано утром они спустились в один из внутренних дворов замка, такой же каменный колодец, как и везде, разве что, с выходящими в него узкими окнами и украшенный парой кадок с какими-то чахлыми, да ещё и облетевшими по зиме кустами. Благо, места хватало, и земля была выложена всё теми же каменными плитами. До завтрака было ещё время, так что вокруг было не особолюдно. Разве что караулы в коридорах да на стенах бдели.

Оба избавились от тёплых накидок, и хоть утренний холод сразу же начал заползать под ворот, это было ненадолго. Разминка, растяжка, и можно приступать к основному блюду. Шоуки и не представлял, что можно так соскучиться по тренировкам, однако-ж гляди ты.

И что оказалось ещё приятнее, после поглощения жемчужин, Шоуки по силе сравнялся с принцем, и заниматься с ним стало хоть и проще, но интереснее. В кои то веки имело смысл отрабатывать блоки...

Они успели немного позвенеть клинками в своё удовольствие, прежде чем во дворе появились неучтённые зрители. Пара настоящих телохранителей принца, замерших у двери, поклонились, пропуская господина Коэна, и его сопровождающих. Один из местных, замковых аристократов (Шоуки видел как на вчерашнем “приёме” он расшаркивался с госпожой послом), пара, видимо уже его слуг, и следом — телохранители Алана.

Принц остановился сам, и дал знак Шоуки сделать передышку. Тот вернул клинок в ножны и поклонился, снова изображая молчаливого слугу.

— Ещё не рассвело, а вы уже на ногах, мой дорогой друг! — Всплеснул руками Алан. — Не удивительно, что при подобной дисциплине ваша земля порождает настолько сильных воителей!

— Ваши слова наполнены светом истины и в то же время блуждают во тьме заблуждения. Кариты не были бы каритами, если бы не посвящали каждое свободное мгновение самосовершенствованию...

И снова этот официоз. По крайней мере, Алан чётко дал понять что при его спутнике лишнего лучше не говорить. Ох уж эти интриги...

Если это вообще можно было назвать таким громким словом. Но в целом... как понял Шоуки, оба запирающих долину замка с прилегающей территорией считаются отдельными кантонами под управлением отдельных родов... То есть, аристократических семей. И довольно высокопоставленных — их фамилия носила приставку “да”. И оба этих рода существенной частью обитали в подотчётных замках, сызмальства приучая детей своих к суровым будням этих каменных крепостей. В конце концов, на них была возложена обязанность защиты перевалов, защиты самого королевства, и кому как не им воспитывать

своих сыновей как положено в Благословенных Землях, а не как привыкли в королевстве!

Императора на них нет.

— Вот видите! Всё дело истинно в дисциплине и усердии, дорогой мой да Нис! — Алаф хлопнул высокородного спутника по плечу, и тот покачал головой.

— Мне бы не хотелось возвращаться к этому разговору...

— От чего же? — Коэн выглядел оживлённым. — Сейчас самый лучший случай пролить свет на истину. Как насчёт небольшого показательного поединка? Вы против кого-то из наших гостей? Никакой магии с нашей стороны, никакого Дара — с их. Только мастерство клинка!

— Замечательная мысль, во истину! — подключился к этому балагану Амарими. — Мне тоже было бы любопытно взглянуть на такой бой. Я бы и сам поучаствовал, но боюсь, буду в заведомо проигрышном положении в силу своего возраста.

— Не наговаривайте на себя. Вы занимались с клинком с самого раннего возраста и вряд ли уступите в мастерстве да Нису!

Аристократ чуть нахмурился. Выглядел он лет, может, на тридцать, и был подтянут и хорошо сложен, и держался как воин, а не те пышные хмыри, что встретили посольство в у побережья. Большинство замковых дворян выглядело именно так, впрочем.

— Мне и вправду неловко сражаться с гостем, вдвое младше меня, — попытался отмазаться мужчина, но Амарими улыбнулся вдруг лукаво, и подшагнул ближе.

— Можете сразиться с одним из моих телохранителей. Они опытные воины и могут продемонстрировать и технику и стиль клинкового боя, принятого в моём клане.

— Да, такой поединок будет достойным, — улыбнулся Алан.

Шоуки сперва подозрительно прислушивался к происходящему, потом с некоторым удивлением начал наблюдать, как оба принца играючи производят перестановку присутствующих таким хитрым образом, чтобы посторонние оказались по одну сторону предстоящей освобождённой под поединок площадки, а они — по другую. Шоуки в этой круговерти был отправлен принести принцу его шерстяную накидку, и когда вернулся, то замер на своём привычном месте, позади и сбоку от Амарими... И почти позади Алана. Поймал хитрое подмигивание подопечного, убедился, что свита аристократа ещё возится со своим поручением, и тихо произнёс слова, которые просила передать Шиинна.

Коэн немного завёл руку за спину, и просигналил хитро сложенными пальцами “принято”.

А вот наконец вернулись слуги дар Ниса, добывшие тренировочное, затупленное оружие, да подтянулось ещё несколько любопытствующих обитателей замка...

И Шоуки стоял, притворялся покладистым слугой, и раздумывал над тем, что, в общем то, ничего удивительного в том, что оба младших принца так замечательно сошлись друг с другом.

У них определённно слишком много общего.

Снег...

Шоуки Втянул полной грудью обжигающе холодный воздух, и горло немедленно прихватило, требуя сорваться в сухой, перхающий кашель.

Когда они спускались с перевала, это было даже красиво. Белые одеда, застелившие всё по сторонам от змеящейся дороги, налипшая на стволы и ветви скинувших листья деревьев белая пыль. Всё вокруг было белым и чёрным, белым и серым, контрастным, слепящим,

поблёскивающим на солнце. Шоуки видел снег пару раз, но определённо не в таких количествах.

Принц радовался как мальчишка, тархтел без умолку, и видно было каких сил ему стоит не пустить коня в сторону, выбиться из строя и съехав с дороги нырнуть в сугроб. Такое изобилие снега даже отвлекает от явно усилившегося по эту сторону гор холода. Наперво. Потом пронимает всё сильнее, заставляя тихо ругаться про себя и пытаться на ходу разгонять кровь, чтобы вернуть чувствительность занемевшим пальцам.

Уже на подъезде к столичным пригородам снег преподнёс им очередной подарок, повалив из собравшихся туч крупными пушистыми хлопьями. Шоуки с удивлением разглядывал сцепившиеся краями огромные, почти с ноготь, снежинки, будто нарисованные кем-то из добрых божеств, и никак не мог поверить, что такую красоту могла породить эта тяжёлая, грязно-серая туча. Она коварно заполнила воздух этой красотой, скрыла потрёпанные хибары бедноты за медленно кружащейся белой занавесью, прикрыла вонючую грязь, сделала запахи и звуки большого города приглушёнными и мягкими. Они не успели прочувствовать всю “прелесть” бедных кварталов, вступив в более ухоженную часть города, а там и бодро въехали в старые кварталы, несущие на себе явные признаки того, что это — тоже часть Империи. Форма крыш, тумбы с каменными львами там, характерные высеченные в камне ворота здесь, круглое окно с простым узором из знаков младшего круга, обещающих достаток и благополучие...

Но в остальном, дома были выше, стояли теснее, все ощетинились трубами каминов и щурились узкими окнами. Некоторые щеголяли выкрашенными, оштукатуренными фасадами и лепниной, и смотрелись откровенно чужеродно.

А потом, о глоток свежего воздуха, они приехали сюда. Посольство! Привычное, не слишком крупное поместье с дворами, домиками и храмом предков.

Сопровождающие отряд северяне отвалились на подходе к главным воротам, за ними ожидал почётный караул, слуги, пара аристократов да действующий посол — и вправду седой и умотанный заботами дед. С дороги всех отправили в купальни, и отдыхать, еду принесли в комнаты. Нет, у госпожи посла наверняка было много важных дел сегодня, но их с принцем ожидала благодать у пышущего жаром камина. Почти в каждой комнате стояли не камин, так жаровня.

А главное, вездесущее липкое проклятье на этой земле почти не чувствовалось.

Но от снега кусочек родины застрахован не был, и сейчас Шоуки со вздохом потянулся к странной деревянной лопате, широкой и квадратной, и начал откапывать центр крошечного дворика от навалившего почти по колено сугроба. При ближайшем рассмотрении все помещения в поместье жались к крытым галереям, а то и вовсе — глухим коридорам вроде как в замке, и передвигаться от дома к дому можно было исключительно по ним. Вот местные слуги и не торопились расчищать многочисленные маленькие дворики и садики поместья.

Нет, для разминки и тренировок можно было и на плац сходить, он тут рядом, через два дворика, по другую сторону храма, но сильно мелькать на глазах у местных как-то не хотелось, да и принц с телохранителями разделяли идею заниматься в своём углу.

И Шоуки это не нравится. Как то много секретов, многозначительных взглядов и перемигиваний на, казалось бы, своей территории!

Дома такой ерунды не было.

Откинув в сторону несколько комьев слежавшегося снега, Шоуки оглядел фронт работ и

вздохнул.

А с чего он взял, что дома такого не было? Много ли он крутился среди тех, кто решает судьбы Империи? Вот один раз на западное побережье съездил, и чем это обернулось?

Воткнул лопату в снег, и повернулся, почувствовав приближение Шотиши — одного из телохранителей Амарими. Настоящего телохранителя. Очень умелый карит, за время путешествия Шоуки проникся к нему глубоким уважением.

Тот вышел с плотным тканевым свёртком в руках, у самого на плечах новенький широкий и длинный плащ с серой шерстяной опушкой на капюшоне.

— Держи. Без них в этих краях сейчас никуда.

Шоуки поблагодарил мужчину, с поклоном принимая на удивление тяжёлый свёрток. Такой же точно плащ, да.

— Когда вы успели их раздобыть? — удивился даже, развернув и встряхнув. — Солнце ещё даже не взошло.

— Местные подсказали к кому обратиться, и сколько дать за срочность, — пояснил. Помог накинущему плащ парню разобраться со странной круглой застёжкой из меди. — Не хватало ещё кое-кому простыть с непривычки.

В его голосе слышалось неодобрение. Шоуки оперся на лопату, уже чувствуя как от колючей шерсти идёт тепло, обласкивающее шею.

— Мне нетрудно, — пояснил ровно и уверенно. — Я привык к работе и не чураюсь её. Если хотите — можете присоединиться, помочь.

— А и помогу! — рассмеялся мужчина, оглядев на половину очищенную площадку.

Уже немного позже, добыв вторую лопату, и шуруя по двору рядом с Шоуки он заговорил:

— Сегодня вечером нас не пропустят дальше помещений для слуг. Такие у них порядки. Ты — исключение, в их понимании твой статус равен статусу личного ученика какого-нибудь магистра, это большой плюс для нас, но есть и некоторые проблемы...

— Ожидаемо, — вздохнул Шоуки. — В чём заговздка на этот раз?

— Есть большая вероятность, что тебя попытаются развести на дуэль. Проверить силу, так сказать. Будь осторожен, формальным поводом может послужить любое случайное касание или оброненная фраза.

— О последнем можно не беспокоится, — возразил Шоуки. — Продолжаем играть в “простите моя не понимать языка”. Но всё же... Зачем им это?

— Традиции, — пожмёт плечами. — Молодёжь здесь хлебом не корми, дай с кем то сцепиться. Те кто постарше поступают умнее и используют подобное с определёнными целями. Устранение конкурентов, возвышение своего рода, ослабление противника. Интриги, одним словом. А ученики не посещают подобные мероприятия без своего учителя, если тот не посчитает их достаточно сильными, чтобы представлять себя, понимаешь?

— Понимаю, — немного помрачнел Шоуки. Дома тоже многие желали попытать свои силы против ученика самого Жнеца. Но там он был перспективным молодым каритом, совсем недавно взятым в обучение самим Тамаем Айри.

— По-хорошему, тебе не помешает попрактиковаться с кем-нибудь из местных, почувствовать их стиль... Но лучше в контролируемых условиях, а не на подобном событии.

— Определённо, — согласится. — На ваш бой с тем дворянином было интересно посмотреть.

— Чистый бой, без применения дара обманчив, — качнёт головой. — Запомни, любой

дворянин в этой стране или умеет применять магию, или владеет амулетом. Разве что, они редко применяют её для усиления ударов, подобно нам. Больше расходуют магию на создание незримых щитов и подчинение стихий. По крайней мере, в бою.

Шоуки кивнул, но не переживал на счёт этого. Он уже убедился, что чувствует момент активации их варианта дара, или этих самых “амулетов”. Чувствует как “проклятие” разлитое вокруг начинает истончаться, поглощаясь магом или предметом. Это его порядком успокаивало. За прошедший месяц он так привык “ощущать” и металл, и проклятие, что это перестало сказываться на его духовном сосуде. Стало полноценным чувством, вроде зрения или слуха. Тамай упоминал об этом. Раньше Шоуки совсем не пользовался этой особенностью своего дара вот так, без причины. Вроде как дышал, и не замечал как часто и глубоко делает вдохи. Даже не задумывался, что вообще дышит. А сейчас он “дышал” осознанно, контролируя силу и глубину “вдоха” и анализируя полученные результаты.

— А в остальном — охрана будет на уровне. На таких приёмах она всегда выше всяких похвал. Так что сосредоточься на основной своей работе.

Снова кивок. Слушать, смотреть и запоминать, следуя хвостиком за принцем. Казалось бы, что может быть проще?

Но снег он продолжил бы раскидывать с куда большим удовольствием...

Дворец сиял изнутри и снаружи, оттягивая на праздничное освещение и обогрев залов столько природной... э, эфира, что дышалось в нём легко и свободно. В этом был и другой смысл, как понял Шоуки — если гости начнут чудить, те из них, что владеют северным вариантом Дара не смогут сотворить что-то особо масштабное, или разрушительное. На общий благоприятный эффект от истощения проклятия никто не смотрел. Трудно было поверить, но северянам и правда было плевать на большинство проклятых мест. Они жили, рождались и умирали на проклятой земле, совершенно этого не замечая, и лишь их одарённые испытывали дискомфорт, попадая на земли чистые, и лишаясь своих способностей.

Как же перевёрнуты дном кверху... да не, не северяне. Обе их цивилизации относительно друг друга.

Под роскошью тут явно понимали нагромождение всего и сразу, слабо подгоняя это всё под хоть какую-то эстетику. О едином стиле можно было и не мечтать, чередой комнат была пестра аки говорящая островная птица, в одном помещении почти все стены были покрыты портретами, в другой на относительно спокойном фоне красовались огромные картины, изображающие сражения, в третьей шпукатурку покрывала сложная роспись, в четвёртой — вышитая ткань, а стены пятой сплошь занимали узоры вырезанные из кусочков драгоценной яшмы и оникса.

Выглядело жутковато, по мнению Шоуки то. Куда больше радовали полы, покрытые искусной мозаикой, керамической и деревянной, звонкой и геометрически правильной. Залы тоже цеплялись каждый за свою тематику. Большой бальный сверкал серебром и хрусталём, преломлялся в сотнях зеркал, и явно пытался поспорить с сияющим под светом солнца снегом. Тронный зал был обставлен на удивление уютно, в имперском стиле, но церемония представления нового посла монарху продлилась всего около получаса, после чего уже начался приём, и помещение пришлось покинуть.

Сперва, в целом, всё проходило так же, как обычно проходит на приёмах в благословенных землях — народ кружил по залу парочками и небольшими кучками, то и дело обмениваясь приветствиями и ненадолго задерживаясь, чтобы представить своих спутников. Всё происходило с некоей закономерностью, которую Шоуки на первых парах улавливал плохо, но после сообразил приглядываться к характерным узорам на украшениях, одежде, а особенно — горжетах, украшавших шеи значительной части местных мужчин. В очередности представлений и знакомств принцип четырёх сословий соблюдался очень рьяно. Сперва все общались с представителями своего круга, потом началось постепенное смещение менее знатных гостей на круг выше...

Что интересно, дорогие гости, ради которых приём и затевался, несколько выбились из этой схемы. Понятное дело что госпожа посол имела честь быть представленной высшему кругу аристократии в первую очередь, несмотря на то, что как представительница младшего рода клана Сиасай могла претендовать в системе северян лишь на титул “на”, то есть, второй порядок. А Амарими, условно относясь к семейству первого порядка, напротив был опущен до второго. В конце концов, он находился тут по личному приглашению младшего принца в качестве простого гостя, а не как представитель клана.

Сложно. Сложнее было только разобраться в безумной северной моде, ибо она зависела

не только и не столько от высокородности и богатства индивида, но и от каких-то местечковых традиций. Одежания рыжих мореплавателей были, например, менее пышны, чем у обитателей долины с их дутыми рукавами, а восемь из десяти самых высоких мужчин предпочитали украшать одежды меховыми вставками и носили более высокие, почти до колена, сапоги с костяными пряжками. Тоже, наверное, какая-нибудь народность.

С дамами всё обстояло ещё хуже, разновидностей платьев было столько что глаза разбегались, и выявить какие-то общие детали Шоуки даже не пытался. Ну разве что несколько дам постарше были наряжены в что-то очень напоминающее типичные праздничные платья Благословенных Земель.

Определённо, это должно было что-то значить. Нужно будет спросить... потом. Ибо заиграла музыка, и этап представления друг другу и пожеланий здоровья знакомым и не очень явно подошёл к концу. Люди зашевелились, объединяясь в некие группы, а то и вовсе расплываясь по соседним залам. Вот сейчас, похоже, и начнётся самая работа — слушать и запоминать.

— Как печально, да Коэн, что все красотки сегодня достались вашему брату! — с вежливым состраданием улыбнулся на Маен, наблюдая за танцующими парочками. — У вас было бы куда больше времени позаботится о том, чтобы попасть в бальные книжки, если бы не ваш... гость.

— Увольте! С тех пор как его помолвка была расторгнута, у меня и вовсе не осталось никаких шансов переплюнуть брата в количестве обещанных танцев, — отмахнулся Алан, с сочувствием глядя на молодого аристократа. — К тому же, законы гостеприимства это то небольшое, что осталось связующей ценностью в нашем многострадальном краю. Кем я буду, бросив дорогого гостя на произвол судьбы?

— По мне он и так неплохо справляется, — Райен с усмешкой кивнул в сторону танцующей парочки. — Хотя издали и выглядит довольно забавно.

— Вы о том, дорогой мой дас Саммеша, что южане предпочитают одеваться в тряпки так смахивающие на дамские? — на Маен ухмыльнулся. Эта тема его явно веселила. — Да, зрелище чудное. Невольно начинаешь жалеть что нет такого вида танца, где дамы бы танцевали в паре с дамами. Какая услада для взора это бы была, ах!

— Позвольте, но в таком случае, согласно вселенскому равновесию возник бы танец, в котором мужчинам надлежит танцевать друг с другом, — скромно заметил Аскольд на Лит, вызвав приступ сдвинутых хохотков в “свите” младшего принца.

— Разве это не называется дуэлью? — Алан поспешил сместить тему разговора. Последние тенденции вызывали тревогу и поддерживать их ему совершенно не хотелось, пусть даже и в разговоре с кодовой весьма развязанных на язык молодых дворян. Слово за слово, кто-то услышит краем уха, проходя мимо, а после разнесёт, додумав половину разговора, и вот уже сперва в будуарах будут рассказывать, что лица королевской крови так же подвержены реформаторским веяниям. А уж какого масштаба эти слухи достигнут, выплеснувшись на улицу... — Весьма достойный пары мужчин танец, разве не так?

— Разве только не с имперцами, — всё не мог отпустить пришедшую ему в голову мысль дас Саммеша, чтоб ему. — Опять же, если кто будет наблюдать издали, то легко обознается и поймёт происходящее весьма превратно.

— От того вы и не любитель дуэлей, что слишком печётесь о своём облике? — поддел его на Маен, промакивая вышитым платком выступившую на лбу испарину.

А чего он ждал, кутаясь в три слоя вышитого бархата, да ещё активно пользуясь хлопковыми подкладками, призванными хоть немного исправить одутловатость фигуры и создать видимость наличия какой-никакой талии? Модные веяния Алана откровенно раздражали. Нет, не своими тенденциями в создании совершенно непрактичных нарядов, а смысловой нагрузкой.

Он ещё застал то время, когда на приёмах преобладали длиннополые лёгкие одеяния с вышитой окантовкой а-ля империал. Сколько ему тогда было? Первые выходы в свет под руку с матерью, недолгие, просто чтобы традиционно продемонстрировать знати молодого принца, кровь от крови рода королевского. От того, наверное, такую щемящую ностальгию в нём вызвала поездка на юг. Очень уж праздничный приём перекликался с теми далёким, смазанными, но совершенно счастливыми детскими воспоминаниями.

А сейчас? Пышные рукава приморских равнин, захватившие уже и центральную долину, шерсть и кость северных кланов, кожа хладоморцев... А всего-то прошла какая-то несчастная дюжина лет. Невольно начинаешь проникаться вечным ворчанием дядюшки на тему того, что его венценосный брат слишком мало внимания уделяет символизму определённых жестов и слишком многое позволяет тем, кого считает союзниками. Алан, в целом, считал решения отца взвешенными и обоснованными, но...

Всегда это проклятущее “но”. В этот раз его даже пощупать и вынести на свет не удавалось толком. То ли опыта не хватало, то ли желания поддаваться профессиональной деформации и искать признаки заговора и надвигающихся судьбоносных потрясений там, где их нет.

Главное — оживлённая болтовня его “свиты” перетекла на обсуждение исконного мужского спорта, благо, в последние недели произошло много любопытных дуэлей, иногда по весьма глупым и надуманным поводам. А там уже и музыка стихла, позволяя танцующим парам покинуть центр зала, а то и вовсе раскланяться и разойтись.

Младший Коэн уже было успокоился — дорогой гость бодро направлялся в их сторону, а в его присутствии молодые дворяне не позволят себя столь неосторожных высказываний, но целенаправленное движение двух гостей сегодняшнего вечера зацепило его взгляд и заставило выругаться про себя.

Мало кто знал о связях ва Зитар с родом на Гритт, и предстоящей помолвке кого-то из младших детей, что должно придать их союзническим отношениям официальный статус в будущем году. Алан знал. И Видел как нас Гритт с бокалом вина, оторвавшись от своей притихшей свиты двигается на пересечение с южанином, в то время как одна из многочисленных молодых магесс рода ва Зитар направляется к нему с другой стороны, обмахиваясь веером. И происходило это слишком далеко, чтобы Алан успевал хоть как-то помешать им, не привлекая к себя слишком много внимания.

Оставалось только досадливо восхитится ловкости интриганов — комбинация была разыграна как по нотам, девушка отвлекла Амарими каким-то вопросом, тот развернулся к ней, намереваясь вежливо поклониться, и в этом движении задел охнувшего аристократа. Что любопытно, тот просто выпустил бокал, не став обливаться, ни себя, ни молодого Сиасая красным вином — значит спровоцировать на дуэль гостя они изначально не собирались, и это либо прощупывание почвы, либо предлог завести знакомство с...

Алан, сам двинувшийся в сторону друга едва не споткнулся и подавился пустившимися вскачь мыслями, когда оглушительного звона разбивающегося о пол хрустального бокала так и не последовало. На него бы обернулась не иначе чем четверть зала, выставляя неловкую

ситуацию на всеобщее обозрение, но бокал попросту завис в воздухе, нырнув вниз хорошо если на ладонь. Только вино колыхалось от стенки к стенке.

— Прошу прощения, — Амарими сдержано поклонился нас Гритту, и невозмутимо подхватив бокал, протянул его аристократу. — Моя невнимательность чуть не обернулась маленькой катастрофой. Было бы ужасно досадно расплескать такое замечательное вино по полу или чьим-то одеждам.

— Да. Вы несомненно правы, — наследник взял себя в руки довольно быстро, приняв протянутый ему бокал. — В этом есть и моя вина, был неосторожен и не смотрел по сторонам.

Амарими вежливо кивнул и повернулся к девушке, продолжить едва начатый разговор, и делая вид, что не замечает её одеревеневшей улыбки. Бросил только быстрый взгляд в сторону Алана... Вернее, куда-то ему за спину.

Инцидент привлёк внимание хорошо если десятка человек. Запланированная акция неожиданно провалилась, и Алан замедлил шаг, бросив через плечо быстрый взгляд на тихо следующего за ним Шоуки, о котором, право слово, и вовсе успел позабыть...

Когда за спиной закрылись двери, ведущие из дворцового парка на территорию посольства, Шоуки натурально передёрнул плечами и прошептал благодарственную молитву Предкам, уберёгшим и оградившим его этим злосчастливым вечером от невзгод и печалей. Амарими глянул на друга и, по совместительству, телохранителя с сомнением, заломив тонкую бровь. Потом не удержался, и фыркнул.

— И что тебе не так? — первым направился по расчищенной дорожке вглубь территории, поправляя роскошный меховой воротник плаща, чтобы в ухо не задувало поднявшимся к ночи холодным ветром.

— Гадюшник! — подумав, подобрал определение своим ощущениям парень. — Другой раз глянут — один в один как м'кари своим слепым буркалом.

— Пф... Наивный! На больших приёмах дома, во дворце, происходит ровным счётом всё то же самое, — заявил Амарими. — Разве что, специфика тут своеобразная, местный колорит, традиции опять же накладывают отпечаток.

Шоуки посмотрел на принца с сомнением, но вынужден был кивнуть, сдавшись. И ведь верно. В столице он ни на одном приёме и вовсе не был. Да и в поместье только на празднованиях присутствовал, а это, всё же, немного другое.

— Допустим. Но всё равно складывается впечатление, что северяне выходцев с Благословенных Земель не очень то и жалуют.

— А разве у нас любят северян? — уточнил Амарими. И снова Шоуки вынужден был согласиться.

Задумался. Долго молчал, пытаясь как то собрать в кучку свои ощущения от сего мероприятия и утрясти общие мотивы вороха подслушанных разговоров. В конце концов, это была его работа, а её он привык делать хорошо, какой бы зыбкой, и не очень понятной она ни была.

Эх, как хорошо и просто было таскать инвентарь из Копейного двора мастеровым на починку, и обратно...

— Подведём итоги? — первым предложил Амарими, усаживаясь за столик в выделенной им комнате, куда слуги уже принесли заварочный чайник и посуду. Шоуки неуверенно кивнул, сев напротив принца и гадая, от чего тот так воодушевлён и бодр. Глаза

так и блестят в свете масляных ламп. — В плюсах — местному свету я был представлен как полагается, всё прошло чинно и спокойно. Приглашение нашему дражайшему Алану посетить территорию посольства было услышано нужными людьми, три провокации успешно провалились...

— Три? — Шоуки нахмурился, и аж дёрнулся, лихорадочно перебирая в памяти события прошедшего вечера.

— Два раза меня пытались подловить на незнании местных обычаев в разговоре, — успокоил его Амарими. — Так что в минусы можно записывать что: первое — провокации вообще были. И второе — маловато было серьёзных политических фигур на этом приёме. Сыновей-дочерей они прислали, конечно, с прочими вассалами и родственниками в некоторых случаях, но действительно серьёзных людей было меньше, чем следовало бы. В конце концов, речь идёт о новом после... Хотя тут ситуация двоякая, если это своеобразная демонстрация своеволия и неповиновения то это так себе расклад, а если пренебрежение то всё не так уж и плохо, и может быть даже весьма нам на руку!

— Это как вообще? — Шоуки раньше не замечал, чтобы принц интересовался политикой и дипломатией, и его это даже несколько тревожило сейчас.

— Если госпожу Осами будут недооценивать, это будет только на руку ей и её начинаниям.

— "Лучше бы сидела в отчем доме за вышиванием — не женское это дело, в государственные дела лезть!" — Шоуки процитировал оброненную одним из гостей приёма фразу, и медленно кивнул. — В этом есть смысл... Но почему пригласить Алана было так важно? Я не понимаю...

— Ну, все знают, кем и у кого он ныне работают. И если посол лично придёт на встречу с главой местных безопасников, это будет чутка подозрительно, не находишь?

— А если глава безопасников побежит на поклон к послу Империи это будет ещё хуже... — Шоуки немного успокоился, кажется, начиная понимать царящие в этом болоте порядки. — Учитывая общие негативные настроения касательно метрополии.

— Именно, а я тут вроде как гость, ни в коем разе не подчинённый госпожи Осами, да и Алан вроде как, и племянник своего дяди, и работает в его департаменте, но в большей степени воспринимается как недоросль, который ищет куда бы приткнуться. И таким образом, встреча двух великосветских раздолбаев, это совсем не то что совещание высокопоставленных придворных двух стран. — Амарими вздел палец к потолку, и наконец разлил чай по чашкам. — А то что через нас эти самые придворные будут активно обмениваться информацией это дело десятое! Особенно, если мы поддержим образ и будем вести себя как молодые аристократы, ищущие себе приключений в долгожданном отрыве от мамкиной юбки и суровых папкиных тумачков!

Последнее Амарими выдал на языке местных, наверное, тоже кого-то процитировал, чем вынудил Шоуки панически ловить выроненную чашку, расплёскивая горячий чай на руки и колени.

Но к его вящему ужасу, младший принц был столь же серьёзен, как и воодушевлён.

Снаряд чувствительно врезался в голову, развалившись на мерзкие комья, тут же закатившиеся в съехавший на спину капюшон и за шиворот. Шоуки встряхнулся, фыркнул, и вполоборота бросил недобрый взгляд на хохочущего Амарими.

Вот уж от кого он не ожидал подлого удара в спину! В затылок, то есть...

И ведь, тут его дар спасовал. Он не чувствовал снежки, и не мог взаимодействовать с ними, если не видел их, находясь в одной лодке с обычными каритами. От таких мыслей становилось неуютно — как они вообще могут вот так существовать, и не чувствовать метал вокруг?

Но предаваться праздным размышлениям было не время — в их форпост уже летели новые снаряды. Манипулировать водой, и снегом в частности, было куда тяжелее чем металлом, и даже деревом, но их малый вес и то, что их бросали не шибко точно, играло на руку. Достаточно было просто немного отклонить некоторые из них, защищая принцев от толпы противниц.

Только вот, зачем он вообще в это ввязался?!

Нет чтобы оставить парней огребать — такой толпой их бы завалили снегом по самые макушки за считанные минуты.

Всё началось довольно буднично. Погуляв немного по городу (по той части, что располагалась непосредственно вблизи дворца), Алана заметил кто-то из знакомых высокородных недорослей и сообщил о намечающейся сегодня дуэли во Вдовьем парке. Решение пойти, посмотреть было принято единодушно, и разросшаяся компания направилась сперва в сторону дворца, потом вдоль заледеневшего канала к огромному кованному забору, за которым раскинулись зеленеющие в снегу ёлки.

Забор был ужасным во всех отношениях — выложенное обтёсанном камнем основание высотой по колено, редкие столбы из него же, между которыми крепились ажурные чугунные решётки высотой в два человеческих роста. Зачем переводить столько труда и хороших материалов на столь сомнительное оборонительное сооружение Шоуки не понимал категорически, оставалось только предполагать что забор имеет функцию декоративную, и северянам совсем уж некуда деньги и металл тратить...

За распахнутыми настежь воротами (хорошо хоть с приставленными для охраны гвардейцами) располагался просторный парк с виднеющимися тут и там беседками, скульптурами, и насаждениями. Всё утопало в снегу, кроме расчищенных дорожек, по которым чинно гуляло порядком благородных, часто дамы, часто — с маленькими детьми.

Как рассказал Алан, парк разбила его пра-прабабка, после того как овдовев решила отойти от светской жизни и уединиться в старинном поместье, которое находится во-он там в самом конце аллеи. С тех пор парк и прозвали за глаза вдовьим. А то что именно его облюбовали для сведения счётов в дуэлях, так это совсем недавняя тенденция, и к названию отношения не имеет.

До назначенной дуэли оставалось ещё порядком времени, так что вся компания направилась в ту часть сада, что была отведена для “зимних забав”. Что там такого забавного могло найтись в этом ужасе, он совершенно не понимал, до того как увидел выстроенные ледяные замки, с горок которых с весёлым хохотом скатывалась малышня, и подростки, а местами и пары постарше. А вокруг всего этого безобразия красовались ледяные скульптуры,

над некоторыми из которых вот прямо сейчас трудились мастера и любители, ещё дальше малышня лепила из снега шары и какие-то фигуры...

По крайней мере, проклятье тут было слабое — часть работ скульпторы осуществляли “магией”, да и замки наверняка поддерживались ею же. Лёд ведь хрупкий, когда настолько тонок, верно?

За забавами великосветских детишек наблюдали мамки-няньки-телохранители, так что когда Амарими рванул к одному из замков Шоуки счёл подобающим постоять в сторонке. Алан присоединился к дорогому гостю, как и дас Саммеша, остальная свита же сделала вид, что переросла подобные развлечения, но взгляды... Взгляды на ушедших к горкам кидали завистливые.

К счастью, принцы не слишком увлеклись катанием, и вскоре вернулись, отряхивая от снега плащи. Всё же, очень уж много неодобрительных взглядов на них кидали мамки-няньки, пасущиеся вокруг. А там компания медленно мигрировала к ледяным скульптурам, понаблюдали за работой одного из мастеров, а после отвлеклись на стайку барышень, не менее половины которых было на приёме.

Кажется. Лица северян иногда тяжело было отличить одно от другого. Особенно, когда это прелестные лица молоденьких девушек, отороченные меховыми воротниками и меховыми шапочками. Даже по цвету волос не запомнить. А у всех губы яркие и щёчки румяные. Только на глаза да форму бровей и оставалось ориентироваться.

Девушек сопровождала пышноватая дама в такой длинной шубе, что та подметала полами снег.

Раскланялись. Алан мужественно взял удар на себя, заведя вежливый разговор с дамой, что позволило девушкам более-менее спокойно пообщаться с парнями. По крайней мере, пять парочек образовались почти сразу, и отошли немного в сторону, активно переговариваясь. Амарими заговорил с одной из девушек, с которой танцевал на приёме. Та осталась в сопровождении двух подруг, которые то и дело её поддерживали парой фраз. Всё выглядело очень благопристойно и спокойно, так что Шоуки немного отвлёкся, пытаясь захватить как можно больше пространства и изучить принятые среди знати украшения и обереги получше, так что просто упустил момент, когда кто-то из девушек заговорил о игре в снежки.

И вот теперь девушки с хохотом забрасывают принцев градом снежков, а он как дурак прикрывает их встав перед “укреплением” из четырёх снежных клубков, едва достигающих пояса. Свита Алана свистит и улюлюкает, давая мудрые тактические указания, а девушки, половина из которых недурно владеет извращённым северным вариантом Дара, напропалую его используют, сплетая снежки прямо из взметнувшегося вокруг них позёмка.

Одно хорошо, были они не сильно плотно слепленными и летели не особо точно. Но — количество...

И тут такое предательство со спины!

“А зачем мне вот это вот, в целом, вообще надо? Только потренироваться, разве что,” — осознал он, прислушиваясь к слабой ноющей боли, порождаемой духовным сосудом. Шоуки никогда не любил заниматься с неметаллами, заработав немало замечаний что от наставника Имари, что от Тамая Айри. И до недавнего времени у него было вполне рабочее оправдание — малый объём сосуда...

Подхватив очередную партию белых пушистых снарядов, Шоуки жестом смял их в единый ком, не препятствуя, в процессе, движению, и даже добавил немного ускорения,

поворачиваясь, чтобы пропустить ком мимо себя. Амарими вскрикнул, едва успев упасть под прикрытие “крепости” и с недоумением взглянул на “телохранителя”, отходящего в сторону.

— “Если полководец предаст казни треть своей армии, чтобы поднять боевой дух оставшимся двум третям, то к следующему бою у него останется лишь треть армии”. — нараспев процитировал Шоуки то небольшое, что запомнил из трактата “О поражениях и победах войны Девяти Королевств”.

Его манёвр породил небольшую запинку, девушки поумерили свой пыл, и придержали снаряды. Амарими поднялся на ноги, и неловко хохотнув, пояснил противницам:

— Полководец в моём лице был беспечен и жесток к своим подчинённым, и по вине собственной глупости потерял одну из линий обороны.

— Продолжаем, милые леди, — усмехнулся Алан, скатывая в ладонях очередной снежный ком. — Жернова истории ведь не прощают столь грубые промахи?

— И верно! — звонко рассмеялась... да Gear, кажется... Вероника? Виктория? Шоуки не был уверен. — Но и в наших рядах столь долгая осада истощила силы частей! Будет только честно если мы отведём их, верно?

— Как пожелаете, — вежливо склонил голову Алан, и когда трое из девушек отошли в сторону, первым запустил снежок в оставшихся. Те с хохотом прыснули в стороны, но быстро подавили парней ответным обстрелом, даже несмотря на то, что передохнуть отправились самые результативные магички.

Неужели тоже утомились? Но с чего здешним одарённым уставать? Они ведь черпают силу извне...

Кстати, о одарённых. Девушки воспользовались тем, что Шоуки отошёл на противоположную от группы поддержки сторону, решив постоять в одиночестве и спокойствии, и направились к нему. Заметил он это уже после того как почувствовал на себе обжигающий взгляд той мадам, что сопровождала девиц. Вроде как она была наставницей сопровождающей подопечных, но он был не очень уверен.

Уверен он был в том что в обязанностях мадам было обеспечением не только безопасности подопечных, но и соблюдение целомудренности и благопристойности. Шоуки почувствовал что разлитое в воздухе проклятие немного просело. Нет, оно проседало по... насыщенности уже долгое время, спасибо “игре в снежки”, но сейчас ухнуло довольно резко, и по ощущениям, прямо вокруг него. Пару раз он подобное чувствовал, но сейчас, кажется, понял в чём дело. Ну или во всяком случае готов был поспорить на то, что это наставница и охранница девушек желает знать о чём её подопечные будут говорить с чужаком. А девушки именно что говорить и собирались.

Шоуки поклонился подошедшим, уже привычно, и изобразил удивление, когда одна из северных красавиц заговорила.

— Позволит ли доблестный карит удовлетворить любопытство недостойных... одарённых?

Говорила девушка с сильным акцентом, фразы строила в целом правильно, но немного пугалась в формальном построении предложений. Шоуки поторопился перевести разговор на более простонародный стиль и, конечно согласился поговорить. Из троицы красавиц только одна владела аятти на достаточном для разговора уровне, но старательно и шустро переводила подругам, распираемым от вопросов.

В вопросах не было ничего особо предосудительного — практикующие магички желали узнать из первых рук некоторые подробности работы дара у южан. Шоуки легко и

благожелательно делился, в общем то, общедоступной информацией, проясняя некоторые моменты, и в свою очередь задал пару вопросов о их даре.

Оказалось — устают. Ещё как устают. Местные одарённые не просто берут разлитую в воздухе энергию и придают ей форму. Они, оказываясь, пропускают её через себя, и это выматывает. Они ценят и развивают ширину канала и скорость перетока “эфира” по нему.

Шоуки осторожно задавал наводящие вопросы, заинтересовавшись этим феноменом, но тут, к сожалению, подошло время и принцы поспешили сдать на милость победительницам. Раскрасневшиеся и страшно довольные девчушки сбились в стайку, попрощались с принцами и их свитой, и деловито удалились куда-то в сторону старинной усадьбы под бдительным надзором их... няньки?

Растрёпанные принцы наскоро привели себя в порядок под шутки и добродушный хохот остальных парней, и направились вглубь сада. Шоуки в задумчивости пристроился позади-сбоку Амарими, переваривая услышанное, и свои наблюдения.

— А вот и арена. По крайней мере, так её здесь называют, — Алан вдохнул полной грудью, ступая под аркаду, огораживающую просторную площадку, обычно покрытую песком, но сейчас, по зимнему времени, просто расчищенную. Кожу приятно покалывало насыщенным эфирным фоном, холод отступил на второй план и лёгкую усталость буквально вымыло из тела мощной волной. Он покосился на как-то взбледнувших и погрузневших южан, и пояснил:

— Это место намеренно насыщают эфиром в преддверии дуэли. Эта аркада является ограничителем насыщенного поля, а во-он те колонны таят в себе так называемый сифон, насыщающий поле. Под крышей расположены точки фокуса щитов и прочих защитных заклинаний. Это делает каждую проводимую здесь дуэль максимально безопасной и зрелищной. Одна из лучших дуэльных площадок в столице. Одна из, а не лучшая, увы, потому что этой площадке уже почти полсотни лет, и технологии настройки сифонов и построения щитов за это время порядком изменились. Обновить бы её, по современным стандартам, да всё бюджеты на содержание парка не позволяют.

И политика его развития, да. Вдовый парк всё больше приобретал вид семейного места отдохновения, безопасного и увлекательного для дам, детей, подростков, и гимназисток из расположенных рядом заведений. И дуэли разгорячённых магов сюда как-то не очень вписываются. Удивительно, что арену ещё не прикрыли на вечный капремонт, и до сих пор обеспечивают дежурным лекарем и наблюдателями в случае заявки на использование.

— Хм... А что будет если дуэль решат провести не... в одном из таких мест? — уточнил Амарими, зябко кутаясь в плащ и наблюдая за последними приготовлениями спорщиков. Народу, посмотреть на очередную дуэль, собралось порядком, в основном мужчины и подростки. Так и собрались у балюстрады, отгораживающей дуэльную площадку от “зрительских мест” в оживлённом ожидании. Никого не удивило, что мужчины отвергли ритуальное предложение о перемирии, и начали расходиться на позиции после отмашки распорядителя.

— То подобная “дуэль” будет приравнена к разбою с применением эфирных техник. Со всеми вытекающими. Блокировка, заключение и конфискация имущества, — перечислил дас Саммешу веско. — Ибо разрушения, а то и жертвы просто неизбежны в таком случае.

И его слова подтвердились со скоростью невероятной. Едва была дана отмашка, эфир всколыхнулся, и воздух загудел от создаваемых щитов.

Вас Тареш, похоже, своим заносчивым поведением снова задел какую-нибудь барышню, за которую вступился либо родственник, либо кавалер. Марек вас Тареш был дуэлянтом заядлым, и Алан долгое время подозревал, что тот занимается бретерством по чьей-то указке, но стоило покрутиться подле него, пообщаться по случаю, как стала ясна грустная истина — мужчина просто был непроходимо самовлюблён, горд, и в некоторых вопросах откровенно туп. Но дуэлянт из его вышел превосходный, благодаря незаурядному магическому дару и богатому опыту. Любо-дорого поглядеть на то как ловко он возводит двухслойный щит, и почти сразу накидывает поверх него напряжённо гудящую синеватую сеть — знаменитую модификацию ловчих чар. Самодовольную ухмылку на его лице с трудом можно разглядеть из-за сияния чар.

Его противник — некий ва Нерит. Инвар. Младшему принцу не доводилось слышать именно о этом представителе рода, но ва Нериты всегда славились своими чародеями, и семейной методикой обучения, раскрывающей индивидуальные таланты и склонности.

Этот ва Нерит помогал себе жестами, что не очень приветствовалось в среде магов. Жесты и голосовые ключи — удел детей и начинающих, костыли на первых шагах развития дара, не более. Впрочем, такое мнение никогда не мешало выдающимся магам использовать определённые театральные жесты при сотворении чар, дабы впечатлить аудиторию. Зажигание огонька щелчком пальцев вообще было чем то вечным и неизбывным.

Так вот, ва Нерит... молодой мужчина взмахом левой руки развернул стандартный щит, прочертивший дугу в притоптанном снегу перед ним, да так и держал открытой ладонью, однако же остановился на этом простейшем рабочем варианте, одновременно составляя атакующее плетение правой. Жесты позволили ему запустить сразу два плетения в противника, да так быстро, что вас Тареш даже не успел формировать атакующие структуры — он всё напITYвал щиты.

Первое плетение не закончив толком формироваться вlepилось в полыхнувшую синим сеть, и бесславно рассыпалось в брызгах синих искр и характерном потрескивании, зато второе разметалось по щиту осколками льда и снежным крошевом, прогибая его, но — не проломив.

И всё это произошло за считанные удары сердца! Тёмная лошадка оказалась весьма зубастой, и лупила по, несомненно, зачинщику конфликта без перерыва. Бритвенно острые ледяные осколки ударяли в накрывавший площадку щит, заставляя зрителей невольно отступить на шаг, редкие ответные, но чрезвычайно мощные огненные потоки врезались в него, расплёскиваясь будто вода, да прижимая к земле медленно густеющий туман. Ва Нерит весь ушёл в атаку, и вынужден был крутиться, не столько блокируя, сколько отклоняя в сторону атаки противника своим стандартным щитом. Но пробить щит противника у него всё не выходило, и тот постепенно наращивал мощь своих огненных потоков, заодно разрушая ледяные снаряды противника прямо в воздухе. Мощь его плетений, как всегда, завораживала, но...

Верхнюю часть купола почти заполнило огнём, в нижней клубился туман, эфир утекал просто с колоссальной скоростью, напITYвая мощные плетения. И вас Тареш, воодушевленный зрелищем слегка дымящегося противника, совсем не предавал значения ледяному туману, уже начавшему ненавязчиво проникать под его щиты. Что характерно — со спины, не попадая в поле зрения.

Зрители заволновались, загомонили, видя к чему идёт, многие с разочарованием и недовольством — ставки были явно не на выходе из Неритов. И разочарованный вздох

смешался с криками удивления, когда скрытое в тумане плетение вцепилось в свою жертву, вмораживая в раскисшее от мощи магии покрытие, взбираясь по телу мутным колючим льдом.

Звучный удар гонга возвестил окончание дуэли. Остатки нематериализованных плетений оперативно рассосались, щит над площадкой опал. И распорядитель с наблюдателем и лекарем вышли на чавкающий с грязью песок, подводить итоги и латать дуэлянтов. Ва Нерит от лечения отказался, с презрением во взгляде принял извинения закончившего противника, и гордо удалился, красиво качнув на развороте полый крепко пожжённого плаща.

Зрители начали вежливо покидать арену, оставив проигравшего на лекаря и небольшую группу поддержки, и активно обсуждая увиденное.

— И как нашему дорогому гостю пришлось по вкусу это зрелище? — вкрадчиво поинтересовался Аскольд, обращаясь к выдохнувшему с облегчением Амарими. Лицу имперца возвращался цвет, стоило им выйти из насыщенной эфиром зоны.

— Весьма впечатляюще. Всегда было интересно посмотреть, на что способны ваши маги в наиболее благоволящих им условиях, — вежливо ответил младший Сиасай.

— Отряд опытных магов способен выиграть битву с небольшой армией! — кивнул на Лит весомо. На что Амарими рассмеялся беззлобно.

— Разве что против неударенных солдат, не обременённых амулетами, и не имеющих боевого опыта. Не преувеличивайте, ваша же история междоусобных войн не раз и не два подтверждала, что против хорошей армии отряд магов не выстоит.

— Это всё полемика, — заметил Алан примирительно. — История знает множество примеров, когда...

— Да, наши земли могут закидать противника мясом, хотя это и было бы бездарным переводом ресурсов. Однако же против ваших крошечных армий...

Алан, да и прочие присутствующие аж запнулись на такой резкий выпад. С чего бы?

— О. Знакомый аргумент, — вежливо улыбнулся Аскольду южанин. — Помните, ваш знаменитый полководец, как биш его, Вайадар Парящий, говорил примерно то же перед своим бесславным поражением от руки Императора Ашимари.

Амарими не мог оставить такую нападку без резкого и едкого замечания, это было понятно, но то, как на Лит стремительно шёл на конфликт неприятно удивило принца. Алану показалось даже, что обычно довольно спокойный и вдумчивый Аскольд просто ухватился обеими руками за возможность довести разговор до... Это было даже немного дико на его взгляд, и потому наверное Алан немного замешкался, когда Аскольд качнулся вперёд, стремительно стягивая с руки перчатку...

И его будто пыльным мешком приложило. На Лит едва не потерял равновесия, отшатываясь назад, невольно переступил, сойдя с дорожки, где завяз в сугробе и снова едва не упал, вынужденный взмахнуть руками. Алан не сразу сообразил, что агрессора просто оттолкнули даром южан — никаких искажений эфирного поля, характерного для применения заклинаний, само собой, не возникло.

Ошарашенно затихли все. Только Шоуки, про которого все успели забыть, сделал шаг вперёд, встав подле своего подопечного, и сложив руки на груди, коротко поклонился.

— Этот недостойный карит приносит свои извинения. Он не мог поступить иначе, однако же не зная, о чём идёт спор, мог ошибиться в оценке происходящего. Посему готов принять наказание.

Алан выдохнул.

Ну с этим, по крайней мере, уже можно работать...

В доме царили разброд и шатание. Принц возбуждённо жестикулируя пытался что-то доказывать хмурающейся Шиинне, Алан шарахался рядом, пытаясь вставить несколько слов, и лицо его выражало какую-то обречённую усталость. Туда-сюда сновали слуги, то притаскивая какие-то тома, то старинные свитки....

Шоуки сидел в сторонке и пил чай. Он испытывал странное наслаждение ситуацией, смаковал умиротворение, и ощущал покой в мыслях и желаниях, и даже творящийся вокруг кавардак не мог нарушить этого медитативного состояния.

И снова всё было просто и ясно, отступала на второй план необходимость тщательно контролировать окружение, напрягать соображалку, выискивая малейшие подозрительные намёки в происходящем вокруг, не надо было опасаться тайных врагов, затаившихся рядом и прячущихся за дружелюбными улыбками. Не надо больше анализировать каждый свой шаг и бояться, что допустил какую-то ошибку...

Молодой карит очень ответственно относился к своей работе, и это чертовски утомляло, особенно учитывая, что работа рассчитана на кого-то вроде Шиинны, а выполнять её поставили его, Шоуки.

А теперь — можно отбросить тревоги, и спокойно попить чаю. Дуэль? Ну, дуэль. Выиграет, не выиграет — какая к демонам, разница? Главное, что все неопределённости остались в прошлом. Вот — подлый враг, вот — время и место, когда его надлежит отлупить. Не выйдет? Ну и поделом.

Честно, Шоуки сейчас даже вполне реальная возможность гибели не особо пугала.

— Так! Замолкли! Оба! — не вытерпела уважаемая Шиинна Ита, хлопнув ладонями по столу и поднявшись. Принцы дружно притихли, однако с совершенно разным видом. Амарики выглядел недовольным и возбуждённым, Алан — раздосадованным и виноватым. Телохранительница же госпожи посла обошла массивный рабочий стол, и уселась на подушечку у чайного столика, устало взглянув на Шоуки.

— Подробности?

— Он мне не понравился, — спокойно ответил Шоуки, вызвав на лице женщины болезненную гримасу. Однако та быстро исчезла, стоило ему продолжить. — При нём были некоторые вещи, не характерные для местной аристократии. Слишком много амулетов, спрятанных под одеждой, некоторое оружие, считающееся скрытым. В том или ином виде подобное есть у многих... Но тот молодой господин разом нацепил уж очень много всего.

— Ха, — женщина налила чаю и себе, а потом — в оставшиеся две чашки. — Господа, присаживайтесь. Чай стынет.

Принцы переглянулись, и заняли свои места. За столиком с минуту царил молчание, Шиинна обжигала взглядом любого из парочки, что делал неосторожное, или лишнее движение.

Шоуки наслаждался покоем и ароматным чаем...

— Господин Коэн, что вы можете сказать о этом на Лите? — спросила Шиинна очень формальным тоном, заставляя местного принца собраться.

— Достойный представитель семейства. Спокойный, рассудительный, упорен и последователен в достижении своей цели, неплохой маг с хорошим потенциалом, проходит обучение дома, у родного дяди. Я бы не назвал его конфликтным, скорее он отличается

некоторым честолюбием и готов отстаивать свои интересы и воззрения более активно, чем многие. Знает меру в выпивке и развлечениях, увлекается соколиной охотой и историей. Ни в каких “тайных” обществах не состоит, не был замечен в неприглядных или противоправных действиях.

— Настолько ли его любовь к истории сильна, чтобы из-за подобной словесной рокировки терять голову? — уточнила Шиинна.

— Нет, — Алан покачал головой. — Однозначно — нет. Он бы скорее сорвался в спор с перечислением дат, имён, мест, и событий.

— Он определённо хотел бросить мне вызов! — Влез принц, и тут же съёжился и уткнулся в чашку под взглядом госпожи телохранителя.

— Мог бы? — уточнила она, снова повернувшись к Алану.

— Вполне, — кивнул тот. — Повод хоть формален и надуман, но общество такое примет. Учитывая историю его семьи никто бы даже не удивился.

— Подробнее?

— Монархисты. Махровые, открытые, и ряженные. Делают заявления о необходимости отделения раз в два года ради поднятия политических очков в парламенте. При случае пыхтят о возвращении былого величия, но пальцем о палец не ударят, чтобы хоть как то этому поспособствовать.

— Хм. Подтвердить “намерения” семьи, вызвав на бой сына наместника? — с сомнением уточнила Шиинна.

— Вряд ли. Да и обставлено бы было по другому, — качнул головой Алан. — Более театрально, при большем скоплении народа, старшим братом Аскольда, да и целью бы был, скорее Аминари.

— Если бы он тут был, — хмыкнул младший принц.

— В его отсутствии ты, конечно, цель единственная, но... Не с тем символическим значением, знаешь ли.

Шоуки налил себе ещё чаю. Спокойно и благодушно, вызвав недовольный взгляд принца.

— Ты, смотрю, совсем не переживаешь насчёт возможного поражения, — проворчал Амарими.

— Проиграв, я не опозорю ни вас, ни ваш род, ни империю. Только своего учителя, — заметит Шоуки благодушно.

Оба принца посмотрели на него немного странно. Шиинна чуть вскинула бровь.

— Пока мы не разобрались в мотивах поведения этого молодого дворянина, возьмём за основу худшее из предположений, — предложила госпожа телохранитель. — А именно — что потеряв возможность устранить под благовидным предлогом принца, наш молодчик решил хоть от телохранителя его избавиться.

— Что-то как-то совсем уж мрачно звучит, — заметит Амарими, поёжившись.

— Такова жизнь, — Алан хмыкнул, и допив свой чай, поставил опустевшую чашку на стол. — Я рассчитываю собрать исчерпывающие сводки по последним телодвижениям их рода за пару часов. Плюс — добраться до дома на Перекрёстке, переговорить с дядей.

— Сделать всё это не привлекая лишнего внимания, — напомнила Шиинна. — Так что не торопитесь. Предлагаю встретиться для дальнейшего обсуждения после полуночи. Воспользуйтесь тем путём, что вам показали намедни. Я вас встречу. А так же — передадите пару строк вашему дядюшке.

Оба поднялись и отошли к рабочему столу, где женщина набросала небольшое письмо, сверяясь с разбросанными по столу свитками и парой книг.

Амарими глянул в их сторону, и обеими руками подняв чашку, сделал глоток подостывшего чая.

— Что, совсем не переживаешь? — уточнит тихо.

— А ты звучишь так, будто обижен, что я лишил тебя такого приключения, — заметит Шоуки.

— Ну... Да, есть немного, — нехотя признался. — Но всё равно. Если этот Аскольд — умелый маг...

— Вряд ли он настолько хорош, как те двое, — качнул головой Шоуки. — Если создаёт свои чары медленнее их, то успею нанести удар. Если начнёт с щитов, то тем более успею.

— Знаешь, против каритов они наверняка совсем иначе работают... — Амарими подался вперёд, едва не расплескав чай. — Раз нам преподают отдельно методы противостояния магам, то и у них наверняка есть что-то подобное.

— Думаю, нас вскоре просветят в этом вопросе, — невозмутимо кивнул Шоуки, глянув на парочку у стола.

“Вскоре” случилось глубоко после полуночи, и затянулось едва не до забрезжившего рассвета, так что Шоуки даже не ложился. Медитировал, повышая сопротивляемость своего духовного сосуда давящей силе проклятия. На арене он и правда было куда гуще чем хотелось бы, и доставило вчера массу неприятных ощущений. И это они ещё вне купола стояли. Так что подготовится было более чем разумно.

Тревоги не было — проиграть он не боялся, как вообще не боялся проигрывать, ибо для него подобное было обычным делом. Напротив, при мыслях о предстоящем поединке его охватывало любопытство и даже некоторый азарт. В мрачные сценарии, выдвигаемые Шиинной ему не верилось, да и она сама питала определённый скепсис после ознакомления с информацией по семейству на Лит. Почему Аскольд настоял на поединке оставалось непонятным, но и на элемент какого-нибудь заговора было не слишком похоже. Аскольд определённо действовал по собственной инициативе, а тут уж мало ли какая вожжа попала под хвост молодому парню? Захотелось силами потягаться? Задело, что его едва не уронили в сугроб? Имеет что-то личное против имперцев?

Да какая ему, Шоуки, разница?

Просто получит бесценный опыт боя с магом в наиболее благоприятных для него, мага, условиях. И не слишком выгодных для себя.

В целом, ничего нового — любой поединок с каритом-погодкой получается именно таким. И иногда он даже выигрывал. Последние месяцы до отъезда — всё чаще. Это всегда было приятно, и всё ещё довольно неожиданно. Главное — не ожидать чего-то особенного от каждого боя.

И не пугаться суровых правил поединка. Раз в местном кодексе они были расписаны, в том числе и для каритов — значит такие поединки случались, и ничего в них не было такого... исключительного. А после небольшой тренировки, устроенной с помощью Алана, он и вовсе не волновался.

Его больше во всей этой ситуации встревожило то, что добравшись до Вдовьего парка, принц сместился назад и немного вбок, поменявшись с Шоуки местами. Это было логично для сложившейся ситуации, но Шоуки так привык таскаться за ним следом и прикрывать...

У арены пересеклись с Аланом — он вызывался быть “переводчиком”. Легенду продолжали поддерживать, что было даже несколько забавно, но затянуло разговор с распорядителем поединков — по традиции тот должен был переговорить с обоими дуэлянтами, предложить примирение, и убедиться, что они хорошо понимают правила предстоящего боя, и не имеют при себе ничего запрещённого. Впрочем, формат дуэли, на который он подписался, не предполагал особых ограничений. И потому от силы проклятия, окутывающего арену, ломило виски и немного крутило желудок.

Хорошо, что Шоуки решил не завтракать.

— О, как интересно всё складывается... — Алан выглянул в небольшое оконце, да прищурился, оглядывая собирающихся зрителей. — Мы определённо наткнулись на что-то любопытное.

Он помедлил, что-то прикидывая, и повернувшись к Шоуки, несколько мгновений наблюдал, как тот цепляет к поясу подсумок с метательными ножами.

— И тревожное. Там трутся люди одной... видной личности. И то, в компании кого они опиваются, наводит на мысли о новом, хм, союзе, — он помедлил ещё мгновение, обдумывая, и будто катая слова на языке. Поймал взгляд карита. — Будь осторожен. И постарайся показать силу своего народа.

— Мне нужно выиграть? — вздохнул Шоуки.

— Я рассчитываю на тебя! — кивнул Алан. — Покажи им чего стоят кариты. А те расслабились тут, упиваясь собственной мощью.

Молодой карит с трудом удержался от того чтобы поморщиться. А так хорошо всё начиналось! Проверил клапан подсумка, и чуть качнул головой. Ножи были так себе, и лежали в своём вместилище не слишком удобно, но это было лучше что удалось отыскать на складах посольства. Собственных могло оказаться маловато для предстоящего поединка, а эти лишними не будут.

В пору о собственной Хризантеме задумываться. Хотя, что тут думать? Ему бы хотелось всё то же самое, но поменьше, ибо таскать тяжело, немного другую форму лезвий, и...

Поймал на себе странный взгляд местного принца. Примерно так начинал смотреть, чуть щурясь, Амарими, когда замышлял какую-нибудь проказу. И вопросительный взгляд его ничуть не смутил, Алан только улыбнулся, мягко так, вежливо, и совсем-совсем не фальшиво.

— Знаешь, я слышал, уважаемые леди, что общались с тобой вчера остались очень впечатлены. И весьма сожалели, что не могут посмотреть на сегодняшний бой.

Шоуки подозрительно прищурился, рассеянно проверяя крепление ножен и подсумков.

Алан, продолжил, улыбаясь всё шире и, в какой-то мере, паскуднее.

— А ещё их интересовало написание твоего имени. Хотят перевести, должно быть. И если ты проиграешь этот бой, то я скажу им, что оно переводится как “чайный куст на склоне”.

Молодой карит потерял самообладание, и поперхнулся вдохом, не в силах выразить охватившее его возмущение каким-либо приличным словом, или фразой. Алан же, улыбаясь, подтолкнул его к дверям, заявляя что всё, пора, и выпихнул Шоуки на арену, вынудив того оставить такой вопиющий шантаж без ответа.

Все взоры обратились на него, но шоуки это не особо волновало. Он злился, стоически пытаясь удержать в себе чувства. Негоже их демонстрировать, тем более что его соперник тоже вышел уже на присыпанный тонким покрывалом снега песок арены.

Хм. А на нём сегодня ещё больше амулетов, и скрытые ножи в сапоге и рукавах. И клинок не побрезговал взять, молодец какой.

Даже пара бусин из небесного металла в кармане завалялась... Шоуки давно подметил, что в этих краях никто почти не носит при себе небесного металла. Он встречается, разве что, совсем небольшими вставками в приспособлениях, контролирующих стационарные магические плетения, например. И, что удивительно — в женских украшениях на приёме. Небольшие пластинки с гравировкой занимали центральную часть в богатых украшениях, вместо каких-нибудь драгоценных камней.

Не удивительно — на то земли и прокляты, что не найти в них благословенного металла.

Вот и сейчас вокруг ни у кого его нет почти, за исключением целой делегации зрителей из Посольства.

Кожу щекотнуло будто невидимой кистью. Холодной и мокрой. Неприятное ощущение возникло на границе невидимого барьера и исчезло, стоило перешагнуть незримую черту. Шоуки вышел на означенное место, и вежливо поклонился распорядителю. Тот отдал последние наставления, напомнил правила, дождался перевода и отступил за пределы душного купола.

Шоуки положил руку на рукоять клинка, перестав “рассматривать” окружающих, и переключившись наконец на противника. Эвон как высокомерно держится, губы кривит в презрительной усмешке. И надо было ему затевать всё это? Столько неприятностей из-за этого типа. Ну ничего, правила не так уж суровы, достаточно вышвырнуть его за черту, либо же обездвижить тем или иным образом, лишив возможности продолжать бой.

Либо вынудить признать поражение. И почему сейчас этот вариант кажется столь заманчивым?

Но тут надо аккуратно, чтобы не демаскировать своё знание языка. Но пора думать и о бое. Отмашку вот-вот дадут.

Шоуки неторопливо обнажил клинок, и отвёл в сторону, опустив к земле остриё. Коснулся мыслью своего духовного сосуда, начиная прогонять духовную энергию по телу, разогревая мышцы и укрепляя связки. Этому он научился не так давно, да и скромные размеры сосуда едва позволяли использовать эту технику, но после поглощения жемчуга ситуация стала не такой уж и плачевной. А скорость ему сейчас понадобится. Вон, противник его тоже прихватил кулаком крупный амулет.

У местных магов и правда есть своя тактика боя с каритами. Возводить самые простые щиты, послойно, один за другим, так быстро, как это возможно, и пытаться бить по противнику специфическим набором заклинаний.

Не нужно строить сложные, изошрённые щиты — напитанный духовной силой клинок всё равно взрежет их с одного удара. Поток духовной силы скомкает и сметёт любые направленные чары не имеющие материальной компоненты. Вся красота сложных и многослойных чар, творимых родовитыми чародеями не стоит и сточенной монеты в битве с каритами. Простые, быстрые, топорные чары — вот то, что позволяет им хоть как-то сопротивляться.

Отмашка.

Шоуки рванул вперёд, в два удара сердце сократив расстояние и рубанул коротко. Угадал с расположением щита, хотя тот явно пытались сделать максимально прозрачным и незаметным. Будто полено ударил, и тут же развернув клинок остриём вперёд коротко ткнул

в грудь отшатнувшегося Аскольда. Удар о твёрдое в ладони от тела противника. Клинок соскользнул вниз, пропарывая защиту Аскольда. А вот это, похоже, уже щит создаваемый амулетом — не привычный купол, или полусфера...

Провалился вперёд, быстро делая подшаг и разворачивая корпус. Проклятие бурлит вокруг тошнотворно, то опадая, то усиливаясь. Глаза северянина расширяются, лицо бледнеет, он делает жест и потоки местной душной силы устремляются к нему жадно всасываемые. Шоуки проскочил мимо, рубанув очередной щит, краем глаза заметил подозрительное шевеление под ногами, и отскочил в сторону. На мгновение замер, удерживая клинок в верхней атакующей позиции, и внимательно наблюдая за противником. Тот тоже потратил эти несколько мгновений на передышку и осмысление произошедшего, прекратив пятиться.

Смешно, но они просто поменялись местами за эти считанные удары сердца. И только несколько дюжин тонких шипов из смеси снега и песка сейчас осыпались и обваливались на землю между ними, лишившись поддержки. Шоуки бы готов поспорить на что угодно, что остротой они мало чем отличались от стали мгновение назад.

Так вот каково биться с магом...

Удар сердца, и он снова сорвался вперёд, на ходу выхватывая из подсумков ножи, один за другим отправляя вперёд. Пробить защиту мага они не могли, хоть и направляемые его духовной силой, они не были насыщены ею в достаточной степени, зато, ударяясь о препятствие — чётко его обозначали.

Аскольд тоже опомнился после первой сшибки, и начал возводить один за другим невидимые барьеры между собой и противником. И, к неприятному удивлению Шоуки, делал тот это очень шустро и с умом. Вот один нож отскочил от невидимой стены и кувыркнувшись упал в песок, а другой, пролетел совсем рядом беспрепятственно. Шоуки едва успел шатнуться в сторону и задел невидимое препятствие лишь боком, устояв на ногах, и успел увернуться от очередных рванувших вверх песчаных шипов. Маг отступал, отплёвываясь препятствиями, и волоча за собой вперемешку песок и снег, будто собираясь поднять его вал перед собой подобно крепостной стене. Шоуки это не нравилось, и он торопился нагнать противника, тщательно следя за бурлением проклятия вокруг. Его колебания, заставлявшие сжиматься в спазмах желудок на удивление неплохо обозначали моменты когда маг производил на свет очередное заклинание. Вот Шоуки проскочил мимо двух щитов, одного совсем невидимого, другого немного мутного и кривоватого, почувствовал очередное движение “проклятия”, и сцепил зубы, окунаясь в поток огня. Выброшенной вперёд духовной силы едва хватило, чтобы развеять чары и разогнать пламя, жар лизнул кожу, потянуло палёными волосами и тлеющей тканью. Духовный сосуд в груди заныл от такого резкого и обильного выплеска силы, но это последнее, что сейчас волновало Шоуки. В след за пламенем в него летели узкие каменные шипы. Резко вспомнились занятия с лучниками, разве что эти снаряды у него перехватить и отвести бы не удалось, не хватило бы сил.

Осознание, что маг его сейчас настигнет иглами как боги ёжика мелькнуло на грани сознания с опозданием. Карит уже сжал свой духовный сосуд и ударил сам себя, в ноги, в спину, помогая мышцам подбросить тело вперёд и вверх.

Противник отбрасывает в сторону отработанный амулет и тянется в карман за следующим, сгребает его вместе с бусинами небесного металла. Шоуки не видел Аскольда. Часть арены позади подозрительно подвижного песка заволокло пылево-песчаным облаком.

Облако шипов пронеслось под ним как огромная туша м'кари, тогда, в лесу. Где-то позади послышался грохот, а земля впереди и внизу колыхалась, будто водная гладь. Удар сердца.

А всё, что подброшено в воздух, неизбежно упадёт.

Проклятие вокруг отхлынуло. Маг что-то готовил, времени категорически не хватало, чуйка непрозрачно намекала, что стоит коснуться этой странной земли и всё будет кончено.

Второй удар сердца. Ступня едва не соскользнула с узкого лезвия кинжала, тот подался вниз, проминаемый весом тела, Шоуки сосредоточился, отпуская прочие, что держал своим даром, и всё же удержал клинок. И себя на нём. Ощущения были странные, но осмысливать их было не время, оттолкнулся, рванул вперёд, влетая в пылевое облако, слабо пыхнул вперёд остатками духовной силы, разрывая просвет в чарах. Врубился в щит вскрикнувшего от неожиданности мага, пробил его, замахнулся ещё раз, сокращая дистанцию. Аскольд не успел отступить и принял удар на кинжал, сунул другую руку в карман, но Шоуки уже

перехватил горсть амулетов и отбросил далеко в сторону попросту прорвав ими ткань. Звон стали о сталь стал музыкой для карита — в кои то веки что-то привычное, а не это беснующееся море песка и проклятия.

Аскольд попытался отскочить и выхватить собственный меч, ход, в общем то, правильный, связать карита боем и выиграть время на сотворение заклинания, но было уже поздно.

Удар левой под дых, гарантированно сбивающий концентрацию, подножка...

Шоуки приставил клинок к горлу рухнувшего противника, тяжело дыша, и только сейчас осознавая, насколько был близок... Даже не к поражению...

Песчаная пелена неторопливо оседала, открывая взрытую арену. Шоуки немалым усилием воли заставил себя выпрямить спину и хоть как-то контролировать дыхание. А так хотелось согнуться от ноющей боли в груди. И ногу как-то подозрительно саднило, и тело как будто выжатая тряпка, но полный растерянности, непонимания, и немного испуга, взгляд Аскольда целебным бальзамом омывал душу.

Снег раздражал невероятно, но поделаться с ним ничего было нельзя. Белая дрянь неторопливо валила с неба, скрадывая звуки, и утомляя взор своим мельтешением. Шевелиться не хотелось, и снегопад неторопливо наваливался тяжестью на плечи, на капюшон, да даже за ресницы умудрялся цепляться, проскальзывая мимо шерстяной оторочки.

Хорошо хоть, поверх плаща было накинуто толстое шерстяное одеяло, такое же было постелено под скрещенные ноги, и мороз задевал не так уж сильно. Кажется, даже немного помогал, обостряя одни чувства, и притупляя другие, от чего отстраняться от телесного и придаваться медитации было чуточку легче.

Но ведро всё равно стояло наготове рядышком, ибо в своём желудке Шоуки был по-прежнему не уверен.

Как оказалось, находиться в насыщенном проклятием пространстве с полностью опустошённым духовным сосудом грозило приступом сильнейшей “морской болезни”, и Шоуки выпил эту горькую чашу до дна. Хорошо хоть его проняло далеко не сразу — пыл битвы и некоторый шок выветривались из крови довольно долго, как раз хватило времени подлечить и забинтовать распоротую от колена, и почти до самого голенища сапога ногу, да добраться до посольства. Даже отчитываться начали ждущим в нетерпении послам — старому и новому, как Шоуки позорнейшим образом накрыло, вынуждая спешно ретироваться.

Не удивительно, что Истинный Император в своё время назвал эти земли своим доминионом и отбыл с армией на родину, оставив во взятой приступом столице лишь горсть управленцев, что и дали начало современному имперскому Посольству.

Ну вот какой нормальный карит согласится без особой причины оставаться в этих проклятых Предками землях?!

К слову о Предках. Шоуки испытывал сильное стремление дойти до местного Храма Предков, и обстоятельно поблагодарить их за то что направили и поддержали, не дав сгинуть на этой проклятой дуэли из-за собственной беспечности и безучастности. Ну и повиниться за злокозненные мысли касательно учителя.

Его ведь и вправду занимала мысль намеренно проиграть, чтобы покрыть его позором. И ведь казалось бы, что может быть проще — повозиться немного с магом, подставится под

какие-нибудь чары и слиться. Делов то?

Он даже подумать не мог что противник будет каждый раз бить на повал. Это, конечно, было не запрещено правилами, но решительно не одобрялось в кодексе, который они всем скопом в ту ночь перечитали от и до.

Но пока молодой карит до храма прогуляться не решился бы — вдруг снова скрутит?

Двери в пристройку-коридор, соединяющий здания распахнулись, и на крыльцо выскочил угрожающе восторженный принц, в сопровождении какого-то карита. Бодро соскочил в снег, проигнорировав ступени, и вскинув руки, замахал ими.

— Шоооу-киии! — позвал он, оглядываясь. Сопровождающий указал ему направление, и попытался протянуть тёплый плащ, но Амарими отмахнулся, и пошёл напрямик. Через сугроб, и по замёрзшему пруду. Шоуки внутренне напрягся и шевельнулся. Вот тут то его наконец и заметили. — Да тебя совсем снегом занесло! Живой? Получше стало?

Остановился рядом, голову склонил на бок.

— Не особо, — хмуро уставился на него Шоуки, потом перевёл взгляд на сопровождающего... и вытянулся с лица, растерянно хлопая глазами.

— А здесь ты засел потому что самый низкий фон? — уточнил Алан, обряженный в одежду карита. Сразу и не поймёшь, что это северянин. Шоуки кивнул на его слова, всё ещё пребывая в лёгкой растерянности. — Идём в дом, я наколдую тебе область разряженного эфира. Чего зря мёрзнуть, да тем более — вы к такой погоде непривычны.

— Ага! За чаем и разговоры разговаривать сподручнее! — закивал принц.

Шоуки вздохнул тихонько, и поднялся. С накинутаго на плечи одеяла свалился целый ворох снега, и нутро как-то неприятно ёкнуло от смены положения. Ещё хуже стало, когда он наклонился подобрать ведро и второе одеяло. Но — обошлось.

А там — потихоньку в тепло, следом за принцами. Заодно, там уже, в нормальном свете, получше рассмотрел маскировку Алана. Была она простая как написание слова “камень”, и работала на удивление хорошо. Северянин натёр чем-то лицо, придавая коже более здоровый, загорелый вид, чуть подвёл уголки глаз, да нацепил каким-то образом волосяной хвост. И если не приглядываться — имперец имперцем вышел.

— Так... — парень огляделся, пошуршал по карманам, и достав моток красного шнура, сложил го вдвое и навязал узелков. Потом выложил на полу у чайного столика кругом, и что-то заколдовал. Шоуки, избавляющийся от плаща поморщился, почувствовав движение проклятия в помещении. — Вот. Круг почти свободен от эфира. Хотя его и так на территории посольства столько же, сколько совести у филина. Садись.

Шоуки переступил нить, и сразу почувствовал себя куда лучше. Выдохнул. Благодарно поклонился Алану, потом опустился на подушку и спросил:

— Что, нашли способ беспрепятственно шастать на территорию посольства?

— Ага. Нет, в самом деле, работает же! — усмехнулся тот. — Тем более что переписку приходится едва ли не пачками туда-сюда таскать. Шоуки, ты не представляешь, какое осиное гнездо мы разворошили!

— Мы? — уточнил Амарими, притаскивая чайник и чашки.

— А кто же ещё? — хмыкнул Алан, садясь к столу. — В общих чертах, некоторые семейства всегда не прочь были сместить с трона мой род. Иногда их намерения более серьёзны, иногда менее — сейчас как раз период нарастающей напряжённости, скажем так... Смена посла в этом году была вполне ожидаема, но ты послужил не просчитанной переменной для многих. Спасибо.

Принял чашку из рук младшего принца, улыбнулся на его хмыканье, и продолжил:

— И снова в рядах наших дорогих оппонентов обострился вечный спор — смещать династию, либо же избавляться от имперского ярма.

— Ярма, скажешь тоже. Ни отец, ни дед толком в ваши дела не вмешивались! — хмыкнул Амарими. — Да и прадед, помнится, лишь раз изменил процедуру выплаты налогов.

— Некоторым невыносима сама мысль, что королевство подчинено кому-то, пусть даже и столь формально, — пожал плечами Алан. Шоуки тоже протянули чашку, и он кивнул благодарно, грея о неё озябшие руки. Кожу лица начало немного пощипывать, стоило хватке мороза отступить. Пусть серьёзных ожогов он и не заработал, но бровей лишился почти полностью.

— И на фоне традиционных споров нашей оппозиции о статусе будущего королевства, молодёжь, как водится, начинает подражать старшим и пытается играть в большую политику. И не надо таких взглядов! Да, нас это тоже касается, но речь сейчас о нашем дорогом Аскольде на Лит. Его, оказывается, уже продолжительное время никак не хотели принимать в полные члены одного радикально настроенного тайного общества, и он посчитал, что убив кого-то из южан, да позначимее, заработает себе право подняться в иерархии. А там уж склонить к дуэли кого-то из вас — дело техники.

В этот раз хмыкнул Шоуки, а вот принц нахмурился.

— Постой, тайное общество? Серьёзно?

— Традиции у нас тут такие. — вздохнул Алан. — Многолетние... Я сам в трёх состою, между прочим. Это, скорее, что-то вроде клубов по интересам. В большинстве случаев. Наша служба, конечно, активно работает над тем, чтобы выявлять потенциально опасные и попросту запрещённые общества, но это не всегда так легко, как хотелось бы. А тут — такое. А общество, в действующие члены которого метил наш общий наивный друг, оказалось самым что ни есть радикальным и зарвавшимся. Ибо вчера Аскольда попытались показательно устранить.

— Что?!

— Как?!

Судя по лицу Алана, его забавляло видеть насколько ошарашены его собеседники этой новостью.

— Ну смотрите — Аскольд был нетерпелив в попытках пробиться выше в иерархии потому наверняка многих раздражал. Это раз. Так же, с этим вызовом на дуэль он повёл себя довольно топорно, что могло навести определённых людей на лишние мысли — это два. В целом поставил тайну общества в опасное положение, да ещё и взбудоражил других молодых и глупых кандидатов — это три. Так что, они посчитали, что показательно устранив буяна смогут и приструнить наиболее рвущихся в бой членов, и обострить ситуацию в обществе, подкинув улики против вас.

— Немыслимо! — возмутился Амарими. — Хотя ход, в целом, неплохой в определённых ситуациях... Что?

— Не важно... В общем, мои люди, присматривающие за Аскольдом очень удивились, когда того попытались по-тихому выпотрошить южным клинком. Удивились, но не сплеховали, так что всю ночь в допросных шла активная работа. И в ближайшие дни в столице, вполне возможно, будет жарко, поэтому мы...

— Мы едем на охоту! — радостно перебил Алана принц.

Шоуки медленно выдохнул, опустил полупустую чашку на стол и помассировал переносицу пальцами.

В эту сторону, вдоль реки, город всё длился и длился. Склады и пристани перемежались высокими зданиями-коробочками, из пристроек которых через высокие трубы валил едкий чёрный дым. Ветер относил его за реку, где бедные хибары быстро уступали место чахлому лесу, обступающему гору, чем-то напоминающую сгорбившегося медведя. По реке ползли широкие, угловатые баржи, нагруженные тюками и ящиками. Грузёные — в одном направлении, вниз по реке, пустыми — вверх, у противоположного берега, влекомые упряжками из местных мохнатых волов. В город, на этом направлении, припасы, товары и сырьё ввозилось на телегах, и потому отряд ехал вдоль плотного встречного каравана телег, которому не было ни конца ни края. К счастью, на местных производствах активно использовались магические печати, и плотность проклятия тут была довольно низка. Шоуки ещё не отошёл от отравления “эфиром” полностью, и потому радовался этому месту, несмотря на шум, вонь и гарь заводских районов. И в кои то веки развернул своё “внимание” пошире, пытаясь не только выполнять свои обязанности, но и заглянуть за стены и в телеги, чтобы попробовать угадать, какие товары тут производят и перевозят. Некоторые моменты вызвали вопросы, особенно, когда мимо пошла очередная черета подвод с углём, но спросить едущего неподалёку Алана он не успел — отряд свернул на перекрёстке, и едущие впереди гвардейца с руганью разгоняли возниц, верховых и пешеходов, стремящихся попасть на перекинутый через реку мост. Отряд растянулся, прогрохотал по деревянному настилу и вырвался на другой берег, показавшийся пустынным после правобережной толчеи. Сразу ускорились, а там и вылетели из тущоб на покрытый сероватым снегом простор.

Пятнышко недовольно зафыркал и замотал головой, заставляя Шоуки натянуть поводья, чтобы напомнить кто тут главный, и некоторое время уделять повышенное внимание скакуну. А там начала понемногу возвращаться лёгкая дурнота. Но да и невзрачные виды сменились дорогой, углубляющейся в лес. Отряд растянулся и ускорился, кони бодро взрывали копытами утоптаный наст дороги, ломившейся всё глубже в лес, к далёкой горе. Снег становился чище, деревья выше и гуще, дорога ветвилась, и едущих на встречу телег и конных становилось всё меньше. В какой-то момент лес начал чередоваться заснеженными полями, там и сям то и дело возникали деревушки, мелкие, но быстрые горные речки с перекинутые через них каменными мостами, над деревьями виднелись дымы поселений.

Проклятие становилось то гуще, то жиже, но в целом, было терпимо. Вон, принц с телохранителями его вовсе не замечали, не говоря уже о местных. К полудню достигли заповедного леса, а там и охотничьего замка, принадлежавшего дас Саммешу. Как и леса вокруг, насколько понял Шоуки. А ещё на небольшом, и довольно уютном каменном замке стояла мощная защита, что снижало эфирный фон. Делать вид, что у него всё в порядке стало значительно легче, и кусок в горло полез на развернувшейся по прибытии пирушке. Потом правда, пришлось проявить твёрдость и на пару с Шотиши утаскивать Амарими из-за стола. Тот вяло сопротивлялся, не желая оставлять веселье, устроенное молодой аристократией, но заснул, едва будучи уложенным в постель.

Шоуки сел у дверей, подперев мощные створки спиной, и медитировал всю ночь, приводя себя в порядок, да настраивая сосуд на нормальное существование в отравленной проклятием среде. И едва за узким оконцем забрезжил рассвет, немилосердно растормошил подопечного, и потащил во двор, разминаться. Принц страдал, но стоило надеяться, что

осознал, что слишком уж увлёкся, да ещё при таких обстоятельствах. В столице северян демоны знают что происходит, разборки фракций, тайные общества, натуральное покушение на убийство, от чего их и отправили куковать подальше под благовидным предлогом, а он тут изволит забывать наставления о крепости здешних напитков!

Или на Амарими так сказало отсутствие старших? Ни госпожи посла рядом, ни господина старого посла, что всё ещё передаёт преемнице дела...

— Может, не надо? — предложил Амарими, увидев, как Шоуки вынимает клинок из ножен.

— Ежедневное оттачивание навыков столь же важно для здоровья ума и тела, как соблюдение гигиены и поддержание достойного вида! — процитировал Шоуки, прищурившись. — Надо, дорогой мой принц, надо. Заботу о тебе вверили в мои руки, и потому я буду заботиться, хочешь ты того, или нет!

— Шо-оу-киии... — простонал Амарими, но всё же взялся за свой клинок, да потянул его из ножен. — Ну вот в кого ты такой... ответственный?

— Предки наблюдают за мной из Нефритовых Чертогов, как я могу посрамить их, будучи на столь ответственном посту? — принял высокую стойку, готовясь атаковать, как только принц перестанет мяться и вздыхать. — Вряд ли кто-то из них достаивался столь высокой чести.

— Злишься? — упрямо вздёрнул подбородок Амарими.

— Злюсь, — помедлив, согласился Шоуки.

Младший принц вздохнул, и наконец перехватив клинок как следует, атаковал первым. Звон стали разнёсся по двору, со стороны псарни раздалось тьяканье, сменившееся беспорядочным лаем. На границе восприятия маячили оба телохранителя, не говоря уж о местной страже. Замок был далеко не таким впечатляющим, как Орлиное Гнездо, но охранялся не менее ответственно.

Чуть погодя псов немного подуспокоили загонщики. Прицепили к поводкам, оседлали коней, да вывели свору из замка, а там лай затих вдали. С псарни теперь гавкали редко и обиженно. А Амарими злился, распалённый затянувшимся поединком, но выглядел, в целом, уже куда лучше, чем с утра. Даже позавтракал с охоткой, в тишине приведённого в порядок большого зала. Чуть погодя появился страдающий Алан. Чуть-чуть перехватил остатки завтрака, и ушёл страдать дальше. Надо признать, прочие гости дас Саммеша показались только к обеду. А уже после него выехали на охоту.

Шоуки сперва беспокоился, что выехали поздно, но охота оказалась так, пшиком. Достигли какой-то прогалины, не сильно запорошенной снегом, потрубили в рога, и чуть погодя загонщики со сворой выгнали прямо на них оленя.

Благородные бодро его закололи, и вся процессия двинулась назад, в замок, в сгущающихся сумерках. Действо оказалось на редкость скучным, но Амарими вроде понравилось. Оленя испекли к ужину, большую часть которого занимала символическая делёжка туши. Кто нанёс первый удар, кто завалил оленя, кто гость, часть отдали лесничему, часть — псарям, и всё происходящее больше напоминало какой-то ритуал, чем званый ужин.

Как оказалось, чем то таким оно и было, ибо следующие охоты проходили более традиционно. Выезжали с утра, гоняли зверьё полдня, то с помощью загонщиков, то пуская псов по следу, а ввечеру пировали, хотя и не так отчаянно, как по приезду. Успели загнать пару волков, секача, который едва не затоптал Алана, после того как сшиб в снег и распорол бок его лошади, гоняли странного массивного оленя с длинными ногами и рогами,

похожими на шипастые лопаты. В целом, всё проходило более-менее гладко, но очень выматывало морально. Надо было следить и за принцем, и за окружающим лесом, и за замышляющим недоброе конём. Но Шоуки был внимателен, и когда вредная скотина якобы оступилась и съехав в заснеженный овраг завалилась на бок, успел отпрыгнуть в сторону и его не покалечило.

Впрочем, на исходе недели ставшую привычной рутину загонной охоты разбила заминка, случившаяся на опушке древнего леса. Псы сбились со следа, заинтересовавшись глубокой бороздой, оставленной кем-то в снегу, да едва не налетели на человека, пересекавшего поляну едва не на четвереньках. Хорошо собак успели отозвать, и загонщики, да с охотниками окружили непонятого нарушителя.

— Что там происходит? — Амарими приподнялся на стременах. Он, да Алан, да прочие аристократы, кроме дас Саммеша, не торопились выезжать из леса на открытую местность, да рисковать своими скакунами в глубоком снегу.

— Сейчас разберутся, — Алан немного напряжённо наблюдал за происходящим, в глазах его плескалась тревога. — Но обычно такого не случается. Наказания очень суровы за охоту или вырубку в заповедных лесах, чернь просто не станет подставлять себя и родственников. Разве что, кто-то неместный, не знающий границ и лесов.

Псы надрывались. Знать гомонила. Амарими расспрашивал о подробностях местного устройства, и хмурился задумчиво, выясняя некоторые детали местных традиций и порядков.

Наконец дас Саммеша покинул своих людей, и нетерпеливо понукая коня направился к основной группе. Шоуки наострил уши, ожидая услышать, что так встревожило молодого весельчака.

— Друзья! Довольно странные и тревожные новости принёс этот человек, — аристократ повернулся, бросив взгляд на оборванного мужика, которого как раз запихивали в седло одного из коньков. — Его раны подтверждают его небывалый рассказ, я велел доставить его в замок, отогреть да перевязать, и немедленно послать весть отцу, однако же...

— Не томи, Сев, что стряслось на ваших землях, что заставило деревенщину ломиться через заповедный лес? — пробасил на Гаер — самый старший, пожалуй, в этой компании отпрысков богатых и влиятельных. Уже с порядочной бородой, широкоплечий и высокий он казался чересчур здоровым для своего меланхоличного пегого скакуна. Ну, или пышный шерстяной плащ так увеличивал его фигуру?

— Этот человек — охотник из одной из ближайших деревень. Лесничие признали его. Он рассказал что прошлой ночью на его деревню напали безумцы. Они хватили людей и вытаскивали из домов, били и кусали сопротивляющихся, и вовсе не боялись ни ран ни боли, — тревожно поведал дас Саммеша. — Охотник жил на окраине, и потому сумел вырваться из рук безумцев, когда всё началось. Однако же, деревня была окружена, как он сказал, людьми, что выглядели так же безумно, но были вооружены и облачены в броню, и за ними присматривало несколько всадников в тёмном. Он сказал, что за ним погнались и лишь знание этих лесов позволило ему оторваться от погони.

Рассказ озадачил присутствующих, они переглянулись разок, но размениваться на вопросы не стали, один за другим поворачиваясь к Алану.

Тот напряжённо хмурил брови, и поудобнее перехватив поводья, уточнил:

— В какой стороне та деревня?

— Не скажу точно... — качнул головой дас Саммеша, — Но все деревни, что

промышляют палом угля расположены вдоль Извилистой, а это к северу отсюда.

— Извилистая? Я слышал те места славятся насыщенным эфирным фоном.

— И от того уголь из тамошней древесины особенно ценится у кузнецов, — кивнул нервничающий балабол. — И, конечно, следовало бы дожидаться, когда отец пришлёт отряд для проверки всей этой ситуации...

— Понимаю, — кивнул Алан, и повернувшись, бросил взгляд на замершего в задумчивости Амариими. — Однако же мы здесь, и в силе достаточной, чтобы разведать всю эту... ситуацию.

Остальные приняли предложение не задумываясь. В их возгласах чувствовались азарт и беспечность, но Шоуки заметил, что оба принца выглядят встревоженно. Если подумать, в их разговорах в тишине посольства то и дело упоминались странные события в насыщенных проклятием регионах...

Перестроились, отослав часть псарей и пяток охранников обратно в замок вместе с раненым охотником, да поехали по следу несчастного, принесшего дурные вести.

Через пару часов блуждания по заснеженной чаще от первоначального плана пришлось отказаться. Лесничий вывел отряд на звериную тропу, подальше от буреломов и опасных оврагов, которыми кружил охотник, сбрасывая погоню со следа. Но главное — удалось частично подтвердить его слова, обнаружив следы двух всадников и пятёрки пеших, что, похоже, преследовали злополучного охотника ещё несколько часов назад. По крайней мере, так сказал лесничий. Сам Шоуки хоть ты тресни не мог сообразить, что протопталось по снегу — конь ли, стадо кабанов, или же пеший. И как давно — снега тут не было уже с неделю, и местами он был вытопан и перепахан животными, что водились в этих лесах в изобилии.

Как бы там ни было, разобрав, что преследователи оставили погоню, и направились по своим следам назад, лесничий предложил вывести отряд звериными тропами на ближайшую дорогу, огибающую лес, а там уже направится в сторону названной деревни.

Дас Саммеш, с оглядкой на Алана такой план одобрил, и довольно скоро отряд выбрался на наезженную дорогу, где и ускорился существенно. По левую руку начали попадаться поля да вырубки, лес стал более чахлым, а довлеющее проклятие начало то усиливаться, то опадать, что тревожило, но пока не доставляло Шоуки проблем.

Переехали через старинный каменный мост, перекинутый через совсем неширокую, но быструю и от того не замёрзшую речушку. За ней начались развилки, одна из них ныряла в не слишком густой, после заповедной то чащи, хвойный лес. Видимость в нём была отличная, именно потому через некоторое время быстрой скачки кто-то заметил в стороне от дороги группу людей, пробирающуюся через лес. Двое конных, да пяток пеших. Тут уж молодые аристократы не сумели справиться с азартом, засвистели, заулюлюкали, подгоняя коней, и несмотря на окрик Алана, бросились в погоню. Амарими, слава Предкам, хватило ума остаться в кругу телохранителей. Так что к спонтанной погоне они присоединились едва ли не в конце всей процессии, в отличие от Алана и его телохранителей, рванувших вперёд, наводить порядок. Вернее, пытаться. Безуспешно.

Чужаки рванули прочь, то ли и вправду оказавшись теми самыми злодеями, что пол суток гоняли охотника по лесам, то ли просто испугавшись несущейся на них улюлюкающей толпы. Хорошо хоть псы, хоть и заливались лаем, добавляя сумятицы в происходящее, всё ещё не были спущены со сворок, и быстро остались где-то позади вместе с псарями.

Однакож, как ни странно, догнать чужаков на раз не получилось. Насколько видел Шоуки, пешие не отставали от конных, несясь как старшие кариты, полностью освоившие технику насыщения мышц духовной силой, что было, мягко говоря, невозможно. Северяне не обладают духовными сосудами.

Шоуки невольно пришпорил Пятнышко, вырываясь вперёд — хотел дотянуться своим “пронзающим взором” до преследуемых, оценить, понять... Он успел сообразить, что, возможно, дело в эфирном колдовстве и амулетах местных, когда по глазам ударила яркая вспышка, а следом колыхнулось и забурлило проклятие, пронизывающее этот лесок. Раздались крики людей и коней, странное шипение и треск. Пятнышко взвился на дыбы, оступися, заваливаясь, но Шоуки успел вылететь из седла, и перекатившись по снегу, подняться на ноги. И пусть глаза ещё не пришли в норму, его дар работал исправно, и потому молодой карит смог оценить происходящее вокруг.

Вот подковы и сбруи — лошади, повалившиеся на землю, либо слепо мечущиеся вокруг. Вот копошащиеся люди, пара лежит неподвижно, должно быть, из-за неудачных падений. Вон там возится принц, но ему вроде, пока ничего не угрожает, телохранители рядом с ним, хотя и чувствуется в движениях некоторая растерянность. Похоже, их тоже ослепило этой чудовищной вспышкой, от которых до сих пор плывут перед глазами пятна.

А вот те пять клинков, да в кольчугах, и по яркой точке в центре, что неслись к упавшим людям...

Шоуки рванулся вперёд, выхватывая из рукавов ножи, с которыми почти не расставался уже, отклонился вбок, пропуская мимо чью-то обезумевшую лошадь. В глазах начало проясняться, но он только прикрыл их, чтобы не отвлекаться на яркие пятна и всполохи.

Он “увидел” пару человек, по той или иной причине не затронутых ослепляющей вспышкой — они явно заступили дорогу нападающим, не давая приблизиться к дезориентированным, и, похоже, раненым людям. Они успели связать боем двоих, и Шоуки метнул ножи, беря на себя оставшихся. Цели были поражены, но не издали ни звука, и даже не сбились с шага. И более того, только один из троицы отвлёкся на Шоуки.

Что озадачивало — Шоуки чувствовал, что поразил цели, уложив ножи точно над воротами кольчуг, что несли на себе чужаки. Совсем не заметить такого ранения просто невозможно!

— Щиты! Активировать личные щиты! — раздался неподалёку крик Алана, и в паре мест снова забурился проклятый эфир.

Ориентироваться только с помощью Дара было не слишком удобно, но в глазах всё ещё плавали круги. Шоуки принял чужой удар на клинок, и едва не выронил его — запястье прострелило болью, пришлось подпереть оружие Даром. Сила, с которой ударил чужак, была просто чудовищной, и вызывала замешательство, и хлопать клювом рядом с ним было просто непозволительно. Это доказывал хотя бы тот пинок, что отхватил зазевавшийся Шоуки. Хорошо — удержался, не упал, уклонился от взмаха клинка, и подхватив Даром так и сидящий в противнике нож, протолкнул его глубже, проворачивая. Это не особо помогло, противник лишь на мгновение сбился с шага, и молодой карит с силой рубанул его по руке, держащей меч. Клинок явно пробил одежду и мясо, застопорился о кость, но нападавший вновь не издал ни звука. По спине пробежал холодок, и Шоуки просто вбил противника в землю, ухватившись Даром за кольчугу и клинок ненормального типа. А после рубанул пару раз клинком, не успокоившись, пока не отсёк руку, а затем и голову противнику. Проморгался, убедился что голова откатилась в сторону, и тело вроде как содрогается в конвульсиях, и бросился к ближайшему противнику, рывком за кольчугу опрокидывая его на спину.

И всё-таки — неударённые. Они не имели духовной силы, и не могли воспрепятствовать тому, чтобы противник “ухватился” за их броню и оружие. Зрение ещё сбоило, чему только способствовали продолжающиеся под треск и звон вспышки, не такие, как та, первая, но всё же довольно яркие сейчас. Зарубая очередного упавшего, Шоуки сообразил, что так реагируют на удар щиты, выставленные молодыми аристократами. Вспышками и треском. И хорошо, что вон те двое успели подсуетиться и активировать амулеты, или самостоятельно родить чары, а то их бы эти неубиваемые порвали! Сбоку взметнулся натуральный столб пламени — Шоуки обдало жаром, а где-то наверху затрещала вспыхивающая хвоя. Но хоть беспокоится о противнике, оказавшемся в самом центре огненного зарева, больше не стоило. А вот помочь телохранителям Алана, едва

справляющимся со своей парой — самое время. Один из мужчин был серьёзно ранен, а его товарищ с трудом успевал отмахиваться от измочаленных ударами и магией, но всё равно прущих вперёд тел. Дёрнуть, подрубить ногу, дёрнуть второго, с такой силой, что снова заныло в груди. Часто моргая, оглядеться.

И правда — всё?

Кони ржут, те, что не убежали, несколько плутают в деревьях, один жеребец силится подняться, но явно повреждённая нога не держит его вес. Горе охотнички кто лежит, кто стоит, промаргиваясь, почти все аристократы и несколько сопровождающих закрылись щитами. Столб пламени наконец опал, уронив на землю смердящий горелой плотью огарок. Следом на землю рухнул и молодой колдун — вас Лингри, кажется?

А главное — ни следа тех двоих всадников, что были с этими...

Шоуки присмотрелся к ближайшим трупам. На демонов или проклятых эти типы вроде не походили, да и кровь всё ещё текла из ран, красная, парящая по холодку.

Один из зарубленных до сих пор чуть подёргивался в предсмертных судорогах, и зрелище это вызывало дурноту. Дурноту и вопросы.

В глазах всё ещё плавали круги, а язык просто чесался выплюнуть грязную, сочную площадную ругань, чтобы хоть как-то выместить переполняющие его эмоции. Алан огляделся ещё раз, но, похоже, каким-то чудом, к лежащим неподвижно телам новых не прибавилось. Всадников тоже не было видно, и испытав приступ почти болезненной досады младший принц первым делом проверил Терека и Дариуса, лежащих пластом. Первый, ожидаемо, просто перенапрягся после применения столь мощных боевых чар, другой не имел видимых повреждений, но, по крайней мере, дышал. Вероятно — неудачно вывалился из седла. Младший Коэн приподнял его голову осторожно, просунул под неё ладонь, зубами стащив перчатку — из-под снега ни корней ни камней не торчит, крови в волосах нет. Похоже, можно пока не беспокоится на его счёт, вряд ли что-то серьёзное, скорее всего просто выбило дух падением.

— Севрус! — поднялся, ещё раз оглянувшись. — Пусть слуги соберут коней и отловят псов! И соорудят носилки! Амарими!

Южанин уже крутится у трупов в сопровождении напряжённых телохранителей. Они не пострадали, что было, от части, ожидаемо. Дилана уже перевязывал напарник. Насколько серьёзны ранения судить было сложно, но с этим можно было разобраться и позже. Сейчас Алана больше тревожили ушедшие от погони люди.

Нет, ну это-ж надо было так случиться! Злости никакой нет — возможные виновники нескольких происшествий, над которыми уже почти год ломают голову специалисты были — вот так, рядом... Или не виновники, а сообщники, либо кто-то причастный косвенно! Он просто чуял что этот случай как-то связан с произошедшем в Старых Кожедубах полгода тому назад! Одни эти воины, не чувствующие боли, когда их буквально на куски резали чего стоят!

Они почти были у него в руках... Ценнейшие источники информации, из которых в подвалах дома на Перекрёстке наверняка выбили бы столько любопытнейшей информации!

Ну ладно, не почти.

Алан направился вперёд, туда, где последний раз видел всадников, так быстро, как мог, не выдавая боли в ушибленном колене. Несерьёзно, можно и потерпеть, главное — не выказывать слабости, и не терять бдительности. Благо, южане понятливо присоединились к

нему, прикрывая.

Нет, это не тот случай, чтобы ожидать нападения, вряд ли они вернуться, после такого эффектного бегства, но...

— Ищем амулет! — объявил он другу и его спутникам. — Вроде на цепочке был, применили его, кажется, где-то здесь... Ставлю десять к одному, что он отбросил его после исполь...

— Этот? — Шоуки выхватил, кажется, прямо из воздуха, чёрную спёкшуюся блямбу на толстой цепочке, и протянул оторопевшему Алану.

— А-ага... — потянул тот, принимая ещё тёплый амулет, и тщательно осматривая. — Да уж, не армейский вариант, но довольно на него похож, хотя структура поплыла вся...

— Что это? — влез южный принц в его напряжённые размышления. — Это им всех ослепило?

— Да, мощная штукавина, копирует эффект одной разработки, которая, вообще-то держится в секрете. Но те, что я видел, делаются из метеоритного железа, а здесь и медь, похоже, видна, и... серебро? Мельхиор? Потин?

— Там есть небесное железо, — заметил Шоуки напряжённо. Амулет вдруг рванул из руки прочь, но, дёрнувшись, покладисто перестал безобразничать, а Амарими закивал важно:

— Определённо, оно там есть. Это плохо, или хорошо?

— Это паршиво, я бы сказал, но ожидаемо. Добиться такой мощности накопителя без него — весьма и весьма проблематично. Спасибо. Это ценная улика.

Возможно, уважаемым мэтрам из отдела исследований даже удастся установить источники, из которых произошли пошедшие на этот суррогат сплавы. И метеоритное железо... Контрабанда этого ценного ресурса всегда была большой проблемой, а уж теперь, когда его начали активно использовать в изготовлении подобных приспособлений...

Мелькнула мысль всё же отправится в погоню и захватить ту парочку, но в данной ситуации аргументов против было чересчур много. Он даже не успел их толком перебрать в уме и взвесить, когда заговорил сосредоточенно хмурающийся Шоуки.

— В телах тех людей есть небесное железо.

— Что значит — в телах? — переспросил Алан, оглядываясь на остывающие трупы.

— Внутри. Примерно, под грудиной, или, может, в желудке. Бусинки, размером с горошину.

И, как будто этих новостей было мало, карит вдруг замялся, как-то закусил губу, и продолжил:

— И кажется, я что-то подобное уже видел в городе. Хотел спросить, но что-то отвлекло.

Алан почувствовал, что у него непроизвольно задёргалось веко. Потёр бровь холодными пальцами, и потопал обратно, к телам.

— Так, давай по очереди. Тела. Железо — в них...

Проглоченные амулеты? Очень может быть. Что-то же сделало этих людей такими? Да, те “одержимые” полгода назад хоть и были отравлены эфиром, но не содержали в себе, и на себе, никаких подозрительных амулетов. Но и сражаться, истекая кровью из перерезанных глоток они не могли, и судя по свидетельствам очевидцев, совершенно точно чувствовали боль.

Так, Севрус весьма ответственно подошёл к организации всего того беспорядка, что

творился вокруг, значит, можно не отвлекаться от более серьёзных вещей.

— Так... Где? — склонившись над трупом, уточнил он, требовательно взглянув на карита. Алан знал, что дар Жнеца и его ученика несколько отличается от того, что можно наблюдать у обычных каритов, но слабо представлял, насколько широко распространяются его возможности. Шоуки чуть нахмурился, затем опустился подле трупа на колени, и провёл ладонью над его телом.

— Примерно здесь. На три пальца ниже кольчуги.

Что-то высокогато для желудка будет.

— Так, вытряхиваем, — вздохнул Алан, да первым взялся за залитую кровью одежду “одержимого”, давя приступ брезгливости. Их возня быстро привлекла внимание, и Алан подло подозвал самых любопытных, и наименее пострадавших компаньонов, чтобы помогли стащить с трупа кольчужную рубаху. Картина под ней, в целом, оказалась знакомой — такое же обманчиво истощённое тело с чуть желтоватой кожей и проступившими на ней тёмными венами, как и у жертв того “инцидента”. Шоуки вновь указал нужное место, и Алан, зачерпнув жменю снега, стёр с него кровь. А вот и тонкий шрам прямо под грудиной.

— Паршиво, — заключил Алан, нехотя снимая с пояса нож.

— Позвольте мне, — тоже не очень охотно попросил побледневший карит, опускаясь на колени по другую сторону от трупа, да вытаскивая свой нож... да вот прямо из неприглядной развороченной шеи трупа. Впрочем, дальше всё прошло куда чище, чем Алан опасался. Карит приставил нож к шраму, под углом, коротко ткнул, и послушный его дару шарик сам выкатился из ранки. Алан осторожно коснулся его пальцами, лоя покалывание затухающих плетений, и отдал пару распоряжений касательно тел нападавших, которые непременно надо было взять с собой. А уже после, убедившись, что кроме южан рядом некого не осталось, отёр горошину прямо о плащ, чтобы получше разглядеть вырезанные на ней руны.

— Где ещё ты видел такие?

— Когда выезжали из города, — Шоуки сильно побледнел, то ли тяжело перенеся неожиданное вскрытие, то ли снова поймав приступ отравления эфиром. — Мимо шли телеги с углём, в некоторых из них было по десятку подобных горошин. Мне тогда подумалось, может, это каменный уголь, и подобные вкрапления нормальны, хотел спросить, да что-то отвлекло и...

— Ох! — Амарими округлил глаза. Тревожно взглянул на Алана. — Деревни углежогов!

— Что-то мне такие совпадения совсем-совсем не нравятся, — внутренне холодея, согласился принц.

Нежданная радость была столь велика, что на время даже отодвинула накатывающую дурноту. Пятнышко немного прихрамывал, видимо, в суматохе потянув или ушибив ногу, и Шоуки удалось раздобыть себе местную, низкую и мохнатую, а главное — совершенно спокойную лошадку. Северное седло казалось немного неудобным, но это сущие мелочи, не заслуживающие внимания на фоне такого большого счастья.

А в целом, только радоваться и оставалось, ибо происходящее вокруг выглядело чем дальше, тем хуже.

Отряд снова разделился.

Расхристанная охотничья партия всё ещё продолжала сборы в обратную дорогу — сооружали волокуши и носилки, чтобы везти трупы нападавших да раненых. Всё ещё отлавливали разбежавшихся лошадей, осматривали — не один Пятнышко повредил ногу, да и несколько, к тому же, неудачно напоролись на ветви, заработав занозистые раны. Потому их ухода дожидаться не стали — Алан отобрал нескольких молодых аристократов, сведущих в магии, но явно пристыжённых тем, что из-за растерянности, а то и паники не участвовали в скоротечном бою, лесничего с помощником, троих охранников — оба его телохранителя были ранены, и состояние одного вселяло серьёзные опасения. Амарими, зараза такая, конечно увязался за принцем, увеличив собираемый отряд ещё на четыре головы. Это уже выглядело посерьёзнее, но Шоуки всё равно было беспокойно — мало ли на кого, да с какими магическими амулетами они нарвутся. Так что он старался смотреть подальше, игнорируя лёгкую тошноту, и нитьё духовного сосуда. Но дорога до деревни углежогов оказалась пуста и безлюдна. Как и сама деревня.

Следы борьбы попадались тут и там в виде пятен крови на снегу, оброненных колунов, ножей, шапок. Попался даже слетевший с чьей-то ноги грубый сапог из звериных шкур. В некоторых домах двери были выломаны, в конюшнях распахнуты ворота, а тут и там верещали в сараях голодные свиньи. Сторожевые псы зарублены, а на каретном дворе отсутствовали почти все подводы, кроме пары поломанных. Рядом, под навесом высилась высокая куча готового к отправке угля.

Лесничий объяснил, что в таких деревнях обычно уголь свозят в общак, и уже староста организует отправку да продажу в город. Амарими растерянно оглядывался по сторонам, вид совершенно пустой деревни, похоже, наконец убедил его в серьёзности ситуации. Шоуки, по крайней мере, хотелось на это надеяться. Не хотел удаляться от принца, но всё равно покрутился вниз-вверх по широкой улице, заехал в проулок, найдя ведущую к лесу, и порядком почерневшую от угольного крошева дорогу. Пытался отыскать людей, ориентируясь на пряжки, пуговицы, обувные гвозди, но его сбивали с толку вещи в домах, да и жили люди здесь небогато. Железо чувствовалось в основном в хозяйстве, да и то не так уж много. Наверное. Те же пуговицы здесь пользовали деревянные и костяные. Если вообще пользовали пуговицы. У знати те определённо пользовались популярностью, но Шоуки поймал себя на мысли что не так уж разбирается в том, как одевается здешнее крестьянство. Вернулся, да покачал головой, поймав взгляд Амарими. Затем подъехал к Алану, подозрительно заглядывающему в колодец почти на перекрёстке, неподалёку от каретного двора. На его немой вопрос ответил более развёрнуто.

— Местных не нашёл, но если с них снято всё железо, то я их и не замечу. Небесного

металла здесь тоже нет, ни крупицы.

Алан кивнул, огляделся, и направился к топчущемуся Амарими. Топтался тот у забора, под суровыми взглядами телохранителей, и не лез осматривать дома как многие. К магам, пытающимся родить какое-то плетение на перекрёстке, тоже не лез.

— У тебя есть способ связаться со своими? — уточнил Алан. — Надёжный способ...

— Пару строк черкнуть могу, — Амарими немного нахмурился. — Печати плохо работают на проклятых землях.

— Черкани, — Алан вздохнул, и достал из-за пазухи большую... Подвеску? Амулет? Шоуки видел у него эту пластинку из хитро закрученной медной проволоки с пазами для камней не в первый раз. Там и правда оказались разноцветные полудрагоценные камни.

— Дядя меня убьёт, если наши подозрения окажутся пшиком, — он безжалостно выдавил несколько камней из креплений, критически осмотрел получившееся, и бросил амулет под ноги. Проклятие вокруг всколыхнулось, медь вспыхнула странным зелёным пламенем, и стало куда легче дышать. Шоуки едва не зажмурился от удовольствия, но увы, из-за общего высокого фона эфир быстро выровнялся...

Амарими тоже поморщился, и охлопав себя по бокам достал из-за пазухи тонкую книжицу, с ладонь величиной. Даже не книжицу — просто обложка из толстой кожи, покрытой печатями, в которой находились, от силы, десятков листов, и свинцовая палочка для письма. Вытянул один лист, придирчиво оглядел, и сев прямо в снег и подложив книжицу на колено, начал выводить текст послания.

— В общих чертах, и шифруй, — подсказал Алан, нетерпеливо топчась над ним. — Напиши что мы проверим другие деревни.

— Знаю, не лезь под руку! — зашипел принц.

— А стоит ли? — прищурился недовольно Шоуки. Оглянулся на коллег и нашёл в их взглядах полную поддержку. Только во взглядах. Пояса на них были с всамделишным узором лично Амарими, а не как у него. — Если снова наткнёмся на этих... Бесчувственных...

— Одержимых, — Алан нетерпеливо огляделся. — Сомневаюсь. Если начали опустошать деревни, значит перешли в последнюю фазу подготовки... чего бы то ни было. Пропажа населения целой деревни в этих краях не может оставаться незамеченной долго. Даже зимой. И любой косяк с их стороны должен только ускорить... То, что они упустили того охотника почти сутки назад — уже опасная ошибка, а уж столкновение с нашим отрядом...

— Кто — они? — немного резко спросил Шоуки, немало раздражённый всеми этими недоговорками. — И что они затевают?

— У меня есть только догадки, — покачал головой северянин. По глазам видно — не хочет говорить. Его право, наверно, но Шоуки это раздражало. Он собрался было попробовать подойти с вопросами с другой стороны, но наконец Амарими дописал, и подскочил, складывая листок, и напиткивая его духовной энергией.

— До города должен дотянуть, — объявил принц, поднимая на ладони кривенького журавлика со свёрнутым на бок клювом. Он вяло шевельнул бумажными крылышками, потом всё же востепенулся, и подорвался, будто подхваченный ветром, взлетел высоко над головами.

— Не перехватят? — тревожно уточнил Алан, с сомнением наблюдая за неказистым вестником.

— Могут. Но в чужих руках он сгорит, — уверенно заявил принц. — Печати-ж не я

наносил!

— Нашёл чем хвастаться... — пробормотал, вздохнув, Шоуки.

Следы телег вывели в другую деревню. Тоже пустую. Только голодная скотина в хлевах подняла вой, заслышав людей. Поехали дальше, опасаясь что из низко висящих туч повалит снег и заметёт следы. Шоуки тихо молился предкам, чтобы снег наконец пошёл — ему не нравилась эта авантюра. Происходящее вокруг было неправильным, жутким, и он всерьёз боялся за жизнь неугомонного друга. Ответственность давила на плечи раскалённым грузом, трепала нервы и заставляла вскидываться на каждый подозрительный звук. И грызню-возню из рощи на околице уловил не только он.

Свернули. Распугали лис да воронов, уминающих в овраге заледеневшие тела. Старики и дети, оказавшиеся непригодными для целей этих...

Побледнели все. Губы Алана дрогнули, и голос дал петуха, заставив прокашляться.

— Разворачиваемся. На тракт, да в столицу. Нужно сообщить.

Никто не возразил. Не нашли в себе силы, подчинились, хотя следовало бы потребовать поворачивать обратно, к замку. Одного из молодых аристократов вывернуло. Амарими позеленел, но держался. Шоуки напротив, зрелище от дурноты исцелило — сжало нутро ледяными когтями, опомнился он только когда нахлестываемые кони вынесли их из леса на большой тракт.

“Предки, что мы делаем?!” — сглотнул он, глядя на дымы города впереди. Перед глазами всё ещё стояли скрюченные маленькие тела с выклеванными глазами, потому он не сразу заметил, что дымов впереди как-то очень уж много.

Приречные кварталы пылали.

То и дело в дыму мелькали вспышки, что-то то и дело выплёвывало вверх тёмные облака размером с хороший дом. Отряд застопорился, придерживаемые кони захрапели, топчась на наезженной дороге. Алан приподнялся на стременах, вглядываясь вперёд, лицо его было белее снега.

— Господин! Позади! — сбил с мысли лесничий. Все обернулись в сторону покинутого минуту назад леса, но он указывал дальше по тракту — к городу двигался крупный отряд, кони шли плотно и быстро, занимая всю ширину тракта, пар валил от разгорячённых тел. Дорогу чуть изгибалась, давая разглядеть, что всадников порядком и в длину тоже.

— Господин Коэн? — встревоженно позвал гвардеец, наконец то потревоженный светлой мыслью. — Нам следует вернуться в замок. Немедленно.

Принц только отмахнулся от него, оскалился.

— Демьен, линза! Помогай, я накопители просадил!

Он вскинул руки, перед собой, затянув заклинание дрожащим от напряжения голосом. Вызванный аристократ подъехал к нему, вплёл свои слова в речитатив, и воздух за клубился, задрожал в руках Алана, искажаясь вогнутой полусферой, почти осязаемой на вид.

— Да Гейс! — названный Демьеном заглянул в получившуюся линзу, едва заклинание было сотворено, и отшатнулся, на лице его отобразилась злость.

— Кто-же ещё? — Алан сплюнул, и развеял заклинание. — В первых рядах, не потрудившись даже снять гербовые цвета со сбруи.

Амарими тревожно смотрел то на северян, то на дорогу. Алан прикусил перчатку, напряжённо всматриваясь в чёрную змею далёких всадников.

— Господин! Они далеко, мы успеем скрыться, и до замка... — продолжил лезть

ответственный гвардеец.

— Именно. У нас приличная фора! — глаза принца полыхнули как-то нехорошо. — Мы успеем подложить свинью предателям! Амарими! Ты со мной? Мне пригодится ваша помощь!

— Да! — ответил этот малолетний идиот.

— Нет... — тихо выдохнул Шоуки сквозь зубы.

— Ничего, втянешься! Вперёд, к мосту!

И первым, развернувшись, пришпорил коня.

Конечно да Гейс, кто ещё, кроме да Гейсов? История повторялась слишком часто, чтобы наивно надеяться, что эта толпа несётся в столицу на выручку престолу, и готова отдать свои жизни во имя спасения короны и её подданных.

Уши Гейсов всегда торчали из всех чёртовых восстаний и попыток переворотов за последние триста лет. Увы, вырезать это кроличье семейство не представлялось возможным и ввиду их многочисленности, а значит и родственных связей с другими благородными фамилиями, и ввиду того как легко они отказывались от родственников-неудачников, засветившихся в очередной провальной попытке смены власти! И попробуй, докажи, что троюродный племянник главы действовал не по своей воле, а науськанный советом старейших своего поганого семейства. Нет, после очередного демарша род и притесняли тишком, и аккуратно прорежали от самых ретивых, но он как сорная трава снова давал новые побеги и расцветал буйным цветом в рекордные сроки.

Технически, в нём, в Алане, тоже текла кровь Гейсов. Род его покойной матери породнился с ними в конце прошлого столетия...

Но это всё лирика, а факты говорят о том, что мятежники несутся в город, чтобы поддержать беспорядки или попытаться прорваться ко дворцу. Увы, информации о том, что творится в столице не было ни капли, но если Шоуки прав насчёт содержания телег с углём, то, скорее всего, одержимые идут на прорыв, пытаясь нанести как можно больший урон, либо, что вероятнее, пробить дорогу для ударного отряда мятежников.

Но между мятежниками и городом стоит мост.

А между мостом и мятежниками, по счастливому стечению обстоятельств, стоит сейчас он. Осталось только придумать, как воспользоваться этим фактом с наибольшей пользой и наименьшими рисками, ибо последнее, что нужно ему лично и королевству сейчас — так это угробить Амарими.

Как он и ожидал, местность у въезда на мост была зачищена — строения сметены на несколько кварталов в обе стороны, развалины местами слабо дымились, тут и там видны были опрокинутые, разломанные телеги, перекрученные трупы лошадок и жалкие ошмётки того, что раньше было людьми. Пологая насыпь ведущая к первому “быку” охранялась небольшой группой человек в десять, все с бледно-красными повязками на руке.

— Демьен! Туман на подъём! — раззадоренный злым предвкушением сочинённой наконец подлости распорядился Алан. — Шоуки, на тебе стрелы! Земан, придержи щиты! Экономь силы!

С запозданием, но славный отпрыск на Орсов сумел на скаку наколдовать достаточно плотные клубы тумана впереди. Отряд неприятеля успел только раз дать залп из арбалетов, прежде чем их завернуло белым пухом. Болты чуть вильнули, эффектно уходя в стороны — вот на кого, а на ученика Жнеца можно было положиться.

— Руби!

Алан выхватил клинок и подхлестнул коня, в лицо ударил влажный и какой-то липкий из-за белой завесы воздух, мелькнула тёмная фигура, раздались вскрики и звон стали, натренированный конь под ним всхрапнул и взбрыкнул, ударив копытами. Клинок жёстко впился во что-то упругое и вскрикнувшее, качнулся наконец эфирный фон — в рядах противника был маг, сумевший развеять туман, но был тут же срублен одним из телохранителей Амарими, вырвавшимся вперёд на своём здоровенном скакуне. Несколько противников, как оказалось, догадались броситься в стороны и соскользнуть по насыпи вниз, к развалинам домов, но снова не смогли дать залп, а там в воздух поднялись клинки и сверкнув в алых лучах заходящего солнца выстрелили в мятежников, пробивая тела едва ли не насквозь.

Как же хорошо иметь под боком обученных каритов!

— С той стороны реки могут набежать! Ты, ты и ты! Взяли арбалеты и держите оборону! — Алан оглядел отряд, убеждаясь что никто не пострадал серьёзно, и спрыгнул на землю. Махнул рукой нервничавшему лесничему. — Собери коней и отведи назад, к перекрёстку! Они нам ещё понадобятся, чтобы драпать! Земан! Прикрываешь наших стрелков от магии! На настил не заходить! Оставайтесь на дороге! Амарими, пусть один из твоих тоже останется наверху, поможет!

— А мы? — младший принц кивнул одному из телохранителей.

— А мы пойдём ломать мост! — немного безумно улыбнулся Алан. — За мной!

Бодро метнулся к выложенному старым булыжником скату.

Мост, так-то, лет пятьдесят тому назад считался шедевром инженерной мысли. Увы, за прошедшее время он несколько устарел, и уже лет пять ломалось множество копий над проектом постройки нового моста, а лучше двух. Требовалось создать что-то пошире, чтобы не стопорить бесконечный поток гружёных возов с этого берега, а в идеале иметь возможность проложить по мосту чугунные направляющие для самоходных вагонеток, что с таким успехом ввели в использование на нескольких рудниках в последние годы. И при этом сохранить уникальную особенность нынешнего моста — отсутствие опоры на середине не сказать чтобы очень широкой, но довольно бодрой реки. Баржам ничего не должно мешать, они и так с трудом расходятся на некоторых отрезках пути. О сколько из них было разбито об опоры старого, ещё каменного моста в прежние времена! А это — потеря грузов, засорение русла обломками, остановка поставок товаров и продуктов по воде на продолжительное время...

Но именно из-за этой особенности мост нельзя было просто расширить, длинный пролёт не выдержит дополнительной нагрузки...

Алан рванул под мост, на воловью дорогу, по которой обычно плелись упряжки тащившие баржи вверх по реке, и задрал голову, лихорадочно шаря взглядом по стальным фермам.

Самое важное он решил обдумать в последнюю очередь, и теперь этим и занимался, вспоминая всё, что успел почерпнуть о мостостроении во время обучения да и из разговоров.

— И как мы его будем ломать? — оживлённо спросил Амарими, остановившись рядом. — И зачем?

Рядом с ним, мрачнее тучи и напряжённо глядя по сторонам, остановился Шоуки. Пыхтя, подошёл наконец Демьен.

— Видишь во-он те пластины с заклёпками на стыке балок? Нам надо как то разломать

хотя бы одну, и настил рухнет. Наш дорогой на Орс сможет ведь заморозить металл?

— Смогу. Не знаю, насколько эффективно... — пробормотал аристократ с сомнением.

Наверху, на настиле моста раздался крики. Проломив перила рухнуло в воду тело.

Надо поторапливаться.

— Делай. А затем нам это надо, чтобы задержать мятежников по эту сторону реки. Через воду такой толпой они переправиться с ходу не смогут, либо придётся долго колдовать, растрачивая силы, либо ехать в низ по реке до следующего моста, что расположен далеко не близко, либо подниматься выше по течению, до старой дороги, а там, на минуточку, Вороний замок, с гарнизоном, и мост в его прямой видимости.

— Хм, умно. — согласился Амарими. — Только справимся ли? Тут такие здоровенные балки...

— По-хорошему их надо сначала раскалить, а потом морозить... — проворчал Демьен, с трудом закатывая рукава тёплой куртки, и обнажая покрытые цепочками рун предплечья.

— Но нагревать что я, что ты плиту будем до летнего зноя. А с одного шараха огненным амулетом тоже толку будет немного. — Хмыкнул Алан, отметив, что на противоположный берег высыпало пяток арбалетчиков, взводящих свои смертоносные машинки. Шоуки, презрительно поджав губы шагнул ближе к воде.

— Поэтому действуем наоборот.

— Поджечь настил? — предложил задумчиво смотрящий вверх Амарими.

— Не успеет прогореть. — Покачал головой Алан. — Он пропитан всяким да зачарован, чтобы меньше снашивался под такой нагрузкой.

На Орс прикусил губу, нахмурился, поднял руки, и стальная пластина в стыке балок начала быстро покрываться инеем. Алан же занялся делом, перебирая оставшиеся у себя амулеты, кроме огненного, да прикидывая, можно ли их перегрузить и детонировать вместе с огненным.

— Сможешь поднять потом эту связку и закинуть туда, встык? — спросил он у младшего принца. Шоуки вон, занят, болты отводит.

На мосту снова истошно завопили под аккомпанемент нового топота.

— Хорошо бы только к железяке какой примотать... — кивнул Амарими. — Шоуки!

Карит повернулся, мрачно глянул на принца, да поймав один из болтов, перебросил ему.

Алан усмехнулся, и вместе с другом в четыре руки намотал на болт большую часть своих амулетов, и примерился расшатывать и перекручивать друг с другом их плетения.

Наверху грохнуло. Стальные конструкции моста загудели.

— Надо поторапливаться... Ай, да боги с ним, закидывай. Демьен, аккуратно только, амулеты перегружены, не задень плетения...

Обмотанная цацками стальная стрела поплыла вверх, да встряла в стык между двумя балками, немного завалившись за побелевшую от инея пластину.

— Я на пределе почти... — прошипел аристократ. Его руки подрагивали, сияние татуировок-рун медленно угасало.

— Там маг, — напряжённо произнёс Шоуки. Алан выругался, перехватив щитовой амулет, один из немногих, что решил оставить при себе да подступая к кариту. И верно — арбалетчики бросили бесполезное занятие, но подле них встала воздевшая руки фигура.

— Ничего, пару атак я отобью. Как выдохнешься — скажи.

Демьен кивнул. Алан произвёл предварительную активацию щита, готовясь принять вражеские чары. Они вышли банальными до боли — сгусток призрачного пламени, ревуший

в полёте сотнями потусторонних голосов. Против толпы крестьян самое оно — распугает, сожжёт пяток самых нерасторопных в серый пепел. Физического воздействия в нём всего ничего, щитовым амулетом отбивать одно удовольствие — заряд почти не просаживает. Создал плоскость нужного размера с наклоном, и всё...

Алан и отбил расслабившись. Вверх. Запоздалая мысль успела царапнуть сознание чувством тревоги, он поднял взгляд, но именно в этот момент его оглушило и швырнуло на землю. Приподнялся на локте — в ушах отчаянно звенело, казалось, что вдалеке раскатисто гроыхает приближающаяся гроза. В глазах плавали круги. Он заморгал часто, наткнулся взглядом на завозившегося рядом Амарими, потом — на впившуюся в землю совсем рядом с собственной ногой железяку. Заклёпка, похожая на гвоздь из жилища великана, заметно дымилась.

А потом где-то сверху скрипнуло, надсадно и долго, лопнуло с резким звоном, и переломившиеся железные фермы устремились вниз.

Ему не потребовалось даже смотреть вверх, чтобы сердце скатилось в желудок, а печень похолодела. Едва оправившись от бросившего его на землю удара, Шоуки снова развернул свой Дар, и отлично почувствовал всю ту массу металла, что падала на них сверху.

Не уйти. Не сбежать. Смерть приближалась стремительно, не отползти, ни откатиться уже нет времени. Единственное, что он успевал сделать — так это попытаться прикрыть опарашенного Амарими, который так и смотрел вверх, хлопая глазами.

И едва не столкнулся лбом с Шотиши, который так же рванул к принцу.

А потом пришёл грохот и треск и гудение корёжащегося метала. Кажется, что-то кричал Алан. Расслышать было просто невозможно, но Шоуки бросил короткий взгляд на него, и этого было достаточно, чтобы заметить вспыхнувшую над головами полусферу щита.

Решение было принято немедленно, без задержки даже на его обдумывание — Шоуки дёрнул Шотиши в сторону северян (тот, которого называли Демьеном шустро подкатился к Алану, вцепившись в его руки. Пара мгновений, и вся пятёрка сжалась в кучку под стремительно уменьшающимся куполом щита. Он трещал, выплёвывая светлые искры и всё уменьшался под давящими на него огромными железными балками, пылью, обломками древесины настила... Вот щит почти упёрся в амулет, зажатый в руке Алана. Второй северянин закусил губу до крови, странные руны на его руках полыхали, стремительно отдавая силу. Проклятие, эфир, стремительно истощалось вокруг, вливаясь в щит. А тот всё продавливало вниз — тяжесть рухнувшего моста была слишком велика.

— Держим! — рывкнул Шоуки, до боли сжимая свой духовный сосуд и со всех доступных сил впиваясь в огромную железную дуру над головой.

На плечи упала гора. По другому эти ощущения было не описать. И он жалкий червь, наивно пытался выпрямиться под её весом. Дыхание перехватывало. Краем глаза он видел как всё ниже опускается рука, сжавшая амулет.

Два удара сердца, три, время тянулось сладкой патокой, грохот и скрежет остались где-то там, оглушающий, здесь и сейчас были только волны духовной энергии, заполняющие пустоту, оставленную высасываемым магами эфиром.

Шотиши наконец включился в отчаянную попытку сдержать волну обломков. Его духовная сила забурлила вокруг, он выплеснул её не глядя, и лишь потом направил вверх, в ту самую балку над головой. А там и Амарими подключился наконец.

И на удивление, невероятная тяжесть моста неохотно уступила.

Щит перестал проседать.

Шоуки чувствовал, что рядом тоже перестали дышать, боясь, что хрупкое равновесие сил будет нарушено. Что гора сдвинется и рухнет вниз, что всех их усилий не хватит.

Удар сердца. Два, три, четыре.

Гул и грохот понемногу сходили на нет, длинные балки гудели и стонали вокруг, слышен был шорох осыпающейся трухи и песка. Шоуки тихо охнул, опустошив свой сосуд и сдавшись раздирающей груди боли. И снова его невеликих сил не хватило надолго, но, вроде, хрупкое равновесие нарушено не было.

Медленно опустил дрожащие руки северянин. Руны на его коже почернели и потухли, кожа вокруг них напротив, покраснела и воспалилась, столь яркая на общем бледном фоне. Следом аккуратно свернулся Амарими, вытягивая шею и сжимая плечо Шоуки побелевшими

пальцами.

— Кажется... У нас получилось? — очень сипло и тихо пробормотал Алан.

— Если ты о том, чтобы уронить мост, то да, — глухо от слишком медленно отступающей боли произнёс Шоуки. Здоровенная балка над головой скрежетнула, и просела ещё на ладонь, заставив всех похолодеть на мгновение. Жалобно хрупнул амулет в руках северянина, и щит пропал, а в крохотный отнорок обрушилась волна пыли и мелких обломков. А ещё темнота. До этого щит давал на удивление много света...

Закашлялись все, не успев прикрыть лица, потом сидели, уткнувшись лицами в шерстяные воротники друг друга и прислушиваясь к происходящему вокруг. Места было мало, очень мало — сидя, головы втягивали в плечи, чтобы не стукнуться о сталь, или обломки дерева, вытянешь ноги — непременно упрёшься во что-то.

Шоуки трясло. Северян трясло, Амарими нервно вздрагивал то и дело, и только Шотиши оставался обречённо спокойным. Сколько времени прошло было не очень понятно, но вроде немного, когда сверху раздались приглушённые голоса и какая-то возня. Снова посыпалось сверху мелкое крошево не пойми чего. Голоса определённо были знакомы, но в ушах слишком звенело, чтобы их разобрать.

— Мы здесь! Живы! — Алан вот, расслышал. — Уходите отсюда! Скоро здесь будут мятежники! Сообщите нашим, пусть пришлют людей, когда всё закончится!

— А может, вытащат? — осторожно уточнил Амарими.

— Не думаю, что это будет быстро такими малыми силами, — обречённо вздохнул Шоуки. — В самом деле, мы можем пересидеть тут до прихода подмоги. Нас и не подумают искать здесь. Так что пускай уходят. Их безопасность сейчас под угрозой, в отличие от нашей.

Да и, по правде, не хотелось шевелиться, вот совсем не хотелось. Шоуки снова перенапряг свой духовный сосуд, начала возвращаться тошнота, и выкапываться из-под завала, пусть и с чужой помощью, потом влезать в седло и куда-то ехать...

— И верно. Мы то пересидим... — подал слабый голос Демьен. Маг привалился к Шоуки с левого бока, его всё ещё потряхивало. — Может, даже сами выкопаться сможем, как передохнём. А они там на виду.

Даже Амарими пришлось прикрикнуть на второго своего телохранителя, но добиться отмены спасательной операции удалось.

Все выдохнули с облегчением... только тихонько, чтобы не поднимать пыль.

— Ждём. Отдыхаем, — распорядился слабо Алан.

Похоже, магам это в самом деле нужно было. Выдохлись, и задремали. Шоуки медитировал, пытаясь унять дурноту, и немного привести в порядок свой духовный сосуд, благо, проклятие вокруг было слабенькое, особенно после того как маги его выжали. Или завал из зачарованных кусков моста экранировал? Снаружи долетала топот копыт, какие-то разговоры. Амарими тревожно вертелся, но потом всё стихло, и он тоже заснул, зажатый между телами.

Шотиши вздохнул, и тоже попытался устроиться поудобнее и помедитировать.

В темноте и холоде, что только усиливался. Похоже, дело шло к ночи. А может, ночь уже наступила — трудно было сказать. Шоуки немного полегчало, он аккуратно растёр затёкшие конечности, насколько это позволяла теснота, и сглотнув горькую слюну попробовал хоть немного поспать. В конце концов, лучше спать и набираться сил, чем каждое мгновение чувствовать, что ты закопан под горой обломков, в душной тёмной

тесноте.

Вроде даже у него получилось задремать ненадолго, ибо в себя он прешёл, вырванный из сонной мути оглушительным треском, скрежетом, и вскриками испуга и боли. Узники завала суматошно шарахались, путаясь друг в друге и в тёплых плащах. Алан засветил язычок пламени, резанувший по глазам, да высветивший ходящий ходуном завал. Шоуки Даром своим ощущал как сдвигается здоровенная стальная балка, с которой вот-вот соскользнёт меньшая железяка. Именно эти две балки образовывали слабое подобие шалашика, державшее груды прочих обломков над их головами.

— Шотиши! — вскрикнул Шоуки, кое-как упираясь в железяку руками. — Эту толкай! Туда! Быстро!

У телохранителя принца должно было остаться порядком духовной силы. Шоуки знал что у того золотой сосуд, и что карит развивался очень быстро, возможно даже, он сейчас близок к следующей ступени, а значит очень силён. И выложился он вчера... или когда это было, не на полную, да и восстановится немного успел. Сам воздействовать на балку духовной энергией он даже не пытался, но чётко почувствовал, как та вздрогнула, и навалился на неё, напрягая руки и упираясь коленом в землю. В плечо больно клюнула обломанная деревяшка, соскользнувшая откуда-то сверху, снова за клубились пыль и песок, но к его облегчению, железяку удалось немного сдвинуть, и она не соскользнула со своей замершей крупной товарки.

Завал немного утих. Откуда-то всё ещё доносились скрежет и треск, но им на головы уже почти ничего не сыпалось.

А ещё Алан погасил свой светляк, и стали видны красноватые блики на провалившихся внутрь деревяшках. И холодом потянуло ощутимо. И гарью.

— Шоуки, — позвал напряжённо бледный Амарими, почти распластавшийся за северянами в странной позе. — Стой стороны есть железяки?

Шоуки глянул в сторону предполагаемого просвета, и немного оживился. Холодок, гуляющий по спине, во всяком случае, немного отпустил.

— Сползли вниз, пара есть сверху, но их привалило хорошо с другого конца, не рухнут. Вот тут, похоже, одно дерево. Можно попробовать...

— Нужно! — болезненно морщась выдохнул Амарими.

Выкапываться было сложно — пространства для манёвра почти не было, деревяшки приходилось толкать и сдвигать вручную, а на сколах они оказались удивительно занозистыми. Количество трухи и песка, забивавшегося за шиворот, только увеличивались, дышать тяжело становилось из-за этой дряни, да и гарь в воздухе поступающем под завал заставляла кашлять всё чаще. Сперва кое-как сдвинули куски деревянного настила, придавившие ногу Амарими. Кость уцелела, но парень был бледен и морщился от боли при каждом неосторожном движении. Да и Алан выглядел как-то вяло и нездорово. Его только и хватало, чтобы держать освещение. Демьен покрывал балки ледяной коркой в отдельных местах, чтобы они легче сдвигались. Работа была удивительно тонкая — пару раз он их сморозил друг с другом, но потом приноровился и больше таких ошибок не допускал.

Возились долго, сперва вырывая у завала немного свободного места, затем пытались пробить ход наружу. Помучались знатно, наработали синяков и ссадин, пережили ещё пару мгновений паники, когда стальные балки снова начали шевелиться. Но наконец, сперва Шотиши, а затем и Шоуки протиснулись наконец наружу. Телохранитель огляделся мельком, и снова полез под балки — вытаскивать остальных на свет.

Шоуки же так и остался оглядываться. Дело, похоже, шло к рассвету, полоска горизонта светлела. На той стороне реки догорало несколько крупных зданий, бывших фабрик, бросая на воду алые отблески. На этой стороне в трущобах тоже полыхали пожары, но куда дальше от моста. В обломки моста, частично перекрывшие реку, впилилась носом дрейфовавшая вниз пустая баржа, это под её весом здоровенные балки пришли в движение, и немного съехали. Хорошо, не размазали их компанию в кашу. Хотя, наверно, ещё могут — баржу медленно разворачивает течением, что будет, когда она упрётся в обломки боком?

Надо поторапливаться.

Вытащить успели всех. Грязные, ободранные, они отползли от завала, поддерживая друг друга как раз к тому времени, как баржа упёрлась всем бортом в завал и тот снова заскрежетал и затрещал смещаясь. Смотрели вот на это всё, покашливая и дыша тяжело.

— Повезло, — заключил глухо Алан. — Туда. Нужно найти какой угол, затаиться и передохнуть. А там уже будем разбираться...

Никто не стал спорить. Оставаться на открытом месте не хотелось, несмотря на усталость и травмы. Вид столбов дыма и горящих зданий на том берегу внушал тревогу.

Уснуть не получалось, боль тревожила не переставая, отвлекая, и доставляя немалое беспокойство. Алан не понимал, что происходит. Он перенапрягся, пытаясь поддержать работу щита, да, но беспокойный сон под завалом помог ему немного восстановиться. Ничего из ряда вон, бывало несколько раз во время обучения. Даже спокойно слабый светляк держать удавалось. Вот чутьё на концентрацию эфира вокруг ещё не восстановилось, это да, но это не вызывало проблем — в городе всегда держится минимальный фон, даже включение городской защиты не должно было просадить его в ноль.

А защиту над старым городским центром явно активировали, судя по всполохам в ночном небе.

Это радовало. Столица держится, столица всё ещё в руках его рода, какие бы силы не обрушились на неё. Сейчас следовало сосредоточиться всё же на выживании их крошечного отряда. Ну и пытаться сообразить, что происходит с ним самим.

Рёбра были целы. Пара ушибов не могли дать этой пульсирующей боли под грудиной, как и затяжной кашель. Они все раскашлялись, надыхавшись пыли и песка под завалом, ну, может, старший южанин немного простыл, были в его кашле такие нехорошие, булькающие нотки... В любом случае, к боли давно сошедший на нет кашель не имел никакого отношения. Смена положения тела, глубина дыхания, частота сердцебиения — тоже на неё никак не влияли. Применение магии да, немного обостряло, но если это травма эфирного тела так аукалась, то было совершенно непонятно, почему он всё ещё может создавать мелкие чары?

А ещё эта дурная пульсация в груди сопровождалась всё нарастающими волнами жара. Пока всё это было ещё терпимо, он делал вид, что с ним всё в порядке, чтобы не подрывать боевой дух отряда, но, похоже, его странная проблема была слишком уж очевидной.

Какими глазами на него посмотрели все присутствующие, когда он заявил, что отправится на разведку вместе с Шоуки и на Орсом...

— Всё так плохо? — криво улыбнулся Алан.

— Дорогой друг, даже под таким слоем грязи видно, что ты бледен как труп! — поджал губы Демьен. — И руки у тебя дрожат как у старого пропойцы в полушаге от горячки.

— Да? — Алан нахмурился, и отвернул меховые манжеты, чтобы спрятать под ними

пальцы. Да и — так теплее, морозно было с утра.

— Так что садись ка ты в кучку и грейся, — невежливо велел Шоуки, зло щуря глаза. Парень вообще был на взводе, и сильно нервничал. В таких обстоятельствах, в целом, не удивительно, но зная насколько спокойней и пассивней он держался прежде... Алан вздохнул, и посчитал за лучшее подчиниться. Опустился на прелую солому, по другую сторону от тихого и расстроенного Амарими. Младший сын Наместника серьёзно повредил ногу и ни о какой разведке и речи не могло идти. Шотиши же остался присматривать за ними двумя, со всей серьёзностью отнесясь к вверенным ему обязанностям.

Пристанище они нашли в старом сарае, чудом не затронутым огнём. Трущобы вообще прогорели слабо — огонь разрушил пару кварталов, но после сошёл на нет, наткнувшись будто на непреодолимую стену в районе разрушенного моста. Алан сперва ломал голову над причиной этого, потом присмотрелся к заборам и крышам кособоких домов и его осенило — настил на мосту заменяли регулярно, где-то раз в четыре-пять лет, в зависимости от степени износа, и груды отработанных досок обычно сваливали у воловьей дороги, ближе к первым домам. А потом доски получше, должно быть, активно растаскивались местным населением для мелких и не очень ремонтов — в топку они всё равно не годились, зачарованные и пропитанные какой-то дрянью от огня да гнили. И за прошедшие годы ближайšie к мосту кварталы стали, похоже, частично огнеупорны.

Какая ирония.

Полноценная обработка среднего дома от пожаров стоит ой как недёшево, а тут беднота получила тот же эффект за даром...

Увлёкшись размышлениями, Алан не сразу заметил что Амарими теребит его за руку. Вернее, выпроставал кисть из рукава, и обхватив, сильно вдавил пальцы в запястье, прислушиваясь к чему-то.

— У тебя жар, — заметит напряжённо. — И что-то непонятное с пульсом происходит. Из меня лекарь, конечно, так себе, диагнозы ставить.

— Просто перенапряг магический дар, — попробовал отмахаться Алан. — Пройдёт.

Амарими глянул на него с сомнением, но промолчал. Но руку его так и не опустил.

В этой части трущоб было тихо, похоже, когда пособники заговорщиков только расчищали дорогу у моста, местные прозорливо бежали вверх по реке, к старому мосту. Трупов и следов мародёрства на улицах почти не было. Оставшиеся жители попрятались по щелям и сидели тихо как мыши. Как и они сейчас сидели...

Время шло, лучше не становилось. Алан дышал медленно и размеренно, мысли путались, сосредоточиться на чём-то стало сложно. И сон, зараза такая, не шол.

Так они и сидели, вдвоём, в уголке, и только Шотиши маячил то и дело за порогом, тихо перемещаясь по тесному заваленному рухлядью двору и контролируя происходящее за забором.

Сколько времени прошло он бы не сказал, но посветлело уже хорошо. Как бы не к полудню дело шло, когда пара разведчиков вернулась. Алан их не узнал даже с ходу. Что Шоуки, что Демьен закутались в какое-то рваньё, даже на сапоги намотали какие-то тряпки, став неотличимыми от местной бедноты. И целый куль этого самого рванья приволокли. Но да не это главное — парни раздобыли чёрствую краюху хлеба и ведро колодёзной воды. Алан пил, и не мог напиться, хотя и не следовало, по-хорошему, так хлестать холодную то.

Полегчало, хотя пожара в груди она и не залила.

— Что? — Алан поймал на себе задумчивый взгляд Шоуки. Очень уж внимательный и

тревожный.

Шоуки помедлил, потом подсел к нему с другого бока, и тоже поймал за руку, прощупывая запястье.

— Да что не так? — действия южан немного злили, он попытался выбрыкнуться из их хватки и сложить руки на груди, но просто не смог — его с лёгкостью удержали.

— Боль есть? — спросил Шоуки, заглядывая в глаза.

— Есть, — помедлив, всё же сознался Алан.

— Тут? — он показал на себе, приложив руку к груди. Было не особо понятно из-за рванья, да тёплой одежды под ним, но в целом...

— Да, — неохотно подтвердил Алан. И понял, что лицо южанина делается ещё более обеспокоенным, а в глазах появляется лихорадочный блеск.

— Что? — тут уже Амарими вклинился, зыряка то на одного, то на другого.

Шоуки указал куда-то в угол. Алан не понял куда смотреть вот совсем, но Амарими увиденное взволновало.

— Шотиши, это не ты? Шоуки?

Оба покачали головами.

— Да что вы там увидели то? — устало спросил Алан.

Шоуки поднял с грязного пола ржавый гвоздь, и оставил его на раскрытой ладони. Железяка едва заметно вздрагивала.

— И — что? — честно сказать, их поведение начало злить. Развели здесь непонятно что из-за какого-то гвоздя. Ну, и лихорадки. Это должна же быть какая-то дурная лихорадка? Ничто другое в голову просто не лезет.

— Это... — Амарими сглотнул и как-то весь подобрался. — Один из признаков пробуждения сильного дара. Когда подобное начинает происходить... Мы обычно носим специальные амулеты. Вроде бубенцов... И когда они... Нас подвергают особому ритуалу, помогающему пробудить дар безболезненно.

— А деревенщины вроде меня обходятся и без амулетов, и без ритуала, — произнёс тихо Шоуки. — Старшие спохватываются, только когда у ребёнка начинается лихорадка.

Алан нахмурился мучительно — о чём они вообще? Голова совершенно не желала соображать.

— Похоже в тебе... в вас пробуждается дар, господин, — Шоуки склонил голову. Руки его подрагивали.

Лихорадочно обшарив окружающее пространство он поймал взгляд растерянного Амарими. Увидел как невозмутимый прежде Шотиши привалился к дверному косяку и глупо моргает, похоже, выпав из реальности из-за шока. Северянин тоже недоумённо пялится, не понимая что происходит.

— Да быть не может, — морщится Алан, пытаясь выпрямиться, но снова сутулясь мучительно от терзающей его боли.

Это заставило Шоуки собраться — он помнил пробуждение своего дара, и хоть тот был слаб, и доставил не так много проблем, как мог бы, но приятного всё равно было мало.

А Алан...

У него должен быть сильный дар. Иначе и быть не может. И пробуждение должно даваться ему тяжелее.

— Вот сейчас и убедимся! — Шоуки сорвал с пояса принца одну из подвесок — в ней было наибольшее соотношение небесного железа к прочему материалу. Не чистая болванка, конечно, но да где возьмёшь приличный кусок в этом проклятом крае?

— Сосредоточьтесь, — попросил, опускаясь на колени перед Аланом и вкладывая амулет в его ладони. Обхватил их, не давая разжать. — Почувствуйте этот металл. Вы умеете медитировать? Хотя бы начальные формы?

Заглянул в глаза. Северянин качнул головой, в глазах мука и раздражение.

— Тогда нужна молитва. Или детская считалочка, стих, песня — не важно, что-то ритмичное, желательно... Вы же знаете Песнь Предков?

— Да. Когда учил ваш язык, читал её.

— Отлично, она подходит. Просто сосредоточьтесь на стали и повторяйте за мной.

Нужный ритм северянин поймал быстро, и слова вспомнились нужные за пару повторений. Кажется втянулся, и Шоуки внимательно теперь наблюдал за узорной металлической пластинкой в его руках. И за окружающим. Раздражающее подёргивание мелкого стального мусора вокруг медленно сходило на нет. А вот амулет вздрагивал. Впрочем, Алана трясло, Шоуки тоже потряхивало, тут было трудно сказать, от чего именно дёргает узорную пластинку. Он чуть сместил пальцы, коснувшись петельки, за которую крепилась яркая алая кисть. Горячая.

Замолк, наблюдая уже за тихо бормочущим слова Аланом. Кажется, его немного отпустило — и пусть цвет лица порядком маскировала грязь и пыль, губы уже налились кровью, перестав казаться синеватыми.

Ещё через пару минут пришлось его останавливать — подвеска раскалилась настолько, что начала обжигать кожу.

— Полегче? — спросил Шоуки, разжимая его пальцы и забирая пластинку. Северянин сбился со строчки и не сразу расцепил пальцы.

— Да, — произнёс он немного хрипло. — Хоть вдохнуть можно свободно.

— Нам нужно в посольство. Как можно быстрее. Там должен найтись кусок чистого небесного железа. С ним вам станет намного легче сбрасывать лишнее.

— Постой, сбрасывать... Объясни толком. И перестать выкать уже наконец, нашёл время... — Алан завозился, садясь ровно и оглядывая присутствующих.

— Как прикажете, — Шоуки покладисто склонил голову. — Как объяснил мне жрец

когда-то, духовные сосуды простых людей статичны, и не способны расширяться, но и через край они не переливаются. А в момент пробуждения Дара, поток духовной энергии увеличивается, и начинает хлестать через край, с одной стороны, изматывая тело, с другой, наполняя его этими излишками, что вызывает лихорадку и боли. И так будет до тех пор, пока духовный сосуд не расширится, чтобы спокойно принять возросший объём духовной силы. На это может уйти несколько дней. И чтобы уменьшить нагрузку на тело, лишнее в это время лучше куда-то слить. А небесное железо очень легко поддается духовной энергии и перетягивает её на себя. Это... очень примитивное объяснение, и оно наверняка не вполне соответствует истине, но другого у меня нет.

— Вы же сейчас о том, что... Получается, наш принц и есть... — растерянно пробормотал Демьен, но мигом заткнулся, когда Шоуки бросил на него быстрый взгляд. И Амарими. И Шотиши.

— Давайте... Не будем об этом раньше времени, — Алану явно было неуютно с новым знанием на закорках. — Это может быть просто совпадением, Дар не просыпается так поздно, насколько я знаю.

— Вообще-то бывает, — заметил Амарими, вытащив из-за пазухи свою книжицу и сейчас внимательно перебирая листы. — Редко, но бывает. Был случай, когда Дар пробудился почти на третьем десятке.

И притих весь, под прищуренным взглядом северянина.

— Ну спасибо, — хмыкнул тот. — И не надо, пожалуйста, сейчас огромными буквами писать своим что Истинный Император пробудился, поднятое на уши Посольство — это последнее, что сейчас надо королевству!

— Как скажете. И что писать? — покладисто согласился Амарими.

Алан со стоном спрятал лицо в ладонях, растерев по нему грязь. Помолчал.

— Так, ладно, вы двое — что видели? Что там происходит?

Шоуки бросил пристальный взгляд на Демьена. Тот намёк понял, и шагнул вперёд, изобразив дурашливо имперский поклон.

— Судя по всему отряд мятежников был если и не разбит, то сильно потрёпан на старом каменном мосту. Крепость получила лёгкие повреждения, местность просто кипит от остаточных эфирных потоков. В районе стекольных мануфактур наладили переправу, сцепив вместе несколько барж, однако же там произошла бойня. Мы видели тела одержимых, изрубленных в труху, и тела мятежников. Трудно сказать, что именно там произошло, но у меня сложилось впечатление, что либо мятежники что-то не поделили между собой, либо одержимые вышли из-под контроля. Местные в большинстве своём разбежались, оставшиеся на контакт идут неохотно. Несколько банд под шумок решили свести счёты, так что местами на этом берегу не спокойно. Говорят, в районе пожарных прудов всё ещё жарко, идут бои, старый город цел, защита развёрнута, и внешние районы понемногу зачищают от мятежников. Здесь пока тихо, но, мне думается, если всё скатится к сценарию шестидесятого года...

— Из Орлиного Гнезда подкрепление уже должно было подойти, — кивнул Алан. — И смотря какие силы у мятежников... Учитывая одержимых, бойня может серьёзно затянуться, но их рано или поздно отбросят к реке. А когда они побегут через неё как крысы...

— Лучше отсюда убраться, — согласился Демьен. — Вопрос — куда?

— Та переправа из барж ещё держится, — заметил Шоуки. — Там, конечно, шляются какие-то подозрительные личности... Да и по обломкам моста можно кое-как перебраться,

туда прибило ещё пару барж и нанесло мусора.

— Или вниз по реке, до дальнего моста. Но придётся далеко идти, — задумался Алан. — Как твоя нога?

— Бросьте меня, глядишь удастся пересидеть! — отважно заявил Амарими, и решительно взглянул на северянина. — Ваша безопасность намного важнее...

— Так! Никаких бросить! — Алан аж на ноги вскочил, грозно нависнув над принцем. — Надо будет — понесём!

Потом правда, пошатнулся немного, и упёрся в стену рукой, растирая другой грудь и морщась.

— Когда станет совсем тяжело, нужно будет повторить то... упражнение, — заметил Шоуки немного нервно. — Но это временная мера. Нам нужно попасть в посольство как можно скорее.

Дар в Императорском роду всегда был силён в конце концов. Кабы далёкий потомок прежних Императоров не был сожжён собственной пробуждающей силой.

— Да, верно, — вздохнул Алан. — Самым разумным было бы отступить в лес и пересидеть там, но учитывая обстоятельства... Сколько у тебя осталось страниц?

— Две, может три ещё рабочие, — закопошился Амарими. — Остальные уже по углам пожелтели, печати разрушаются...

— Пиши тогда, что мы попробуем пробраться к Усыпальницам, — подумав велел Алан. — И не упоминай! Понял? Просто напиши про ранение и что сообщим, когда доберёмся до места.

— Ха. Это может сработать, — кивнул Демьен, хотя северянину явно стало не по себе. Шоуки вопросительно глянул на него, и аристократ, нервно улыбнувшись, пояснил:

— Там очень низкий уровень эфира, это последнее место в столице, где маги захотят обороняться или наступать. Да и место тихое — старинное кладбище, небольшой парк, лечебница для душевнобольных. Считается, что низкий эфирный фон помогает им сохранять здравый рассудок.

— Да и когда чокнутые маги не могут поджигать всё вокруг это тоже весьма ценно, — проворчит Алан, глядя как младший принц выводит знаки на листе бумаги. Хмурился — явно не знал кода, которым тот пользовался. — Так что можно предположить, что бойня до туда не докатится, да и до периметра старого города оттуда не так уж далеко. Остаётся только добраться.

Шоуки пожалел, что не изучил как следует план города. Досадное упущение с его стороны. Он слабо представлял сейчас предложенное Аланом направление и связанные с ним риски. А должен был! Должен! Прав был Инари Сай, когда выговаривал ему за неосмотрительность и нежелание просчитывать ситуации...

Наконец, журавлика сложили и выпустили.

— Сейчас подкрепимся, маскируемся, и поглядим, что там у моста, — Алан сел, ещё раз приложился к ведру с водой, и закусив губу уставился на краюху хлеба.

— Воздержусь, — качнул головой Шоуки. — Меня всё ещё немного...

Но запнулся, поймав взгляд Алана, и покладисто склонил голову. Ладно, кусок хлеба он как-нибудь в желудке удержит.

И в самом деле, обломки моста успели превратиться в плотину, перегородившую реку и цепляющую всякий мусор, что несла река. Баржи, доски, обгорелые сваи непонятно откуда,

бочонки и всякий мусор образовали полосу от одного берега до другого — ненадёжную даже на вид полосу. Но рядом с этой мусорной плотиной было тихо, во всяком случае.

Они засели за перевёрнутой и почти расколотой надвое телегой, обозревая остатки моста и опустошённый квартал перед ними. Между бывшими домами, сутулясь и наигранно припадая на ногу пробиралась фигура в рваном и грязном тулупе с обрезанным воротом, да в сползающей на глаза драной шапке непомерного размера.

— Когда организую императорский театр, его в актёры не пушу. Халтурит! — пробормотал Алан, наблюдая за разведчиком. Амарими фыркнул смешливо, и принц повернулся к нему, недобро сузив глаза. — А вот ты пойдёшь на главные роли во всех постановках! Тоже мне устроил, бросьте меня, ваша безопасность важнее...

Хромал, да, но даже помощи ему не требовалось — опираясь на черень от какого-то садового инструмента он совсем не отставал.

Амарими не смутился, даже взгляда не отвёл.

— Если на то будет ваша воля...

В висках заломило. Алан тихонько выдохнул, и потёр бровь пальцами, надеясь хоть немного унять боль. К разлившемуся в груди огню он немного притерпелся, да и упражнения с железякой помогли его приглушить. Но поведение южан вызывало ту ещё головную боль. Вообще, возможная смена собственного статуса — это последнее, о чём ему сейчас хотелось думать. Как бы добраться до безопасного, тихого места, и есть ли ещё такие на том берегу реки?

Так-то, на вид, склады и заводы набережной горели далеко не все, и хоть огнём побиты оказались многие, в пепелища превратились единицы. То ли сказывались упорные попытки ввести нормы пожарной безопасности на производствах, с обязательным наложением чар и контролем материалов, из которых возводились новые здания, то ли попытки тушить эти самые пожары и близость реки...

На набережной было тихо, на причалах не наблюдалось никакого шевеления, только пара бродячих псов трепала какой-то куль на обломках склада. Очень хотелось думать, что это не труп.

И что город удастся быстро восстановить после всего этого бардака. Одним из аргументов “поборников независимости” вот уже долгие три сотни лет был тот факт, что под “презренными слабохарактерными Коэнами, склонившими голову перед южными дикарями, древняя столица дважды, а то и трижды в столетие сгорает едва ли не до тла”. Как будто при Громорожденных или Каятах тогдашняя, ещё деревянная столица не выгорала раз за разом?

Хочется мстительно порадоваться, представляя, как вытянутся их лица, когда они узнают, но, сказать честно, Алан бы предпочёл чтобы всё это оказалось каким-нибудь редким совпадением.

Потому что его магический дар тоже начал сбоить. Попытка запустить простенькую поисковую сеть, лёгкую и невесомую словно паутинка обернулась грандиозным пшиком. Хорошо хоть никаких последствий не было — он потерял порядком эфира, да “отсушил” каналы. Как новичок, только начавший осваивать магию, стыд то какой. И никто ничего такого вроде и не заметил, кроме чувствительного к переменам эфирного поля Шоуки.

Вот он кстати, знак подаёт, что дорога свободна.

И если сбоят магический дар — может быть, всё же, происходящее это последствия его перенапряжения, и его дальнейшее родство с Императорами прошлого тут не при чём?..

Двинулись, стараясь прикрываться завалами от возможных посторонних взглядов. Было пасмурно, солнце закрывали плотные однородные облака, но всё равно слишком уж светло, чтобы не нервничать на открытом пространстве. Шоуки дождался их у бранных останков моста, подтвердил, что ничего подозрительного не засёк, и полез на завал, ловко балансируя на обломках. Вот и надо было прикидываться хромым оборванцем?

Карит прошёл по завалу почти без огрехов, хотя в одном месте, между двумя баржами, хлам под его ногами просел почти до самой воды. Он подобрался к самой каменной набережной, глянул вверх, замер, будто прислушиваясь, и легко вспрыгнул вверх, уцепился за край, и спустя мгновение уже стоял на том берегу. Ловко. Но да — кариты, что с них возьмёшь.

— А мы как туда выберемся? — пробормотал на Орс с сомнением.

— Вытащим, — пообещал Амарими, а потом от чего-то фыркнул смешливо. — А то и закинем, как мешок с рисом. Метода-то — отработана.

Демьен хмыкнул, но ничего не сказал.

Ждать пришлось долго. Шоуки явно параноил, осматривая всё на несколько кварталов вокруг, но с его способностями он был лучшей кандидатурой для разведки. Алан заждался уже, ему снова становилось хуже, и хотелось пересечь реку до того, как боль помешает ему передвигаться.

Наконец на берегу показался Шоуки и подал знак. Двинулись вперёд. Его, Алана, ненавязчиво пропустили вперёд, рядом шол Шотиши, готовый и придержать, и прикрыть в случае чего.

Пару раз приходилось — доски разъезжались под ногами, местами были покрыты замёрзшими брызгами воды, да и вскарабкаться на борт второй баржи, сильно накренившейся, было нелегко. Но складывалось впечатление, что этим путём уже пользовались, очень уж удобно были переложены местами доски, и даже целые куски настила. Под берегом один имперец посадил его, а второй тут же поймал за руку, да втянул наверх.

— Как здесь? — спросил Алан, оглядываясь. Взгляд притягивала едва различимая плёнка щита, закрывавшая центр города. Её наличие подсознательно тревожило, но на деле, говорило о том что всё хорошо. Центр не захвачен, дворец и министерства в безопасности, предатели до точек фокусировки охранного периметра не добрались и старинный артефакт, качающий эфир в структуру щита работает как часы.

— Тихо. В некоторых зданиях... фабриках, да? Там заперлись люди и стараются не шуметь, пережидают, похоже. Вон в тех домах был бой, много трупов, часть с повязками, как у мятежников, часть здоровяки с каким-то совсем уж самопальным оружием, — доложил карит. — Топоры, молоты, деревяшки с гвоздями, пруты железные и ножи.

— Наверно на артельщиков нарвались, этим палец в рот не клади, — предположил Алан. — Здесь есть где укрыться ненадолго?

Карит молча указал взглядом на складские постройки в стороне. Алан коснулся пальцами груди, и Шоуки понимающе кивнул. Осталось только дождаться остальных — Шотиши вынужден был помочь Демьену с Амарими, у тех не заладилось — аристократ провалился по колено, а южанин зацепился за какую-то железяку и дорвал свой тёплый плащ. Волочащийся кусок пришлось обкорнать...

Алан встретил вздохом свою потрёпанную “свиту”, и скомандовал выдвигаться к укрытию.

Остановки приходилось делать всё чаще. Алану становилось хуже, хотя он и изображал вид бодрый и невозмутимый, и порядком напоминал бы Амарими, затеявшего какую-то пакость, если бы не цвет лица и мелко подрагивающие руки. “Упражнения” помогали, но требовались ему всё чаще и не приносили уже того облегчения, что в первый раз.

Шоуки в своё время, со своим слабы даром, ходил в “просто простывшем” состоянии два дня, потом слёг с “лихорадкой” и только на четвёртый день, приглашённая матушкой старая целительница поздравила женщину с тем, что у её чада открылся Дар, и велела нести в храм. Там, тогда ещё просто Шо, поставили на ноги за считанные часы. Сосуд благополучно раскрылся ещё через два дня, и жизнь вернулась в прежнее русло. До той злосчастной эпидемии, во всяком случае.

А у наследника стадия “кажется просто простыл” была проскочена ещё там, под завалом, похоже.

Это тревожило.

Так тревожило, что Шоуки не сиделось на месте и он выплёскивал жажду немедленной деятельности на ускорение продвижения отряда — тщательно разведывал предстоящий маршрут, пока Алан восстанавливался. Благо, его можно было оставить на всё ещё хромающего Амарими, на Шотиши, подозрительно кашляющего всё чаще, и на вроде как лояльного Демьена... По крайней мере повода усомниться в его преданности ещё не было, хотя отослать куда-нибудь от греха подальше — хотелось.

Разведка маршрута позволяла двигаться, пусть и зигзагами, но вперёд, и снижала вероятность уткнуться в очередной тупик и возвращаться назад окольными путями, а то и бегом. Северные аристократы, конечно, в общих чертах знали к каким кварталом сейчас лучше не приближаться, но в городе было слишком много переменных, им не известных.

Город со всех своих сил противился... не столько перевороту, сколько сопутствующим разрушениям. И город мог за себя постоять. Квартал золотых дел мастеров и чеканщиков обходили по широкой дуге — его накрывали видные невооружённым глазом защитные купола, а шпили на декоративных башенках, опоясывающих квартал предвкусно потрескивали синими искрами. Артельщики действовали проще, перегораживали улицы баррикадами из всякого хлама, закрывали тяжёлыми ставнями окна, дежурили на своих баррикадах со всяким дубьём в руках да рассаживали по крышам молодчиков с арбалетами. Местами они окапывались целыми кварталами, местами — лишь одним-двумя зданиями. Кварталы вокруг банков вымирали и были тихими-тихими, ибо к магической защите прилагались ещё и очень дёрганые наёмники, готовые кидаться на всё, что шевелится. Сперва Шоуки показалось это непрофессиональным, но потом они прошли мимо ограбленного под шумок банка, возле которого явно развернулась грандиозная бандитско-наёмничья баталия, усеявшая всё трупами, и вопросы отпали сами собой.

Отдельные дома так же старались превратиться в неприступные крепости — кто побогаче прикрывались магией, кто победнее — ставнями да досками, и везде, везде наготове были вооружённые кто чем люди. По хорошему колуну было в каждом доме, так-то.

Шоуки начало одолевает идиотское подозрение, что городские жители были привычны к динстическим разборкам и заранее к ним готовились, как, скажем, готовятся к наводнениям, ставя дома и амбары на сваи.

А ещё между всеми этими мини-крепостями сновали мятежники, служба охраны правопорядка, армейские, бандиты, решившие пощипать под шумок горожан, отряды аристократов, просто пользующиеся моментом для вырезания кровников, одержимые, молодые романтики, решившие не иначе как всех спасти по одиночке или стайками, какие-то непонятные психи и просто несчастные, которым оказалось некуда приткнуться ради спасения своей шкуры.

Иногда некоторые категории из этого списка сталкивались, усеивая улицы трупами.

И всего вот этого нужно было постараться избежать. Нет, к некоторым группам можно было бы примкнуть, или напроситься под защиту того или иного дома, или же квартала, но, пока выяснишь, насколько там лояльны династии Коэнов, пока докажешь, что ты — за действующую власть...

А времени, может, осталось и не так уж много. Радовало только, что до выбранной точки соединения, надо надеяться, с подмогой, оставалось уже не так далеко. Шоуки буквально кожей чувствовал, как падает вокруг эфирный фон, и как перестаёт бунтовать его несчастный желудок.

— Ты тоже отдохни, что ли? Уже недалеко осталось, — проворчал Алан, устраиваясь на колченогом табурете в подвале погоревшего дома. Крыша и перекрытия провалились в коробочку подкопчённых каменных стен, но подвал уцелел, подпертый старинным арочным сводом.

— Лучше пробегусь, проконтролирую, — качнул головой Шоуки. Поймал долгий взгляд Алана. Выдержал его без особого усилия, и был удостоен мрачного:

— Приказываю.

Шоуки покладисто поклонился, сел на пол, скрестив ноги да занялся медитацией, прикрыв глаза и наблюдая за происходящим с помощью своего Дара. Вот Алан поплотнее схватился за уже начавшую раскрашиваться пластинку, вот мелкий металлический мусор, специально набранный в карман перестаёт мелко подрагивать. Открыл один глаз. Убедился, что наследник полностью поглощён процессом стравливания лишней духовной энергии, Шоуки бодренько поднялся на ноги, и тихо объявил:

— Я отдохнул!

Поймал прищуренный взгляд Шотиши и жест принца, означающий “я прикрою”, и ловко и тихо выскользнул в выломанное низкое окошко, располагавшееся под самым потолком подвала. Притих, оглядываясь, и ощупывая округу Даром, после чего двинулся вдоль улицы, держась вдоль каменного забора. Здания тут были в основном двух-трёхэтажные, каменные, с садиками и надворными постройками. Поставить магическую защиту из-за низкого фона тут было невозможно, и люди больше полагались на баррикады и тихо сидели в своих пенатах, выжидая и надеясь на лучшее.

В квартале было тихо. За крышами виднелись деревья обширного парка, скалистая горка, за которой начинались старинные погребения. Где-то дальше по улице должно было находиться заведение для душевнобольных, но Шоуки пересёк улицу и сунул нос в проулок, выбирая дорогу к парку. Увиденное и почувствованное им обнадёживало, и пошныряв туда-сюда, он решил обойти квартал по краю, тому, что находился ближе к беспокойным Пожарным прудам. Там до сих пор то и дело что-то громыхало и потрескивало.

Прошёлся, то и дело замирая по сгущающимся теням да прислушиваясь. В какой-то момент не удержался от чиха, прозвучавшего на тихой улице подобно грому. Торопливо сменил позицию и выждал.

Тихо.

Потёр недовольно немного заложенный нос, и раз уж оказался тут, решил проверить череду домиков, по которым будто сам отец-громовержец потоптался. Проклятие тут было уже погуще, так что, возможно, здесь поработала магия. Сделал всего пару шагов к торчащим как гнилые зубы полуобрушенным каменным стенам и замер, почувствовав где-то на самой границе восприятия знакомые уже бусины небесного железа.

Аккуратно двинулся туда, куда указывал Дар, прикрываясь руинами, и стараясь поточнее оценить ситуацию.

Трое одержимых. Стоят ровно, не суеются. Двое из них в кольчугах да разномастной броне, третий прикрыт только гроздью амулетов. Вооружены хорошо все трое. Рядом ещё люди, местные, благородные и...

Шоуки невольно припал к земле, хотя до этой странной компании оставалось ещё дома три. Один из четвёрки суеющихся имел при себе каритский меч, и судя по положению, тот был заткнут за пояс, как положено, а не болтался на ремешках, как носили местные. Хотя одежда на непонятном типе была, судя по всему, северная.

Но да мало ли, трофей? На ножнах каритских мечей нет креплений под эти северные ремешки.

Опять же, северяне если и будут пользоваться имперской традиции клинками, то никак не каритским с сердечником из небесного железа. Версия с трофеем кажется всё более реальной. Шоуки снова двинулся вперёд, намереваясь взглянуть на вероятного противника. Даже на определённого противника, так-то. Хорошо бы устранить, но Шоуки трезво оценивал свои силы. Слишком долго будет возиться с одержимыми, а кто-то из той четвёрки наверняка маг, все имеют при себе разномастные амулеты, двое ими и вовсе увешаны.

Так что — только посмотреть, запомнить, слишком близко не подходить, потому что...

Эфирный фон вокруг тихонько всколыхнулся. Шоуки замер на мгновение, но почувствовав, что один из четырёх встрепенулся, рванул... Не назад, а в сторону. Нечего вести возможный хвост назад, к укрытию.

Трое одержимых качнулись, и побежали куда-то в направлении Шоуки. Он поторопился перемахнуть через остатки рухнувшей крыши, надеясь не допустить зрительного контакта, когда одержимые выскочат на широкую улицу, однако они сменили направление, и странно перемещаясь из стороны в сторону...наверно, протискиваясь между обломками, почесали в его сторону.

Шоуки ещё пометался туда-сюда и заключил, что вляпался в какой-то магический маяк — преследователи чётко держали направление. Ругнулся про себя, снова свернул, побежав в сторону парка — низкий фон должен следилку быстро обезвредить, как и всю прочую хваленую магию. На ходу сбросил шапку — сползала на глаза, мешалась. Потом, срезая угол, понял, что его преследуют четверо. Тот, с каритским клинком тоже мчался следом, впрочем, отставая от тройки. А вот они нагоняли, ибо неслись со скоростью хорошего скакуна, не иначе. А Шоуки вылетел в тупик — эти подворотни между разрушенным кварталом и парком были запутанны, и их планировка никакой логике не поддавалась.

Огляделся, наплатил тело духовной силой и перемахнув через высокий каменный забор почесал через дворы. Потом, на бегу, спорол и скинул драный тулуп — слишком тот стеснял движения, да и жарко от бега стало.

Снова тупик, да что ж такое?! Снова потерял пару мгновений, и едва не переломал ноги, не глядя спрыгнув на грудь какого-то хлама. Деревья были уже близко, но преследователи

всё ещё споро выдерживали направление точно на него. Хуже того, за очередным забором оказалась широкая улица, идущая вдоль оврага, на дне которого бежала не очень глубокая, но быстрая и не замёрзшая речушка. Шоуки прикинул, что не сможет перемахнуть её сходу, а пробираясь через воду слишком замедлиться, но тут и одержимые подтянулись, выскочив из проулка ниже по приречной улице. Увидели. Вот теперь не оторвёшься.

Шоуки вздохнул, прикинул все за и против, и побежал навстречу зачарованным людям, выхватывая клинок из ножен. С одним будет справиться легко, если, конечно, среди той кучи амулетов нет щита от физических атак. Или, если они быстро выдохнутся в этом почти свободном от проклятия месте. За рекой уже — деревья, и скалистая горка парка.

Два ножа он метнул вперёд, навстречу бездоспешному. Расчёт оказался верным — первый нож от щита отскочил, второй сильно потерял в скорости, завяз, и был сбит в сторону клинком противника. Но и плёнка щита совсем просела и побледнела. Подтолкнуть одного под колено, резко уйти вниз, проскользив по обледеневшей мостовой, удар снизу вверх, наискось, с разворотом. Шоуки бросил духовную силу в клинок, и удар вышел славным — мало того, что прорезал ослабевший щит, так и снёс с плеч голову бездоспешного.

Шоуки спиной вперёд отпрыгнул от ударов оставшейся парочки, поманил упавшие на землю ножи и вогнал их обоим противникам в подколенные ямки. Одному в правую, другому в левую, так получилось.

Прошлый опыт общения с одержимыми, да и увиденные в городе трупы подсказывали, что они исключительно живучи, и могут сражаться просто с огромным количеством мелких ранений. Складывалось впечатление, что кровь им для жизни не нужна вовсе. И почти все трупы одержимых были расчленены — буквально порублены на куски.

А посему лучшим выходом будет снизить их подвижность, и, раз уж шлемы с бармицей да стальные воротнички мешают снять головы, то пройтись по ногам и рукам, превращая противника в безвредный обрубок.

Нож так удачно зашёл одному из одержимых в сустав, что защебил его, другому повредило сухожилия, хромая на разный манер да с разной скоростью противники всё ещё рвались к нему, и Шоуки поторопился повернуть ножи в раны, и снова нанести удар. И в тишине, нарушаемой лишь тяжёлым, шумным дыханием одержимых, отчётливый хруст прозвучал жутко. Пару раз ударил клинком, окончательно лишив противников возможности ходить. Добивать не стал — не хотелось даже смотреть на всё ещё ползущих к нему людей. Их молчание ужасало больше, чем те раны, что он им нанёс собственноручно.

И раз теперь они его точно не догонят, можно забыть о них как о страшном сне и драпать отсюда, не дожидаясь пока...

Ох.

Преследователь легко и непринуждённо перемахнул через каменный забор, и встав посреди мостовой пару раз похлопал в ладоши — звук получился звонким и резким.

Высок, строен. Одет по-местному, от и до, только перепоясан широким тканым поясом, за который заткнут каритский клинок. Лицо родное, южное, как и разрез глаз, и высокие скулы, и прямой острый нос. Только кожа бледноватая и тёмные волосы острижены коротко, на местный манер. Без сомнения — имперец, лет около сорока, осанка благородного, либо карита, бровь рассечена полукруглым шрамом под странным углом, видно, что рана получена давно и была тяжела, раз зажив, оставила после себя столь явный след.

— Неплохо, — произнёс он на аятти. Немного тянул “о”, как часто говорят на

побережье. — И вновь подтверждён печальный факт, что эти куклы почти бесполезны против хоть сколько-то обученного карита.

Шоуки осторожно отступил в сторону — подранки всё ещё ползли к нему, волоча по брусчатке клинки. Глаз не сводил с мужчины. Перед ним был противник. Определённо — сильный. Тут можно было не гадать — всякий старший карит был по определению сильнее его.

— И откуда же здесь взялся сколько-то обученный карит? О! — незнакомец сощурился. — Слуга великого клана Сиасай. Даже лично — младшего сына самого Наместника.

Шоуки мысленно обругал себя — ну да, расшитый пояс то сейчас напоказ.

— Столь молодой телохранитель? Или же... — соотечественник со странным воодушевлением качнулся с носка на пятку, и неторопливо потянул меч из ножен. — Значит, ты и есть Шоуки Зимний Гром? Поговаривали, что сам Жнец отправил своего ученика присматривать за неугомонным принцем...

— При таком раскладе вам невежливо будет остаться неназванным, — сухо и раздосадованно заметил Шоуки, снова немного смещаясь, чтобы отодвинуться от подранков.

— К чему покойникам имена? — спросил мужчина насмешливо, и Шоуки ударил. Всем, что было под рукой — два окровавленных ножа, выпущенный подранком клинок, собственный меч, кусок жести с крыши какого-то сарая, и тяжёлый флюгер в виде длинного зверька с пышным хвостом. Тот сорвался с крыши ближайшего дома со скрежетом, и успел к противнику во вторую очередь, когда незнакомец отбросил потоком духовной силы первые снаряды.

Шоуки подхватил их сразу же и отправил обратно, заставляя имперца отступить.

Флюгер вмазался в брусчатку и раскололся, кованный зверёк отвалился от стержня, погнулись стрелки-указатели. Лист жести, дребезжа, кувыркнулся в воздухе, и спланировал-соскользнул вниз, норовя подрубить противнику колени.

Новый поток духовной силы, выплеснутой во все стороны снова отшвырнул его в сторону.

Но нельзя было давать противнику опомниться — Шоуки отлично понимал что не выдержит прямой сшибки с ним. Он — не Жнец, что голым мастерством может справиться с большинством других каритов. Ему, Шоуки, только и остаётся что полагаться на трюки и особенности его странного Дара, не давать противнику опомниться, не позволить начаться настоящему бою.

В настоящем бою его просто порежут на ремни.

У него чертовски мало времени на то, чтобы хотя бы подранить этого типа и сбежать. Потому Шоуки судорожно тянул к себе каждую железяку, которою чуял в домах по соседству и мог сдвинуть с места. Подавляющее большинство из них, увы, были в закрытых помещениях, и их приходилось сразу же отпускать.

Мужчина вскрикнул, больше от злости, чем от боли, когда лист жести всё же засадил ему по пояснице. Перехватил почти воткнувшийся в глазницу нож, меч одержимого, второй нож, два куса флигеля, меч самого Шоуки. Кусок жести перехватил уже пальцами. Похоже, это был предел того, что его Дар мог держать одновременно.

— Ну что, всё? — уточнил со злой усмешкой незнакомец.

— Неа, — осклабился Шоуки, когда в спину противника прилетел до того тихо подкрадывавшийся по обочине топор. Увы, колун был старый, ржавый хуже некуда, с

обломанным топором, а потому не нанёс существенного урона. Зато дезориентировал достаточно, чтобы Шоуки смог вырвать свой клинок из его хватки. До этого попробовал “отобрать” кинжал, но тот даже не шелохнулся. Противник был весьма силен, но от болезненного тычка в спину не сумел удержать хитро выкованный с добавлением небесного железа меч. Но вот закрыть предплечьем горло успел, так что Шоуки только распорол ему рукав да ранил руку.

— Ах ты крыса... — с некоторым даже удивлением выдохнул противник, зло сузив глаза.

— Тот, кто не пожелал называть своё имя перед поединком, не претендует на достойное обращение! — развёл руками Шоуки, да подтянул поближе свой клинок, подвесив его над плечом остриём вперёд. — С противниками надлежит сражаться. Разбойников, крадущихся в тени — уничтожать.

— Не слишком ли смелыми словами ты разбрасываешься? Пожалуй, стоит укоротить тебе язык... — не назвавшийся карит рванул вперёд, швырнув заодно всё перехваченное железо в Шоуки. А нет, не швырнул. Контролировал, не давая перехватить.

Жаль. Шоуки был не против потянуть время трёпом — противник ранен, кровотечение обильное, вон как рукав намок.

Кинжалы Шоуки сбил клинком, и то — с трудом, но от остального хлама вынужден был уворачиваться, и хоть это ему удалось, но отступить он уже не успевал.

Клинок прыгнул в руку, Шоуки напитал его духовной силой увёл в сторону особенно тяжёлый удар. Хотел бы отступить, но слева пронеслась тяжёлая железяка, а справа к нему уже тянули руки упрямые одержимые подранки. Руки загудели, сталь заскрежетала о сталь. Подшаг и пригнуться, пропуская над головой кусок флигеля, и на контратаку времени не остаётся. Только блокировать очередной выпад.

Противник бил тяжело, опасно, Шоуки только и мог что обороняться и пятиться, уворачиваясь от хлама, и пока с успехом вертелся. Ему проще было контролировать ситуацию вокруг, а его противник много духовной силы отдавал на манипуляции с железом и потому бил не с такой силой, как мог бы.

Но всё равно затягивать этот обмен ударами было слишком страшно. Подгадав момент, Шоуки разорвал дистанцию, перескочив через упрямых одержимых, с трудом отведя собственный нож от удара в печень. И тут же саданул противника под колено сорванным с головы одержимого шлемом. Перещупывая всё железо в округе Шоуки заметил, что тот держался на честном слове — ремешки перетёрлась.

Имперец взрыкнул, споткнулся, шлем покатился дальше, гроыхая по брусчатке и звеня кольчужным полотном. А потом через забор перемахнул казан, ещё несколько листов жести, тяпка, лопата, два обода от бочки, неопознаваемое ржавое нечто. Выкатив свой предпоследний козырь, Шоуки бросил весь этот хлам на чужака, тот вынужден был в круговую пустить волну, заодно выпустив всё, что держал своей силой, и железяки разлетелись в стороны, подсакивая и гремя об камни мостовой да забор.

И ударяясь, отскакивали обратно в чужака.

Шоуки жонглировал хламом, чуть подправляя его направление движения, чуть придавая ускорение, заставляя с грохотом и звоном прыгать на врага со всех направлений. Карит раз за разом отмахивался от этого гроыхающего облака голой духовной силой, лицо его перекосило от ярости, а глаза нехорошо полыхнули. А потом он ударил так, что гремящий хлам снесло далеко в сторону. Шоуки даже пошатнулся — настолько сильна была эта волна

духовной энергии. А в следующее мгновение его смело, отбросив куда-то в бок. Он был привычен к толчкам духовной энергией, извернулся, приземляясь на ноги, но его дезориентировало, и сбило контроль. Парень едва успел заблокировать удар подскочившего противника, и в этот раз клинки сшиблись с такой силой, что рукоять вывернулась из пальцев. С торжествующей ухмылкой неназванный саданул в лицо Шоуки рукояткой клинка, да так, что звёздное небо из глаз брызнуло, а в следующее мгновение он снова летел, отброшенный духовной силой противника.

На одних заученных рефлексх извернулся в воздухе, но земли под ногами всё не появлялось, а потом он и вовсе рухнул в воду.

Речка была неглубокая, хорошо если по пояс, но вода в ней была очень и очень близка к замерзанию. Спасала только скорость течения, но на прибрежных камнях обильно нарастал ледок. И эта ледяная вода мгновенно пропитала одежду, впившись в тело ледяными когтями. Не готового к такому Шоуки скрутило судорогой, грудную клетку будто великан сдавил, и он нахлебался воды прежде чем смог наконец встать на ноги и закашляться. Но в следующее мгновение его ударило в плечо и вновь опрокинуло в воду. Он даже боли не почувствовал — просто рука повисла плетью, отказываясь слушаться, да и не до того было — он барахтался, пытаясь вырваться из холодной хватки воды, вдохнуть воздуха, и ощущая себя болезненно беспомощным. Даже сосредоточится не удавалось, чтобы нащупать оброненный меч.

Когда он наконец вынырнул, то увидел, что его противник замер на склоне оврага, и зло смотрит куда-то в сторону парка. Потом подхватил даром его, Шоуки, клинок, и со всей силой своего духовного сосуда бросил в лицо хозяину. Как Шоуки успел вырвать из рукава один из двух оставшихся кинжалов он сам не понял. Перехватил рукой в полёте, промазав мимо рукояти, порезал пальцы, сжав их на лезвии. А следующее мгновение сталь ударила о сталь с чудовищной силой. Щёку рвануло, и молодого карита снова опрокинуло в воду.

В этот раз неумелая попытка медитации с фокусом на подвеску заняла совсем мало времени. Алан выронил заметно покорёженную железку, и, вздохнув, растёр грязное лицо ладонями. Медленно, и устало. Амарими потыкал пальцем свою подвеску, и осторожно поднял. Она была горячей, и крошилась всё сильнее. Выглядело это так, будто металл расслаивался — обычная сталь отделялась от вкраплений небесной. Узор на поверхности пластинки уже почти не просматривался.

Жаль. Подвеску с тайными письменами скрытыми в узорах подарила ему бабушка лет пять назад, и Амарими почти всегда брал её с собой. Впрочем, если она помогает будущему Императору справиться с недомоганием...

— Получше? — уточнил Амарими.

— Немного, — кивнул северянин, оглядываясь. Но выглядел, надо признать, не особо лучше. Или просто тени так на лицо ложились? Не разобрать в тёмном подвале. — А Шоуки — где?

— Я его на разведку отпустил, — невинно хлопнул глазами Амарими. — А то как-то подозрительно тихо было снаружи.

Наследник чуть прищурился, но промолчал. Его соотечественник старательно делал вид, что занят разглядыванием груды хлама, что перегораживала подступы к лестнице на первый этаж. Шотиши невозмутимо сидел, скрестив ноги, и глухо покашливая то и дело.

Не выдали, молодцы!

Отчасти, Амарими был согласен с Аланом — его другу тоже нужен был отдых, выглядел он замотанным, и всё ещё страдал от проклятия вокруг. Но в отличие от Алана молодой принц отлично знал деятельную и добросовестную натуру Шоуки. Раз уж на его плечи легла ответственность по доставке будущего Императора в Посольство, он сделает всё, чтобы убедиться в безопасности дороги, и пытаться его отговаривать — только воздух зря сотрясать.

— Давно он ушёл? — поинтересовался Алан, откидываясь, чтобы опереться спиной о стену. Табурет настороженно скрипнул.

— Не то чтобы очень, — бодро заметил Амарими, пряча подвеску за пазуху. — Он успел передохнуть немного.

— С минуту, да? — прозорливо уточнил Алан.

— Ну отдохнул же! — Амарими и глазом не моргнул.

— Скажи, должность придворного шута у вас всё ещё актуальна?

— Нет, но ты всегда можешь возродить древнюю традицию, — благодушно заметил младший принц.

Демьен не выдержал и хохотнул. Аятти он знал неплохо, его род занимался торговлей, Амарими частенько слышал о торговом флоте на Орсов дома. Но потом северянин испортил всю малину:

— Но серьёзно. Нет давно, — а вот говорил он плоховато, практики, похоже, не было.

— Может, маршрут сложный? — Амарими перешёл на северное наречие, чтобы товарищ по несчастью не мучался. — Далеко ли до парка?

— Отсюда — не особо, — покачал головой Алан.

— Мы совсем рядом! — согласился Демьен. Подсел к парочке принцев, и пальцем, в

пыли на полу, начал чертить примерную карту района.

Алан наклонился немного вперёд, поморщился, слез с табурета, отодвинув его в сторону, и тоже устроился на полу. Рассеянно, по привычке, щёлкнул пальцами, чтобы немного осветить пространство.

В низкий потолок с хорошо слышным гулом ударил поток пламени. Языки его расплзлись в стороны, хищно облизывая паутину с кирпичей, и опали.

Шарахнувшиеся в сторону Амарими с Демьеном ошалело моргали. Алан замер взъерошенный и задумчивый. От его капюшона потянулся робкий дымок — запах палёной шерсти становился всё отчётливее. Демьен выпрямился, неторопливо потянулся, и припорошил воротник будущего Императора слоем инея, задушив тлеющий участок.

— Кажется, я нашёл более действенный способ “сбрасывать лишнее”, — медленно и задумчиво произнёс Алан.

Амарими привычно ухватил за шкурку растерянность, и затолкал её куда подальше. Расплылся в улыбке, да всплеснул руками.

— Так это же замечательно! Теперь мы можем не так беспокоиться о времени, да и перемещаться дальше!

— А ведь фон совсем не изменился... — не обращая внимания на его трескотню заметил Демьен. — В голове не укладывается. Выходит, ты и правда унаследовал дар Императоров?

— До тебя только дошло, или тебе непременно нужны были доказательства? — немного хмуро уточнил Алан, поднимаясь на ноги.

— Нет, просто... Вся эта южная эзотерика... — он покачал ладонью в воздухе, изображая сомнения. Потом спохватился. — Я не в коем разе не хочу как-то оскорбить практики вашего народа...

— Да ладно, — отмахнулся Амарими. — Пока не увидишь всё собственными глазами ваша магия тоже кажется какой-то деревенской дичью.

Алан вздохнул. Потом тронул Амарими за плечо.

— Как твоя нога?

— Получше. Честно получше. Перетянул потуже, снял отёк. Бегать не смогу, во всяком случае долго, но в остальном...

— Тогда выдвигаемся. Что-то мне тревожно.

Амарими наострил уши. Про способности Императоров ходило множество легенд, младший принц понимал, что часть из них — всего лишь легенды, часть иконографии, воздвигнутой его народом. Да что там — политикой его собственного рода, целенаправленной, и проработанной. Но внутренне он не мог отделаться от желания приписать другу все мистические свойства и способности его предков — и выдуманные и реальные.

Поэтому он кивнул, и не стал возражать, хотя и правда был против такого шага. Впрочем, уже выбираясь из подвала, ему подумалось, что если они и разминутся с Шоуки, тот легко их отыщет благодаря особенностям его Дара.

Наступить на помятую ногу было больно, но боль эту вполне можно было терпеть, особенно, если неторопливо плестись в хвосте их могучего “отряда”, прикрывая тылы. Алан порывался выступить вперёд (что радовало, вон как пободрел!), но Шотиши невозмутимо задвинул его себе за спину с вежливыми извинениями.

Вокруг было тихо, действительно, подозрительно тихо. Дома не выглядели

брошенными, или взломанными и ограбленными, но чувство всё равно было такое, что людей в них нет. Жаль Шоуки не было рядом — он всегда мог сказать, пуст ли дом, или просто жильцы затаились, и даже печки не топят, чтобы не привлекать лишнего внимания идущим из труб дымком.

Чуть погодя в стороне показалась обширная полоса разрушений. Что-то такое здесь определённо происходило, что заставило горожан сидеть тихо или удрать от греха подальше. Северяне начали шёпотом переговариваться, перебирая приёмы, которыми можно было добиться такого эффекта, когда Шотиши вдруг шикнул и остановился, призывая их к тишине.

Все замерли, прислушиваясь, и правда уловили долетающий откуда-то грохот и глухой звон. Природа звуков была совершенно непонятна. Демьен зашевелил пальцами и забормотал что-то, прикрыв глаза, потом сообщил:

— Сигнальный контур — совсем рядом. Малый, “паутинка” и на поводке.

— Ну да, эфир тут разряженный... по направлению звука? — уточнил Алан.

Демьен кивнул. Алан жестами отдал распоряжение рассредоточится и залечь, а на Орсу двигаться вперёд. Потом, правда, пришлось повторить устно. Его соотечественник не знал каритского языка жестов, и вообще был против, предлагая обойти подозрительное место. Алан возразил, что уж если Демьен сумел засечь сигналку, то её автор точно не доставит им проблем.

Амарими тоже не нравилась идея цеплять непонятого мага, но он снова пошёл на поводу у друга, и покладисто залёг за грудой битого кирпича у полуобвалившейся стены, да заранее вытащил клинок из ножен. Шотиши присел за другими обломками в стороне. Алан занял позицию между ними.

Демьен вздохнул, поправил маскировочное рваньё, чтобы не видно было лица, и неторопливо побрёл вперёд, вдоль по улице, обходя попадающиеся на пути обломки.

Далеко уйти не успел. Из чудом уцелевшего проулка выступил местный, похоже, что аристократ — уж больно ладным смотрелся его тёмный охотничий костюм, да и тяжёлый плащ был оторочен очень хорошим мехом. Мужчина, уже сидящий, с недовольным лицом и надменным взглядом. Выглядел он нервничающим.

— Просто какой-то бродяга, — бросил он в проулок, поднимая руку да создавая в пальцах тёмный комок непонятого то ли тумана, то ли дыма. Ему что-то ответили, но было уже далеко, чтобы разобрать слова. Демьен попятился, сложив руки в молитвенном жесте и бодро изображая перепуганного простолюдина, а вот Алан весь напрягся, подобрался, и жестами показал “брат живьём”.

Ну, если Император желает заломать какого-то неприятного типа, кто такой Амарими, чтобы ему отказывать?

А тип был определённо неприятным — ибо ударил магией, намереваясь, должно быть, убить случайного свидетеля.

А вот поток серой хмари впечатался в мгновенно выросший на его пути ледяной щит, и рассеялся. Ответная любезность Демьена выглядела, как волна инея, пробежавшая по мостовой. К моменту, как она достигла ошарашенного отпором мага, в его щит врезался клинок Амарими, ослабляя и проминая его. Мгновение, и мужчина захрипев, завалился, настигнутый волной инея.

Сорвавшийся с места Шотиши пронёсся по обломкам домов и коршуном нырнул в проулок, следом подтянулся Демьен.

Алан нёсся за ними, оскальзываясь на обледеневшей брусчатке.

Амарими поднялся, и не слишком торопясь, потопал к месту действия. На перекрёстке подобрал свой клинок, убедился что слегка заросший инеем тип жив, и с довольством обозрел ещё два тела, распластанных на земле. Шотиши бдел, Алан со злорадной улыбкой вязал руки одного мужика, пока на Орс нарезал на длинные полоски плащ другого, вырубленного.

— Знакомые? — любопытно уточнил Амарими.

— О да! Такую добычу грех упускать! Как мы их только потащим...

— Можно остаться здесь, — предложил Амарими, оглядывая заканчивающийся завалом проулок. Чуть дальше он расширялся, образуя карман, не просматривающийся с дороги. — Место тихое и укромное.

— До парка и старого кладбища рукой подать, — кивнул Демьен. — Вон, уже деревья видны.

— Надо только сходить, разведать, что там гремело, — кивнул согласно Амарими. — А там я пошлю журавлика, что мы прибыли на место. Если повезёт, нам на встречу уже выслали отряд. Вот я пожалуй, и схожу на разведку.

— Но у тебя нога, — возразил Алан.

— Я тихонько! — пообещал Амарими. — К тому же, не можем же мы оставить нашу добычу без охраны?

С намёком так посмотрел на северянина. Тот тяжело вздохнул. Младший принц улыбнулся довольно.

— А так с ними останется хороший маг, умелый воин, и ты.

Демьен хохотнул, и подобрав одну из нарезанных полос начал связывать типа в отключке.

— Ладно, ступай, — неохотно согласился Алан. — Но будь осторожен, хорошо? Шоуки вон, тоже ушёл на разведку, и теперь непонятно где.

Амарими кивнул, и потихоньку покрался вдоль по улице, да до поворота. Так-то он надеялся, что гремели как раз вышедшие на встречу соотечественники, по времени они должны были добраться до парка куда раньше их. Особенно, после того кода, что он отправил в последней записке.

Обойдя квартал он выбрался на широкую улицу, и в глубоком удовлетворении заметил суetyащиеся неподалёку фигуры. Отступил обратно, за угол дома, сбросил с себя грязные тряпки, разгладил накидку, поправил волосы, задержав дыхание быстро проговорил про себя пару медитативных формул чтобы хоть немного унять боль, и потопал вперёд с видом деловым и уверенным.

Фокус удался, поглядывающие по сторонам кариты бегло мазнули по нему взглядом и не придали особого значения, приняв за своего. Остальные суетились на склоне оврага, на дне которого журчала быстрая речка. Невозбранно подойдя к замершей девушке, и разглядев наконец, вокруг чего так суetyятся кариты, Амарими обеспокоенно поинтересовался:

— Выкарабкается?

Госпожа Шиинна вздрогнула, и уставилась на принца. Выдохнула медленно.

— Господин Инари хорошо тебя учил... Выкарабкается. Всё не так плохо, как кажется. Потерял много крови, конечно...

— Кто его так?

— Перебежчик, полагаю. Отправила троих в погоню. Приведут — разберёмся. А

остальные где?

— Тут рядом. У нас тоже есть кое-какая добыча... Вы пришли на грохот?

Амарими бросил взгляд на раскатившийся по брусчатке железный хлам.

— Маленького жнеца трудно не услышать за работой, — госпожа Шиинна усмехнулась, и распорядилась отряду разделиться. — Веди! Где там ваша добыча...

— Со-на-шиа-ягти-ро-о-о...

Слова гулко отдавались под сводом. Эхо множилось, казалось, сам воздух начинал дрожать от него. Тонкие нити дымков, вздымающихся над благовониями, начали смазываться, вибрация звука захватывала тело, входила в резонанс с каналами, медленно вводила их в необходимое состояние...

За дверью раздался резкий, сдавленный звук.

Алан сбился, с трудом удержался от ругательства. Вдохнул, выдохнул. Снова затянул мантру, медленно вводя себя в медитативное состояние. Получалось уже лучше, чем пару дней назад, практика шла ему на пользу, позволяя сократить время подготовки к основному действию.

Если бы только чёртов “сосуд” поддавался на его усилия, и соизволил принять нужную форму, или что он там должен сделать?!

Из под двери раздалось надсадное перханье.

Алан попробовал отогнать раздражение, начал сначала, затягивая мантру, медленно заставляя сам воздух вибрировать, дожидаясь, когда эта дрожь начнёт гулять по телу и проникнет глубже...

— Чхи!

Наследник резко поднялся со старинного каменного алтаря, едва не смахнув узорчатые чашечки для благовоний, прошёл три шага к низкой дверце, наглухо запирающей этот крохотный альков, и распахнул её, мрачно уставился на южан.

— Что? — невинно хлопнул глазами Амарими. — Ты велел нам отдыхать и пить чай, мы отдыхаем, и пьём чай.

Оба сидели на полу, привалившись спинами к колоннам арки, обрамляющей вход в комнатку с алтарём. Между ними стоял то ли крошечный столик, то ли поднос на гнутых ножках, на котором разместился чайник и блюдечко с какими-то сладостями.

Амарими сидел, подложив под задницу плоскую подушку, и вытянув больную ногу в проход. Шоуки завернулся в плед по самую макушку, и неловко пытался утереть платком кровавые сопли. Выглядел карит как покойник — бледная кожа, тёмные круги под глазами, едва ли не синие губы и опухший нос. Ну и бинты, закрывавшие половину этого ужаса. Глаза нездорово поблёскивают — упряма всё ещё лихорадило.

— Знаешь, я чувствую себя чудовищем, — попытался привести последний довод Алан. — Хороший господин должен заботиться о своих подчинённых, а у меня что выходит?

— Какая разница, где я буду отлёживаться, здесь, или в комнате? — простуженным голосом поинтересовался Шоуки.

Алан устало выдохнул, и сел, прямо на пороге, скрестив ноги на южный манер. Уже привык за эту неделю.

Мрачно закинул в рот вязкую сладкую массу с блюдечка. Посмотрел на благодушного Амарими. На Шоуки, дрожащими пальцами прижимающего к лицу платок. Тот чихнул, болезненно морщась.

— Мне надо переговорить с отцом, — произнёс Алан отстранённо. — И мне порядком уже надоело выслушивать все эти сонмы причин, почему я не могу покинуть территорию Посольства.

— Хм... — задумчиво потянул Амарими. Отхлебнул из тонкостенной фарфоровой чашечки ароматного травяного чая. Покатал на языке сбор лесных и горных трав, помогающий от простуды. — Очень надо?

— Очень.

— Госпожа расстроится.

— Этот никчёмный Император принесёт сиятельной госпоже Осами свои глубочайшие извинения за все её тревоги, и свою нетерпеливую дурную натуру.

Шоуки то ли кашлянул, то ли хрюкнул. Амарими мастерски удержал на лице отстранённое выражение.

— Ну если так подумать... — с сомнением потянул Амарими. — До забора можно что-нибудь сообразить. А дальше, увы...

— Дальше уже я могу что-нибудь сообразить.

— Шумно? — уточнил осторожно южанин.

— Какое шумно, Амарими?! Ты меня расстраиваешь! Я знаю все... ну или почти все потайные ходы дворца и меня пропустят любые охранные чары! Я здесь принц, или кто по твоему?

— Здесь — ты будущий Император, — гнусаво пробормотал Шоуки в платок. — И мы что-нибудь придумаем.

— Но хорошо бы, чтобы это было тихо, — кивнул своим мыслям Амарими. — Шо, ты как далеко чуешь?

— Сейчас... Чхи! До твоих покоев дотягиваюсь.

— Надо посчитать, прикинуть... — Амарими задумчиво качнул головой. — Главное вести себя как ни в чём не бывало.

— А что нам ещё остаётся? — вздохнул Алан, хлопнув себя по коленям, и поднимаясь. — Ладно, я поработаю ещё немного... А вы — шли бы отсюда! Оба! Выздоровливать, как порядочные раненые!

Он повысил голос, и его слова разнеслись эхом под сводами малого зала храма Предков. А следом — хлопнула дверца алькова, закрываясь.

Просидели они недолго — допили чай, ещё по паре раз наполнив кружки, и Амарими задумчиво устался на Шоуки. Тот, хлюпнув носом, подозрительно сощурился. Знал он уже этот взгляд маленького принца. Но да, в этот раз, молодой карит вовсе не возражал против того, чтобы его друг замышлял какую-нибудь каверзу.

Будущий Император желал прогуляться во дворец — и им следовало это устроить.

— Мне послышалось сегодня с утра, или лекарь на тебя порядком ругался? — уточнил Амарими.

— Ругался, — подтвердил Шоуки спокойно. — По его разумению мне нужно лежать пластом и всячески потакать своим недомоганиям.

На взгляд самого Шоуки — какая разница, где мучиться? Раны вели себя пристойно, зашитые, забинтованные и замазанные мазями они смиренно заживали, а вот разбитый нос не поделил территорию с простудой, доставляя изматывающие трудности и изысканно-болезненные ощущения. К тому по утрам он чувствовал себя куда лучше, и последние несколько дней не упускал эту возможность, чтобы пошататься хвостом за Аланом, и убедиться, что процесс пробуждения Дара хоть и застопорился, но не угрожает его жизни и здоровью.

А вот после обеда можно доползти до своей койки и тихо страдать от терзающего тело жара.

— Хм... Идём-ка, прогуляемся. Демьена навестим, поспрашиваем о том, о сём...

Храм покинули через боковую дверцу, Амарими тащил поднос, и без зазрения совести вручил его крутящемуся у входа доверенному прислужнику старшего жреца. Чуть поодаль караулили приставленные к Алану телохранители. Или соглядатаи. Дожидались, когда он покинет храм после утренних занятий.

К глубочайшему удовлетворению Шоуки, возрождение императорского рода оставили в тайне, насколько это вообще было возможно, так что на территории посольства всё шло своим чередом, никакой панической беготни, никаких торжественных служб в храме Предков, и флаги всё так же были приспущены, как и последние три сотни лет.

Посольство и так было на военном положении, никто сторонний не удивился возросшей охране в условиях военного переворота. А вот если посольство, в час, когда столица уже вне опасности и последние очаги сопротивления уничтожаются на южной окраине, начнёт готовиться к осаде... Это не останется незамеченным и вызовет вопросы.

А кому нужны вопросы? Правильно — никому. Северное королевство сейчас и так штурмит, куда ему ещё слухи о возвращении Императора?

Наглухо заложенный нос не давал дышать нормально, мучительно хотелось высморкаться, но это действие каждый раз сопровождалось болью, и Шоуки откладывал процедуру до тех пор, пока тело самостоятельно не устраивало звучный чих. Тоже болезненный, но быстрый.

Чих их и выдал, похоже.

Когда они неторопливо прошли в крохотный дворик, подпирающий дом с пристройками, северянин как раз открыл двери, да так и замер на пороге, привалившись плечом. Надо сказать, южные одежды на рыжем северянине смотрелись странновато, и только подчёркивали его “взъерошенность” и недовольство. От части, он напоминал Кено

сейчас, но черты лица слишком уж явно выдавали в нём чужака.

Кариты поднялись на деревянный настил, и “хозяин” домика молча уступил им дорогу, пропуская в тепло. На мгновение задержался на пороге, глядя на бдящего на крыльце пристройки слугу, и закрыл двери.

Расселись. Шоуки выдохнул немного свободнее, пряча платок в рукав непослушными пальцами.

— Ну как? — Амарими чуть склонил голову на бок. — Выгорело?

— А вы как думаете? — на Орс упрямо не желал переходить со своими гостями на “ты”. Шоуки это вполне устраивало, Амарими подзуживало на показательное панибратство. — Обстоятельства призывают к осторожности и соблюдению тайны, и посему нет никакой возможности...

Аристократ чуть дёрнул губой, и выдохнул тихо, стараясь не выдать злости. Не удивительно. Его заперли здесь, не давая ни уйти, ни передать весточку родным — смахивало весьма на заключение. А ещё в стенах посольства северный маг практически не мог колдовать из-за низкого эфирного фона. Это тоже не добавляло ему спокойствия и уверенности в себе.

— Есть выход. Алан сможет передать весточку через родню, — заметил Амарими. — Но есть проблема.

— Его самого не отпускают? — со скучающим выражением угадал парень.

— Кто-ж отпустит наследника Империи из-под присмотра, когда у вас здесь — кровавый бунт? — пробормотал Шоуки. — Но несмотря на опасения господина Тайко и госпожи Ита, мы, как вассалы правящего рода не можем оставить просьбу нашего господина без внимания.

— Что от меня требуется? — вздохнул Демьен.

— Да всего-то предоставить этот дом во временное пользование на момент операции. И создавать видимость непринуждённого разговора. И если что, все шишки мне, как организатору достанутся, не переживай, — пообещал Амарими.

— Ему не привыкать! — Шоуки аккуратно усмехнулся, чуть приподняв уголок губ.

— И — всё? — даже не поверил Демьен.

— И всё, — бодро кивнул принц. — Остальное мы сами, одним, или иным способом.

И посмотрел при этом на Шоуки. Хитро так.

— До периметра отсюда достанешь через сад?

— Дотяну, — кивнул Шоуки, на мгновение сосредоточившись на Даре. — Я чувствую якоря печатей в фундаменте стены.

— И патрули? — задумчиво спросил Демьен, успевший насмотреться на процесс применения этого Дара.

— И патрули, — подтвердил Шоуки, и торопливо спрятал нос в платок. Зажмурился, выстрадывая чих.

— Вы хотите, чтобы он провёл Алана по слепым зонам к наружным стенам? — догадался северянин.

— Подстраховал на нескольких ключевых точках, — кивнул Амарими, улыбнувшись задорно. — Схемы патрулей я сегодня срисую без проблем, по ним уточню наш маршрут. И ключи к печатям охранных периметров у меня есть. Проблема только в том, что тебе, Шоуки, нужно будет остаться здесь.

— Это будет... странно, — пробормотал ученик Жнеца, внутренне готовясь к сложной

и ответственной работе.

— Отрепетуруем. Подумаем, что можно сделать иначе, эффективнее и проще!

Амарими просто лучился предвкушением и азартом. Демьен настороженно поглядывал то на принца, то на совершенно серьёзного и спокойного карита.

— Что? — усмехнулся Амарими, заметив его взгляд. И снисходительно похлопал северянина по плечу. — У нас преимущество — мы планируем побег от своих, а не от чужих!

Утро прошло в привычном ритме. Разминка, завтрак, упражнения по сбросу излишней духовной силы со здоровенной чуркой из чистого метеоритного железа — Алан не рисковал направлять её в чары. Плохо контролировал процесс ещё, и боялся навредить и себе, и окружению. Силы было на удивление много, и он не привык управлять такими объёмами, да и вовсе не понимал как это может работать. Со жрецом, очень обстоятельным и дотошным южанином средних лет, он ещё в первые дни вёл долгие беседы о природе духовных сосудов и их силы. И даже в южной традиции признавали, что духовная сила и эфир, “проклятие”, это хоть и схожие, но разнородные силы. Поглощение эфира духовными сосудами имело место в некоторых случаях (взять хотя бы мающегося Шоуки), но этот эфир не увеличивал силу одарённых в обычных обстоятельствах. Только здоровье портил. Жрец рассказал о нескольких проклятых местах на юге, где сила проклятия была такова, что слабые кариты испытывали прилив силы, неминуемо сводящий их с ума и калечащий внутренние структуры включая духовный сосуд. Это перекликалось с необходимостью магам севера использовать ограничители в особенно насыщенных эфиром местах, чтобы не пережечь каналы.

Но — духовная сила не изменяла эфирный фон будучи выплеснутой вовне. Существовало всего несколько сложных заклинательных структур способных отследить её колебания. Как-то, после поездки на юг, когда Алан интересовался этой темой, ему попала статья почти столетней давности в которой один скандально известный естествоиспытатель утверждал, что духовная сила — другое агрегатное состояние эфира, и если последний можно сравнивать с водой, то первую — с водяным паром. Его статья была раскритикована современниками и потомками, но за последние столетия автор единственный пытался как-то научно обосновать родство обеих сил.

Потому Алан пребывал в глубочайшем недоумении, как ему удаётся использовать духовную силу при сотворении заклинаний. И немного побаивался это делать, чтобы не навредить внутренним структурам.

К которым тоже было множество вопросов — северные представления об ауре и пронизывающих её каналах очень опосредованно совпадали с учениями юга о духовных сосудах и меридианах.

Может из-за этого непонимания у него всё никак не получалось привести своё внутреннее состояние в норму? Он честно старался всё утро, под чихи и тихое переговаривание за дверью.

Последние два дня Амарими подозрительно помалкивал о его просьбе, но сегодня, стоило Алану выйти из алькова, заговорчески подмигнул. А потом предложил прогуляться к Демьену, который встрял в очень неприятную ситуацию из-за всех этих... обстоятельств. Алан кивнул, обратив внимание, что Шоуки, похоже, чувствует себя заметно хуже, чем вчера.

Вернее, делает вид, что чувствует себя хуже. Насколько успел узнать его Алан — карит

стоически игнорировал своё состояние, когда у него “были дела поважнее”, так что...

— Шол бы ты отлёживаться. Выглядишь, хоть в золотой саван одевай, — попенял он достаточно громко, чтобы быть услышанным сместившимися надсмотрщиками-телохранителями.

— Всё хорошо. Просто не выспался, — неубедительно отмахнулся Шоуки. Амарими даже укоризненный взгляд изобразил.

Переговариваясь о чём-то отвлечённом, спокойно дошли до домика Демьена. Алан кивком поприветствовал его, и поймал, придержав, споткнувшегося на пороге Шоуки.

— Давай, заходи... — почти пропел, предвкушая “побег”, как когда-то в детстве очередную шалость.

То, что сегодня произойдёт не просто обсуждение плана он понял, нащупав под одеялом и накидками, укрывающими карита, что-то жёсткое и угловатое.

— Ну? — спросил тихо.

— Готов? — Амарими расплылся в шкодливой улыбке, доставая из-за пазухи свёрнутый лист бумаги. Вернее, склеенный из нескольких листов бумаги один большой. Демьен же помог Шоуки избавиться от одеяла и накидок — правая рука его работала ещё не очень, а левая ладонь была перебинтована. А ещё на нём обнаружился тканевый мешок на лямке, набитый чем-то.

— Ещё как! — подтвердил будущий император, прозорливо распустив пояс, и сняв верхнюю накидку южных многослойных одежд. Она у него была чёрная, “цвета севера”, такая же досталась Демьену, а вот оба карита ходили в цветах клана Сиасай — тёмно-синем определённого оттенка, с яркой красной вышивкой по краю.

Обменялись накидками, после чего Шоуки сдвинулся к камину — греться. Амарими подал ему бумагу, оказавшуюся грубой картой с пометками, и вытряхнул из мешка стопку бинтов, потёртый короб, и связку разномастных кистей. И пару чёрных волосяных прядей. Алан ухмыльнулся, подпоясываясь поясами Шойки, и садясь, куда указали. К свету, чтобы лучше было видно. Его шустро загримировали с помощью извлечённых из короба красок, перемотали бинтами, поколдовали с волосами.

— Пойдёт, — кивнул Амарими, глядя на дело рук своих, и быстренько провёл инструктаж. Алана немного напрягла необходимость лезть на территорию дворца днём, но ночью охрану и там и там усиливали, да и попасть в пересменку было бы удобно. Поговорили ещё немного (Алан за это время сопрел под горой тёплых накидок), и помолясь Предкам, отправились на дело.

Выйти из дворика удалось на удивление легко — Алан только покашливал, поднимая забинтованную руку к наполовину же замотанному тканью лицу, чуть наваливаясь на поддерживающего его южанина, а тот ворчал возмущённо о том что кое-кто совсем не хочет слушать целителя, и вот результат, и если тебе так плохо, мог бы сказать раньше, и так далее, и то прочее. По ним только взглядами мазнули. Среди бела дня!

Немыслимая халатность.

Хорошо, что она им на руку.

Добрались до обиталища Амарими и его слуг, к которым относился и Шоуки, без проблем. Заперлись в одной из комнат. Амарими подхватил с заправленной постели тяжёлый гвоздь, и подкинул в воздух. Тот завис на мгновение, упал ему в ладонь.

— Отлично, ждём.

— Пересменки? — Алан сбросил жаркие накидки, и начал сматывать с головы бинты.

Смысла оставлять их не было, в той часть посольских дворов, куда они направляются, появление Шоуки вызвало бы вопросы и лишнее внимание, так что пробираться решено было тайком. Да и на территории дворца ему тяжелее придётся. Каритов да слуг из Посольства там можно было изредка встретить, но “раненый” привлёк бы куда больше внимания.

— Пересменки, — кивнул Амарими, довольно жмурясь. Эта авантюра его явно воодушевляла. Особенно, учитывая, что был неплохой шанс повернуть её в тайне.

Чуть погодя выдвинулись. Амарими всё ещё крепко сжимал огромный гвоздь, и Алан то и дело косил на него взгляд, ловя движения железяки.

Шоуки вёл их за руку сейчас, сидя не так уж и далеко отсюда, в домике у камина. Способности карита удивляли — мало того, что он заменял собой паутинку типизированной следилки — довольно сложные, хотя и не слишком затратные чары, но и вёл их вперёд посредством того самого гвоздя.

Вот они бодро вышли со двора... пробравшись по глубокому снегу и перемахнув через ростовой забор, вот пробрались между постройками и затаились в углу за поленницей — гвоздь потянул вниз, подавая команду к остановке. Обождали. Небольшой рывок — двинуться дальше.

Юлить пришлось много — время светлое, нужно было учитывать и патрули, и слуг, и просто возможные случайные взгляды из окон. Хорошо хоть большие прозрачные окна из тонкого стекла тут были не в почёте. Архитектура Посольства тяготела к южным традициям, но вынуждена была идти на некоторые уступки холодам севера.

Выбрались в парк, прилегающий к наружной стене. Вот тут пришлось двигаться особо осторожно — много пустого пространства. И гвоздь то тянул вперёд с немалой скоростью, то заставлял залечь.

Наконец — до стены стало рукой подать. Но ждали долго, нырнув в сугроб, наметённый холодными ветрами под несколько некрупных кустов.

— Приготовься. Защиту надо будет проходить быстро, — тихо велел Амарими, доставая из-за пазухи крупную пластинку, покрытую узорами и надписями. — К стене не прикасайся, пока я не разрешу.

Алан кивнул. По-хорошему, сторожевые чары должны были его пропустить без проблем, просто опознав по крови, но он всё равно формировал хитрую структуру заклинания-ключа, и подвесил в ауре, пока не напитывая силой. Эфирный фон в пределах защитного периметра поместья был очень низкий, и Алан боялся, что начнёт черпать силу не вовне, а изнутри, а это боги знают чем кончится.

Наконец дождались сигнала. Выскочили из лёжки на тропинку, чтобы не привлекать внимания лишними следами в снегу, подобрались по ней к самой стене, и Амарими шлёпнул о неё свою пластинку, и чуть помедлив, сунул за пазуху, и подставил сцепленные руки.

Алан воспользовался его помощью, оттолкнулся, зацепился, оказался на гребне, почувствовал знакомый укол охранной сети, выждал мгновение, и не почувствовав никаких нетипичных откликов, спрыгнул вниз. Оглядеться успел, пока сидел на гребне, и остался доволен картиной. Торопливо выбрался из сугроба на тропинку, сбил немного сугроб, чтобы засыпать глубокие следы, и не особо скрываясь пошёл прочь. В отличие от Посольства, во дворце полагались на охранные чары, и на того, кто спокойно прошёл определённые периметры, местные патрули обращали мало внимания.

Пройдя без проблем сигнальную сеть на входе в старый парк, Алан свернул около арки,

и упёрся ладонями в монументальную тумбу под старинной статуей ангела северных ветров. Разбудить встроенный в плиту артефакт удалось не с первой попытки — Алан очень осторожно и медленно вливал силу в плетение ключей, пристально следя, чтобы каждая её крупинка приходила извне, благо, здесь воздух был насыщен эфиром.

Наконец плита откликнулась, и с тихим шорохом ушла вниз, открывая ему спуск в потайные проходы под территорией дворца. Дальше — зажечь крохотную лампу, прихваченную с собой. Добывать себе свет магией он, опять же, не решился бы.

И только запалив фитиль, Алан закрыл проход, и двинулся вглубь подземелья.

Определённую его часто он знал как свои пять пальцев — ловушки, фальшивые стены, тупики. И много-много магических преград, которые безропотно пропускали носителя крови Коэнов.

Самое трудное началось уже в святой святых королевского дворца — многие проходы оказались заблокированными и перекрыты такими мощными чарами, что Алан не рискнул к ним соваться. Не удивительно, так-то — военное положение на дворе. Но, зато, коридоры и залы были не так полны праздной расхаживающими придворными.

Пробраться в жилые помещения семьи не удалось, Алан поразмыслил, и двинулся к рабочему кабинету отца. Тот оказался пуст, и потайная дверь в него была заблокирована. Пришлось выбирать в ближайшем коридоре, узком и тёмном, одном из тех, которыми пользовались слуги, и этих самых слуг избегая, пробираться в малую библиотеку. Повозился с дверью, но чары его пропустили, а замок сдался после непродолжительной борьбы со шпилькой. Давно надо бы заменить это примитивное старьё.

Подпёр дверь стулом, прошёл в дальний угол, у картотеки, но обнаружил потайную дверь так же заблокированной со стороны отцовского кабинета.

Похоже, придётся подождать. Хорошо, что вариант с задержкой тоже был оговорён, и меры приняты...

Алан вздохнул, и сел на пол, привалившись к потайной двери ухом, и раздумывая о том, как стоически ждёт его в сугробе под кустом Амарими. Будущего Императора кольнуло чувство вины и беспокойства за теплолюбивого южанина.

Тонкие пальчики с аккуратными ноготочками смяли и скомкали донесение в приступе неконтролируемой злости. Потом, правда, расправили аккуратно лист, разгладили, и передали госпоже. Она, впрочем, даже не взглянула на него, поглощённая составлением очередного послания. Положила рядом, на стол, продолжая выводить кистью изящные вензели вокруг тщательно выписанных знаков.

— Госпожа? — чуть склонила на бок голову Шиинна.

— По твоей реакции и так всё понятно, дорогая моя. Не принимай это так близко к сердцу. Главная задача на тот момент была тобою выполнена.

— Мне следовало лично отправиться в погоню, — девушка устроила локоть на столешницу, и подперла кулачком щеку, от чего её лицо показалось по-детски обиженным и недовольным.

— И осталась бы с носом, как выделенные тобой воины, — хмыкнула Осами Ита, оглядывая исписанный лист. Заметила недостаток, и взяв кисть потоньше, поставила несколько росчерков, предавая пространному и торжественному поздравлению законченный вид.

— О да, сваливать вину на своих подчинённых — беспроектный ход, госпожа... —

вздыхнула девушка, принимая переданное письмо, и пробегая его взглядом. — Вы, как всегда, в своём репертуаре. Вопрос в том, поймёт ли адресат, что это шифровка?

— У дорогого племянника богатый материал для сравнения. Он заподозрит неладное, — госпожа посол чуть прикрыла глаза, и мягко приподняла уголки губ в нежной улыбке.

Шиинна выпрямилась, и чуть покачала головой. На её скромный взгляд, юношу необоснованно перехваливали, но в слух сомневаться в мнении госпожи Осами она не стала. Та слишком часто на её памяти оказывалась права.

— В остальном... — Шиинна отложила зашифрованное послание, и снова обратилась к стопке свежих докладов. — Всё как прогнозировал ваш коллега из дома на Перекрёстке. Основные проблемы всё ещё связаны с группой “поборников величия севера” и их поделками. У меня начинают закрадываться подозрения, что службы его величества намеренно их шадят, чтобы наверняка захватить тех гениев, что смогли подделать военные разработки. И сотворить “кукол”.

— Несомненно в этом и состоит их цель, — согласилась госпожа посол, приступая к написанию очередного письма. В этот раз — никаких тайных шифров. Просто старые добрые придворные интриги. — Не зря о деловой хватке северян слагают легенды.

Шиинна горестно вздохнула.

— Нужно найти кого то из местных. Раз этот молодчик так бодро пользуется колдовскими амулетами, то и бить его следует той же картой, — решила она наконец.

— Риск того стоит, — подумав, кивнула госпожа Осами. — Мне так же интересно будет посмотреть на человека, ушедшего от твоих людей трижды.

Шиинна поджала губы, и чуть сузила глаза, но к счастью, в двери тихонько постучали.

Девушка поднялась, приняла у слуги сложенное послание, и вернувшись к рабочему столу села на свою подушку.

— О, наш драгоценный гость продолжает практиковаться в каллиграфии. Весьма похвально, — произнесла она, передавая записку госпоже. Та пробежала текст глазами, и чуть качнула головой.

— Текст за него составлял Амарими. Его стиль. Господин Коэн просто переписал набело, — заключила Осами, прочитав содержание, и отложила записку на край стола. — Удовлетворим его просьбу, пусть сегодня отобедает в кругу друзей. Распорядись, чтобы слуги подали им всё необходимое... Шиинна?

Девушка, нахмурившись, смотрела на записку. Потом чуть повернула её кончиками пальцев, подставляя свету едва различимое пятнышко на кромке. Склонилась, поскребла ногтем, снимая с бумаги едва заметный налёт жирной краски. Госпожа Осами вскинула бровь. Шиинна растёрла крупицу краски между пальцами и поднесла их к носу. Глаза её хищно сузились.

Его величество торопливо запер за спиной дверь кабинета. Встреча с представителями знатных семейств, как и ожидалось, проходила тяжело. С наиболее влиятельными, “колеблющимися”, ещё придётся торговаться отдельно, но главное — взаимопонимание достигнуто. А вот строящие из себя непонятно что крысы из мелких обедневших семеек проявили себя неожиданно настырными. Подозрительно настырными.

Ещё одна тема для разговора с братом. Но это — вечером. Сейчас надо было хоть немного прочистить мысли и поработать со сметами, проверяя цифры казначейства. Его всегда это успокаивало, а подданных держало в тонусе.

Странный звук привлёк его внимание, когда он был уже в паре шагов от стола — нож для бумаг подрагивал на сукне, тихо звякая об основание массивной чернильницы.

Правитель чуть нахмурился, протянул руку к столу, нащупывая в кармане амулет, который, впрочем, сигнализировал, что защита помещения не была нарушена. А потом со стороны фальшивой панели послушался условный стук.

Он на мгновение замер, покосился на подрагивающий нож, и шагнув к панели активировал защитный контур, прежде чем открыть её.

— Стой! — глаза его расширились.

— Помню-помню! — Алан усмехнулся, подняв открытые ладони и не двигаясь с места. Правитель внимательно оглядел его, быстро создав и скормив амулету ключ-деактиватор, и шагнул в сторону, давая пройти.

— Значит, всё-таки Посольство, — произнёс его величество Хенрик Второй мрачно, оглядев одежды сына и его грим, неуловимо изменяющий знакомое лицо.

— Поверь, у них были причины, — Алан прошёл в кабинет, и придвинув одно из кресел к отцовскому столу, сел в него. Поморщился, заметив всё ещё подрагивающий нож, и прихлопнул его ладонью. — Как раз о них я и хочу поговорить.

Его величество кивнул, закрыл потайной проход, и сел за стол под пристальным взглядом сына. Тот дождался пока правитель усядется, и как-то буднично сообщил:

— Во мне проснулся Дар.

Его величество замер. Посмотрел внимательно на сына. Медленно поднял руки и помассировал виски, откидываясь на спинку кресла.

— Как не вовремя... — пробормотал он. — Ты уверен?

— Более чем. — Алан отпустил нож, и тот снова начал мелко подрагивать. Постучал ногтем по сукну рядом с ним. — Сам посмотри. Я пока не могу контролировать это. Не достиг просвещения, как у них говорится, придётся немного поработать, чтобы обуздать силу. И заново учиться колдовать.

Помолчали, глядя друг на друга.

— Тебе нельзя раскрываться сейчас, королевство не выдержит такой новости! Всё только начало налаживаться...

— Я придерживаюсь того же мнения. И к счастью, оно совпадает с мнением господ послов. Более того, они настаивали о необходимости скрыть этот факт, в том числе, и от вас, отец. Непрозрачно намекали на таинственные детские смерти в роду моей матери, и других родах — носителях крови сиятельной госпожи Миноко.

Посмотрел долго. Правитель встретил его взгляд. Глаз не отвёл, но к вящему ужасу

Алана, медленно кивнул.

— Я не могу подтвердить... — произнёс наконец его величество медленно. — Никаких записей не сохранилось. Но как минимум две смерти случились очень уж уместно для короны, при очень... склонных к такому методу решения вопросов предках. Я понимаю тревогу Посольства на этот счёт. Но с другой стороны — где гарантии, что Наместник захочет расстаться с властью?

Алан взгляд отвёл. Вздохнул.

— И верно никаких. Но — у меня есть время. Время и верные люди. К трону меня не подпустят, пока я не “войду в силу”, а это может занять несколько лет. Те записи, что есть в посольстве говорят о минимум второй ступени просвещения, и они не полные. А до этого времени можно и не ставить население империи в известность. И договориться с Наместником.

— Готов стать куклой на троне?

— Может, до этого не дойдёт. Говорить о подобном рано в любом случае, — Алан пожал плечами. — Мне нужно отправиться на юг для разговора с Наместником.

— Или на смерть, — медленно выдохнув, заметил его величество.

— Всё ещё не доверяешь южанам? — снова прихлопнул ладонью продолжающий подрагивать нож. — Разве в знак доброй воли посольство не передало в дом на Перекрёстке мою добычу?

— Хм. Те козлища в овечьих шкурах — твоя добыча? — приподнял бровь.

— Я захватил их вместе с людьми клана Сиасай, и после допроса представители Посольства согласились передать их королевству в знак... изменения политики взаимоотношений.

В конце концов, Посольству, а значит, и Наместнику было всё равно, кто сидит на троне севера, до тех пор, пока все договорённости соблюдаются, дань взимается и пошлины удерживаются. В истории было аж несколько случаев, когда мятежники ничтоже сумняшеся, отправлялись в Посольство с дарами и заверениями что по смене династии взаимоотношения севера с югом не нарушатся и не изменятся ни на йоту.

Алан считал, что Империя предоставляет его королевству весьма хорошие условия сосуществования, и на некоторую холодность их политики можно закрыть глаза. Тем более что проявлялась она в очень специфических случаях раз в столетие.

И почему эти редкие случаи из прошлого так взвинчивают отца, тем более на фоне последних событий, он тоже отлично понимал.

— К тому же, — продолжил Алан, поймав скептический взгляд правителя. — С той троицей был южанин. Ему удалось сбежать, но косвенные доказательства однозначно связывают группу “кукольников” с бандой “осквернителей”, которых Наместник пытается отловить уже почти два десятилетия. А значит мы имеем некую организацию, что замешана в паре мятежей на юге, в контрабанде метеоритного железа, в подделке секретных военных разработок, в подготовке мятежа здесь, в фактическом убийстве нескольких сотен наших подданных ради превращения их в “кукол”, в подкупах и шантаже и леший знает чём ещё. Так что, кроме всего прочего, отправившись на юг я смогу пройти по следам этих ублюдков в тех краях.

— Если тебе позволят, — поджал губы правитель.

— О, пусть попробуют мне не позволить. — Алан ухмыльнулся. К тому же, если Наместнику действительно будет претить возвращение богоизбранного правителя, он всеми

руками будет за мои попытки распутать этот клубок. Так я буду и подальше от принятия каких-либо решений, и буду занят полезным для Империи делом, и может быть сверну себе шею. Аргумент?

— Так себе аргумент. Алан, не ребячься. Ты слишком молод, чтобы ввязываться в подобные интриги. Особенно учитывая открывшиеся... детали.

— Молод? И когда я по вашему повзрослею, дорогой батюшка? — будущий Император обессиленно уронил руки на столешницу. — Я младше Альрика всего-то на два года, и не уступал ему в обучении ни в чём кроме магического искусства. Ваш уважаемый брат высоко оценивает мои начинания. Я уже не ребёнок, отец. Я — справлюсь. Всё, что я слышал о Наместнике говорит о том, что мы найдём общий язык. И я сделаю всё, чтобы связанные с раскрытием моего статуса события не нанесли ущерба королевству.

— Ты не понимаешь, ситуация намного сложнее, чем тебе видится... — качнул головой Хенрик, и запнулся, поймав взгляд сына. Злой, раздражённый, в нём чувствовалась тщательно сдерживаемая холодная ярость. Алан злился совсем как его мать. Ярko, всеми сердцем, но тщательно пряча свою злость от окружающих. И так же, как и её, его выдавали только глаза.

Уголёк, покрытый пеплом, раскалённый внутри докрасна.

— Всё я понимаю, отец. В течении двух, максимум трёх лет ты расправишься с большей частью мятежников, и прижмёшь к ногтю раскаявшихся и спасающих свои шкуры трусов. Рудники пополнятся рабочими, последних упрямец загонят высоко в горные перевалы, морить голодом и холодом пока последние “поборники свободы и справедливости” не устанут страдать от своей решительности или не передохнут. Конфискованного хватит и на восстановление сопутствующих разрушений, и на то, чтобы наградить и поднять поближе к трону верных и отличившихся в боях людей. И к тому времени, как я раскроюсь, верные не скажут слова против, а прочие будут слишком ослаблены, чтобы предпринять что-то. Пара островов, как всегда, отколется, ты лишишь мятежников прав на ленные земли, пообещав передать их тому, кто скovyрнёт бывших хозяев. Бравые мореходы быстренько разберутся с ближними своими и закатят шикарные пирушки на захваченных землях. Купеческие союзы в сотый раз потребуют пересмотра пошлин, ковен заведёт свою любимую шарманку про важность исследований и ничтожность квот, культ Солнечного Колеса головы не поднимет, потому что зная обо мне ты непременно позаботишься о том, чтобы его лидеров тихо убрали с доски. Отдельные рода потребуют гарантий, я даже могу огласить примерный список имён и того, что они могут потребовать, ссылаясь на Вестерскую хартию. Просто, несомненно, не будет, но раз уж ко всему, кроме неучтённых факторов и непрогнозируемых событий можно как следует подготовиться... Я убедил тебя? Ты мне — веришь?

Правитель удостоил его долгим, чуть затуманенным воспоминаниями взглядом.

— Ты так похож на матушку, Алан... Она тоже всегда считала, что раз вникла во всё, то и разберётся, и справится со всем — сама.

Алан сдулся. Глаза его похолодели, и отвёл взгляд, скрывая плеснувшую в нём тоску.

— Я разберусь. Вот увидишь.

Он поднялся, да направился к потайному ходу в подземелья. Остановился у него, дожидаясь, пока отец разблокирует проход и ослабит чары. Обернулся.

Его величество медлил.

— Отец! Всё Посольство будет здесь если я не вернусь вовремя.

Правитель неохотно поднялся. Всё же открыл тяжёлую потайную дверь.

— Будь осторожен. И не влезай ни в какие интриги. Возможно, мне удастся договориться...

— Сам разберусь, — резко отрезал Алан. — И помни — два-три года на подготовку у тебя есть.

Ступил было в проход, но обернулся, едва не забыв о важном.

— На Орс со мной. Передайте весточку его семье. Демьен очень переживает за свою матушку. Пусть ей скажут, например, об ответственном тайном задании. Я могу на вас рассчитывать?

— Всегда.

Алан постоял немного в проходе, когда потайная дверь закрылась, потом с силой впечатал кулак в стену, и запалив лампу, направился вглубь проходов. Пошатался немного по тайным проходам дворца, прикидывая, что делать дальше, навестил пару мест, в запале оставив зашифрованные послания...

Впрочем, когда он выбрался на поверхность в саду, то уже успел успокоиться, и преисполнится решимости.

Он докажет, что может нести такую ответственность, и такой титул.

Пробрался к стене, свистнул условленным образом, дождался ответа, и, с некоторым трудом забравшись на стену, на мгновение замер, и стоически держа лицо, прыгнул вниз.

— Доброго дня, уважаемая! Надеюсь, я не заставил вас мёрзнуть слишком долго? — поинтересовался он с искренней улыбкой.

Воздух подрагивал, наполненный уже не звуком, а какой-то странной смесью мантр, вибраций эфира, и той его вариацией, что называли духовной энергией. Мелко подрагивали лампадки, выбивали по камню дробь, резонируя с протяжным “ом-м-м” небольшие металлические бруски разложенные перед алтарём.

Зародившееся минуты назад тёплое чувство в груди неторопливо перетекало на плечи, спускалось к локтям, позволяя наконец почувствовать ту смутную связь между двумя совершенно разными энергетическими структурами. Почувствовать её, наполнить звуком, смыслом, волей, уплотнить, привести в равновесие проходящие через неё потоки.

Было трудно объяснить привычными терминами происходящее, но это было и не нужно. Понимание того, что и как нужно делать, приходило само, тем отчётливее, чем дальше заходил процесс.

Просто с каждой минутой уходило внутреннее напряжение, растворялась слабая ноющая боль, ставшая привычной за последние дни. Сам воздух казался слаще и хоть насыщенность его эфиром оставалась удручающе малой, ощущение доступности силы, так знакомое любому магу практикующему в насыщенном поле, только нарастало.

Будто тысячи крохотных иголочек впивались в задубевшее тело, сигнализируя о притоке свежей, горячей крови.

Звук медленно затихал.

Притихли светильники и бруски железа, простого и метеоритного. Алан несколько минут ещё сидел, не думая ни о чём, просто наслаждаясь теплом заключённого в средоточии ауры источника, после чего выдохнул медленно, открывая глаза.

Потянулся, сцепив руки над головой, да до дрожи выгибая спину. Самочувствие было просто невероятным — казалось, ему под силу свернуть горы.

Улыбка сама просилась на лицо, а сделав пару пассивных руками он убедился, что уже

может худо-бедно контролировать подпитку заклинания от так называемого “духовного сосуда”. Самому ему был ближе термин “внутренний очаг” — концепция была известна в философских трудах по теории магии, и больше соответствовала тому, что он ощущал сейчас внутри себя.

А ещё хотелось поделиться долгожданным прогрессом и проверить, способен ли он управляться этим “даром” так, как это делают кариты?

Однако, стоило распахнуть дверцу, как улыбка сама собой сползла с лица.

Шоуки и Амарими жались к колонне у входа и удивительным образом напоминали нахохлившихся настороженных воробьёв. Ибо по другую сторону маленького столика с гнутыми ножками восседала госпожа Шиинна, попивая чай из изящной чашечки. Вид у неё был довольный, ленный самую малость, изящно-хищный, из-за чего девушка неувовимо походила на горную пуму.

— Доброго дня, уважаемая, — Алан вежливо склонил голову, и уселся на пороге, с узкого конца столика. Благо, чашку ему приготовили, и в чайнике ещё оставался чай. Вот его и налил...

— Доброго, — отозвалась девушка благосклонно. — Как ваши успехи?

— Процесс наконец сдвинулся с мёртвой точки. Более того, по ощущениям, был благополучно завершён. Но тут мне тяжело судить...

— Это чудесная новость! — улыбнулась девушка мягко и ласково. Парни вздрогнули и вжались в колонну под удивлённым взглядом будущего Императора. Вроде, им же не так сильно влетело за помощь в организации побега? — На самом деле, ваши успехи легко проверить — определитель в соседнем зале.

— Тогда, этим и займёмся? После чая.

— Непременно, — чуть склонила голову южная красавица. Опасная и немного пугающая.

Алан кивнул, и благодушно отпил ароматного чая. Девушка тонкими пальчиками взяла с тарелочки какую-то сладость. В тишине и покое выпили по чашечке чаю (парни всё ещё вели себя как пришибленные веником тараканы), и отправились в соседнее помещение. При виде госпожи телохранителя помощник жреца поклонился и попятился, выскальзывая из большого светлого зала через другой выход.

Позади приглушённо чихнул Шоуки. Алан обернулся, подмигнув смурным парням. Потом последовал за Шиинной к одному из постаментов у стены, на котором располагалось что-то вроде грубого каменного блюда толщиной в три пальца. Широкая боковина была покрыта узорами, а вогнутая середина отполирована и пестрела странными вставками, складывающимися в ломаный узор.

— Сейчас подобные артефакты называют определителями, — пояснила Шиинна, проведя кончиками пальцев по поверхности “блюда”. — раньше им давали длинные поэтические названия — каждому индивидуальное. Потом их научились делать более... эффективно и массово, и мода на длинные имена отпала. Этот определитель носит имя “Зеркало, обручающее небеса и землю в поисках сокровенной истины”. Его привёз сюда ваш далёкий предок, император Амираши. Чтобы активировать его, нужно высвободить духовную энергию в него.

И она продемонстрировала. Положила ладонь на гладкую поверхность, и узоры засветились мягким золотистым светом. Ярким, и насыщенным. Он угасал ещё несколько ударов сердца, после того как она убрала руку. Отступила назад, да поманила пальцем

парней. Те подошли, аккуратненько так, бочком.

Шоуки протянул руку первым. Коснулся. Узоры начали отливать серебром, но свет был таким... рассеянным, больше похожим на дымку, или туман.

— К сожалению, этот артефакт плохо определяет насыщенность сосуда, — задумчиво кивнула девушка. — Впрочем, до сих пор не удалось создать такой определитель, что мог бы привязать силу духовного сосуда к величинам измерения, точным и постоянным. Юный господин?

Амарими кивнул, и активировал “зеркало”. Свет был, конечно, не таким ярким как у девушки, но куда существеннее, чем у Шоуки. Тёмное золото с чуть зеленоватым отливом. Бронза.

Следующим руку протянул Алан. Коснулся холодной поверхности, уверенно потянулся к “очагу” внутри. Немного повозился, направляя тёплую волну в кончики пальцев.

Яркое рыжее сияние поползло по определителю, извиваясь по узорам.

— Медь? Уже? — Шиинна распахнула глаза восторженно и удивлённо. — Что и ожидалось от будущего Императора. Сразу — вторая ступень просвещения. И запас выглядит довольно большим.

— Это точно является подтверждением? — уточнил Алан деловито, отнимая пальцы от артефакта.

— На местных магов “зеркало” не реагирует даже в душных, проклятых местах, — кивнула она. — Около двухсот лет назад его вывозили в ковен, на исследования.

— И никаких результатов? — живо заинтересовался Алан.

— Совершенно — никаких. В библиотеке сохранился документ со сделанными ковенном выводами, — кивнула Шиинна.

— В таком случае, сходим в библиотеку? — оглянулся на закивавших каритов. — А вы — передайте госпоже весть о моих успехах?

— Передам, — заверила Шиинна улыбнувшись. Глаза её снова стали холодными и заблестели хищно. — Но сперва провожу вас.

Когда госпожа телохранитель наконец покинула библиотеку, Шоуки выдохнул с облегчением. Очень тихонько. Амарими — тоже. Не то, чтобы им сильно досталось за это “находчивое и безалаберное похищение”, но когда Шиинна ворвалась в логово заговорщиков и увидела, что обоих принцев как ни бывало... Эмоциональная окраска источаемой ею духовной энергии была такая, что даже Демьена проняло, а Шоуки подумал, что поседет. Когда чуть погодя пришёл Амарими, и тихонько закрыл за собой двери, вид у него был тоже... Хоть на погребальный костёр всходи.

Так и сидели — тихонечко и молча.

Главное — будущий Император хоть и был взъерошен после похода к отцу, но, вроде как добился, чего хотел. Может это и помогло ему обуздать наконец свою духовную силу и справиться с сосудом? Тревоги и неразрешённые дела, говорят, вредят процессу. Ученику Жреца было трудно судить о подобном — у самого всё получилось очень быстро и легко, впрочем, как и у всех с сосудом слабым и невеликим.

— Так, что тут у нас.... — Алан, прищурившись приоткрыл выданную ему шкатулку, и задумчиво оглядел опечатанный свиток. — Хм, мне казалось, от свитков отказались ещё при Императорах...

— Ещё два охранника, — тихо отметил Шоуки, тихонько подглядывающий своим Даром за девушкой. — Она дала им указания.

— Ожидаемо, — беззаботно отозвался Амарими.

— Переживём! — согласился наследник, доставая свиток. — Кстати, что она сказала насчёт уровня? Второй? О чём это?

— А, это старинное обозначение, от него, вроде как, собирались избавиться, после изобретения определителей, но... — Амарими развёл руками. — Первая ступень — это люди с только что пробуждённым, либо слабым даром, где-то две трети простого крестьянства. Вторая ступень — молодые кариты, ученики, с меди и до серебра обычно. Третья — старшие кариты, мастера по-старому. Это — золото и выше.

— В древности ещё отмечали четвёртую ступень, небожителей, либо достигших бессмертия, но это вроде как сказки, — добавил Шоуки немного гнусаво.

— Именно, сказки! — согласился молодой принц. — А так по “новой” системе оценивать личную силу куда удобнее, ибо она опирается не на количество духовной силы, а на внутренние изменения в самом духовном сосуде. Вот возьми Шоуки к примеру. По старым определителям он бы в первой ступени был, с силой духовного сосуда у него так себе. А его возможностей и умения хватает, чтобы серебряных раскидывать! Да и тот перебежчик, говорят, может даже нефритовым был! А Шоуки против него продержался!

— Ну, допустим, серебряного я только одного на лопатки положил... — проворчал Шоуки, невольно коснувшись повязок на щеке. — А тот тип на нефритового не тянул.

Иначе прибил бы. Как пить дать прибил.

— И, то что я на втором это — нормально? — уточнил Алан задумчиво.

— Такое случается, — кивнул Амарими. — В сильных семьях потомственных каритов особенно. Для тебя высокая ступень развития сосуда по мне так вообще дело само собой разумеющееся.

И верно, в легендах Императоры едва ли не с пелёнок были сильны и непобедимы.

Впрочем, сидя сейчас перед настоящим, живым потомком древних правителей, Шоуки с некоторой даже тоской заметил, что сказочный образ непобедимого и могущественного Императора становится приземлённым и болезненно реальным.

Наверняка силу правителей древности преувеличивали, намеренно ли или невольно — разницы никакой. Алан — всего лишь человек. А значит — мало того, что совершенно не обучен управляться со своим даром, так ещё и по-человечески уязвим.

И, хуже того, находится сейчас на жалком островке спокойствия посреди дикого, охваченного восстанием севера, вдали от родины... Тфу ты!

Шоуки проморгался, тихонько шмыгнул носом, и направил в него немного духовной силы, чтобы ускорить восстановление и снять боль. С каждым днём это получалось у него всё лучше, нужда толкала к развитию.

Глянул на задумчиво вчитывающегося в свиток Алана и любопытно пялящегося туда-же принца.

Ну да, ну да. Вот кто-кто, а Алан сейчас на родине, и отлично знает все местные заморочки, и всяко сообразит что делать, в случае чего. Так что опасность не так велика, особенно учитывая, насколько ограниченный круг лиц знает о пробуждении древней крови.

Но всё равно тревожно.

Амарими перестал пялиться в свиток, и рассеянно поглядывал по сторонам. Шоуки на местном немного читал, но глянув на длинные, заковыристые слова, которыми изобиловал свиток, даже не стал пытаться. Вот и принц, похоже, сдался.

— И правда... — пробормотал наконец будущий Император задумчиво. — Никакой реакции по всем имеющим значение параметрам.

— Насколько я понимаю, иначе и быть не может, — пожал плечами Амарими. — Ваша магия и наш Дар — явления разнородные совершенно.

— Тогда как, по твоему, я могу использовать их одновременно и взаимозаменяемо? — Алан хмыкнул, сворачивая свиток, да убирая обратно в коробочку. — Хотя, использовать эфир для контроля над металлом я ещё не пытался. Но да в этих стенах и эфира как у филина совести...

— Второй раз выбраться за стены, боюсь, не получится... — грустно вздохнёт принц. Шоуки поёжится.

— Да я ещё и металлом управлять не научился толком, — отмахнулся Алан легкомысленно. — Так что этот эксперимент — на будущее. Но в целом, сдаётся мне, что разобравшись в том, как всё это взаимосвязано, я смогу куда лучше управиться с этой... с этим всем...

Наследник императорского трона замер задумчиво. Амарими помалкивал. Шоуки чуть прикрыл глаза, опознав маячащую неподалёку от здания Шиинну, определил направление её движения, прикинул архитектуру близлежащих зданий, и хмыкнув, оповестил:

— Нас сейчас придут подслушивать.

— Кто? — заинтересовался Алан.

— Госпожа Шиинна! — невольно поёжившись произнёс Шоуки.

— Она? — усомнился Амарими. — Она же знает, как обойти твоё чутьё.

— Именно поэтому я принял меры, — кивнул Шоуки. — Помнишь, как мы ставили метки-маяки из гнутых гвоздей, когда устраивали побег? Вот, взял я, значит, булабочку, маленькую такую, согнул чтобы было приметно. И тихонько воткнул госпоже телохранителю в шов подола её нижнего платья...

Шёл третий день их маленького развлечения. Алан как ни в чём ни бывало, попивал чай, обмениваясь с госпожой послом и господином Тайко заезженными фразами, и тихонько, краем глаза наблюдал за Шиинной, пребывающей в немного рассеянном и задумчивом состоянии. Иногда ловил на себе её подозрительные взгляды, стоически их игнорируя.

Они обсуждали булочки со сладкой ореховой начинкой, варёные в сливочном соусе. Каждый раз, когда госпожа телохранитель незаметно опшивалась рядом, они только их и обсуждали. Неординарный способ приготовления, различные начинки, предпочтения в размере самих булочек, способы их подачи. Амарими очень активно предлагал переиначить этот рецепт на южный манер, какие орехи и специи можно добавлять в начинку, гадал, что будет, если заменить пшеничную муку на рисовую, так картинно вздыхал от того, что совершенно не умеет готовить ничего кроме чая и пресных рисовых лепёшек, а Шоуки так и не удосужившийся попробовать эту жемчужину северной кухни, ворчал про противоестественные способы переводить продукты и сетовал на дурную фантазию местных поваров.

Она не могла не понимать, что над ней издеваются. Но, видимо, до сих пор не обнаружила, как именно её вычисляют, и потому помалкивала.

— И всё же, меня смущают сроки, — качнул головой Алан. — Ситуация стабилизировалась достаточно, чтобы вы решили возвращаться на родину, господин Тайко. Так что же мешает мне отправиться с вами?

— Будет излишним подвергать вас даже такому ничтожному риску, — спокойно пояснил прежний посол. Надо признать, выглядел он расслабленно и умиротворённо, спокойно накладывал себе в тарелку маринованных овощей, острых настолько, что у Алана от одного взгляда на это блюдо возникало желание приложиться к кувшину с водой.

Этого мужчину нельзя было назвать совсем уж стариком, но волосы его сильно присыпало сединой, да и кожа имела оттенок, нездоровый для южан. Сказывалось долгое пребывание на севере. Насколько успел узнать Алан, ротация слуг и охраны тут происходила довольно часто, местных нанимали только для работы в “низком дворе”, да и то в небольших количествах, и преимущественно, полукровок. Они обычно худо-бедно разбирались в южных порядках и традициях, но главное — спокойно переносили насыщенное эфирное поле, в отличие от простолюдинов-южан.

Обычные кариты, конечно, могли ему противостоять, использовать медитации и какие-то ещё непонятные приёмы, но всё равно со временем “проклятие” всё равно начинало давить на них. И южане, особенно те, что послабее, страдали, чахли и не задерживались в королевстве дольше необходимого.

Не задерживались, хм...

— Понимаю, что ваши соображения о рисках исходят из заботы о моём здоровье, но, право слово, думаете ли вы о том, как ваш план навредит Империи? — Алан изобразил вздох, полный сожаления. Пора было перестать играть пай-мальчика и идти на конфронтацию.

— План? — заинтересовалась госпожа Осами. — Что же заставляет вас думать, что у нас есть некий план?

— Вы поторопились, — пояснил Алан благодушно. — Зная характерную для побережья погоду, отплытие следовало бы планировать на две недели позже, чтобы не подвергать ваше

и без того пострадавшее здоровье, господин Тайко, испытанию излишней качкой. Или вовсе вернуться к изначальной дате, предполагавшей ваше, и младшего принца отбытие в середине будущего месяца. А значит, вы торопитесь, и торопитесь несомненно ради меня и моей безопасности, верно?

— Меня радует ваше умение делать верные выводы, — произнесла госпожа посол с мягкой улыбкой, безукоризненно держа лицо. Её старший коллега только хмыкнул, а Шиинна заинтересованно склонила голову на бок, отвлекшись от еды.

— Вы так и не решились доверить весть обо мне бумаге, либо другим средствам, верно? — продолжил Алан, утянув с блюда рисовую булочку. — А значит рассчитываете передать благую весть обо мне Наместнику лично.

— Верно, — не стал отпираться Намари Тайко. — Так будет безопаснее для вас в первую очередь.

— Не спорю. Отправиться в Благословенные Земли с присланным Наместником отрядом было бы лучшим решением, и я даже верю, что вы можете придумать достойное обоснование появления маленькой армии юга в этих краях, но меня не устраивает подобное развитие событий.

— От чего же? Как вы и сказали, объяснить её появление будет просто. На сына Наместника планировалось покушение — чем не повод нарушить статус-кво и поддержать вашего уважаемого отца против мятежников? — чуть повела плечиком госпожа Осами. — Согласна, это будет иметь некоторые долгосрочные последствия, но польза перевешивает потенциальный вред.

— Не в моих глазах, уважаемая! — покачал головой Алан, и с аппетитом вгрызся в булочку, давая оппонентам драгоценное время для размышления. Не стоит на них давить, в конце концов. Они — прожжённые интриганы, а он всего лишь начинающий безопасник из Дома-на-Перекрёстке. Попробуешь подсесть раньше времени, и окажешься сам в воде, не чуя дна, и в компании с двумя хищными рыбинами размером с буйвола.

— То, что вы готовы поставить своё благополучие ниже благополучия Империи весьма похвально, — заметит госпожа Осами. — Однако на такие жертвы в наших обстоятельствах можно и не идти.

— Жертвы? Какие жертвы, уважаемая? — Алан изобразил удивление. Однако, в этот раз его удивили на самом деле.

— Мучительное пересечение Круглого моря, конечно, сопряжённое с прочими рисками водного пути.

— Я дважды пересёк море, и хоть это было не самое лучшее времяпрепровождение, в целом, для меня в нём нет ничего настолько ужасного, что заставило бы отказаться от плавания, — заверил госпожу посла северянин.

— Прежде. Однако же теперь, с пробудившимся и ещё не окрепшим Даром, для вас плаванье стало куда более сомнительным вариантом. Вы не владеете медитативными техниками, позволяющими защититься от довлеющего в море проклятия.

Алан хмыкнул. Если аномалия лунного моря начнёт давить на него сильнее из-за формирования “внутреннего очага”...

— И правда. Не подумал. Сухопутное путешествие в этих обстоятельствах действительно выглядит предпочтительнее. Что ж, сухопутное, так сухопутное!

Шиинна расслабилась и вернулась к еде. Намари тоже переключился на рисовые шарики, заедая острые овощи. Госпожа Осами, впрочем, оставалась сдержанной и

сосредоточенной. И поглядывала так, с хитринкой, явно не веря, что будущий Император отступится так легко.

— И когда же состоится ближайшая пересменка?

От этого вопроса трое южан пристально уставились на Алана, с аппетитом уплетающего уже вторую булочку. Начинка из мяса с зеленью была весьма ароматна и в меру остра. А если окунуть вот в тот соус...

Спустя ещё пару укусов, Алан поднял на сотрапезников глаза и невинно поинтересовался:

— Что? Разве это не удобный вариант? Все привыкли, что в посольство и из посольства то и дело выезжают восточным трактом большие группы всадников. И хорошая охрана посыльным, и ротация слуг и охраны постоянная. Разве не так?

— Ни в коем случае! — вскинулась госпожа посол.

— Определённо, такой охраны будет недостаточно, — важно кивнул её коллега и предшественник.

— От чего же? — Алан улыбнулся, нежно глядя на блюдо с последней оставшейся рисовой булочкой. — Вашими стараниями и несомненной мудростью, даже здесь, в Высоком Дворе единицы знают о моём новом статусе. Так что, отрядом больше, отрядом меньше — никто не обратит внимание на южан сопровождающих очередного курьера. А в это беспокойное время — и на усиление его охраны.

— Нет-нет-нет, лучше дождаться полноценной группы сопровождения... — покачала головой госпожа Осами.

— Зачем мне маленькая армия, когда у меня есть Шоуки Зимний Гром? — изобразил удивление Алан.

— Ах, не преувеличивайте, — улыбнулась госпожа посол. — Мальчик, конечно, хорош, но до его учителя ему ещё далеко. Маленькую армию, как вы сказали, им не заменить.

— Достаточно хорош чтобы третий день водить за нос вашу драгоценную помощницу! — заметил Алан благодушно.

В руке Шиинны звучно треснули палочки для еды. Алан потянулся за обласканной вниманием булочкой, старательно держа лицо.

Ну ничего, ещё денёк-другой и он их дождёт.

— Шо-оуки-и-и...

Прозвучало имя напевно и ласково, и от этого табун мурашек прокатился по спине неприятным холодком. Шоуки попытался отскочить, разворачиваясь к угрозе, но его сгребли за ворот и с немалой физической силой притиснули к стене. Хорошо пушистый воротник не дал треснуться затылком о камень.

— Доброго дня, уважаемая! — парень улыбнулся, хотя губы и подрагивали. Очень уж взгляд у девушки был многообещающий. — Чем этот недостойный карит может вам помочь?

А ведь как удачно получилось. Оба принца только-только утащили свитки с картами в сторону обеденной залы. Собрались досаждать госпоже и господину послу проработанными маршрутами предстоящего путешествия. Шоуки же решил не топтаться под дверями залы вместе с их охраной, и вышел во двор размять руки упражнениями с клинком.

Вот тут то его и подловили — не успел даже разогреться перед основным действием.

Но главное — она здесь, а значит его друзьям предстоит бой против равного количества противников.

Хотя, Шоуки и не понимал — от чего Алан не может просто приказать? В конце концов, он тут Император, пусть и будущий, или кто?

— Знаешь, мне нравится как быстро ты осваиваешься с особенностями своего Дара и насколько ловко находишь им применение в разнообразных ситуациях, — с улыбкой столь же ледяной, сколько и образцово-вежливой заявила она, продолжая крепко удерживать воротники его одежды и плаща тонкими пальчиками.

— Этот несчастный карит не достоин такой похвалы из ваших уст! — голосом чуть более сиплым, чем хотелось бы, ответил Шоуки, чувствуя, как печень его сжимается и льнёт к рёбрам.

— Ах, если бы только ты пускал этот свой талант, да в благое русло... — будто и не услышала его девушка, придвигаясь ближе, и наваливаясь на него своей... Своим торсом, укутанным в многослойные тёплые одежды. Шоуки глаз не отвёл, и даже почти не покраснел, проговаривая про себя медитативные мантры и глядя точно в переносицу девушки, между глаз, имитируя зрительный контракт. Вжаться в стену глубже уже не получилось бы при всём желании.

— Вы сами не раз говорили, что мне нужно больше практиковаться использовать эту сторону моего Дара.

Ответить получилось даже ровно и чинно, сохраняя мнимое спокойствие. Вот только снова — сипло, хоть ты тресни. Шиинна чуть сузила свои красивые, злые глаза, и вдруг втиснула колено между его ног и приподняла вверх, подпирая. Шоуки округлил глаза, потеряв самообладание и завозился, пытаясь вывернуться из её пальцев и стечь по стене.

Шиинна улыбнулась ещё шире, и накрыла его губы своими, в коварном и долгом поцелуе.

Когда она наконец отстранилась, молодой карит просто сполз по стеночке в снег, ошарашенно глядя на несколько успокоившуюся и лучащуюся самодовольством девушку.

— Но над самообладанием тебе всё же надо поработать, — заметила она задумчиво, одарила его уже более тёплой улыбкой, и развернувшись, направилась к воротам, ведущим со двора.

— Да, пожалуй... — согласился рассеянно Шоуки, досадуя на то, что сумел прицепить к её одеждам только три из приготовленных пяти булабочек-маяков взамен той, что она всё-таки, очевидно, наконец нашла.

Минуты три-четыре он ещё собирал мысли в кучку и приводил в порядок тело, проговаривая про себя медитативные мантры, а потом услышал хруст снега под подошвами и окинул наконец пространство своим “пристальным взором” после сбившей его заминки.

— В бордель вам надо, — хмыкнул остановившийся рядом Демьен. — Нет, я конечно понимаю, девка шикарная, хоть и злая, но реакции у вашего брата откровенно нездоровые.

— Да, да, а север погряз в разврате и праздности, — вздохнул Шоуки, завозившись, чтобы подняться и не запутаться в плаще и тёплой накидке. Северянин подал ему руку, и Шоуки принял помощь, чуть поморщившись. Поднялся, отряхнулся, да потёр плечо. Раны, конечно, заживали хорошо и были не столь дурны, как казалось наперво, но всё равно неприятно было, когда они о себе напоминали.

— Глядя на вас, я готов поверить в расхожие стереотипы.

— У меня, наверное, единственного из погодок не было времени бегать по ближайшим селениям и девок портить! — проворчал Шоуки немного раздражённо. — И кто-то этим нагло пользуется!

— Только не говорите, что вам не понравилось! — усмехнулся дворянин.

Шоуки закатил глаза, однако же порадовался — хоть повеселел немного Демьен, а то смотреть на него последние дни больно было. Совсем скис в навалившейся на него неизвестности, и отрыве от магии. Насколько понял Шоуки, в отличие от Алана, Демьен налегал на магию всерьёз и занимался ею углублённо. Даже что-то вроде печатей на руках вывел чтобы... Шоуки был не уверен, чтобы что именно, но судя по словам будущего Императора устремления и чаяния его друга были тесно с магией связаны.

— Ладно, неважно, — вздохнул он. Посмотрел на северянина, преисполнился благодарностью, за то что тот подошёл проверить, всё ли в порядке с одним глупым каритом после общения с... не важно, и предложил:

— Не хотите немного пофехтовать, размяться?

— Я не так уж и хорош в этом деле, — качнул головой дворянин с сомнением.

— А я не в форме, — Шоуки пошевелил перебинтованными пальцами. — Хочу убедиться, способен ли держать оружие, или стоит повременить.

На Орс подумал, да кивнул.

— Тогда надо найти вам меч...

— Ну наконец-то! — Алан на мгновение замер на пороге, и задвинув двери едва не бросился к брату, вцепившись в него. Как в детстве — в рукав, снизу вверх заглядывая в лицо. Само собой получилось.

— Я боялся ты не придёшь...

Альрик даже смутился на мгновение — давно не видел от брата таких проявлений, хм, возраста. Когда-то, кажется, всего пару лет назад младшенький вис на нём по три раза в день, жалуюсь на няnek, старшую сестру, пажей, наставника по магическому искусству, и вообще несправедливость мира. Альрик даже запустил, по старой памяти, пальцы в шевелюру брата, погладив его по макушке.

Алана это отрезвило, он отшатнулся, насупившись и поправляя нервно полы накидки. А вот наследный принц тихонько рассмеялся, да окинул младшенького оценивающим

взглядом, от которого Алан окончательно взял себя в руки.

— Значит, это правда?

— Правда — правда, — кивнул Алан, прищурившись, и сложив руки на груди. — Тебе тоже нужна демонстрация, или поверишь на слово?

— Чтобы поверить, мне достаточно было увидеть, как крепко вцепились в тебя южане, — покачал головой он. — Они не склонны к блефу таких масштабов, да и ты слишком умён, чтобы участвовать в подобной аванюре.

— Наконец-то хоть кто-то признаёт что у меня есть голова на плечах! — всплеснул руками Алан, да нервно прошёлся из стороны в сторону. Потом углядел чайный набор за низким столиком, и махнув брату, прошествовал к нему.

— Поругался с отцом? — сочувствующе спросил Альрик, садясь на подушечку напротив него. Неловко немного. В отличие от младшенького, наследник не успел выработать привычку к южной “мебели”.

— Не то чтобы... — Алан взялся за чайник. — Он убеждён, похоже, что я стану марионеткой в руках южан, и буду работать исключительно в их интересах. Я понимаю его тревогу, но, в самом деле, неужели нельзя было хотя бы для виду поддержать...

Он притих, разливая чай под внимательным взглядом брата.

— Он никак не может привыкнуть к мысли что ты вырос. Со мной, да и с Аmandой было ровным счётом всё то же самое. И мы бегали к матери жаловаться, что отец не принимает нас всерьёз. — наследник усмехнулся грустно. — Такой уж он человек.

Алан подвинул брату чашку чая, тихонько вздохнув. Мать он помнил плохо, и это его тревожило и порождало чувство вины. Но вдаваться в подобные переживания было не время и не место.

— Я не собираюсь идти ни у кого на поводу. Не собираюсь ставить интересы юга выше... Выше интересов Империи, — произнёс Алан веско. — Я сделаю всё, чтобы возвращение эры Императоров прошло настолько безболезненно, насколько это возможно. И для юга, и для севера.

— Тогда с ним следовало бы повременить, — заметит Альрик беря чашку с чаем обеими руками.

— О чём и речь! — вздохнул Алан. — Я попробую потянуть хотя бы пару лет до того как “благая весть” станет достоянием общественности. На руку играет то, что в Посольстве решили сохранить это в тайне.

— Думаешь, подобное будет в интересах Наместника?

— Почти уверен в этом, — кивнёт. — Если исключить возможность того, что он решит меня устранить, ему невыгодна моя слабость. Это же южане! Правитель не должен быть слабым. Пока я не смогу собственноручно заткнуть за пояс хотя бы часть бунтарей, что неизбежно вылезут после такой новости, у меня нет смысла объявлять о себе.

— И верно. — согласится. — Императоры всегда правили югом твёрдой рукой. Да и здесь... резвились, стоило нарушить уговор. Как с ним планируешь, если у тебя всё получится?

— Ничего не менять как минимум десятилетие. У нас тут опять попытка переворота, в конце концов! Только чехарды с налогами и пошлинами тут не хватает!

Альрик кивнул. Спокойно и вдумчиво, чем порадовал брата дальше некуда.

— Я попробую подготовиться к таким... новостям. Вместе с дядюшкой — отец последние дни... не в духе.

— На вас вся надежда, — вздохнул Алан. — Да и, на него столько всего навалилось с этим бунтом.

— Заговором.

— И верно.

Помолчали, задумчиво сжимая в руках чашечки с остывшим чаем. О столько хотелось поговорить, столько выпросить... Но лучше всё же, говорить о вещах серьёзных.

— Мне удалось уломать госпожу Осами и её предшественника на более скорый план эвакуации. Более скорый, и менее, скажем так, громкий, чем они хотели. И Амарими заберу с собой, так что... Это не отменяет возможности провокации со стороны хладоморцев, но в случае чего мы хотя бы с этой стороны будем прикрыты. Да и корабль посла будет держаться ближе к побережью, во избежание...

— Громкий? Они что, хотели прислать за тобой вооружённый до зубов отряд?!

Алан развёл руками.

— Для этих людей я представляю огромную ценность. Именно потому не особо верю, что Наместник станет действовать мне во вред. Но подстраховаться с этим не помешает. Поможешь мне?

— Что я могу сделать?

Алан немного нервно усмехнулся.

— Я бы предпочёл, чтобы с этим мне помог отец, но не думаю, что он оценит важность этого ритуала. И что добровольно сюда явится. Мне нужно новое имя. Южное. При восхождении на престол мне всё равно дадут другое, но сейчас нужно получить “домашнее” или “детское” имя.

— Южане и их возня с именами... — Альрик вздохнул. Задумался. — И в чём смысл?

— Смотри, “домашнее” имя мне всё равно нужно, потому что именно его будут менять на Императорское. Но — разница в том, кто его даст. Мой родственник, или Наместник. В первом случае, перед “взором Предков” я останусь Коэном, во втором — меня как бы усыновит клан Сиасай.

— Да, это действительно важно... Как ты вообще о таком нюансе узнал, они — сказали? Потеряв такой рычаг влияния?

— В том то и дело, что наши послы молчат в тряпочку, и жрец со своими помощниками молчит. Амарими предупредил. — Алан невольно улыбнулся. — И ещё, раз уж зашла речь о тех, кому можно доверится. Забери Демьена, а? Приблизь к себе, проследи, чтобы из него не попытались выбить информацию раньше времени. Иначе мне придётся взять его с собой, а на югах, без магии, парень зачахнет. Я обо всём договорился, нужно только твоё согласие.

— Не проблема, — кивнул Альрик. — С именем то что и как?

— Ну смотри, идти можно хоть сейчас, свидетелей я обеспечу, где отловить жреца известно. Осталось только имя придумать.

— Хорошо, так и быть, самое сложное я возьму на себя! — усмехнулся наследный принц, заметив скользнувшую по лицу брата виноватую улыбочку.

Амарими рассеянно погладил пальцами то, что осталось от бабушкиного амулета. Пластинка продолжила расслаиваться и рассыпаться, потрёпанная просыпающимся Даром будущего Императора. Увы, украшение придётся выбросить, и как бы горько от этого не было, его успокаивала мысль о том, что оно послужило благой цели — помогло Алану

держат в узде распирающую его духовную силу.

Он уже решил, что отнесёт амулет в храм Предков вечером, оставив память о своей прародительнице там, где ей самое место. Просто выкинуть железку в хлам, на переплавку, казалось неправильным.

Ещё часть амулетов и подвесок он сложил в полотняный мешочек с ремешком, чтобы вешать на шею под верхней одеждой. Так будет лучше — в предстоящем путешествии не стоит светить обилием украшений. В конце концов, ему нужно будет изображать простого карита!

Подумав ещё немного, он снял с пояса, и всё же положил в мешочек ещё одну подвеску — несколько кусочков нефрита, скреплённых металлической пластинкой с гравировкой, красиво перевитые красным и жёлтым шнурками с кистью. Пожелание удачи от брата и его супруги. Аминари сказал, что она помогла выбрать амулет, и сама вызвалась сделать красивую оплётку, и младший принц этому был несказанно рад! Амарими чудилось, что отношения брата с супругой последнее время не заладились, что было совсем дурно, учитывая, что у них скоро должен был появиться на свет ребёнок. Но, раз они вместе выбирали амулет, что должен был принести удачу в пути — значит, всё не так плохо?

Амарими хотелось на это надеяться.

Он продолжил отбирать вещи, что возьмёт с собой в дорогу, после обозрел получившуюся кучу, и безжалостно уполовинил её. А потом — ещё раз. Двигаться они будут налегке, тащить с собой тюки одежды не будет ни возможности, ни смысла. А оставленное здесь заберут слуги господина Тайко, когда он отправится на родину морем.

Ух, чего им стоило уговорить обоих послов именно на такой план, гм, эвакуации! Настойчивость и холодный расчёт, здравые аргументы и даже, немного, шантаж, но Алан добился своего!

Хотя и было в его речах несколько моментов, которые наводили на размышления. Алан настойчиво требовал, чтобы Амарими направился с ним, и несколько раз разговаривал с госпожой Осами и господином Инари наедине, что-то горячо обсуждая. Алана что-то тревожило, но он пока молчал об этом, раззадоривая любопытство младшего принца. Оставалось только смириться и ждать.

И собираться в дорогу. Завтра, уже завтра на рассвете они тайно покинут Посольство, чтобы присоединиться к сопровождающему гонцов отряду. Слиться с ним, затеряться, и отправится домой, на юг, вместе с кипой депеш, писем, и другой документации, что регулярно доставляют таким способом в столицу Благословенной Империи.

— Всё! — Амарими наконец удовлетворился результатом утрамбовывания вещей в мешок, и принялся складывать остальное обратно, в сундуки. Шоуки обернулся от окна, в стекле которого разглядывал своё отражение, и удовлетворённо кивнул. Первую попытку собрать вещи он раскритиковал в пух и прах, и дал пару ценных наставлений, потряхивая своим полупустым мешком для примера.

Надо сказать, когда в бинтах отпала необходимость, оказалось, что заработанный шрам, почти горизонтально прочерчивающий щёку под самой скулой и даже надрезавший ухо, заметно прибавил Шоуки возраста и важности. Так что мнение его казалось ещё более веским, чем прежде. Но всё равно было заметно, что он переживает по поводу испорченного лица.

— Можно идти, — кивнул Шоуки. — Он вернулся, и слуги уже принесли чай и закуски. Амарими повеселел, и подхватив тёплый плащ, накинул его на плечи. У Алана был

тяжёлый разговор с господами послами. О том, что тот получил новое имя, они были поставлены в известность уже по факту, и вряд ли были довольны таким поворотом событий.

— Ну?! — улыбнулся Амарими, влетев в комнату будущего Императора, и правда увидев на низком столике чайный набор и поднос с закусками.

— Представился! — усмехнулся Алан, жестом приглашая гостей присаживаться. — Это было довольно забавно. Но, кажется, уменьшило их сомнения в правильности принятого решения.

— Естественно, — кивнул Амарими, привычно взявшись за чайник и чашки. — Подчеркнул свою самостоятельность и серьёзность намерений. А, “сокол северных ветров”?

— Твой брат знает толк в именах юга, — Шоуки чуть усмехнулся, с лёгким поклоном принимая наполненную чайную чашку.

— Хм? — Алан, чуть склонил голову на бок. — Я чего-то не знаю?

— Он тебе не сказал? — удивился Амарими, отставляя чайник в сторону. — Это из одной старинной легенды — когда нестерпимый зной опустился на земли и источники ушли вглубь или пересохли, сокол северных ветров распростёр крылья над обоими континентами, пригнав полные дождя тучи на юг, и летнее тепло на север. Так объясняли когда-то смену времён года.

— Мнда, — Алан неловко поскрёб щёку пальцем. — Символично вышло. Может даже слишком.

— Ну всегда можно сказать, что имя пишется как “водоросль выброшенная на берег”, — прищурившись заметил Шоуки. Амарими прыснул, едва не расплескав чай, Алан фыркнул, но вроде не обиделся. Заметил только с усмешкой:

— Не ожидал что в тебе найдётся место злопамятности!

— Злопамятность? Нет, что вы, то что у мен хорошая память ещё не значит...

Шоуки замер вдруг, будто к чему то прислушиваясь, затем сложил пальцы в знак, требующий тишины, и спустя полминуты заговорил, намеренно повышая голос:

— И всё же я крайне опечален тем, что мне так и не довелось попробовать те странные варёные булочки, что вы с таким удовольствием обсуждаете! Я по-прежнему считаю этот рецепт крайне глупым, но загадка их вкуса, столь исключительного по вашим словам...

Двери распахнулись, и помещение затопило духовной силой, полной столь ярких и противоречивых чувств, что Амарими икнул, а Алан едва не выронил чайную чашку. Госпожа Шиинна прожгла молодого карита взглядом, в пару шагов подошла к столику, и ухватив Шоуки за ворот выволокла его прочь, легко, будто нашкодившего щенка.

Дверь захлопнулась за ними.

Амарими сложил руки на груди в молитвенном жесте.

— А?.. — невнятно выдохнул Алан, указывая на дверь.

— О великие Предки, взирающие на нас с высоты Нефритовых Чертогов! Проявите сострадание к непутёвому отроку своему! Позвольте нам увидеть его завтра живым, в здравом уме, и хотя бы не очень мятым! Заклинаю вас умалить ярость этой достойной женщины и притушить страсти обуревающие её душу! — проникновенно воззвал младший принц, не очень, впрочем, веря, что его друга пощадят...

Больше книг на сайте - Knigoed.net